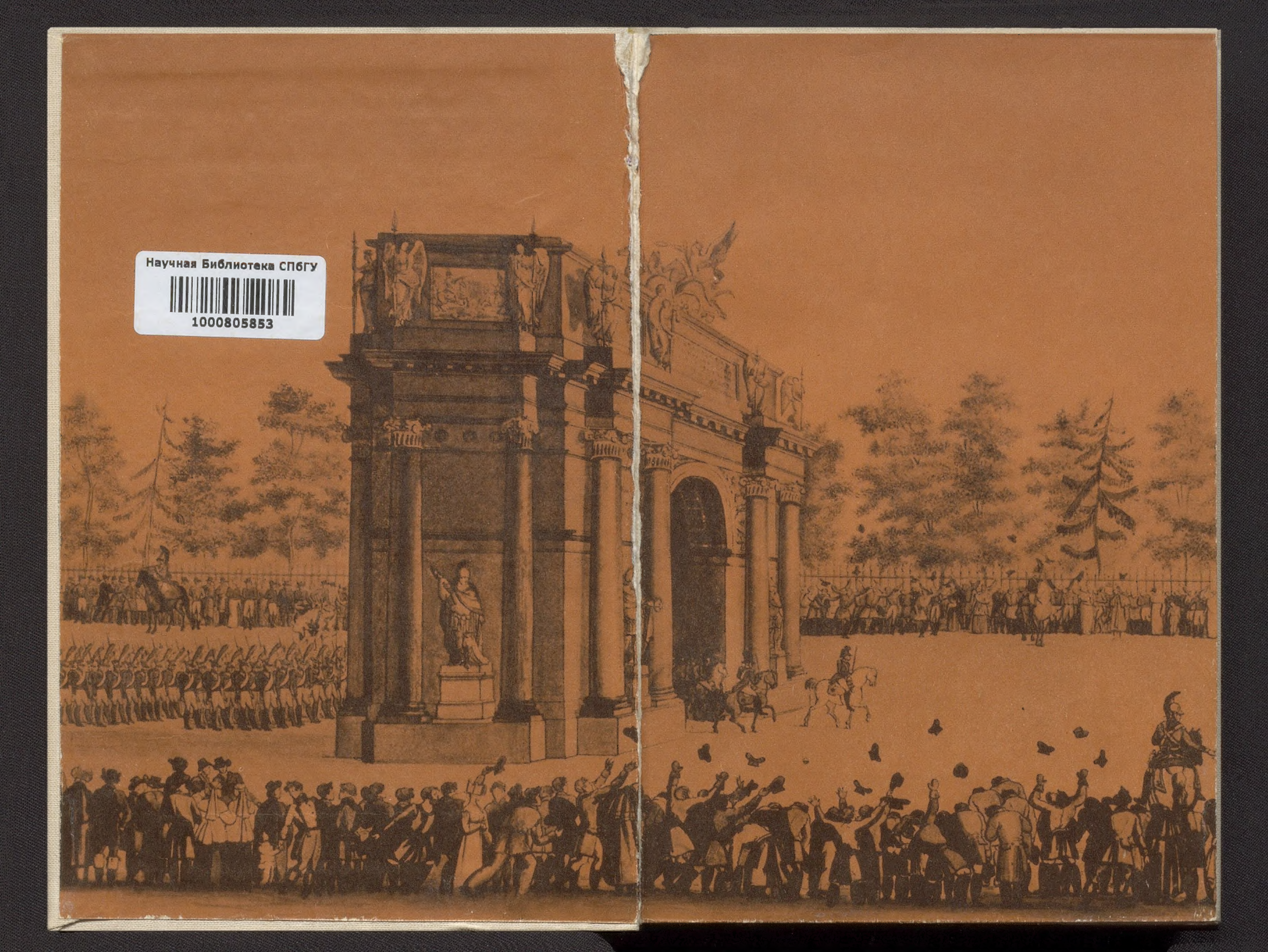
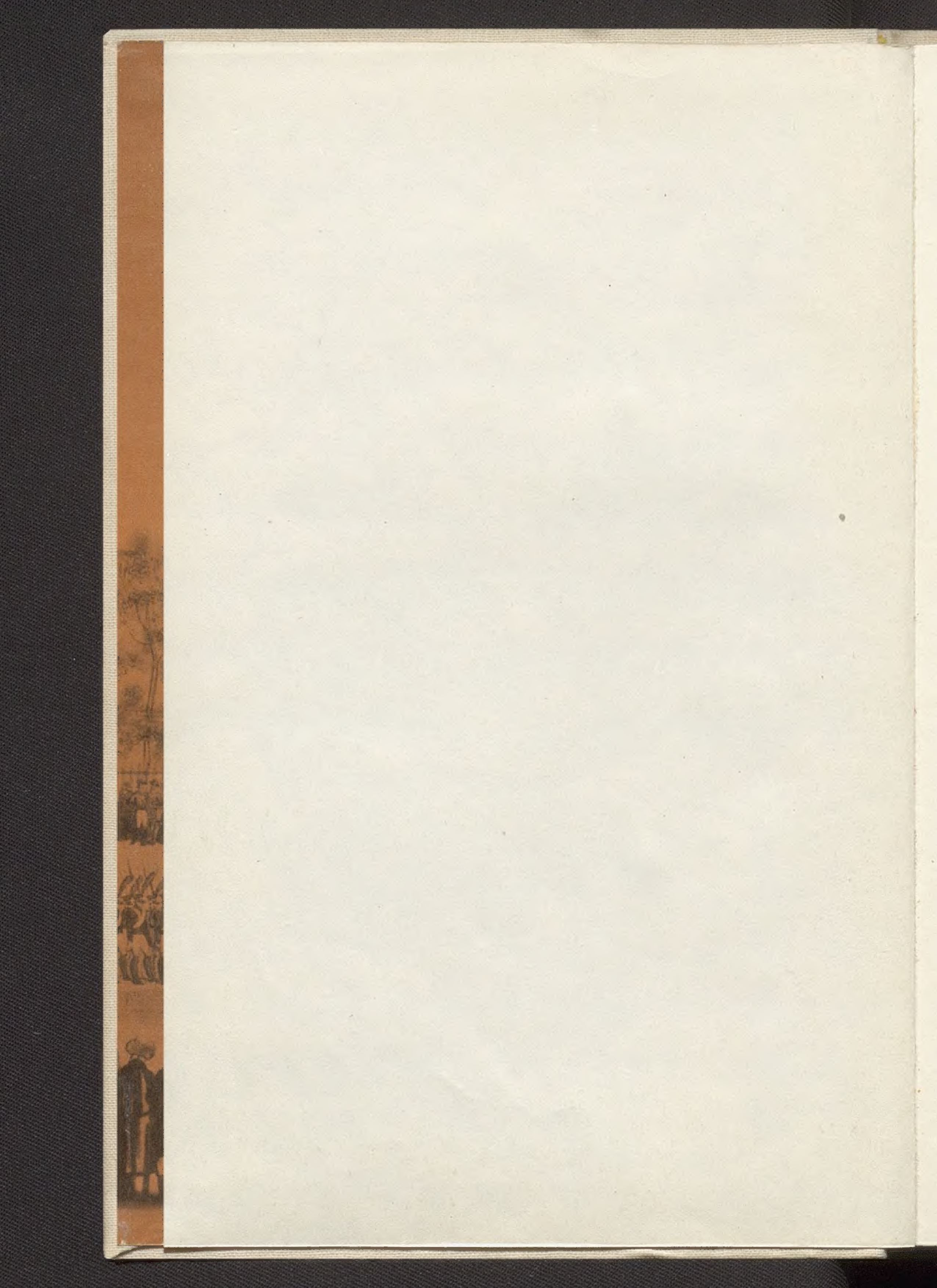
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО X–XX ВЕКОВ

Российское
законодательство
X—XX веков

Законодательство
первой половины
XIX века

Юридическая
литература
Москва
1988

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО X–XX ВЕКОВ

В девяти томах

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
О. И. Чистякова

Законодательство Древней Руси
Том 1

Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства
Том 2

Акты Земских соборов
Том 3

Законодательство периода становления абсолютизма
Том 4

Законодательство периода расцвета абсолютизма
Том 5

Законодательство первой половины XIX века. Том 6

Документы крестьянской реформы
Том 7

Судебная Реформа
Том 8

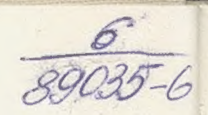
Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций
Том 9

Законодательство первой половины XIX века
Том 6

Ответственный редактор тома
доктор юридических наук, профессор
О. И. Чистяков

Законодательство о правовом статусе населения
Законодательство о государственных учреждениях
Уголовное законодательство

Рецензенты:
Сектор истории государства,
права и политических учений
Института государства и права АН СССР,
старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР
Г. И. Щетинина

Р $\frac{1203010000\text{-}009}{012(01)\text{-}88}$ подписное

ISBN 5—7260—0154—0 (Т. 6)
ISBN 5—7260—0009—9

ВВЕДЕНИЕ

Короткое и противоречивое царствование Павла I шло к своему трагическому концу. Последний дворцовый переворот завершал традицию века XVIII и открывал новый век, которому будут свойственны уже не дворцовые, а более серьезные перевороты — экономические, социальные, политические. Вырастал новый век, однако, из старого. Противоречия, порожденные общественным развитием ранее, теперь разворачивались с новой силой. И главное противоречие вытекало из назревающих формационных изменений. Феодализм все больше показывал свою экономическую несостоятельность. Кризис феодально-крепостнической системы хозяйства, обнаружившийся еще в предыдущий период, теперь становится всеобъемлющим, охватывая все важнейшие сферы экономики.

В промышленности крепостная мануфактура не выдерживает конкуренции с капиталистической мануфактурой, вообще — с буржуазной организацией производства. Капитализм обеспечивает неизмеримо бо́льшую производительность труда и работает с необычайной гибкостью и изворотливостью в сложных условиях, когда ему препятствуют все устои феодализма, прежде всего крепостничество, мешающее привлекать в производство рабочую силу и сужающее внутренний рынок. Буржуазное производство одерживает победу за счет применения наемного труда и введения машин. Мануфактура сменяется фабрикой. В России начинается промышленный переворот. С 1825 по 1860 год число крупных предприятий обрабатывающей промышленности и занятых в ней рабочих возросло втрое. И не случайно — именно в этой отрасли к 1860 году 4/5 рабочих были уже наемными, в то время как во всей промышленности доля крепостных рабочих составляла еще 44%[1].

Наемный труд стимулирует повышение производительности заинтересованного в результатах производства работника, а применение машин экономит рабочую силу, столь дефицитную в условиях феодализма, крепостничества. Попытки же применения машин в крепостной промышленности наталкиваются на низкий профессиональный уровень крепостного рабочего, а главное — на его нежелание работать, поскольку он заинтересован не в повышении производительности, а в экономии свое-

1 См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1969, т. IV, с. 218, 248.

го труда, попросту говоря — в том, чтобы работать как можно меньше.

Нарушение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру и уровню производительных сил становится заметным и в сельском хозяйстве. В XIX веке Западная Европа все более нуждается в русском хлебе. С 1831 по 1860 год среднегодовой вывоз хлеба из России увеличился с 18 млн. до 69 млн. пудов. При этом растет и внутренний рынок: сбыт хлеба на нем в 9 раз превышает экспорт. Между тем урожайность зерновых в начале века составляла в среднем сам-2,5, т. е. существенно не отличалась от той, что была века назад[2].

Помещики разнообразными средствами пытаются увеличить товарность своих имений. Одни это делают путем все большего нажима на крестьянина. Например, в «образцовом» имении графа Орлова-Давыдова было издано специальное уложение, строго регламентировавшее жизнь крепостного крестьянина. Этот вотчинный «закон» предусматривал сложную систему наказаний за нерадение крестьян к работе и даже за невступление в брак в положенные сроки (ведь помещику нужно постоянное пополнение рабочей силы)[3]. Другие помещики пытаются повысить доходность своих имений путем нововведений. Но и они не дают успеха. Нововведения терпят крах из-за той же незаинтересованности крестьянина в своем труде.

Всесторонний нажим на крестьянина лишь усиливает его классовое сопротивление. После некоторого затишья в самом начале века ширятся крестьянские волнения, особенно в определенные моменты. Так, после Отечественной войны 1812 года, породившей в крестьянстве определенные иллюзии, поднялась волна возмущения крестьян, когда их надежды на облегчение своей участи не оправдались. Новая волна крестьянских выступлений прокатилась в связи с вступлением на престол Николая I. Только в 1826 году было зарегистрировано 178 крестьянских выступлений. В конце царствования Николая I число их выросло в 1,5 раза.

Развитие буржуазных отношений в экономике, кризис крепостнического хозяйства не могли не найти отражения в социальной структуре общества. Важнейшим моментом, определяющим изменения в общественном устройстве в этот период, является замена основных классов феодального общества основными классами буржуазного общества — капиталистами и наемными рабочими, буржуазией и пролетариатом. Формирование новых классов, как и ранее, идет за счет разложения старых. Буржуазия складывается главным образом за счет купечества и верхушки крестьянства, сумевшей тем или иным путем разбогатеть. Значительная часть ивановских фабрикантов, например, вышла из среды разбогатевших крепостных, которые эксплуатировали десятки тысяч собственных односельчан. Российская буржуазия первой половины XIX века, растущая количественно и богатеющая, оставалась, однако,

2 См.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980, с. 153.

3 См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1960, т. 1, с. 70—75.

слабой политической силой. Во всяком случае она, как и в предыдущие века, не помышляла еще о политической власти. Революционной силой российская буржуазия не была. Ею в России XIX века стали декабристы. Опираясь на идеи А. Н. Радищева и западных мыслителей, преимущественно французских, они исходили, однако, не из умозрительных конструкций, а из назревших потребностей русской действительности. Будучи дворянскими революционерами, они тем не менее выдвигали лозунги, носившие буржуазный характер, — ликвидацию крепостничества и самодержавия. В. И. Ленин называл декабристов первым поколением русских революционеров[4].

За счет разложения старых классов складывался и пролетариат. Он образовался из ремесленников и городских низов, но основным источником его было опять же крестьянство. Помещики, главным образом нечерноземных губерний, часто отпускали своих крестьян на заработки под условием уплаты оброка. Эти крестьяне поступали на фабрики и заводы и эксплуатировались как наемные рабочие. Широкое распространение имела и другая форма капиталистической организации производства, когда предприниматель раздавал работу по крестьянским избам, не заботясь, таким образом, ни о помещении, ни об оборудовании. Крепостной крестьянин становился рабочим, даже не замечая этого.

Формирование новых общественных классов порождало и принципиально новые классовые антагонизмы, борьбу труда с капиталом. Уже в 30—40-е годы возникает рабочее движение. Царизму приходится учитывать новый фактор в своей политике: в 1835 и 1845 годах издаются первые законы о труде, в ничтожной мере, но все же ограждающие элементарные права рабочих[5].

Образование новых классов происходило в рамках прежней сословной системы. Деление общества на сословия оставалось в принципе незыблемым. Несмотря на все сдвиги в экономике, правовое положение отдельных групп населения было прежним. Однако пришлось сделать маленькую уступку крепнущей буржуазии: в 1832 году было введено новое состояние в составе сословия городских жителей — почетное гражданство. Почетные граждане были неподатным сословием, по своему статусу близким к дворянству. Эта уступка буржуазии имела и цель оградить дворянство от проникновения в него социально чуждых элементов, поскольку замкнутость дворянского сословия усиливается. В 1810 году Александр I разрешил верхушке купечества приобретать у казны населенные земли, специально оговорив, что это не дает, однако, покупателю никаких иных дворянских прав[6]. В то же время еще в 1801 году была запрещена раздача дворянам населенных имений[7].

При Николае I принимаются меры к тому, чтобы затруднить приобретение дворянства по службе. В 1845 году были резко повышены требования к государственным служащим,

4 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

5 См.: История СССР.., т. IV, с. 305.

6 См.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 174.

7 См.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958, т. V, с. 214.

претендующим на дворянство. Для приобретения потомственного дворянства теперь нужно было дослужиться до штаб-офицерского звания в армии и до 5-го класса в штатской службе. Среди самих дворян было установлено неравноправие в зависимости от имущественного положения в пользу, разумеется, наиболее богатых помещиков. В 1831 году был введен порядок, по которому прямо участвовать в дворянских выборах могли лишь крупные землевладельцы и крестьяновладельцы, средние голосовали лишь косвенным путем[8].

Экономическое развитие страны, крестьянское движение заставили сделать некоторые шаги к ослаблению крепостного права. Даже шеф жандармов Бенкендорф писал царю о необходимости постепенного освобождения крестьян. Однако шаги к этому были настолько робки и незначительны, что существенных изменений в правовое положение крестьянства не внесли. Об этом ярко говорят документы, помещенные в первом разделе настоящего тома. Важно лишь отметить, что в законодательстве о крестьянстве опробовались институты, которые потом будут использованы в крестьянской реформе 1861 года (выкуп земель, «обязанное состояние» и пр.).

Классовое и сословное деление российского общества дополнялось делением этническим. Россия, с незапамятных времен бывшая полиэтническим государством, в данный период стала еще более многонациональной. В нее входили районы, стоявшие на разных уровнях экономического развития, и это не могло не отразиться на социальной структуре империи. Вместе с тем все вновь вступавшие в Российскую империю территории типологически относились к феодальной формации. Следовательно, классовая и сословная структура их была в принципе однотипной.

Присоединение новых территорий к России означало включение инонациональных феодалов в общую структуру российских феодалов, а феодально-зависимого населения — в состав эксплуатируемых. Однако такое включение проходило не механически, а имело определенные особенности. Еще в XVIII веке царское правительство предоставило все права российского дворянства прибалтийским баронам. Больше того, они получили еще и особые привилегии[9]. Права русских дворян первоначально получили и польские феодалы. Приобрели их и молдавские бояре в Бессарабии. В 1827 году такие права получили грузинские дворяне[10]. В XIX веке, как и раньше, на государственную службу принимались лица вне зависимости от их национальной принадлежности. В формулярных списках чиновников даже не было графы о национальности[11].

Что касается трудящихся, то инонациональные крестьяне имели даже определенные преимущества перед великорусскими. В Прибалтике раскрепощение крестьян было проведено раньше, чем в Центральной России. Личная свобода сохранилась за крестьянами Царства Польского и Финляндии. Мол-

8 См.: История СССР... т. IV, с. 278—279.

9 См.: Калнынь В. Очерки истории государства и права Латвии в XI — XIX веках. Рига, 1980, с. 114.

10 См.: История СССР... т. IV, с. 382.

11 См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978, с. 9.

давским крестьянам было предоставлено право перехода. В Северном Азербайджане царское правительство конфисковало земли непокорных феодалов, составлявшие 3/4 всех земельных владений края. При этом крестьяне, жившие на таких землях, освобождались от повинностей своим прежним феодалам и переходили на положение казенных крестьян. Права казенных крестьян получили и казахи, им даже было разрешено переходить в другие сословия. Было запрещено рабство, имевшее место в Казахстане. Казахское население было освобождено от рекрутчины[12], тяжким гнетом давившей русских крестьян.

Что касается господ, то их интересы чем дальше, тем больше начинают сталкиваться с интересами русских феодалов, а это порождает определенную волну местного национализма. Правда, царизм вел довольно гибкую политику по отношению к инонациональным феодалам, стараясь привлечь их на свою сторону, и в большинстве случаев это ему удавалось.

12 См.: История государства и права Казахской ССР. Алма-Ата, 1982, ч. 1, с. 106—107.

* * *

Внутреннее развитие России проходило в сложной и противоречивой международной обстановке. Крупнейшим внешнеполитическим событием периода, да и всего XIX века, была Отечественная война 1812 года. Вызванная стремлением Наполеона к гегемонизму, к мировому господству, она не только сокрушила наполеоновскую Францию, но и перекроила политическую карту Европы. Россия, вынесшая на своих плечах основную тяжесть войны, конечно, не могла не приобрести в результате победы определенных политических преимуществ. Однако они были неравноценны ее вкладу в войну.

В течение данного периода Россия имела, разумеется, не только успехи на внешнеполитической арене. Тем не менее общим итогом внешнеполитических усилий России явилось заметное расширение ее территории, важное не только по размерам, но и по характеру присоединенных районов. В общем территория Российской империи увеличилась примерно на 20%, а население достигло 70 млн. человек[13]. В первой половине XIX века изменились северо-западная, западная, южная и юго-восточная границы России.

13 См.: История СССР.., т. IV, с. 357.

Начатая в 1808 году война с давним соперником России — Швецией после нескольких неудач завершилась в 1809 году подписанием мира в Фридрихсгаме, по которому к России отошла Финляндия. Это существенно укрепило позиции России на Балтийском море, прикрыло ее столицу, на протяжении столетия стоявшую, по существу, на границе империи.

Война с другим давним противником — Турцией закончилась в мае 1812 года, как раз накануне нападения на Россию Наполеона, Бухарестским договором, по которому к России отходила Бессарабия и участок черноморского побережья Кавказа с городом Сухуми. Присоединение Бессарабии к Рос-

сийской империи означало воссоединение в ее пределах всего молдавского народа.

По решению Венского конгресса, завершившего победу над Наполеоном, большая часть герцогства Варшавского, созданного императором французов из отобранных у Пруссии польских земель, была передана России. Еще раньше, по Тильзитскому договору Александра I с Наполеоном, к России отошла от Пруссии польская Белостокская область.

Расширились пределы Российской империи и на Кавказе. Еще в 1783 году по Георгиевскому трактату Восточная Грузия отдалась под покровительство России. Однако Россия не смогла уберечь ее от иранского завоевания в 1795 году. В самом начале XIX века карталино-кахетинский царь Георгий XII, подобно его отцу Ираклию II, добился вновь включения Восточной Грузии в состав России. Вслед за тем к Российской империи была присоединена и Западная Грузия: в 1804 году — Мегрелия и Имеретия, а в 1810 году — Гурия[14].

В начале XIX века к России по Гюлистанскому договору был присоединен также Северный Азербайджан. В 1828 году были присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства, из которых затем была образована Армянская область.

В первой половине XIX века в состав Российской империи вошел весь Казахстан.

Продолжала развиваться тенденция к инкорпорации присоединенных и присоединившихся к России территорий. Тем не менее существовали районы, имевшие особый правовой статус, причем достаточно вольный, но, разумеется, в феодальных формах.

Широкое самоуправление имела в составе Российской империи Финляндия. Став частью России, она не только ничего не потеряла, но и впервые в своей истории приобрела государственность, хотя и с определенными ограничениями. Эти льготы были обусловлены исторической обстановкой, в которой произошло присоединение и дальнейшее развитие Финляндии. Финляндия вошла в состав России не без поддержки определенных кругов финского общества, компенсацией за что и стало самоуправление. Царское правительство, кроме того, не хотело иметь под боком у столицы очаг недовольства. Напротив, оно было заинтересовано в том, чтобы подходы к Петербургу с запада и северо-запада охранялись в спокойных условиях. Да самоуправление Финляндии и не было источником особого беспокойства для царизма, этот край не причинял царскому правительству столько хлопот, как, скажем, Польша или Кавказ. В. И. Ленин отмечал давление на царя и западноевропейских кругов[15].

Правовой статус Финляндии в составе Российской империи был предметом споров между дореволюционными государствоведами. Так или иначе, но Финляндия в составе империи обладала атрибутами государственности. Она официально именовалась Великим княжеством, имела органы власти, в том числе и сейм, правда, не собиравшийся с 1809 по 1863

14 См.: Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, с. 40.

15 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 128.

год. В Финляндии действовала независимая от России судебная и правовая система. В 1813 году был выработан даже проект конституции Финляндии, однако силу закона он не получил[16]. Конечно, титул великого князя финляндского перешел к императору России, а в Финляндии его особу представлял генерал-губернатор. Больше всего взаимоотношения Финляндии с Российской империей походили на классическую феодальную систему персональной унии. Финляндия получила даже особый таможенный статус. Она смогла с выгодою для себя торговать как с Западом, так и с Россией. Между Финляндией и Россией в 1811 году была восстановлена таможенная граница, создавшая льготный режим для финской буржуазии[17]. Эти и другие обстоятельства привели к тому, что экономика Финляндии, особенно ее отсталых восточных районов, в составе Российской империи резко пошла в гору.

Другим национальным районом, обладавшим первоначально широким государственно-правовым статусом, была Польша, получившая после присоединения к России герцогства Варшавского имя Царства Польского. По мнению современных польских исследователей, статус Польши в составе Российской империи после 1815 года можно определить как личную унию[18].

Царство Польское получило конституцию, которой Александр I даже присягнул, что создало своеобразное положение, когда самодержавный в империи монарх стал ограниченным в ее части. Конституция Царства Польского была более либеральной, чем конституция герцогства Варшавского, дарованная ему Наполеоном. Она вообще была наиболее либеральной из конституций тогдашней Европы. В Центральной Европе Польша была единственным государством, обладавшим парламентом, избираемым прямыми выборами всеми общественными классами, хотя и с незначительным участием крестьян. В Царстве Польском была сохранена своя армия, в качестве официального государственного языка выступал польский, органы власти формировались, как правило, из поляков. Существовал герб царства Польского[19]. Католическая религия была объявлена пользующейся «особым покровительством правительства». Сохранилось гражданское законодательство, введенное в герцогстве Варшавском в 1808 году по образцу Кодекса Наполеона.

Правда, на практике отнюдь не все положения польской конституции соблюдались, что явилось одной из причин восстания 1830—1831 годов. Однако восстание привело к потере и существовавших вольностей. Уния сменилась инкорпорацией. Был упразднен сейм. Правовое положение края стало определяться Органическим статутом, изданным Николаем I в 1832 году. Из государства Царство Польское превратилось в провинцию, даже ее административное деление изменилось: вместо воеводств были учреждены губернии (в 1857 году).

Прибалтика была инкорпорирована еще в XVIII веке. В

16 См.: Киняпина Н. С. Указ. соч., с. 56.

17 См.: Корнилов Г. Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX века. Л., 1971, с. 51.

18 См.: Бардах Ю., Леснодорский Б., Пietрчак М. История государства и права Польши. М., 1980, с. 331.

19 См. там же, с. 336.

данный период она делилась на три губернии — Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, объединенные одним генерал-губернаторством. Управление Остзейским краем строилось на общеимперских началах, однако здесь были и свои особенности, преимущественно в организации сословного управления и суда. Для Прибалтики был издан даже свод местных узаконений, гарантирующих древние привилегии дворянства, мещанства, духовенства[20].

20 См.: Калнынь В. Указ. соч., с. 120 и др.

Включение всех молдавских земель в состав Российской империи, воссоединение в ее пределах всего молдавского народа не привело, однако, в это время к воссозданию молдавской государственности. Больше того, молдавские земли были разделены между разными административными единицами, а молдавское население смешано в одной единице с инонациональным. И все же Бессарабия, где проживало компактное большинство молдаван, получила особый правовой статус. Он не предполагал элементов государственности, но давал местному населению (разумеется, феодалам) определенные права в управлении краем.

Финляндия, Польша и другие западные районы империи, будучи включены в нее, не стали тем не менее ее колониями. По своему экономическому развитию они стояли на одном уровне с Центральной Россией, их экономика продолжала успешно развиваться и в составе империи. Переселение шло не на вновь присоединенные территории из метрополии, а как раз наоборот — на восток, в глубь России. Западные районы стали не сырьевой, а промышленной базой страны.

По-другому дело обстояло в восточных и юго-восточных районах. С завершением вхождения Закавказья в Российскую империю существовавшая здесь ранее государственность была постепенно упразднена: уже в 1801—1802 годах на территории Карталинско-Кахетинского царства была образована Грузинская губерния, в 1810 году упразднено Имеретинское царство, а в 1828 году — Гурийское княжество. Сохранялись лишь некоторые мелкие феодальные владения (до 1857 года — Мегрелия, до 1858 года — Сванетское княжество, до 1864 года — Абхазия). Управление Грузией было вверено командиру Отдельного Кавказского корпуса, который одновременно был «главнокомандующим Грузии». Непосредственное управление Грузией было сосредоточено в Верховном грузинском правлении, во главе которого стоял царский генерал, он же помощник главнокомандующего по гражданскому управлению.

Государственность в Северном Азербайджане не сохранилась. Его территория была разделена на провинции, а последние — на магалы. Правда, магальное управление возглавлялось чиновниками из местных феодалов (во главе провинций стояли русские чиновники). Первоначально и в Азербайджане, подобно Грузии, сохранялись мелкие феодальные владения. Но уже в 1804—1806 годах, в ходе присоединения, были ликвидированы Ганджинское, Бакинское и Кубинское

ханства. Позднее были упразднены ханства, признавшие сюзеренитет русского царя: в 1819 году — Шекинское, в 1820 — Ширванское, в 1822 — Карабахское, в 1826 — Талышское.

Сходные процессы происходили и в Казахстане. Однако в силу значительно меньшей развитости этого района они шли медленнее. Сказались, конечно, и необъятные просторы казахских степей, и их большая отдаленность от центра империи. Процесс добровольного присоединения Казахстана к России, начатый еще в XVIII веке, завершился переходом Старшего жуза под сюзеренитет русского царя.

Уже в XVIII веке отношения Казахстана с Российской империей строились как типично феодальные отношения сюзеренитета — вассалитета. Современные казахские исследователи видят здесь и протекторат[21]. Думается, однако, что это не так: протекторат свойствен более поздним, преимущественно буржуазным, государствам. Со временем власть казахских ханов все более слабеет. Устанавливается порядок, по которому ханы, избранные местными султанами, должны утверждаться российским правительством. А царь утверждает только угодных ему, а значит, более покорных лиц. В XIX же веке ханская власть вообще упраздняется. Казахстан включается в общую систему управления империи, хотя сохраняет свои существенные особенности, связанные с кочевым хозяйством и родоплеменной организацией. При этом единого статуса для разных районов Казахстана установлено не было, западные и восточные его области управлялись на основе различных специальных законов (Устав о сибирских киргизах 1822 года, Положение об управлении оренбургскими казахами 1844 года и др.).

21 См.: История государства и права Казахской ССР, ч. 1, с. 88.

Таким образом, в развитии формы государственного единства в данный период можно отметить две взаимосвязанные тенденции: тенденцию к усложнению, вызванную расширением территории империи, и тенденцию к упрощению, обусловленную политикой царизма на укрепление централизации, единообразия и в определенной мере — русификации национальных окраин. При этом архаичные, чисто феодальные формы государственного единства (сюзеренитет — вассалитет, личная уния) сменяются свойственными буржуазному государству отношениями административной инкорпорации, унитаризма, хотя процесс этот не будет доведен до конца.

* * *

В. И. Ленин в развитии российского государства выделял в качестве самостоятельного период с начала XIX века до 1861 года[22]. Действительно, в это время, особенно в царствование Николая I, абсолютизм достигает своего апогея. Вся власть сосредоточивается в руках одного лица — императора всероссийского. В Основных законах, открывающих Свод законов Российской империи, идея самодержавия сформулирована чет-

22 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 121.

ко и безапелляционно: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает». По-прежнему, как видим, самодержавие идеологически обосновывается божественным происхождением. Вместе с тем появляется новая идея — идея законности власти монарха[23].

Император в данный период стремился лично вмешиваться даже в мелочи государственного управления. Конечно, такое стремление ограничивалось реальными человеческими возможностями:[23] царь был не в состоянии обойтись без государственных органов, которые проводили бы его желания, его политику в жизнь. Русский посол в Лондоне граф С. Р. Воронцов писал в 1801 году в частном письме: «Страна слишком обширна, чтобы государь, будь он хоть вторым Петром Великим, мог все делать сам при существующей форме правления без конституции, без твердых законов, без несменяемых и независимых судов»[24].

Портрет М. М. Сперанского работы В. Тропинина.

23 См.: Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981, с. 29.

24 Архив кн. Воронцова, кн. 17, М., 1880, с. 5.

Разговоры о конституции велись и при Александре I. Были составлены даже два проекта — М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева. Несмотря на то что они сочинялись с расчетом ни в коей мере не колебать устои самодержавия, дальше авторских упражнений дело не пошло.

И все же, обходясь без конституции, российские императоры не могли обойтись без совершенствования государственного аппарата, без приспособления его к нуждам нового времени. Развитие государственного механизма в целом характеризуется в предреформенный период консерватизмом и реакционностью. Изменения, в нем происшедшие, невелики и относятся преимущественно к самому началу века, когда молодой Александр I, воодушевляемый кружком аристократов-единомышленников, решил провести либеральные реформы. Эти реформы, однако, остановились на учреждении министерств и Государственного совета. Пора либеральных увлечений скоро прошла, сменившись (при Николае I особенно) аракчеевщиной и репрессиями.

Учреждением, наиболее ярко отразившим абсолютистский порядок устройства высших органов управления, стала Собственная его императорского величества канцелярия. При Николае I она фактически стояла над всем аппаратом управления. Судьбы государства вершила небольшая группка людей, находившихся в непосредственном подчинении у царя. При Николае I в этой канцелярии было создано шесть отделений, права которых почти не отличались от прав министерств. Особо известно пресловутое Третье отделение, ведшее борьбу с революционными и вообще прогрессивными настроениями в обществе. В историю вошло и Второе отделение, проведшее колоссальную работу по систематизации законодательства.

Местное управление не претерпело в данный период существенных изменений. Во главе губерний стояли губернаторы,

на окраинах группы губерний возглавлялись генерал-губернаторами. Во главе уездов стояли капитан-исправники, осуществлявшие свои функции совместно с нижним земским судом, который был не судебным, а полицейским органом. Уезды делились на станы. Для управления казенными крестьянами были созданы волости. Во главе волостей стояли волостные правления из волостного головы, старост и писаря.

Сперанский. 1772 1839 *Spéransky. 1772 1839*

Не подверглась существенным изменениям и судебная система. Только еще при Павле I была несколько упрощена структура сословных судов, созданная екатерининским Учреждением для управления губерний[25]. Отпало верхнее звено трех сословных судов — верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа. Нижнее звено сословных судов — уездный суд, городовой магистрат, нижняя расправа — замкнулось непосредственно на губернские судебные палаты. Тем не менее судебная система оставалась сложной и громоздкой, зараженной волокитой и взяточничеством.

Низкий профессиональный уровень чиновничества был свойствен не только судебным органам, но и всему государственному аппарату. В 1809 году по инициативе М. М. Сперанского законом было выдвинуто требование определенного образования для продвижения по службе, в том числе и юридического. При Александре I была развернута сеть учебных заведений, включавшая университеты, гимназии и пр. Однако больших результатов эти мероприятия не дали даже к концу периода. В 50-х годах ежегодный выпуск всех университетов, лицеев и училищ правоведения составлял 400 человек, в то время как вакансий в государственном аппарате открывалось 3 тысячи в год. Не случайно еще в 1834 году столь ненавистный чиновничеству закон 1809 года был отменен[26].

Если в системе государственного механизма не произошло принципиальных изменений, то продолжалось его разбухание, количественный рост чиновничества, бюрократии, отмеченный еще В. О. Ключевским[27]. Это разбухание, а также активная внешняя политика требовали громадных денег. Государство искало их старым испытанным способом — повышением налогов. В 1810—1812 годах они были увеличены в два с лишним раза[28].

Таким образом, политическая надстройка России в рассматриваемый период оставалась феодальной, приспособленной к защите устоев феодального общества, охраняющей и отстаивающей интересы дворянства от всякой угрозы его существованию и господству. Вместе с тем на государственном механизме не могли не отразиться те серьезные изменения, которые происходили в базисе, — неуклонное развитие капиталистического уклада. Сопротивляясь действию новых сил, самодержавие не могло не идти на некоторые, хотя и не очень значительные, уступки. Так, в 1802 году было учреждено Министерство коммерции, в 1819 году — Государственный коммерческий банк, в 1828—1829 годах — Мануфактурный и Коммерческий советы при Министерстве финансов.

Некоторые советские авторы полагают, что уже в данный период феодальное государство в России сделало известный шаг по пути превращения в буржуазную монархию[29]. С этим можно согласиться, с той лишь оговоркой, что это, скорее, не шаг, а шажок. Но совершенно бесспорно, что в середине XIX века феодальная государственность в России вступила в полосу сильнейшего кризиса. Нужны были перемены.

25 См.: Российское законодательство X — XX веков, т. 5, с. 170 и сл.

26 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 29—31, 34, 40 и др.

27 См.: Ключевский В. О. Сочинения, т. V, с. 188.

28 См. там же, с. 226.

29 См.: Ерошкин Н. П. Указ. соч., с. 33, 37 и др. С. М. Троицкий даже полагал, что эволюция феодального государства в буржуазное начинается уже с XVII века (См.: Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982, с. 7).

И эти перемены будут скоро произведены буржуазными реформами 60—70 годов.

* * *

Консерватизм и реакционность политической надстройки России первой половины XIX века предопределяли аналогичные особенности ее правовой системы. В силу этого изменения в праве, производимые только для того, чтобы отстоять абсолютистские порядки, в своем существе невелики.

Стремление удержать и подкрепить устои шатающегося феодализма приводит к идее своеобразной феодальной законности. Вслед за Петром I, требовавшим неуклонного соблюдения законов, ту же мысль проводит спустя столетие Александр I. При этом он демагогически связывает и себя рамками законности: «Закон должен быть для всех единственен. Коль скоро я себе дозволю нарушать законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их?...»[30].

Стремление закрепить существующие порядки приводит и к идее систематизации законодательства. В данный период в этом направлении была проведена грандиозная работа, составившая целую эпоху в истории российского законодательства.

Последним универсальным систематизированным сборником, охватывающим почти все отрасли русского права, было Соборное уложение 1649 года[31], по существу, как бы небольшой свод законов. Но уже вскоре после издания Уложения начал накапливаться новый правовой материал, в той или иной мере изменяющий, дополняющий и даже отменяющий отдельные его нормы. Поэтому в начале XVIII века стали учреждаться комиссии по переработке и изданию нового уложения. При Петре I оно создано не было, но появилось несколько крупных законов, имеющих характер кодексов, прежде всего в области военного права, — Артикул воинский, Краткое изображение процессов[32] и др.

Большой размах кодификационная работа приобрела при Екатерине II в пору ее «легисломании». Однако деятельность девяти комиссий, последовательно создаваемых в XVIII веке, оказалась бесплодной. К началу XIX века неразбериха в законодательстве дошла до предела, что было одной из причин беспорядков и злоупотреблений в судах.

Александр I уже в 1801 году учредил новую, десятую по счету, комиссию во главе с П. В. Завадовским, так называемую комиссию составления законов. Она провела значительную подготовительную работу. Но лишь при Николае I удалось по-настоящему развернуть и завершить систематизацию российского законодательства.

Неуспех всех десяти комиссий определялся тем, что они раздирались противоречиями, борьбой между новым и старым, в основе которой лежал вопрос о существовании крепостного права, т. е. о существе феодализма. Когда «главный исполнитель» работ последней, десятой, комиссии Г. А. Розен-

30 См.: Русская старина. 1870 год. Том 1, с. 440.

31 См.: Российское законодательство X — XX веков, т. 3, с. 83 и сл.

32 См.: Российское законодательство X — XX веков, т. 4.

кампф предложил начать дело с пересмотра законодательства о крестьянстве, он натолкнулся на резкий отпор Александра I.

Не следует думать, что Николай I, «размышлявший» о необходимости отмены крепостного права, открыл дорогу новым веяниям. Как раз наоборот. Его установка — ничего не менять в праве, а лишь привести в порядок существующие нормы. За проведением в жизнь своей директивы император наблюдал лично. Для этого кодификационная комиссия была создана не при Государственном совете, которому подготовка законопроектов полагалась по штату. Она была просто преобразована во Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Впоследствии, когда уже был готов Свод законов, император учредил семь ревизионных комиссий с целью проверить тождество Свода существовавшему законодательству. Проверка Свода облегчалась тем, что каждая его статья имела ссылку на источник — соответствующий акт в Полном собрании законов, с датой и номером.

Успеху работы комиссии способствовал и субъективный фактор: ее фактически возглавлял М. М. Сперанский — видный юрист и человек удивительной трудоспособности, впервые привлеченный к кодификационным работам еще в 1808—1809 годах. Надо сказать, что Николай I с большой неохотой привлек Сперанского, прежние либеральные настроения которого, конечно, были известны императору. Поэтому даже во главе Второго отделения был поставлен не он, а воспитатель Николая I М. А. Балугьянский[33]. Сперанский, отрешившись от прежних либеральных иллюзий[34], вполне принял установки императора и действовал на основании их.

Сперанский решил организовать работу поэтапно. Сначала он хотел собрать воедино все законы, изданные с момента принятия Соборного уложения, затем привести их в определенную систему и, наконец, на базе всего этого издать новое Уложение. В таком порядке работа и развернулась.

Первый этап — создание Полного собрания законов. Оно включило в себя все нормативные материалы с Соборного уложения до начала царствования Николая I, собранные в хронологическом порядке. Таких актов набралось свыше 50 тысяч. Они составили 46 толстых томов. Впоследствии ПСЗ дополнялось текущим законодательством. Так появилось второе Полное собрание законов Российской империи, охватившее законодательство до 1881 года, и третье, включившее законы с марта 1881 года.

И все-таки ПСЗ было не совсем полным собранием законов. Некоторые акты кодификаторам не удалось найти. Дело в том, что государственные архивы России находились в скверном состоянии. Ни в одном из них не было даже полного реестра существующих законов. В некоторых же случаях отдельные акты умышленно не вносились в ПСЗ. Речь идет о документах внешнеполитического характера, сохранявших оперативную секретность[35]. Не вносились в него и законы,

33 См.: Филиппов А. Н. История русского права. Юрьев, 1912, с. 569.

34 В литературе высказывается и другое мнение, по которому Сперанский остался и при Николае I верным своим прежним взглядам, но лишь вынужденно приспособился к новому положению вещей (см.: Сидорчук М. В. Систематизация законодательства России в 1826—1832 годах. Автореферат. Л., 1983, с. 13).

35 См.: Киняпина Н. С. Указ. соч., с. 11.

изданные по обстоятельствам чрезвычайной важности, и частные дела, касающиеся какого-либо лица или содержащие правила внутреннего распорядка для государственных органов. По подсчетам А. Н. Филиппова, в первое ПСЗ не вошло несколько тысяч документов[36].

В то же время в Полное собрание вошли акты, по существу, не имеющие характера законов, поскольку само понятие «закон» в теории не было разработано. Здесь можно найти акты неюридического характера, а также судебные прецеденты.

36 См.: Филиппов А. Н. Указ. соч., с. 573.

После издания Полного собрания законов Сперанский приступил ко второму этапу работы — созданию Свода законов Российской империи. При составлении Свода исключались недействующие нормы, устранялись противоречия, проводилась редакционная обработка текста. Надо сказать, что уже и при создании ПСЗ Сперанский позволял себе несколько редактировать публикуемые законы. Конечно, существо их не менялось, но форма несколько преобразовывалась. Прежде всего, акты давались в орфографии XIX века. Отбрасывались элементы закона, которые кодификатор считал, видимо, несущественными. Например, в Учреждениях для управления губерний 1775 года[37] были отброшены заголовки статей. Это, конечно, значительно сократило объем документа, но вместе с тем потерялся удобный для читателя вспомогательный к тексту аппарат. Иногда — вероятно, в силу высокого темпа работы — вкрадывались и ошибки. Так, Краткое изображение процессов и Артикул воинский попали под шапку Воинского устава и были датированы 1716 годом. Все эти недостатки, разумеется, не умаляют громадного исторического значения работы, проделанной Сперанским и его небольшим коллективом.

37 См.: Российское законодательство X — XX веков. т. 5. с. 170 и сл.

При создании Свода Сперанский исходил из того, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование». Однако, по мнению исследователей, он и сам неоднократно формулировал новые нормы, не опирающиеся на действующий закон, особенно в сфере гражданского права.

Весь материал в Своде законов расположен по особой системе, разработанной Сперанским. Если ПСЗ строится по хронологическому принципу, то Свод — уже по отраслевому, хотя и не совсем последовательно проведенному. В основу структуры Свода положено деление права на публичное и частное, идущее от западноевропейских буржуазных концепций, восходящих к римскому праву. Только Сперанский называл эти две группы законов государственными и гражданскими. Работая над Сводом, он изучил лучшие образцы западной кодификации — римский, французский, прусский, австрийский кодексы, но не скопировал их, а создал собственную оригинальную систему.

Свод был издан в 15-ти томах, объединенных в 8 книг. Книга 1-я включила по преимуществу законы об органах вла-

сти и управления и государственной службе, 2-я — уставы о повинностях, 3-я — «устав казенного управления» (уставы о податях, пошлинах, питейном сборе и др.), 4-я — законы о сословиях, 5-я — гражданское законодательство, 6-я — «уставы государственного благоустройства» (уставы кредитных установлений, уставы торговые и о промышленности и др.), 7-я — «уставы благочиния» (уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный и др.), 8-я — законы уголовные. С самого начала законодатель установил, что такая структура Свода должна оставаться неизменной, даже если меняется содержание отдельных законов. Этот принцип соблюдался на всем протяжении истории Свода, т. е. до Октябрьской революции, только в 1885 году к нему был добавлен том XVI, содержащий процессуальное законодательство.

После издания Свода Сперанский мыслил приступить к третьему этапу систематизации — созданию Уложения, которое должно было не только содержать старые нормы, но и развивать право. Если ПСЗ и Свод были лишь инкорпорацией, то создание Уложения предполагало кодификационный метод работы, т. е. не только соединение старых норм, но и дополнение их новыми[38]. Однако именно этого-то и не хотел император.

38
В литературе обычно всю работу Сперанского по систематизации законодательства называют кодификацией. Это, как видим, неверно. До настоящей кодификации он так и не дожил.

Планируя создание Уложения, Сперанский отнюдь не собирался посягать на устои феодализма. Он просто стремился привести законодательство в соответствие с требованиями жизни. Новеллы в праве должны были, по его замыслу, не подорвать, а укрепить феодальный строй и самодержавие, усовершенствовать его. Но, трезво оценивая ситуацию, он понимал, что нужно пойти на определенные уступки, чтобы не потерять всего. Однако эти идеи Сперанского не нашли поддержки. Работа по систематизации остановилась на втором этапе. Можно лишь отметить как элемент третьего этапа издание в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, публикуемого в настоящем томе.

Параллельно с систематизацией общеимперского права были проведены работы по инкорпорации остзейского права, отражающие привилегированное положение местных дворян, мещан и духовенства. Еще при Александре I задание по систематизации остзейского права было дано Общеимперской кодификационной комиссии, работавшей над ним в течение семи лет. В 1828 году при Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии была учреждена комиссия по систематизации остзейского права. Собранные по решению Государственного совета и доставленные в Сенат древние документы со всего края, составившие 23 объемистых пакета, на немецком, латинском, польском, шведском, русском (немного) языках были направлены в эту комиссию. Результатом работы комиссии, вернее ее члена Р. фон Гиммельштерна, явилось издание в 1845 году первых двух частей Сво-

да местных узаконений губерний Остзейских (часть первая — Учреждения, часть вторая — Законы о состояниях). Значительно позже была издана третья часть — Законы гражданские.

Так в первой половине XIX века была оформлена система российского права, дожившая в своей основе до последних дней Российской империи.

Невские ворота Петропавловской крепости и Комендантская пристань. Гравюра Б. Патерсона.

* * *

Законодательство первой половины XIX века в советское время публиковалось лишь в учебных целях. В 1968 году издан сборник «История государства и права СССР» (ч. 1), составленный А. Ф. Гончаровым и Ю. П. Титовым, в 1970 году — сборник, подготовленный Н. Н. Корольковым, «Законодательство России XIX века». Оба сборника посвящены более широкому периоду, содержат ограниченный круг документов, и притом в извлечениях. В «Сборнике материалов к изучению истории государства и права СССР», ч. 1 (Свердловск, 1967) вообще отсутствует законодательство исследуемого периода, хотя имеется предшествующее и последующее. Источником, использованным во всех названных работах, служило Полное собрание законов Российской империи.

Мы публикуем, естественно, также ограниченный круг законов — те, которые нам представляются наиболее интересны-

ми и важными. В соответствии с принятым для нашего издания правилом, все законы публикуются полностью. Исключение составляет Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое из-за его громоздкости пришлось дать лишь в наиболее важной части, вернее частях. Подавляющее большинство документов дается по первоисточнику. Только там, где его не удалось найти, мы позволили себе взять текст из ПСЗ. Впрочем, для документов XIX века это уже не так существенно. Тексты воспроизводятся с соблюдением правил публикации исторических источников 1969 года.

Том, как и предыдущие, подготовлен коллективом авторов. Введение к тому написано профессором О. И. Чистяковым. Раздел «Законодательство о правовом статусе населения» подготовлен доцентом Ю. П. Титовым. Введение к разделу «Законодательство о государственных учреждениях» написано доктором исторических наук; профессором В. А. Федоровым. «Образование государственного совета» подготовлено доцентом С. М. Казанцевым, а «Общее учреждение министерств» и библиография к разделу — В. А. Федоровым. Введение к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, текст его первого — четвертого разделов и комментарии к первому, третьему и четвертому разделам подготовлены доцентом В. М. Клеандровой, комментарии ко второму и пятому разделам — С. М. Казанцевым, текст пятого раздела — им же и Г. А. Кутьиной. Библиография к Уложению о наказаниях составлена В. М. Клеандровой.

Указатели составлены кандидатом юридических наук В. В. Лучниковой.

Иллюстрации к тому подобраны В. М. Клеандровой, М. М. Лерерман и М. И. Сизиковым.

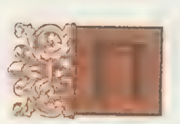
Научно-вспомогательная работа проведена Г. А. Кутьиной и Л. Н. Чистяковой.

Законодательство о правовом статусе населения

ВВЕДЕНИЕ

равовой статус российского подданного в рассматриваемый период, как и прежде, определялся в первую очередь его сословной принадлежностью. Все население делилось на четыре сословия: дворянство, духовенство, крестьянство и городские жители.

Экономически и политически господствующим классом по-прежнему оставались дворяне. Они обладали большей частью земли, эксплуатировали живших на ней крестьян. Им принадлежало монопольное право на владение крепостными. Другим сословиям это в принципе запрещалось. Дворяне составляли основу государственного аппарата, занимая в нем командные должности.

Александр I вернул дворянам все привилегии, отмененные мероприятиями Павла I, восстановил действие Жалованной грамоты дворянству. С развитием капиталистических отношений они получили и новые права: иметь в городах фабрики и заводы, вести торговлю наравне с купечеством. Феодальное государство экономически поддерживало дворян через государственный заемный банк и иные кредитные учреждения. Особенно стремилось оно усилить позиции дворян — крупных землевладельцев, надежной опоры российского абсолютизма. Манифест 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным»[1] установил порядок, по которому избирать на дворянские общественные должности могли только дворяне, имевшие не менее 100 душ крепостных крестьян или 3 тысячи десятин незаселенной земли. Этой же цели — укреплению позиций крупного дворянства служил закон от 16 июля 1845 г., по которому заповедные дворянские имения (майораты) должны были переходить по наследству к старшему сыну, их нельзя было отчуждать посторонним лицам и дробить. С увеличением земельного ценза при выборах усилилась роль крупных землевладельцев в дворянских сословных органах и их влияние на местное управление. Дворянство все больше становилось замкнутым сословием, проникновение в которое представителям из других сословий усложнялось.

Духовенство по-прежнему делилось на черное (монашествующее) и белое (приходское). Как и дворянство, оно освобождалось от личных податей и повинностей, военных постоев, телесных наказаний. В первой половине XIX века было позволено вступать в ряды духовенства представителям других

1 ПСЗ 2-е, т. VI, отд. 2-е, № 4989.

сословий. Был разрешен также выход из духовного сословия, причем дети бывших священнослужителей получали звание потомственных почетных граждан.

Феодальнозависимые крестьяне составляли основную массу населения. Они подразделялись на помещичьих, государственных, посессионных и удельных (принадлежавших царской фамилии). В целях развития промышленности указ от 28 декаб-

УКАЗЫ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

СОСТОЯВШІЕСЯ

ВЪ 1801 ГОДУ.

МОСКВА,

Въ Сенатской Типографіи.

Титульный лист книги «Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1801 году» с гербом Российской империи.

ря 1818 г. разрешил всем крестьянам, в том числе и помещичьим, «учреждать фабрики и заводы»[2]. Особо тяжелым, как и в прежние годы, оставалось положение помещичьих крестьян. Помещики распоряжались ими как своей собственностью. В томе X Свода законов Российской империи с беспредельным цинизмом крепостные крестьяне причислялись к движимому имуществу.

В развитии правового положения помещичьих крестьян прослеживаются две тенденции: во-первых, феодальное государство стремилось сохранить бесправное положение этой социальной группы населения; во-вторых, под влиянием экономических, социальных, политических факторов оно было вынуждено предпринимать определенные шаги к некоторому изменению правового статуса крепостных крестьян. Под напором развивающихся капиталистических отношений феодальное государство вынуждено было предоставить некоторые права крестьянам. Указ 12 декабря 1801 г., публикуемый в настоящем томе, предоставил купечеству, мещанству и всем крестьянам, кроме помещичьих, право покупать земли, а указ 3 марта 1848 г., также публикуемый в данном разделе, предоставил такое право и помещичьим крестьянам. 20 февраля 1803 г. был принят указ о свободных хлебопашцах, по которому помещик получил право (но не был обязан) отпускать своих крестьян на волю за установленный им же, как правило очень высокий, выкуп. В 1842 году появился указ об обязанных крестьянах: помещики могли предоставлять крестьянам землю в пользование за определенные по договору повинности, сохраняя над ними «право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях».

Массовые антифеодальные выступления крестьян Прибалтики заставили царское правительство несколько ограничить произвол баронов изданием в 1804 году указа, по которому крестьяне считались прикрепленными к земле, а не к помещикам, и было запрещено продавать их без земли. Впоследствии (1816—1819 годы) Александр I вынужден был освободить крестьян Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний без земли. Свободные, но ограбленные крестьяне попали в экономическую зависимость от своих прежних помещиков и вынуждены были пользоваться их землей за несение повинностей. Помещики сохранили над крестьянами судебную власть.

Некоторые изменения произошли в положении государственных крестьян. С 1816 года часть их была переведена на положение военных поселенцев, общее число которых в 1825 году составило около 400 тысяч человек. Они должны были заниматься сельским хозяйством (сдавая государству половину урожая) и нести военную службу, им запрещалось торговать, отлучаться в город по хозяйственным делам, и вся их жизнь регламентировалась воинским уставом.

Волнения государственных крестьян, значительные недоимки за ними заставили правительство в 1837 году провести реформу управления государственными крестьянами. Было учреждено министерство государственных имуществ, упорядочено оброчное обложение, несколько увеличены земельные наделы госу-

2
ПСЗ.
т. XXXV.
№ 27600.

дарственных крестьян, регламентированы органы крестьянского самоуправления: в волостях — волостной сход и волостное управление, а в селах и деревнях — сельский сход и сельский староста.

В промышленности все более увеличивалось применение наемного труда. В 1840 году заводчикам было разрешено освобождать посессионных крестьян, труд которых был малопроизводителен. Не изменилось по сравнению с предшествующим периодом положение удельных крестьян.

В первой половине XIX века городское население России значительно выросло, усилился процесс его расслоения и обострения классовой борьбы. Развитие буржуазных отношений отражалось на правовом положении городского населения. Феодальное государство, заинтересованное в развитии торговли и промышленности, наделяло богатое купечество особыми правами. В 1832 году для наиболее богатых и влиятельных представителей нарождающейся буржуазии и для некоторых других категорий населения, как уже отмечалось, было учреждено личное и потомственное почетное гражданство[3]. В разряд потомственных почетных граждан входили крупные капиталисты, ученые, художники и дети личных дворян; в личные почетные граждане — низшие чиновники, а также окончившие высшие учебные заведения. Почетные граждане не платили подушной подати, не несли рекрутской повинности, освобождались от телесных наказаний. Купечество стало делиться не на три, а на две гильдии: к первой относились оптовые, ко второй — розничные торговцы. Купцы сохраняли свои привилегии, могли награждаться орденами и чинами и т. д.

3 ПСЗ 2-е. т. VII. № 5286.

Группу цеховых составляли ремесленники, приписанные к цехам. Они делились на мастеров и подмастерьев. Как и в средневековых западноевропейских цехах, переход из разряда подмастерьев в мастера был весьма затруднителен. Для этого необходимо было проработать подмастерьем не менее трех лет, достичь совершеннолетия и выдержать соответствующие испытания на мастерство. Цехи имели свои органы управления.

Большинство городского населения составляли мещане, значительная часть которых работала на фабриках и заводах по найму. Правовое положение их не изменилось по сравнению с концом XVIII века.

Наконец, самую низшую группу городского населения составляли так называемые рабочие люди, к которым законодательство того времени относило «порочных и подозрительных лиц дурного поведения», не принятых в состав мещанских обществ «за пороки их и за неисправный платеж податей и других сборов». Эта фактически бесправная группа городского населения находилась под постоянным и бдительным надзором полиции.

Законодательство того периода о городах, создавая привилегии торгово-промышленной верхушке, содействовало росту промышленности и торговли. Вместе с тем сохранение сословного деления населения служило помехой развитию буржуазных отношений.

1801 Г., ДЕКАБРЯ 12
УКАЗ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КУПЕЧЕСТВУ, МЕЩАНСТВУ И КАЗЕННЫМ ПОСЕЛЯНАМ ПРИОБРЕТАТЬ ПОКУПКОЮ ЗЕМЛИ

Введение

Указ появился в результате обсуждения крестьянского вопроса в Негласном комитете. Неумолимый ход развития капиталистических отношений, разложение феодального способа производства привели к тому, что государство вынуждено было ослабить сословные ограничения в землевладении с целью, как сказано в указе, *дать новое поощрение земледелию и промышленности*.

Текст указа воспроизводится по сборнику «Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1801 году» (М., Сенат. тип., 1802), где публикуемый указ (№ 91) озаглавлен «О распространении права приобретения всяких под разными именами земель без крестьян на всех российских подданных». Название не совсем точно отражает содержание закона, так как крепостные крестьяне, по указу, не имели права приобретать земли. Более точное название дано этому указу в Полном собрании законов Российской империи (СПб., 1830, т. XXVI, № 20075) — оно и воспроизводится в настоящем издании.

Текст

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего сената объявляется всенародно. В именном его императорского величества высочайшем указе, данном Правительствующему сенату минувшего декабря в 12-й день за собственноручным его величества подписанием; изображено: «Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной соразмерно способам, какие Россия по пространству и положению своему имеет, признали мы нужным право приобретения под разными именами известных земель без крестьян и владение всем тем, что на поверхности и в недрах их находится, распространить на всех российских подданных кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям. — И вследствие того предоставляем не только купечеству, мещанству и всем городским правом пользующимся, но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству ни принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право на продажу, и утверждать таковые приобретения за собою совершением купчих каждому от своего имени в учрежденных на то местах законным порядком, собственность их ненарушимо ограждающим. Правительствующий сенат, сходственно сему, не оставит учинить надлежащие распоряжения».

Правительствующий сенат приказали: «О сем всемилостивейшем его императорского величества повелении публиковать всенародно публичными указами. Что сим и исполняется».

Подлинный за подписанием Правительствующего сената печатан при Сенате в Санкт-Петербурге января 31, а в Москве февраля 14 числа 1802 года.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

изъ Правительствующаго Сената

объявляется всенародно.

Въ Имянномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату минувшаго Декабря въ 12 й день за собственноручнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ, изображено: „Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности „народной соразмѣрно способамъ, какіе Россія по пространству и по„ложенію своему имѣетъ, признали МЫ нужнымъ право пріобрѣтенія „[illegible]ъ подъ разными имянами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и „[illegible], на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ нахо„дящихся, разпространить на всѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, „кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. — И въ слѣдствіе того „предоставляемъ не только купечеств[illegible] и всѣмъ Го[illegible]„скимъ правомъ поль[illegible], но и [illegible] „бы они вѣдомству ни принадлеж[illegible], [illegible]вномѣрно и отпущеннымъ на „волю отъ помѣщиковъ пріобрѣ[illegible], „кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя „[illegible]рѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ каждому отъ своего „имяни въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, собст„венность ихъ ненарушимо ограждающимъ. Правительствующій Сенатъ „сходственно сему не оставитъ учинить надлежащія распоряженія.„ Правительствующій Сенатъ при[illegible] О семъ Всемилостивѣйшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧ[illegible] [illegible]ніи публиковать всенародно публичными Указами: Что симъ и исполняется.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

[illegible] года.

КОММЕНТАРИЙ

Прежде всего необходимо отметить, что указ не посягал на основы дворянского землевладения, сохраняя монопольное право дворян на владение населенными землями. Землю, по указу, можно было покупать только без крестьян. Значительно расширялся перечень субъектов права собственности на землю. Наряду с дворянами таковыми могли стать теперь купцы, мещане, государственные крестьяне, крестьяне, отпущенные помещиками на волю, все, кроме помещичьих крепостных. Следует иметь в виду, что речь в указе идет о негородских землях.

24 апреля 1802 г. был издан указ, из которого видно, что комментируемым указом попытались воспользоваться некоторые разбогатевшие крепостные крестьяне: он предписал оформлять сделки покупки земли только на тех, кто имел законное право на это[4]. На практике зажиточные крепостные крестьяне оформляли покупку земли на имя своих помещиков.

В советской исторической литературе по-разному оценивается реальная значимость указа. Так, А. В. Предтеченский считает, что реальные последствия его были невелики, в частности, в результате низкой покупательной способности крестьян[5]. К. В. Сивков, напротив, утверждает, что указ имел довольно широкое применение[6]. П. Г. Рындзюнский полагает, что указ был необходим и что он «содействовал давно начавшемуся процессу фактической ликвидации монополии дворянства и казны на обладание землею»[7].

О реализации указа имеются лишь отдельные сведения. Так, в 1858 году в 33 губерниях европейской России было 268 473 государственных крестьянина-собственника земли, что составляло менее 3% общего числа государственных крестьян. Им принадлежала на правах собственности 1 113 281 десятина земли[8]. Есть также данные, что за период с 1802 по 1804 год в 34 губерниях России было куплено у помещиков земли на сумму более 1,2 млн. рублей[9]. Основными покупателями земли были купцы (более 56% общей суммы) и государственные крестьяне (вместе с купцами заплатили 95% всей суммы), а также мещане, вольноотпущенные крестьяне, духовные лица (лишь в трех губерниях и на весьма незначительную сумму — 1330 руб.)[10].

4 ПСЗ, т. XXVII, № 20244.

5 См.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957, с. 166.

6 См.: Сивков К. В. Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России. — Вопросы истории, 1958, № 3, с. 26.

7 История СССР, т. IV. М., 1967, с. 38.

8 См.: Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858, с. 11—12.

9 См.: Сивков К. В. Указ. соч., с. 25.

10 См. там же, с. 27.

1803 Г., ФЕВРАЛЯ 20
УКАЗ ОБ ОТПУСКЕ ПОМЕЩИКАМИ СВОИХ КРЕСТЬЯН НА ВОЛЮ ПО ЗАКЛЮЧЕНИИ УСЛОВИЙ, НА ОБОЮДНОМ СОГЛАСИИ ОСНОВАННЫХ

Введение

Указ, более известный как Указ о свободных хлебопашцах, был вызван к жизни социально-экономическими и политическими причинами: разложением феодального хозяйства, развитием капиталистических отношений и попытками государства найти выход из этого положения, массовыми выступлениями

крестьян и стремлением феодального государства, не отменяя крепостного права, решить, хотя бы частично, крестьянский вопрос, сгладить, таким образом, острые классовые противоречия между помещиками и крепостными крестьянами, инициативой либерально настроенных дворян, в частности графа С. П. Румянцева, стремящихся либо к отмене крепостного права, либо к его смягчению.

По уточненным данным, за 59 лет действия указа свободными хлебопашцами стали лишь 111 829 душ мужского пола[11]. Царем было утверждено всего 484 договора помещиков с крестьянами[12]. Указ не имел широкого применения по двум причинам: во-первых, нашлось мало помещиков, пожелавших отпустить своих крестьян, а реализация указа зависела прежде всего от воли помещиков; во-вторых, так как в основном помещики отпускали крестьян на волю за высокий выкуп, мало находилось желающих и имеющих средства и среди крестьян. Указ со столь ограниченным содержанием не решил и не мог решить крестьянского вопроса в стране.

В последующих нормативных актах законодатель рассматривал свободных хлебопашцев как особую социальную группу населения. Был издан ряд законодательных актов, разъясняющих, дополняющих и уточняющих указ 20 февраля 1803 г.[13]. 10 декабря 1813 г. по распоряжению царя был учрежден специальный комитет для рассмотрения сложных случаев по увольнению крестьян в свободные хлебопашцы[14]. Указом 28 декабря 1818 г. свободным хлебопашцам, наряду с другими разрядами крестьян, было дано право учреждать фабрики и заводы с платежом пошлин в казну сверх обычных податей и исполнением прочих повинностей[15]. Ряд актов был вызван крестьянскими волнениями — это указы, запрещавшие помещикам заключать договоры с крестьянами на условии перевода их в свободные хлебопашцы только после смерти помещика[16], и указ о неукоснительном исполнении условий договора наследниками, если они не были реализованы в результате смерти помещика[17]. Указом 15 июля 1848 г. свободные хлебопашцы впредь должны были именоваться во всех актах государственными крестьянами, водворенными на собственных землях, сохраняя все выгоды и преимущества, предоставленные им указом 20 февраля 1803 г.[18].

Текст указа воспроизводится по сборнику «Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1803 году» (М., Сенат. тип., 1804).

В ПСЗ (т. XXVII, № 20620) указ опубликован под названием «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных».

Текст

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего сената.

По именному его императорского величества высочайшему указу, данному Правительствующему сенату минувшего февраля в 20-й день за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено:

Действительный тайный советник граф Сергей Румянцев, изъявив желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажею или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель, испрашивал, чтоб условия таковые, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим

11
См.:
Н. И. Сергеева. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах. — В кн.: Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983, с. 61.

12
См. там же, с. 62.

13
По подсчетам В. И. Крутикова, был издан 21 такой акт. См.: Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801—1860 годы). — В кн.: Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980, с. 115.

14
ПСЗ, т. XXXV, № 27449.

15
ПСЗ, т. XXXV, № 27600.

крепостным обязательствам присвоено, и чтоб крестьяне, таким образом уволенные, могли оставаться в состоянии свободных земледельцев, не обязываясь входить в другой род жизни.

Находя, с одной стороны, что по силе существующих законов, как-то: по манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годов, увольнение крестьян и владение уволенным землею в собственность дозволено, а с другой, что утверждение таковое земель в собственность может во многих случаях представить помещикам разные выгоды и иметь полезное действие на ободрение земледелия и других частей государственного хозяйства, мы считаем справедливым и полезным как ему, графу Румянцеву, так и всем, кто из помещиков последовать примеру его пожелает, распоряжение таковое дозволить; а дабы имело оно законную свою силу, находим нужным постановить следующее:

16 ПСЗ. т. XXVIII. № 21561; т. XXX. № 24470.

17 ПСЗ. т. XXVIII. № 21933.

18 ПСЗ 2-е, т. XXIII. № 22444.

1) Если кто из помещиков пожелает отпустить благоприобретенных или родовых крестьян своих поодиночке или и целым селением на волю и вместе с тем утвердить им участок земли или целую дачу, то сделав с ними условия, какие по обоюдному согласию признаются лучшими, имеет представить их при прошении своем через губернского дворянского предводителя к министру внутренних дел для рассмотрения и представления нам; и если последует от нас решение желанию его согласное: тогда предъявятся сии условия в Гражданской палате и запишутся у крепостных дел со взносом узаконенных пошлин.

2) Таковые условия, сделанные помещиком с его крестьянами и у крепостных дел записанные, сохраняются как крепостные обязательства свято и нерушимо. По смерти помещика законный его наследник, или наследники, вступает во все обязанности и права, в сих условиях означенные.

3) В случае неустойки той или другой стороны в сих условиях присутственные места по жалобам разбирают и чинят взыскания по общим узаконениям о контрактах и крепостях с таковым при том наблюдением, что если крестьянин или целое селение не исполнит своих обязательств: то возвращается помещику с землею и семейством его во владение по-прежнему.

4) Крестьяне и селения, от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают войти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпущаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступить в сие состояние свободных земледельцев, если приобретут себе земли в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оного.

6) Крестьяне, отпущенные от помещиков на волю и владеющие землею в собственность, несут подушный казенный оклад наравне с помещичьими, отправляют рекрутскую повинность натурою и, исправляя наравне с другими казенными крестьянами земские повинности, оброчных денег не платят.

7) Они ведаются судом и расправою в тех же местах, где и ка-

зенные крестьяне; по владениям же разбираются по крепостям, как владельцы недвижимой собственности.

8) Как скоро исполнением условий крестьяне таковые получат землю в собственность, они будут иметь право продавать ее, закладывать и оставлять в наследие, не раздробляя однако ж участков менее 8 десятин, равно имеют они право вновь покупать земли, а потому и переходить из одной губернии в другую, но не иначе как с ведома Казенной палаты для перечисления их подушного оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имеют недвижимую собственность, то и могут они входить во всякие обязательства, и указы 1761 и 1765 годов, запрещающие крестьянам без дозволения их начальств вступать в условия, на них не простираются.

10) В случае, ежели бы крестьяне, отпущаемые помещиком на волю с землею, состояли в казенном или частном залоге, они могут с дозволения казенных мест и с согласия частных кредиторов принимать на себя долг, на имении том лежащий, вносить его в условия, а во взыскании сего долгу, на себя ими принимаемого, поступать с ними, как с помещичьими.

На сем основании Правительствующий сенат не оставит учинить все нужные распоряжения.

Контрассигнировал министр внутренних дел граф Виктор Кочубей.

Правительствующий сенат приказали: для сведения и должного в потребном случае по сему высочайшему его императорского величества повелению исполнения предписать указами господам министрам, военным губернаторам, присутственным местам, губернским правлениям, казенным и гражданским палатам; а в Святейший правительствующий синод и в московские Сената департаменты сообщить сведения.

Марта дня 1803 года[19].

КОММЕНТАРИЙ

Преамбула

В ноябре 1802 года[20] граф С. П. Румянцев подал прошение на имя царя с просьбой позволить помещикам отпускать на волю своих крепостных крестьян с землею на условиях, добровольно выработанных обеими заинтересованными сторонами, т. е. помещиками и крестьянами.

Манифест 17 марта 1775 г.[21] в ст. 46 даровал всем отпущенным помещиками на волю право «не записываться» за другим помещиком, самим определять род службы, поступать в сословия мещан или купечества.

Указ 12 декабря 1801 г. предоставил право купцам, мещанам, государственным крестьянам, крестьянам, отпущенным помещиками на волю, покупать в собственность земли.

Статья 1

Статья содержит очень важное положение о праве помещиков отпускать своих крестьян на волю с землей. Законодатель не регламентирует условия договора, предоставив самим сторонам их выработать. Большинство крепостных крестьян было отпущено

19 В документе указание на число отсутствует.

20 См.: Вешняков В. Указ. соч., с. 13.

21 ПСЗ, т. XX, № 14275. Манифест назывался «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою».

на волю за высокую плату, вносимую единовременно или с рассрочкой на ряд лет. Иногда в качестве условия освобождения крестьяне обязывались доставлять помещикам различные хозяйственные припасы, вносить определенную сумму на благотворительные цели, платить помещику денежный оброк, исполнять барщину и т. д.[22]. Встречались случаи освобождения крестьян по этому указу без всякой оплаты, но их было сравнительно немного. Так, за период с 1804 по 1825 год из 160 заключенных договоров лишь 17 предусматривали наделение отпущенных на волю крестьян землей без всякой платы[23]. Именно так освободил 199 душ мужского пола и инициатор указа граф С. П. Румянцев с условием лишь не продавать землю в течение 5 лет.

Оформление договоров, по указу, было поставлено под контроль губернского предводителя дворянства и министра внутренних дел. Утверждалось такое соглашение самим царем с последующим оформлением сделки в гражданской палате суда, в отделе крепостных дел. Порядок составления помещиками договоров с освобождаемыми крестьянами и дальнейшее прохождение этих соглашений подробно регламентировалось утвержденными царем 21 февраля 1803 г. специальными правилами[24]. Указом от 28 октября 1808 г. взимание пошлин при оформлении договоров, заключаемых в соответствии с комментируемым указом, было отменено[25].

Статья 2

Важная статья, закрепляющая незыблемость условий, на которых освобождались крестьяне, и обязательность этих условий для наследников помещика. Переход права собственности на недвижимое имущество, в том числе и на землю, совершался крепостным порядком, т. е. в наиболее ответственной форме.

Статья 3

Статья содержит устрашающую санкцию за неисполнение договора со стороны крестьян. Они возвращались помещику с землей и семейством в прежнее крепостное состояние. Эта санкция применялась за время действия указа всего четыре раза[26]. Тем не менее в связи с последним случаем 4 августа 1853 г. было издано утвержденное царем положение Комитета министров о том, чтобы в дальнейшем при составлении договоров между помещиками и крестьянами обязательно представлялось заключение местного управления государственных имуществ о возможности исполнения крестьянами принятых на себя обязательств[27]. Значительно ужесточился порядок оформления договоров. Требовалось одобрение проекта договора, составленного помещиком и крестьянами, губернским предводителем дворянства и управляющим палатой государственных имуществ.

Статья 4

Статья закрепляет создание особой сословной группы населения — свободных хлебопашцев. Впоследствии (до 15 июля 1848 г.) в актах, относящихся к данной группе крестьян, законо-

22 См.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века, т. II. СПб., 1888, с. 214—216.

23 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. I, с. 265—267.

24 ПСЗ, т. XXVII, № 20625.

25 ПСЗ, т. XXX, № 23317.

26 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. II, с. 217—218.

27 ПСЗ 2-е, т. XXVIII, № 27491.

датель так их и именовал. Статья предоставляет свободным хлебопашцам право перейти в другие сословия. В 1823 году появилось разъяснение, по которому свободные хлебопашцы, выполнившие обязательства в отношении своих бывших помещиков, могли переходить «в градское звание и другое податное состояние»[28].

28 ПСЗ 2-е, т. XXVIII. № 29715.

Статья 5

Статья дала возможность отпущенным помещиками на волю дворовым людям и крестьянам, при условии приобретения ими в собственность земли, вступать в свободные хлебопашцы. В связи с возникавшими на местах затруднениями и отказами были изданы указы от 8 ноября 1809 г.[29] и от 30 июня 1815 г.[30], вновь подтвердившие право дворовых людей и крестьян, которые получили от помещиков личную свободу и приобрели земли, вступать в состав свободных хлебопашцев «без всяких затруднений». Статья также содержит положение, дающее право и представителям других сословий переходить в свободные хлебопашцы, например мещанам, приобретшим в собственность землю.

29 ПСЗ, т. XXX. № 23964.

30 ПСЗ, т. XXXIII. № 25895.

Статья 6

Статья регулирует подати и повинности свободных хлебопашцев, которые идентичны обязанностям казенных крестьян. В отличие от последних, свободные хлебопашцы не платят оброчных денег в казну, поскольку являются собственниками земли.

Статья 7

Статья устанавливает положение, по которому свободные хлебопашцы подлежат юрисдикции тех же судебных мест, что и государственные крестьяне. Суд над государственными крестьянами в уезде по уголовным и гражданским делам осуществляла нижняя расправа во главе с назначаемым властями чиновником. Палаты уголовного и гражданского суда в губерниях являлись судами второй инстанции по делам всех сословий. Палата гражданского суда, кроме того, выполняла и нотариальные функции, в частности по оформлению документов — крепостей, удостоверяющих право собственности на недвижимое имущество, в том числе и на землю.

Статья 8

Статья раскрывает полномочия свободных хлебопашцев как собственников земли. Они могли продавать ее, закладывать, передавать по наследству, но при одном условии: не дробить землю на участки менее 8 десятин. Здесь проявляется государственный интерес. Государство было заинтересовано в прочном крестьянском хозяйстве с экономических, политических и фискальных позиций. Свободные хлебопашцы могли с ведома Казенной палаты (губернского органа министерства финансов) покупать земли и переходить из одной губернии в другую. Тут также обнаруживается государственный интерес: контроль государства за свободными хлебопашцами в выполнении ими важ-

нейших государственных повинностей — рекрутской и уплаты подушной подати.

Статья 9

Являясь собственниками недвижимого и другого имущества, свободные хлебопашцы могли вступать в любые обязательственные отношения, и указы 1761 и 1765 годов на них не распространялись. Законодатель здесь имеет в виду указы от 14 февраля 1761 г.[31] и от 25 октября 1765 г.[32]. Первый указ запрещал всем разрядам крестьян обязываться векселями и вступать в поручительство. Заключенные ранее подобные соглашения объявлялись не имеющими юридической силы, и предписывалось «в действо их не производить». Крестьяне могли брать в долг деньги и товары с разрешения своих помещиков, дворцовых управителей, монастырских и местных властей, оформляя эти сделки заемными письмами. Второй указ был издан в связи с нарушениями первого указа, имевшими место в Казанской губернии, и почти полностью повторил его содержание.

31 ПСЗ, т. XV. № 11204 — О недозволении крестьянам обязываться векселями и вступать в поручительство.

32 ПСЗ, т. XVII, № 12498 — О недержании купцами государственных крестьян в работах за долги.

Статья 10

Крестьяне заложенных имений, перешедшие в свободные хлебопашцы, могут нести ответственность за долги по заложенному имению, если они согласились на это в договоре. В таком случае их ответственность идентична ответственности помещичьих крестьян, т. е. она распространяется как на имущество, так и на личность.

1842 Г., АПРЕЛЯ 2
УКАЗ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОМЕЩИКАМ ЗАКЛЮЧАТЬ С КРЕСТЬЯНАМИ ДОГОВОРЫ НА ОТДАЧУ ИМ УЧАСТКОВ ЗЕМЛИ В ПОЛЬЗОВАНИЕ ЗА УСЛОВЛЕННЫЕ ПОВИННОСТИ, С ПРИНЯТИЕМ КРЕСТЬЯНАМИ, ЗАКЛЮЧИВШИМИ ДОГОВОР, НАЗВАНИЯ ОБЯЗАННЫХ КРЕСТЬЯН

Введение

Рост антифеодальных выступлений крестьянства заставлял правительство принимать определенные меры. Созданный в 1839 году специальный секретный комитет по крестьянским делам разработал законопроект, который и был принят 2 апреля 1842 г. В литературе он обычно именуется Указом об обязанных крестьянах. Указ, естественно, не затрагивал основ крепостного права. Практическая роль его была незначительной. Из более чем 10,7 млн. крепостных крестьян мужского пола на положение *обязанных* было переведено лишь 27173 крестьянина, проживавших в имениях шести помещиков[33], и утверждено царем всего шесть таких договоров (в 1843, 1848, два в 1850, в 1857 и в 1858 годах)[34].

Текст указа воспроизводится по Полному собранию законов

33 См.: Сергеева Н. И. Обязанные крестьяне и реформа 19 февраля 1861 г. — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX — XX веков. Л., 1972, с. 82.

34 См. там же.

Российской империи, собрание второе, т. XVII, отделение первое, № 15462. СПб., 1843, с. 261—262.

Текст

Именной, данный Сенату, распубликованный 4 апреля. — О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян.

В статьях 440-й и 457-й Свода законов о состояниях (т. 9) установлены правила, на основании коих помещикам дозволено обращать крестьян своих в свободные хлебопашцы, с уступкою им в собственность помещичьих земель за определенное, по взаимному условию, вознаграждение. Желая, в общих видах государственной пользы, чтобы при заключении таковых условий, принадлежащие помещикам земли, как вотчинная собственность дворянства, охранены были от отчуждения из владения дворянских родов, мы признали за благо, в пояснение Свода законов о состояниях (т. 9) ст. 442-й пункта 3-го, предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключать с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности. При составлении таковых договоров помещики могут постановлять с крестьянами дальнейшие условия, по взаимному с ними соглашению, на следующих, рассмотренных в Государственном совете и нами утвержденных главных правилах:

1) Повинности крестьян, в пользу помещиков, могут быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обрабатыванием помещичьей земли или другою работою.

2) В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земскою полицею, под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления.

3) Крестьяне, по надлежащем утверждении заключенных между ими и помещиками договоров, принимают название обязанных крестьян.

4) Рекрутская повинность в селениях обязанных крестьян отправляется по очередному порядку в Рекрутском уставе постановленному.

5) Запасы народного продовольствия и пособия в пожарных случаях учреждаются на счет собственных средств обязанных крестьян, под наблюдением помещиков; если же помещики обязанности сей на себя принять не пожелают, то под наблюдением и при содействии правительства, в той мере, как предписано в Свод. уст. о народ. прод. (т. 13) и в приложении к ст. 22 Прод. учреж. губерн. (т. 2).

6) Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдение за сельскою в

них полицею и за исполнением законов о сельском благоустройстве; им принадлежит также право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ими тяжб и споров.

7) На заключение договоров с крестьянами имений, заложенных в кредитных установлениях, помещики, если пожелают оставить те имения в залог, должны иметь согласие сих установлений. Имения, населенные обязанными крестьянами, могут быть также и вновь закладываемы в кредитных установлениях, по соразмерности с постоянными доходами, определяемыми по пространству и качеству земли и по способам обработки оной, на основании особых о том правил, которые имеют быть изданы впоследствии.

8) Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные между собой договоры навсегда ненарушимо, имея, однако, право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия, а если имение состоит в залоге, то и с согласия подлежащих кредитных установлений; во всех же случаях не иначе, как с предварительного утверждения правительства.

9) Заключаемые на сем основании, по собственному желанию помещиков, договоры составляются на простой гербовой бумаге 4 разбора и представляются предписанным Свода законов о состояниях (т. 9) в ст. 444—449 порядком, для поднесения на наше рассмотрение и утверждение.

КОММЕНТАРИЙ

Преамбула

В ст. 440 т. 9 Свода законов о состоянии[35] людей в государстве речь идет о том, кто может вступать в разряд свободных хлебопашцев. Статья 457 Свода законов (т. 9) гласила, что крепостные крестьяне, получающие свободу с условием воспользоваться ею после смерти помещика, могли записаться в свободные хлебопашцы, если не было возражений со стороны наследников или если спор по этому поводу был решен не в их пользу. В пункте 3 ст. 442 Свода законов (т. 9) содержится следующее положение: крепостные крестьяне могли заключать с помещиками соглашения, по которым они обязывались на известное число лет, или до смерти помещика, или «навсегда» исправлять определенные повинности, либо «платить подать деньгами или произведениями». Условия эти были обязательны как для помещика, так и для наследников и для покупателей имения. Законодатель конкретизирует в данном указе положения вышеприведенной статьи, используя ее содержание.

35
О сословном положении.

Помещичья собственность на землю сохранялась, а крестьяне получали от помещиков в пользование участки земли за несение обусловленных договором повинностей. Просматривается явное стремление феодального государства сохранить феодальные отношения, вотчинную земельную собственность дворянства как социальной опоры самодержавия.

Четко фиксируется возмездный характер договора помещиков с крестьянами. Стороны могли при обоюдном согласии вносить

в договоры различные условия, но при непременном соблюдении главных правил, закрепленных в девяти статьях данного указа.

С тем чтобы иметь представление об условиях договоров, обратимся к соглашению графа М. Воронцова с крестьянами имения Мурино Петербургского уезда Петербургской губернии (492 души мужского пола), утвержденному царем в июне 1843 г.[36], тем более что эти условия должны были служить известным образцом при заключении подобных договоров. Крестьяне получили по договору в пользование 1408 десятин пахотной и сенокосной земли — почти на 300 десятин меньше, чем они имели в пользовании до заключения договора. За это они обязывались ежегодно платить помещику поземельный оброк в размере 3666 рублей. Крестьяне же получили по договору право приобретать движимое и недвижимое имущество, вступать в обязательства, заниматься торговлей, учреждать фабрики, вступать в брак без согласия помещика; их не могли обратить в дворовых людей.

36
См.:
Семевский В. И.
Указ. соч.,
т.II, с. 93—95.

Статья 1

Статья определяет повинности крестьян по договорам в общем виде: либо в форме денежного оброка, либо натурального, либо барщины или иной какой-либо работы. Размеры повинностей не устанавливались указом. Все зависело от обоюдного соглашения сторон.

Статья 2

Статья возлагает обязанность, в случае неисполнения крестьянами договорных обязательств, *понуждать* их к этому на земскую полицию под руководством уездных предводителей дворянства и под наблюдением губернского правления, не раскрывая полномочий этих органов в данном вопросе. Конкретных юридических гарантий исполнения договоров в статье не содержится. В определенной степени устранить этот пробел указа должно было утвержденное царем 10 июня 1846 г. мнение Государственного совета, в соответствии с которым министру внутренних дел было поручено объявить через губернских и уездных предводителей дворянства помещикам, увольняющим своих крестьян в обязанные, что они могут для обеспечения выполнения договоров со стороны крестьян включать в договоры следующие условия: при отказе крестьян выполнять обусловленную договором обработку помещичьей земли для возмещения ущерба помещику по распоряжению уездного предводителя дворянства и при содействии земской полиции обращать в пользу помещика имущество виновных крестьян, за исключением лишь того, что нужно для уплаты податей, на продовольствие и посев, орудия и скот для сельских работ; в случае неисправного платежа обусловленного договором оброка недоимки пополнять продажей всего принадлежащего неаккуратным плательщикам движимого имущества, за исключением того, что *решительно необходимо* в сельском быту, если же этого окажется недостаточно, то привлекать виновных с разрешения начальника губернии и

под наблюдением уездного предводителя дворянства по указанию помещика на работы в его имении до погашения долга[37].

Статья 3

Статья устанавливает особую группу крестьян, получивших по указу наименование *обязанных*. Количество таковых было ничтожно мало.

Статья 4

Статья сохраняет за обязанными крестьянами несение рекрутской повинности по общему очередному порядку, установленному Рекрутским уставом. Помещик уже не вмешивался в решение этого вопроса. Правда, по договору М. Воронцова с крестьянами, сельское общество могло с согласия помещика или управляющего отдавать крестьян в рекруты за «развратное» поведение[38]. С 1846 года обязанные крестьяне своим мирским приговором с утверждения помещика или управляющего, имеющего на это полномочия, могли отдавать в рекруты вне очереди «неисправимых и вредных» обязанных крестьян[39].

Статья 5

Статья регламентирует вопросы, связанные с запасами продовольствия на случай неурожая и с пособиями в случае пожара. Все это осуществлялось за счет средств обязанных крестьян, которые вносили для таких целей определенное количество зерна в одних губерниях или денег — в других. В соответствии с Уставом об обеспечении народного продовольствия[40], в каждой губернии создавались комиссии продовольствия, на которые возлагалась обязанность принимать меры по обеспечению крестьян продовольствием в неурожайные годы, на местах эти обязанности возлагались на местную администрацию.

Статья 6

Статья носит открыто феодальный характер. На помещиков возлагается обязанность учреждения в селениях обязанных крестьян вотчинного управления. Например, по договору М. Воронцова с крестьянами, вотчинное управление состояло из управляющего, бурмистра, вотчинного писаря, назначавшихся помещиком, и двух старост, избираемых крестьянами и утверждаемых помещиком. На мирские сходы крестьяне могли собираться лишь 3 раза в год в строго определенные сроки. Для собрания в другое время требовалось разрешение помещика и управляющего имением. Расходы на содержание вотчинного управления несли сами крестьяне[41]. Таким образом, вотчинное управление обязанных крестьян фактически находилось в руках помещиков. Помещики же осуществляли высшее наблюдение за сельской полицией и за исполнением законов о сельском благоустройстве, другими словами, наделялись определенными полицейскими и прокурорскими функциями.

За помещиками сохранялась вотчинная юстиция, т. е. право суда и вынесения приговора за проступки и маловажные преступления обязанных крестьян, а также первоначальный разбор

37 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. II, с. 100.

38 См. там же, с. 95.

39 ПСЗ 2-е, т. XXI, № 19640, ст. 1681.

40 См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1832, т. 13.

41 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. II, с. 95.

всех гражданских дел между ними. В указе не определяется, за какие проступки и маловажные преступления помещики имели право суда над обязанными крестьянами. В 1846 году в статью было внесено изменение. Теперь в отношении обязанных крестьян помещики «имели право суда и расправы в таких преступлениях и проступках, за которые в законах не полагается лишение всех прав состояния», а в примечании разъяснялось, что «отдача в смирительные и рабочие домы или в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, а равно и удаление из общества неисправимых и вредных обязанных крестьян чрез отдачу в рекруты без очереди или представление в распоряжение губернского правления определяются мирским приговором с утверждения самого помещика или такого управляющего, который имеет особое для сего уполномочие»[42].

42 ПСЗ 2-е, т. XXI, № 19640, ст. 1681.

Статья 7

Статья сохраняет одно из прав помещиков как собственников земли и крепостных крестьян вновь закладывать имения, населенные обязанными крестьянами. Появление этой статьи в указе вполне понятно. В то время очень много дворянских имений с крестьянами было заложено (накануне крестьянской реформы 1861 года было заложено две трети всех крепостных крестьян)[43].

43 См.: Боровой С. Я. Кредиты и банки России. М., 1958, с. 197.

Статья 8

Статья закрепляет незыблемость заключенного договора, предоставляя вместе с тем право сторонам с обоюдного согласия вносить в него изменения, касающиеся наделения землею и повинностей на определенные сроки, что должно быть оформлено специальными соглашениями. Во всех случаях изменения в договор могли вноситься лишь после предварительного утверждения правительством.

Статья 9

Статья вновь подчеркивает первичность воли помещиков при заключении договора.

Регламентируется довольно сложный порядок заключения договоров в соответствии с требованиями ст. ст. 444—449 т. 9 Свода законов. Согласно этим статьям, договор подписывался помещиком, а со стороны крестьян — их выборным или посторонним лицом по доверенности, оформленной в уездном суде. Затем он подписывался уездным предводителем дворянства и земским исправником, возглавляющим уездную администрацию, которые удостоверяли добровольность заключения договора крестьянами и отсутствие подлога. Далее договор подавался помещиком губернскому предводителю дворянства с прошением на имя царя. Необходимо было также свидетельство Гражданской палаты, что имение не заложено, что на него не обращено взыскание и нет о нем судебного спора. Губернский предводитель дворянства, если считал, что договор составлен правильно, представлял его в министерство внутренних дел. После проверки в министерстве внутренних дел соответствия вышеизложен-

ным правилам договор через Государственный совет представлялся царю. Следует особо подчеркнуть, что договоры по данному указу подлежали обязательному рассмотрению и утверждению царем. Если царь утверждал договор, то он через Сенат отсылался в Гражданскую палату для совершения «у крепостных дел» записи, которая освобождалась от взимания пошлин.

1848 Г., МАРТА 3
УКАЗ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КРЕСТЬЯНАМ ПОМЕЩИЧЬИМ И КРЕПОСТНЫМ ЛЮДЯМ ПОКУПАТЬ И ПРИОБРЕТАТЬ В СОБСТВЕННОСТЬ ЗЕМЛИ, ДОМА, ЛАВКИ И НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Введение

Развитие буржуазных отношений в России захватило и деревню. В процессе ее расслоения выделялась небольшая группа разбогатевших крестьян. Стремясь привлечь их капиталы в промышленность, торговлю, земледелие, государство и издает указ, разрешивший крепостным приобретать в собственность недвижимое имущество. Таким образом, были расширены имущественные права крепостных, но лишь небольшой их части. Причем реализация этих прав всецело зависела от воли помещиков. Указ как бы дополнял указ от 12 декабря 1801 г. (см. с. 28—29 настоящего тома), расширив круг субъектов права собственности на недвижимое имущество.

Поводом для появления указа послужило дело, рассматривав-

шееся в августе 1847 года Комитетом министров, по жалобам бывших крестьян графини Самойловой на то, что при продаже имений, к которым они принадлежали, были проданы и земли, купленные крестьянами на свои деньги[44]. В связи с этим Комитет министров сделал представление царю об издании законов о собственности крепостных людей, получившее его одобрение. Законопроект готовился во Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии при участии Министерства юстиции. 3 марта 1848 г. царь подписал указ, одобренный ранее Государственным советом. Появившийся на свет в результате жалобы крестьян, указ, как мы увидим далее, обернулся против них же, что еще раз подтверждает классовую, феодальную сущность государства и права рассматриваемого периода.

44 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. II, с. 147—148.

Указ мало известен в советской исторической и юридической литературе. О нем нет специальных исследований. Видный дореволюционный исследователь крестьянского вопроса в России В. И. Семевский дал ему резко отрицательную оценку: «Относительно предоставления крестьянам права собственности также ничего не было сделано, так как указ 3-го марта 1848 г. требовал для приобретения недвижимости согласия помещика и при этом не допускал исков относительно прежних приобретений на имя господина»[45].

45 См.: Семевский В. И. Указ. соч., т. I, с. XLVI.

Текст указа воспроизводится по Полному собранию законов Российской империи, собрание второе, т. XXIII, отделение первое, № 22042. СПб., 1849, с. 157—158.

Текст

Именной, данный Сенату, распубликованный 9 марта — О предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, домы, лавки и недвижимое имущество.

Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной, признали мы за благо право приобретения земель и другой недвижимой собственности, ныне крестьянам разных именований предоставленное, распространить и на крепостных людей, с оставлением во всей силе и неприкосновенности всех существующих ныне между сими людьми и владельцами их соотношений.

Вследствие сего повелеваем: 1) Крестьянам помещичьим и вообще крепостным людям предоставить покупать и другими в законах дозволенными способами приобретать в собственность земли, домы, лавки и всякого рода недвижимые имущества, кроме лишь имений населенных, соблюдая относительно владения домами и лавками в городах общие по сему правила. Само собою разумеется, что приобретать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крепостные люди могут не иначе, как с согласия своих помещиков, надлежащим образом удостоверенного и, до совершения акта приобретения или отчуждения, в присутственном месте предъявленного.

2) Если бы некоторыми крепостными людьми, в прежнее время, куплены земли, домы или лавки на имя их помещиков, то никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным розысканий не делать, дозволив впрочем помещикам по собственному каждого усмотрению выдавать владеющим такими имуществами, если только они не находятся в залоге или в составе заложенных имений, надлежащие на оныя купчие крепости на гербовой низшего достоинства бумаге, без взимания пошлин. Выдача таких купчих беспошлинно на гербовой низшего достоинства бумаге дозволяется в течение десяти лет со дня издания настоящего указа.

45
Указ
о приобретении
крестьянами
земли
и имущества

КОММЕНТАРИЙ

Преамбула

Имеется в виду Указ 12 декабря 1801 г., разрешивший всем, кроме крепостных, покупать земли. Законодатель и в данном акте не посягает на основы крепостного права, провозгласив *оставление во всей силе и неприкосновенности* отношений, существовавших между помещиками и крепостными.

Статья 1

В статье подчеркивается, что приобретать в собственность недвижимое имущество крепостные могут только с разрешения своих помещиков. Власть помещиков в решении данного вопроса осталась, по существу, незыблемой. Не разрешается крепостным приобретать населенные имения, чем еще раз ограждалось монопольное право дворян на эксплуатацию крепостных. Сделки о приобретении недвижимого имущества подлежали оформлению купчими крепостями в палате гражданского суда.

Статья 2

Статья отражает имевшуюся до издания указа практику, когда разбогатевшие крепостные с согласия помещиков покупали недвижимое имущество, оформляя его на имя своих господ. Запрещается принимать от крестьян иски о признании их права на приобретенное на имя своих помещиков до настоящего указа недвижимое имущество. Статья, таким образом, содержит юридические гарантии произвола и злоупотреблений со стороны помещиков. Семевский В. И. так прокомментировал эту статью: «Владельцам как бы подсказывалось, что они могут совершенно безнаказанно присвоить себе имущество, которое приобрели на их имя крестьяне»[46]. Помещики могли лишь при желании в течение 10 лет беспошлинно переоформить такое имущество на имя подлинных собственников. Феодальное государство в данной статье четко и ясно занимает позицию охраны интересов помещиков.

46
Семевский В. И.
Указ. соч.,
т. II, с. 152.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1801 году. М., 1802.

Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1803 году. М., 1804.

Полное собрание законов Российской империи, т. XXVI — XXVII. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи, собр. второе, т. XVII, отд. первое, СПб., 1843.

Полное собрание законов Российской империи, собр. второе, т. XXIII, отд. первое, СПб., 1849.

Законодательство России XIX века. М., 1970. История государства и права СССР (сб. документов), ч. 1. М., 1968.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бирюкович В. Судьба Указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. — В кн.: Архив истории труда в России. Кн. I. Петроград, 1921.

Бирюкович В. Устройство быта свободных хлебопашцев. — В кн.: Архив истории труда в России. Кн. II. Петроград, 1921.

Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858.

Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801—1860 гг.). — В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, II. СПб., 1888.

Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах. — В кн.: Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983.

Сергеева Н. И. Обязанные крестьяне и реформа 19 февраля 1861 г. — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX — XX веков. Л., 1972.

Сергеева Н. И. Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с Указом от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах.— Ученые записки Горьковского ун-та. Историко-филологическая серия, 1966, вып. 78.

Сивков К. В. Важный этап в переходе от феодального к буржуазному землевладению в России. — Вопросы истории, 1958, № 3.

Законодательство о государственных учреждениях

ВВЕДЕНИЕ

Развитие государственного механизма России в начале XIX века характеризуется проведением некоторых реформ, необходимость которых осознавалась еще в конце XVIII века. Касаются они преимущественно высших органов управления.

Учрежденный в 1711 году Петром I Правительствующий сенат[1] как высший орган общего управления имел широкие полномочия. После Петра I его значение то падало, то вновь возрастало, имея, однако, общую тенденцию к снижению. Вместе с тем возросла роль генерал-прокурора — высшей контролирующей инстанции, введенной указом от 22 января 1722 года. При Павле I генерал-прокурор стал вторым после императора лицом. Он исполнял функции министров юстиции, финансов и внутренних дел, т. е. в руках его находились все ключевые отрасли внутреннего управления.

1 Российское законодательство X — XX веков, т. 4. с. 172.

Созданные Петром I коллегии, высшие органы преимущественно отраслевого управления, в новых условиях уже не отвечали усложнившимся задачам. В конце XVIII века стали очевидны такие недостатки коллежской системы, как медлительность в рассмотрении и решении дел, обезличка, отсутствие должной ответственности. Екатерина II упразднила большинство коллегий, оставив только три: Военную, Адмиралтейскую, Иностранных дел. Вместе с тем она взяла за правило поручать отдельные важные дела наиболее доверенным лицам, чем подрывала прерогативы коллегий, и фактически положила начало переходу от коллегиального к единоличному управлению ведомствами. Павел I продолжил реорганизацию коллегий. Он лично составил записку «Об устройстве разных частей государственного управления», согласно которой предусматривалось создание главных департаментов — фактически министерств — юстиции, финансов, военного, морского, коммерции и казны. Министры, стоящие во главе департаментов, должны были ежедневно представлять отчет императору и получать от него «высочайшее повеление» (резолюцию, распоряжение по отчету), некоторые дела они должны были вносить на рассмотрение «Министерского совета».

Проект был реализован частично. Некоторые директора (президенты) коллегий получили право единоличного управления ведомством и звание министра. Возникли новые ведомства — Министерство коммерции и (на правах министерств) Департамент уделов (позже Министерство императорского дво-

ра) и Департамент водяных коммуникаций (позже Министерство путей сообщения). Это были первые шаги к созданию министерств.

Вопросом о реформе центрального управления вплотную занялся уже в самом начале царствования Александра I так называемый Негласный (или «интимный», т. е. неофициальный) комитет, состоявший из друзей и единомышленников императора (П. А. Строганов, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, А. Чарторыйский). На его заседаниях, проходивших с 9 мая 1801 г. по 9 ноября 1803 г., обсуждалось большинство государственных мероприятий, которые составляли как бы программу внутренней политики Александра I, в том числе и реформы Сената и образования министерств. Предполагалось ввести принцип единоначалия в управление различными ведомствами, а Сенату придать то значение, какое он имел при Петре I, т. е. сосредоточить в нем «власть судебную, исполнительную и охранительную». Ставился вопрос и о создании особого законосовещательного органа при императоре.

Указом 30 марта 1801 г. «для рассуждения о делах государственных» был образован Непременный совет, состоявший из представителей высшей титулованной знати, назначаемых императором[2]. «Наказ» 5 апреля 1801 г. Непременному совету подчеркивал, что это учреждение — **частное** совещание при императоре, которое не имеет никакой другой силы, кроме «силы соображения». Непременный совет был упразднен в связи с учреждением 1 января 1810 г. Государственного совета.

2 Непременный совет заменил собой отмененный указом 26 марта 1801 г. Совет при высочайшем дворе (существовал с 1768 года).

Основные принципы министерской реформы были изложены в проектах двух членов Негласного комитета — Чарторыйского и Новосильцева. Чарторыйский в декабре 1801 года представил записку об общей программе реформы центрального управления, главное место в которой занимала министерская реформа. Он предлагал разделить исполнительную власть между несколькими министрами, а контроль за их деятельностью возложить на Сенат (министры должны были представлять туда свои отчеты). Записка Чарторыйского была обсуждена в Негласном комитете в феврале 1802 года и одобрена Александром I.

В начале апреля 1802 года был представлен проект Новосильцева, который предлагал учредить, помимо министерств, Комитет министров для решения наиболее важных и общих для министерств дел. Здесь же провозглашался принцип ответственности министров, которые обязаны были представлять ежегодные отчеты о своей деятельности. Отчеты предполагалось представлять сначала в Сенат, который со своим заключением препровождал бы их затем на рассмотрение и утверждение императору. Проект Новосильцева был обсужден на заседаниях Негласного комитета 11 и 21 апреля 1802 г. и также в принципе получил одобрение императора.

Оба проекта легли в основу подписанного императором 8 сентября 1802 г. манифеста «Об учреждении министерств»[3]. Согласно манифесту, учреждалось 8 министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних

3 ПСЗ, т. XXVII, № 20405.

дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Во главе каждого министерства стоял министр. При министрах иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов и народного просвещения вводилась должность товарища министра, т. е. его заместителя (п. 8). Министры назначались и увольнялись императором и несли перед ним личную ответственность (п. 1). Они имели право личного доклада императору, но вместе с тем должны были представлять и годичные отчеты в Сенат о деятельности вверенных им министерств, «исключая из них дела, особенной тайне подлежащие». Министрам предоставлялось право законодательной инициативы (п. 10). Все министры входили в состав Комитета министров, а также присутствовали на заседаниях Сената.

«Учреждение министерств» 1802 года — начальный этап министерской реформы. Оно не определяло еще четко места каждого министра в общей системе государственных органов, его взаимоотношений с Сенатом и с другими высшими органами управления; не было четкого определения функций и компетенции министров, границы отраслей управления. Предполагалось, что все это будет разработано и дополнено впоследствии: «пределы власти министра ясно означены будут в тех инструкциях, коими мы не оставим снабдить каждого» (п. 10).

Предшествовавшие министерствам коллегии были на первое время сохранены, но переданы в подчинение министрам. С 1803 года рядом указов коллегии как самостоятельные учреждения постепенно упраздняются и реорганизуются в различные подразделения министерств — департаменты, канцелярии. Последней (в 1824 году) была упразднена Коллегия иностранных дел (находившаяся с 1802 года в составе Министерства иностранных дел).

Одновременно Александр I подписал именной указ о правах и обязанностях Сената[4]. Указ определял положение Сената как «главного хранителя законов». Формально ему предоставлялись широкие полномочия: подчеркивалась верховная власть Сената после императора (власть Сената ограничивается единою властью императорского величества), подчинение Сенату в административном и судебном порядке всех присутственных мест в империи (ст. 1). Указ давал право Сенату «делать замечания» на императорские именные повеления и указы, если они противоречили действующим законам. Однако все эти «права» Сената на деле оказались декларацией. При первой же попытке Сената воспользоваться своим правом «делать замечания» последовало «разъяснение», что Сенат может делать таковые замечания на ранее изданные законы, а не на вновь издающиеся. 21 марта 1803 г. был издан указ о лишении Сената права представлять свои замечания на все впредь издаваемые законы. Впоследствии права и компетенция Сената все более и более ограничивались. Вошло в практику годовые отчеты министров представлять не в Сенат, а в Комитет министров, откуда они поступали к императору. Ограничивались права Сената по надзору за подведомственными ему учреждениями.

4 ПСЗ, т. XXVII, № 20405.

*Портреты
первых российских
министров.
Гравюра
из журнала «Нива»
к столетию
учреждения
министерств
в России.*

Дальнейшее развитие и осуществление реформы центральных учреждений связано с деятельностью М. М. Сперанского. По поручению Александра I Сперанский в 1809 году подготовил обширный проект под названием «Введение к уложению государственных законов». В преамбуле своего проекта он четко выразил потребность в необходимости государственных преобразований во избежание социальной катастрофы. Пример французской революции и революционного брожения в Европе показывали, что такая же опасность грозит и самодержавной России. Следовательно, делает вывод Сперанский, чтобы предотвратить революцию, необходимы преобразования, и их инициатором должно стать само правительство. Исходным моментом плана Сперанского являлось сохранение самодержавия, которому, однако, должна быть придана «законная форма», т. е. следовало «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив, в сущности, ту же силу и пространство самодержавия»[5]. Речь шла о том, чтобы модернизировать и европеизировать государственную машину, упорядочить бюрократический аппарат управления при полном сохранении устоев самодержавно-крепостнического строя и сословных привилегий дворянства. Таким образом, план Сперанского преследовал цель упорядочения высшего государственного управления, приспособления его к новым условиям.

План государственного преобразования России, представленный Сперанским, был в принципе одобрен Александром I, однако в силу противодействия реакционно настроенных влиятельных кругов российской аристократии провести его в жизнь не удалось. В 1812 году вследствие интриг придворной камарильи Сперанский попал в опалу. Из его обширного плана были реализованы проекты учреждения Государственного совета и преобразования министерств.

Государственный совет был учрежден 1 января 1810 г.[6]. При нем находились две комиссии (Комиссия прошений и Комиссия составления законов) и Государственная канцелярия (во главе ее был поставлен Сперанский, получивший должность государственного секретаря). Первоначально Государственный совет насчитывал 35 членов: в него входили все министры (по положению) и назначенные императором наиболее доверенные сановники. Председателем Государственного совета считался император, а в его отсутствие — назначаемый ежегодно императором председатель из числа членов Государственного совета.

Законопроекты обсуждались сначала в департаментах, затем выносились для обсуждения в общее собрание Государственного совета и после утверждения их императором получали силу закона. При этом император мог внять мнению как большинства, так и меньшинства Государственного совета, мог отвергнуть и то и другое. Тем самым подчеркивался совещательный характер Государственного совета, нисколько не подрывающий прерогатив самодержавной власти.

Большое значение имела Государственная канцелярия, которая не только вела все делопроизводство Государственного сове-

5 Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л., 1961, с. 164.

6 См. публикуемое в настоящем разделе «Образование Государственного совета».

та, но и «редактировала» выносимые на обсуждение законопроекты, т. е. проводила всю основную работу по составлению текста законопроекта.

Государственный совет не был единственным законосовещательным органом. В роли таковых выступали и Комитет министров, и Святейший синод (по своему духовному ведомству), позже (при Николае I) — отделения Собственной его императорского величества канцелярии и специально создаваемые для обсуждения того или иного вопроса высшие (обычно «секретные») комитеты, законопроекты от которых поступали на утверждение императора, минуя Государственный совет.

Завершением министерской реформы явился новый закон о министерствах — «Общее учреждение министерств» 25 июня 1811 г., публикуемое в настоящем разделе. Еще в проекте «Введения к уложению государственных законов» Сперанский указывал на «три источника несовершенств» учреждения министерств 1802 года: 1) «недостаток ответственности (министров), 2) некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел, 3) недостаток точных правил или учреждения, на коем должно действовать министерство»[7].

В 1810 году «дополнением» к учреждению Государственного совета явилось образование при нем Комитета председателей департаментов Совета. На Комитет было возложено рассмотрение выработанного Сперанским проекта преобразования министерств, получившего силу закона 25 июня 1811 г. Новое положение о министерствах было дополнено «Учреждением Комитета министров» 20 мая 1812 г.[8], содержавшим более подробный перечень функций Комитета министров. Расширялся личный состав этого учреждения: кроме министров и директоров главных управлений в Комитет министров вводились также председатели департаментов Государственного совета, государственный секретарь, генерал-губернатор столицы (а при Николае I и наследник престола), ряд высших сановников (по назначению императора). По закону от 20 марта 1812 г., в отсутствие императора в столице Комитету министров предоставлялась власть в высшем аппарате государственного управления. Через Комитет министров проходили дела по надзору за высшими органами государственного управления, по личному составу государственных учреждений, он мог даже отменить решения Сената. Таким образом, с 1812 года Комитет министров превратился в высшее административное законосовещательное учреждение. Упразднен он был 23 апреля 1906 г.[9] в связи с учреждением Государственной думы и приданием новых функций Государственному совету.

В 1857 году был учрежден Совет министров[10] — высшее совещательное учреждение, существовавшее параллельно с Комитетом министров.

Таким образом, учреждение министерств оформило систему единоличного управления, которая начала складываться еще в конце XVIII века. Учреждение Комитета министров, образование Государственного совета, возвышение (особенно при Нико-

7 План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905, с. 88.

8 ПСЗ. т. XXXII. № 25004.

9 ПСЗ 3-е. т. XXVI. № 27804.

10 ПСЗ 2-е. т. XXXVI. № 37619.

лае I) роли Собственной его императорского величества канцелярии — все это выражало развитие государственного управления в направлении усиления централизации и концентрации его в руках абсолютного монарха. Вместе с тем преследовалась цель упорядочить систему высшего государственного управления, придать ей большее единообразие, более гибко приспособить к новым социально-экономическим процессам, развивавшимся в России в первой половине XIX века. Созданные в то время органы высшего государственного управления просуществовали, с небольшими изменениями, до последних дней Российской империи.

1810 Г., ЯНВАРЯ 1
ОБРАЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Введение

Внешнеполитические неудачи России в начале XIX века сочетались с обострением классовых противоречий. Как писал современник, положение крестьян было таково, «что для совершенного возмущения против ига, их угнетающего, не достает им только начальника, каков был Пугачев»[11]. Классовые противоречия, невозможность выйти из кризиса, опираясь только на грубую силу, толкали самодержавие на путь либеральных реформ.

11
ЦГИА СССР,
ф. 1167, д. 53, л. 7.

Создание министерств и реформа Сената 8 сентября 1802 г. не принесли желаемого результата. Слабость государственного аппарата перед лицом внешнего и внутреннего врага заставляла верхушку дворянства, в том числе самого императора, искать новые средства его усовершенствования.

В этих условиях Александр I приближает к себе молодого, но уже опытного и талантливого чиновника — М. М. Сперанского, чтобы с его помощью осуществить прогрессивные преобразования, которые, по мнению царя, должны были успокоить и народ, и дворянство. Зигзаг самодержавия в сторону либерализма в данном случае был вызван опасением, что, как писал Сперанский, «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый порядок вещей»[12]. Сперанскому удалось на некоторое время заставить Александра поверить, что этот «новый порядок» возможен и в России. В 1809 году им была подготовлена (как он утверждал, по поручению и в соответствии с замыслами Александра I) программа либеральных преобразований всей системы государственных органов. Она изложена в его работе «Введение к уложению государственных законов»[13]. В так называемом «Пермском письме» реформатор напоминал царю: «В существе своем он (план реформ. — *Авт.*) не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправле-

12
Сперанский М. М.
Указ. соч., с. 164.

13
См. там же,
с. 143—221.

ний, Ваше Величество положили, наконец, приводить его в действие»[14]. В. А. Корнилов полагает: «Сперанский хотел реформировать систему царизма и тем самым положить начало ее эволюции в буржуазном направлении, пользуясь к тому же ее собственным механизмом»[15]. Думается, точнее политические взгляды Сперанского в этот период его деятельности выражены в другом мнении: «В целом оставаясь на позициях дворянского либерализма, он считал необходимым пойти на известные уступки буржуазным элементам»[16]. На недостаточность средств, избранных Сперанским для осуществления своих целей, указывал еще Н. Г. Чернышевский. Великий русский революционер-демократ на примере Сперанского показал, что нельзя надеяться с помощью самодержца осуществить даже самые незначительные буржуазно-демократические реформы[17].

Наиболее прогрессивным и поэтому неосуществленным элементом планировавшейся Сперанским системы государственных органов должны были стать представительные органы — местные думы и Государственная дума. Последнюю предполагалось создать для обсуждения законопроектов и контроля за деятельностью министров. Ей предоставлялось право абсолютного вето на все вносимые проекты законов. Это был заметный шаг в сторону конституционной монархии, если учесть, что право избирать и быть избранным получали все собственники недвижимого имущества. Но несмотря на значительные, по сравнению с типичными совещательными органами абсолютной монархии, права, Государственная дума в проекте Сперанского, так же как и созданная в XX веке, оставалась органом, подконтрольным самодержавию и зависимым от него. Этому способствовали следующие обстоятельства. Проект Сперанского предоставлял императору неограниченные права созыва и роспуска Думы, ограничивал право ее законодательной инициативы и, наконец, устанавливал ограничительный перечень предметов законодательства Думы. Таким образом, нельзя не согласиться с выводом В. А. Калягина, сделанным с учетом ленинских характеристик созданной в XX веке Думы: «Законодательным органом Государственная дума названа быть не может, поскольку наделять ее реальной властью реформатор не предполагал»[18].

Как утверждал сам Сперанский, в его проекте «вершину всей государственной организации и последнее ее звено» составляла не Государственная дума, а Государственный совет, который должен был представлять собой «сословие, в коем все части законодательной, судной и исполнительной власти в главных их отношениях соединяются и через него восходят к державной власти»[19]. Государственный совет предстает во «Введении» в качестве универсального, многофункционального, но совещательного органа, ибо, как гласила ст. III проекта, «никакой закон, устав или учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти»[20]. Члены Государственного совета должны были назначаться императором, который являлся его председателем. Напоминая предшествующие ему совещательные органы при царе в главных

14 Сперанский М. М. — Александру I. — В кн.: Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897, т. 3, с. 517 (в дальнейшем — Сперанский М. М. «Пермское письмо»).

15 Корнилов В. А. Общественно-политические взгляды и деятельность Сперанского. Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 23.

16 История политических и правовых учений. М., 1983, с. 343.

17 См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1950, с. 805.

18 Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1973, с. 41.

19 Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 216.

20 Там же, с. 217.

чертах, Государственный совет вследствие изменения его роли в системе самодержавия имел много нового. Иной стала его структура — теперь наряду с общим собранием создавались департаменты Совета. Новое устройство получила и его канцелярия.

Еще во «Введении к уложению государственных законов» было сказано: «Уставы и учреждения и их дополнения имеют форму манифестов, во вступлении их означается: *Вняв мнению Государственного совета повелеваем или учреждаем и проч.*»[21]. Несмотря на свой внешний либерализм, на котором сделают акцент критики Сперанского и который будут позднее ставить ему в заслугу ученые либералы XIX века, по сути своей эта формула, как и учреждение Государственного совета в целом, в случае создания Государственной думы имела бы реакционное значение, прикрытое либеральной демагогией. Дело в том, что, в отличие от законов, перечень которых был незначителен, уставы и учреждения, а также вопросы внешней политики, государственной безопасности и охраны общественного порядка, цензура и многие другие не менее важные предметы правового регулирования не должны были обсуждаться Государственной думой. Для их утверждения царю достаточно было выслушать мнение Государственного совета. Как верно указывает А. В. Предтеченский, «Сперанский отлично понимает, что «образ исполнения» закона может свести на нет самый закон»[22]. Именно этому способствовало создание наряду с Государственной думой еще одного совещательного органа, которому должен был «внимать» император. Придание законосовещательных функций Государственному совету, составленному из высших чиновников, позволяло самодержавию принимать многие важные законодательные акты, минуя их обсуждение в представительном органе.

Сперанский надеялся планируемые преобразования осуществить одновременно, тогда бы его система государственного аппарата «предстала во всем блеске». Но Александр I рассудил иначе. Он предпочел «твердость сему блеску», писал из Перми в 1813 году сосланный автор «плана преобразований»[23]. В записке «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам», датированной 1809 годом, Сперанский подробнее излагает суть избранного императором пути реформ: переход от старых государственных органов к новым должен был казаться простым и естественным, «чтоб новые органы казались возникающими из прежних, чтоб иметь всегда способы остановиться и учредить прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо необратимые препятствия»[24]. Далее он приводит доводы в пользу того, чтобы начать преобразования с учреждения Государственного совета: во-первых, Совет должен был занять главное место в ряду подчиненных императору органов власти и управления; во-вторых, для открытия Совета не требовалось никаких подготовительных мер; в-третьих, по мнению Сперанского, участие Государственного совета в обсуждении вопроса о налогах сделало бы последние менее тягостными в глазах населения, поскольку придало

21 Сперанский М. М. Указ. соч., с. 218.

22 Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957, с. 247.

23 Сперанский М. М. «Пермское письмо», с. 517.

24 Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 233.

бы им вид законности и необходимости; и, в-четвертых, Сперанский считал, что необходимость реформы Совета диктуется «смешением дел управления и суда в Сенате»[25].

Обоснованию необходимости образования Государственного совета посвящена еще одна записка Сперанского, которая, в отличие от выше цитированной, рассчитана на читателя, не знакомого с «планом общего образования». Эта записка легла впоследствии в основу речи Александра I, произнесенной при торжественном открытии Совета. Она так и названа «О необходимости учреждения Государственного совета». В ней Сперанский отметил, что до сих пор «соображения о составлении закона были предметом личного доверия и, переходя из одних рук в другие, никогда не имели ни единства, ни надлежащего уважения»[26]. Отрицая всякое участие в обсуждении законопроектов Сената, Непременного совета и Комитета министров, что не соответствовало истине, он был прав в главном — в том, что не было в России ни единообразия в обсуждении законов, ни уважения к ним со стороны высших должностных лиц, которые, пользуясь доверием императора, могли без труда отменить неугодное им учреждение и установить новое. Сперанский заключает, что настало, наконец, время и в таком великом государстве, как Россия, иметь специальный орган «для общего соображения дел государственных в отношении их к части законодательной»[27].

Вопреки логике записки «О необходимости учреждения Государственного совета» и самому смыслу этой реформы проект «Образования Государственного совета» не обсуждался ни в Сенате, ни в Непременном совете, ни в каком-либо другом органе. Как явствует из «Пермского письма», «учреждение сие за месяц прежде открытия сообщено было графу Николаю Ивановичу (Салтыкову. — *Авт.*), графу Завадовскому и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили. Все последствия его оправдали»[28]. Кроме того, известно, что проект был рассмотрен и одобрен А. А. Аракчеевым, Н. П. Румянцевым и В. П. Кочубеем.

Торжественной церемонией открытия 1 января 1810 г. начало свою работу общее собрание Государственного совета. На первом заседании выступил с речью, написанной Сперанским, Александр I. Он заявил, что «всегда желал, чтобы благосостояние империи утвердилось на законе, а закон был недвижен на постановлениях, а потому с началом нового года кладет твердое основание одному из важнейших государственных установлений — Государственному совету»[29].

«Коренные законы» Государственного совета, изложенные Сперанским еще во «Введении к уложению государственных законов», вошли в «Образование» с незначительными изменениями. «Образование» пополнилось только одной новой статьей, запрещавшей министрам быть председателями департаментов Государственного совета. Следует обратить внимание и на то, что в законе о Совете отсутствует имевшееся в ст. XV «Введения» примечание, где говорилось, что «никакой частный случай не может быть предметом доклада»[30]. Напротив, § 39 «Обра-

25 Сперанский М. М. Указ. соч., с. 233—234.

26 Цит. по: Щеглов В. Г. Государственный совет в России. Ярославль, 1892, т. 1, прил. 1, с. I.

27 Там же, с. III.

28 Сперанский М. М. «Пермское письмо», с. 517—518.

29 Даневский П. Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859, с. 56—57.

30 Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 218.

зования» предусматривал возможность не только *изъяснения* законов, но и *приложения их к частным случаям.* Этот факт служит доказательством того, что не только во «Введении», но и в «Образовании» Государственный совет предстает как орган, совещательные функции которого не ограничиваются областью законодательства.

В «Пермском письме» Сперанский вспоминал, что как только Государственный совет был образован, так сразу же «завистники» принялись всячески порочить новое государственное установление: «Одни видели в сем установлении подражание французскому, хотя, кроме разделения дел, ничего они не имеют общего. Другие утверждали, что разум сего учреждения стесняет власть государеву. Где и коим образом? Не по государеву ли повелению дела вносятся в Совет? Не единым ли его словом? Но зависть и клевета лучше желают казаться слепыми, нежели быть безгласными»[31]. В крайне правых кругах особое недовольство было вызвано формулой *Вняв мнению Государственного совета.* Н. М. Карамзин, например, считал, что она неприемлема, во-первых, потому что заимствована из французского государственного права, а это в условиях надвигавшейся войны с французами равносильно пособничеству врагу; а во-вторых, и это главное, она несовместима с принципами самодержавия: «В самодержавии не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи государя; он имеет всю власть, и поэтому у императора нет нужды внимать мнению Совета»[32]. Таким образом, критика Карамзина была направлена не против Сперанского лично, хотя, конечно, симпатий он к нему не испытывал, а против его принципов, против каких бы то ни было заигрываний с либерализмом, от кого бы они ни исходили.

Думается, заблуждался Сперанский, утверждая, что основные нарекания происходили оттого, что, «не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, устрашались вредных уновлений»[33].

В «Образовании Государственного совета» было немало недостатков и противоречий, которые лишь частично могли быть устранены при реализации всего плана преобразований Сперанского, однако не только Государственная дума не была создана, но даже одобренная императором реформа Сената не проводилась, и поэтому организация Совета, которая должна была, по мысли ее создателя, упорядочить работу государственного аппарата и установить режим законности, на практике привела не к разделению, а, напротив, к смешению функций высших государственных органов. Вместе с тем, как правильно заметил А. В. Предтеченский, при абсолютной неприкосновенности прав самодержавной власти сводилось на нет значение Государственного совета как органа, устанавливающего порядок в деле законодательства[34]. Сперанский в отчете за 1810 год уверял царя, что реформа Совета «дала первый вид, первое очертание правильности, постоянства, твердости, единообразия власти законодательной»[35]. В действительности же Государственный совет, как и предшествовавшие ему Советы при императоре, продол-

31 Сперанский М. М. «Пермское письмо», с. 517—518.

32 Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 64—65.

33 Сперанский М. М. Указ. соч., с. 517.

34 Предтеченский А. В. Указ. соч., с. 257.

35 Сборник Русского исторического общества, т. 21, 1864, с. 449.

жал оставаться универсальным совещательным органом, в котором также постепенно возобладали не законодательные, а судебные и исполнительные дела. Нельзя не согласиться с А. В. Предтеченским, что «Совет по своему существу ничем не отличался от тех совещательных органов при царе, которые под разными наименованиями возникали в истории русской самодержавной монархии»[36].

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖ[illegible]

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и проч[illegible]

Къ утвержденію и распространенію [illegible] въ Государственномъ управленіи, признали мы [illegible] становленію Государственнаго Совѣта дать образованіе, свойственное пространству и величію нашей Имперіи.

Съ того времени, какъ Отечество наше, собравъ во едино раздробленныя нѣкогда Удѣльнымъ владѣніемъ его силы, природнымъ разумомъ и твердостію духа отверзло себѣ всѣ пути къ славѣ и могуществу; внутренния его у[illegible], постепенно, усовершаясь, многократно предлагаемы были по разнымъ степенямъ Гражданскаго его существованія.

Истинный разумъ всѣхъ сихъ усовершеній состоялъ въ томъ, чтобъ по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ, учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Къ сему склонялись многократныя постановленія о лучшемъ с[illegible]ѣ изданія

Манифест об образовании Государственного совета.

36 Предтеченский А. В. Указ. соч., с. 257. Того же мнения придерживается и С. Б. Окунь. См.: История СССР, ч. 1. Конец XVIII — начало XIX века. Л., 1974, с. 200.

Сперанский писал, что «пользу сего учреждения должно измерять не столько по настоящему, сколько по будущему его действию». Но будущее показало, что на протяжении всей своей истории Государственный совет играл крайне реакционную политическую роль и занимал не самое значительное место в системе российского абсолютизма. В этом отношении характерно слушание в Совете вопроса о прекращении продажи крестьян без земли и порознь, который был возбужден в 1818 году. В то время как даже Непременный совет находил, что подобная продажа крестьян — «варварский и постыдный обычай, несообразный с уважением к человечеству и просвещением», Государственный совет признавал самое предложение комиссии соста-

вления законов о запрещении такой продажи «основанным на умствованиях, несправедливых и противоречащих существующим законам» и даже «вредным народному благосостоянию».

«Образование Государственного совета» по структуре представляет собой двуединый акт, состоящий из Манифеста и собственно «Образования». В первом раскрываются причины, вызвавшие создание Государственного совета, закрепляются основные (или, как они названы в «Образовании», *коренные*) законы, определяющие компетенцию и состав Совета, провозглашаются его первоочередные задачи. «Образование» состоит из двух отделений, которые по содержанию и по форме существенно отличаются одно от другого. Текст первого отделения, озаглавленного «Коренные законы Государственного совета», разделяется цифрами на 16 частей, которые мы будем именовать в комментариях статьями. Второе отделение состоит из 144 параграфов, объединенных в восемь разделов, обозначенных также римскими цифрами (сам термин «раздел» в тексте отсутствует). Некоторые разделы, помимо параграфов, имеют и другие структурные подразделения.

Текст закона публикуется по изданию: Образование Государственного совета. СПб., 1810. В первом издании Полного собрания законов Российской империи текст данного памятника права приводится дословно[37].

«Образование Государственного совета» вошло составной частью в первый том Свода законов Российской империи, претерпев при этом значительные изменения. Во-первых, оно приобрело новое наименование — «Учреждение Государственного совета». Во-вторых, улучшена структура закона: отсутствует Манифест, нет деления на *коренные законы и особенные учреждения Государственного совета*, в тексте появились разделы и главы. В-третьих, в закон внесены изменения в соответствии с императорскими повелениями и указами, изданными в 1810—1830 годах, регулировавшими устройство и делопроизводство в Совете. В каждом последующем издании Свода законов (1842, 1857, 1892 и 1901 годы) «Учреждение Государственного совета» несколько модифицировалось, отражая постепенное снижение роли этого органа. Так, издание 1842 года, подготовленное специальным секретным комитетом под руководством председателя Совета И. В. Васильчикова, «было лишь новым исправленным изданием прежнего закона»[38]. Оно лишь усилило влияние министров на Совет и исключило знаменитую формулу «Вняв мнению Государственного совета»[39]. Менялся преимущественно порядок делопроизводства, существенных же изменений в статусе Государственного совета не происходило до 1906 года, когда он был преобразован в связи с созданием Государственной думы.

В учебных целях «Образование Государственного совета» полностью было опубликовано лишь однажды и без комментариев[40]. В советской литературе публиковались лишь отрывки из Манифеста[41].

37 ПСЗ. т. XXXI. № 24064.

38 Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. с. 95.

39 См.: Голиков В. М. Государственный совет в России в первой половине XIX в. Автореф. канд. дис. М., 1983. с. 9.

40 Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России в XVIII и первой четверти XIX века. М.. 1909. с. 32.

41 История государства и права СССР. Сб. документов. М., 1968. ч. 1.; Хрестоматия по истории СССР. т. 2. М.. 1953. с. 433—434.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Божиею милостию Мы, Александр Первый, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая

К утверждению и распространению единообразия и порядка в государственном управлении признали мы нужным установлению Государственного совета дать образование, свойственное пространству и величию нашей империи.

С того времени, как отечество наше, собрав воедино раздробленные некогда удельным владением его силы, природным разумом и твердостью духа отверзло себе все пути к славе и могуществу, внутренние его установления, постепенно усовершаясь, многократно прелагаемы были по разным степеням гражданского его существования.

Истинный разум всех сих усовершений состоял в том, чтоб по мере просвещения и расширения общественных дел учреждать постепенно образ управления на твердых и непременяемых основаниях закона. К сему склонялись многократные постановления о лучшем образе издания законов, об устройстве порядка судного и исполнительного.

Если политические происшествия в некоторых эпохах затрудняли и умедляли шествие правительства нашего к сей постоянной цели, то вскоре наступали другие времена, в коих вознаграждалось прошедшее и сильным движением ускорялся путь к совершенству.

Век Петра Первого, Екатерины Второй и блаженной памяти любезного родителя нашего многие гражданские учреждения усовершил, остановившиеся подвигнул и будущие приуготовил.

Таким образом, действием промысла вседержащего, отечество наше во всех временах среди мира и войны неуклонно продолжало шествовать в стезях гражданского его усовершения.

Восшед на престол, первое попечение наше было удостовериться в тех основаниях, кои до дней наших положены были к устройству внутреннего государственного управления. Желание наше всегда было видеть сие управление на той степени совершенства, какой может быть совместен с положением империи, толико пространной и в силах ее многосложной. Наставшие войны и внешние политические превращения многократно отвлекали нас от исполнения сих предположений. Но среди войны и беспрерывных забот, настоящему времени свойственных, мы не преставали мыслить о усовершении внутренних наших установлений.

Зная, сколь существенно для блага верных наших подданных оградить собственность их добрыми гражданскими законами, мы обратили на часть сию особенное внимание. Усилия, кои

со времени Петра Великого употребляемы были к дополнению и пояснению гражданского нашего права, доказывают, что тогда уже чувствовали всю важность и настоятельную нужду его исправления. В последующие времена с умножением народа, с расширением собственности, с успехами промыслов нужда сия сделалась ощутительнее.

Всевышний благословил желания наши. С окончанием протекшего года мы имели удовольствие видеть и удостовериться; что сие важное дело восприяло успешное движение. Первая часть гражданского уложения окончена, другие постепенно и непрерывно за нею последуют.

По примерам древнего отечественного нашего законодательства мы не оставим назначить порядок, коим уложение сие совокупным рассмотрением избраннейших сословий имеет быть уважено и достигнет своего совершенства.

Но законы гражданские, сколь бы они ни были совершенны, без государственных установлений не могут быть тверды.

В числе сих установлений Совет издавна занимал важное место. В начале своем он был временным и преходящим. Но при вступлении нашем на престол, наименовав его ***Государственным****, мы тогда же предназначили дать ему в свое время образование, свойственное публичным установлениям.*

Ныне, с помощью Вышнего, положили мы совершить сие образование на следующих главных началах:

I. В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соображаются и через него восходят к верховной императорской власти.

II. По сему все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению.

III. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти.

IV. Совет составляется из особ, доверенностью нашею в сословие сие призываемых.

V. Члены Совета могут иметь звания в порядке судном и исполнительном.

VI. Министры суть члены Совета по их званию.

VII. В Совете председательствуем мы сами.

VIII. В отсутствие наше место председателя занимает один из членов по нашему назначению.

IX. Назначение члена председательствующего возобновляется ежегодно.

X. Совет разделяется на департаменты.

XI. Каждый департамент имеет определенное число членов, из коих один председательствует.

XII. Министры не могут быть председателями департаментов.

XIII. Члены всех департаментов составляют общее собрание.

XIV. Члены Совета, при определении коих не будет назначен особенный департамент, присутствуют в общих собраниях.

XV. Распорядок членов по департаментам возобновляется каждые полгода по нашему усмотрению.

XVI. Присутствия департаментов и общих собраний имеют положенные дни, но по уважению дел во всякое время они могут быть созваны особенным нашим повелением.

Предметы Совета, разделение их по департаментам, состав и образ их действия определяются подробно особенным учреждением, вместе с сим издаваемым.

Утвердив на сих основаниях бытие Государственного совета, мы призвали в состав его людей, знанием отечественных законов, трудами и долговременною службою отличившихся.

Государственный совет, таким образом составленный, в первых своих собраниях обратит внимание на следующие главные предметы:

***Первое.** Гражданское уложение, по мере совершения его с принадлежащими к нему судебными обрядами и устройством судебных мест, будет поступать на его уважение. За сим последует уложение уголовное. От успешного окончания сего труда зависит общее устройство судебной части. Вверив оную особенно Правительствующему сенату, мы не умедлим дать сему высшему в империи нашей судебному сословию образование, важному назначению его свойственное, и присоединим к его установлениям все, что может их усовершить и возвысить.*

***Второе.** Различные части, министерствам вверенные, требуют разных дополнений. При первоначальном их учреждении предполагаемо было постепенно и соображаясь с самим их действием приводить сии установления к совершенству. Опыт показал необходимость довершить их удобнейшим дел разделением. Мы предложим Совету начала окончательного их устройства и главные основания общего министерского наказа, в коем с точностью определятся отношения министров к другим государственным установлениям и будут означены пределы действия и степень их ответственности.*

***Третье.** Настоящее положение государственных доходов и расходов требует также неукоснительного рассмотрения и определения. На сей конец доставим мы Совету план финансов, составленный на началах, части сей наиболее свойственных. Главные основания сего плана состоят в том, чтоб всевозможным сокращением издержек привести их в надлежащую соразмерность с приходами, установить во всех частях управления истинный разум доброй экономии и самыми действенными мерами положить твердое основание постепенной уплаты государственных долгов, коих ненарушимость, удостоверенную всеми государственными богатствами, мы всегда признавали и будем признавать одним из важнейших и неприкосно-*

венных обязательств нашей империи. Дан в Санкт-Петербурге в 1-й день генваря в лето от рождества Христова 1810, царствования же нашего в десятое.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Отделение первое
Коренные законы Государственного совета

I. В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соображаются и через него восходят к верховной императорской власти.

II. По сему все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению.

III. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения верховной власти.

IV. Совет составляется из особ, высочайшею доверенностью в сословие сие призываемых.

V. Члены Совета могут иметь звания в порядке судном и исполнительном.

VI. Министры суть члены Совета по их званию.

VII. В Совете председательствует император.

VIII. В отсутствие императора место председателя занимает один из членов по высочайшему назначению.

IX. Назначение председательствующего в Государственном совете возобновляется ежегодно.

X. Совет разделяется на департаменты.

XI. Каждый департамент имеет определенное число членов, из коих один председательствует.

XII. Министры не могут быть председателями департаментов.

XIII. Члены всех департаментов составляют общее собрание Совета.

XIV. Члены Совета, при определении коих не будет назначен особенный департамент, присутствуют в общих собраниях.

XV. Распорядок членов по департаментам возобновляется каждые полгода по высочайшему усмотрению.

XVI. Присутствия департаментов и общих собраний имеют положенные дни, но по уважению дел во всякое время они могут быть созваны особенным высочайшим повелением.

Отделение второе

Особенные учреждения Государственного совета

I. УСТРОЙСТВО ДЕПАРТАМЕНТОВ

1) Число департаментов и их предметы

§ 1. Совет разделяется на четыре департамента:
I. Законов.
II. Дел военных.
III. Дел гражданских и духовных.
IV. Государственной экономии.

§ 2. В департамент законов входит все то, что по существу своему составляет предмет закона. Комиссия законов будет представлять в сей департамент все первоначальные начертания законов, в ней составляемых.

§ 3. В департамент военных дел будут входить предметы министерств военного и морского.

§ 4. В департамент гражданских и духовных дел будут входить дела юстиции, управления духовного и полиции.

§ 5. К департаменту государственной экономии будут принадлежать предметы общей промышленности, наук, торговли, финансов, казначейства и счетов.

2) Звание председателя Государственного совета

§ 6. Председатель Государственного совета имеет в общих его собраниях первое место и подпись.

§ 7. Председатель открывает и закрывает собрание.

§ 8. Он назначает каждую неделю дела, подлежащие уважению Государственного совета.

§ 9. При рассуждениях Совета он охраняет надлежащий порядок и единство предмета, в случае разнообразия мнений для соглашения их излагает существо и силу вопроса и потом объявляет мнение, большинством голосов принятое.

§ 10. Все рассуждения членов обращаются к лицу председателя.

§ 11. При конце заседания он возвещает предметы будущего собрания.

3) Звание председателей департаментов

§ 12. Председатели в департаментах имеют первое место и подпись.

§ 13. Они открывают и закрывают собрание департаментов.

§ 14. Председатели назначают каждую неделю дела, подлежащие рассуждению департамента.

§ 15. При рассуждениях они излагают существо и силу вопроса и охраняют надлежащий порядок и единство предмета.

§ 16. Все рассуждения членов департамента обращаются к лицу его председателя.

§ 17. При конце заседания председатель департамента возвещает предметы будущего собрания.

4) Звание государственного секретаря

§ 18. Государственный секретарь управляет государственной канцелярией.

§ 19. На ответственность его возлагается точность сведений, предлагаемых Совету, и надлежащая ясность их изложения.

§ 20. На его ответственность возлагается изготовление всех исполнительных бумаг по журналам Совета, как в общем его собрании, так и по департаментам.

5) Звание статс-секретарей и их помощников

§ 21. При каждом департаменте Совета находится один статс-секретарь и несколько помощников.

§ 22. Статс-секретари и их помощники причисляются к государственной канцелярии и отправляют в ней дела по их департаментам.

§ 23. Помощники статс-секретарей назначаются по департаментам министров.

§ 24. Главная обязанность их состоит в собрании дополнительных сведений, нужных для пояснения дел, от министерства поступающих.

II. ОБРЯД ВСТУПЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ СОВЕТА И ИХ ЗАСЕДАНИЯ КАК В ДЕПАРТАМЕНТАХ, ТАК И В ОБЩИХ СОБРАНИЯХ

§ 25. При открытии Государственного совета и потом при вступлении каждого члена в сие сословие подписывается им присяга по установленной форме.

§ 26. Заседания членов Совета в департаментах учреждаются по старшинству их, но председатель в департаменте всегда сохраняет первое место.

§ 27. Заседание членов в общих собраниях учреждается следующим порядком: 1) В отсутствие его императорского величества председатель занимает место в середине, по правую его сторону занимают места члены, не принадлежащие к особенным департаментам, а по левую — министры. Против председателя Совета, начиная от места, назначаемого для чтения дел, по

обеим сторонам занимают места председатели департаментов, а за ними последуют тех департаментов члены. 2) Статс-секретари и их помощники имеют особенные столы и в обыкновенных собраниях занимают свои места, в чрезвычайных же не присутствуют.

§ 28. Заседания как в департаментах, так и в общих собраниях в положенные дни начинаются с 10 часов утра. Сверх сих заседаний члены департаментов могут учреждать между собою по удобности все нужные по делам сношения по назначению председателей. В делах, требующих общего двух или трех департаментов уважения, они могут учреждать частные собрания по сношению их председателей.

III. ОЗНАЧЕНИЕ ДЕЛ, ПОДЛЕЖАЩИХ УВАЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

§ 29. В порядке государственных дел, от разрешения и утверждения верховной императорской власти зависящих, следующие предметы поступают предварительно на уважение Государственного совета: 1) Все предметы, требующие нового закона, устава или учреждения. 2) Предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений. 3) Дела, требующие в законах, уставах и учреждениях изъяснения истинного их смысла. 4) Меры и распоряжения общие, приемлемые к успешнейшему исполнению существующих законов, уставов и учреждений. 5) Общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые. 6) Объявление войны, заключение мира и другие важные внешние меры, когда по усмотрению обстоятельств могут они подлежать предварительному общему соображению. 7) Ежегодные сметы общегосударственных приходов и расходов, способы их уравнения, назначение новых издержек, в течение года встретиться могущих, и чрезвычайные финансовые меры. 8) Все дела, по коим отсуждается какая-либо часть государственных доходов или имуществ в частное владение. 9) Дела о вознаграждении частных людей за имущества, на государственные нужды взимаемые. 10) Отчеты всех министерств в управлении принадлежащих к ним частей.

§ 30. Из всех сих предметов изъемлются: 1) Те дела, кои особенно предоставлены будут непосредственному докладу министров. 2) Дела, кои по общему министерскому наказу подлежать будут соображениям министерского комитета.

IV. ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ ДЕЛ, РАССМОТРЕНИЕ И ОКОНЧАНИЕ ИХ В ДЕПАРТАМЕНТАХ

§ 31. Все дела, предоставленные соображению Государственного совета, сначала поступают в департаменты его по свойству их и принадлежности.

§ 32. Из сего изъемлются те дела, кои общими положениями, ниже сего изображенными, или особенными высочайшими повелениями предназначатся непосредственному уважению общих Совета собраний.

§ 33. Дела в департаменты поступают или от министров, или по особенным высочайшим повелениям; те и другие изготовляются к докладу в государственной канцелярии и предлагаются или государственным секретарем, или статс-секретарем того департамента, или же в отсутствие его одним из его помощников.

§ 34. Порядок рассуждения в департаменте учреждается, применяясь к тем правилам, какие для общего собрания ниже сего постановлены.

§ 35. Положения, большинством голосов принятые, вносятся в журнал. Члены, не согласные с общим решением, в течение недели представляют особенное мнение, которое и прилагается в подлиннике к журналу.

§ 36. Журналы подписываются председателем и потом членами по старшинству их.

§ 37. Министры, хотя и не обязаны присутствовать в департаментах по делам их, но когда признают нужным, могут представлять изъяснения их или лично, или через директоров, управляющих частями.

§ 38. Директоры оставляют собрание, как скоро окончены будут нужные по делам изъяснения.

§ 39. Положения департаментов, заключающие в себе изъяснения точного разума существующих законов и приложение их к частным случаям и не предполагающие нового закона, устава или учреждения, ни отмены прежних постановлений или дополнения их, не поступают в общие собрания, но представляются в журналах их непосредственно на высочайшее усмотрение.

§ 40. Все другие дела, по окончании их рассмотрения в департаменте, входят на уважение общего собрания.

§ 41. Во всех положениях департамента по делам частным заключение Совета изображается в общем виде закона или учреждения, дабы разрешением одного случая можно было объять все другие, с ним однородные.

V. ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ ДЕЛ, РАССМОТРЕНИЕ И ОКОНЧАНИЕ ИХ В ОБЩЕМ СОБРАНИИ

§ 42. Заседания в общем Совета собрании открываются чтением постановлений, получивших высочайшее утверждение.

§ 43. Дела поступают в общие собрания Совета или из департаментов, или вносятся по особенным высочайшим повелениям.

§ 44. Следующие два рода дел вносятся в общие собрания Совета, не поступая предварительно в департаменты: 1) общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые;

2) внешние важные меры, когда по существу их признано будет нужным предоставить их предварительному общему уважению Совета.

§ 45. Дела по порядку предыдущего их назначения предлагаются государственным секретарем, а в отсутствие его — одним из статс-секретарей или их помощников по его назначению.

§ 46. Чтение никем не прерывается до самого его окончания.

§ 47. По окончании чтения председатель того департамента, к коему принадлежит дело, присовокупляет нужные объяснения и устанавливает существенные предметы рассуждения. Государственный секретарь дополняет их или повторением нужных статей чтения, или объяснением приложений, в деле находящихся. Сим основываются вопросы, к разрешению подлежащие, и существо дела.

§ 48. В делах, входящих непосредственно в общие собрания, объяснения принадлежат председателю Совета.

§ 49. По прочтении дела каждый член Совета может требовать пояснения или повторения тех статей, которые представятся неясными. Государственный секретарь обязан представить сии изъяснения.

§ 50. После сего начинаются рассуждения по порядку статей или вопросов, к разрешению подлежащих.

§ 51. Председатель Совета охраняет сей порядок, полагая один вопрос после другого.

§ 52. Рассуждение, удаляющееся от вопроса и существа дела, обращается к оному председателем Совета, который при повторении сих отступлений прекращает самое рассуждение и обращается к предмету последующему.

§ 53. Когда все статьи рассуждения таким образом будут пройдены и предмет довольно уважен, председатель закрывает рассуждение, вопрошает о мнениях и объявляет то, которое большинством голосов будет принято. Сие мнение вносится в журнал.

§ 54. Члены, не согласившиеся с общим заключением, в течение недели доставляют к государственному секретарю их мнения, кои и прилагаются в подлиннике при журнале.

§ 55. В том только случае мнения сии вторично предлагаются Совету, когда последует на сие особенное высочайшее повеление, и в сем случае Совет полагает по оным вновь свое заключение.

§ 56. Никакое дело, Совету предложенное, не может быть сообщено вне оного без особенного на то высочайшего дозволения, но каждый член может истребовать дело, для особенного прочтения в самом Совете.

§ 57. Журналы в общем собрании Совета суть двояки: в первый вносятся все постановления, высочайше утвержденные и Совету предъявленные. Сей журнал подписывается одним председателем и государственным секретарем. Во второй вносятся все положения Совета по делам, уважению его представляемым. Сей журнал подписывается председателем, потом

всеми членами по старшинству их и скрепляется государственным секретарем.

§ 58. Если дело на уважение Совета поступило из департамента, то положение общего собрания присоединяется к тому же журналу, в коем изображено мнение департамента.

§ 59. В журналы дела вносятся по департаментам, не сливая одного с другим.

§ 60. В обыкновенных собраниях Совета министры, по другим их упражнениям, могут не присутствовать, но отсутствие их не прерывает течение дела.

§ 61. Они могут для объяснения дел представлять директоров, особенно управляющих теми частями, к коим принадлежит предмет рассуждения.

§ 62. Для сего о делах, назначаемых к докладу в общем собрании Совета, дается каждый раз знать министрам.

§ 63. Директор в сих случаях занимает место подле государственного секретаря.

§ 64. Обязанность директоров есть представлять все нужные объяснения по делам, к части их принадлежащим, но они не имеют совещательного голоса и оставляют собрание, как скоро окончатся требуемые от них объяснения.

§ 65. Журналы подписываются сначала председателем, а потом членами по старшинству их и представляются государственным секретарем на высочайшее усмотрение.

§ 66. Словесные высочайшие повеления объявляются Совету председателем. В департаментах Совета то же право принадлежит их председателям. Государственный секретарь, для предложения их Совету, сообщает оные письменно по принадлежности.

VI. ОСОБЕННЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОВ, УСТАВОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

§ 67. Все предварительные начертания гражданских и уголовных законов, также уставов и учреждений, составляемых вне комиссии, особенно для сего учрежденной, вносятся прежде всего через государственного секретаря в сию комиссию и потом с мнением ее поступают в департамент законов.

§ 68. Начертания законов, уставов и учреждений, в комиссии составляемые, вносятся все без изъятия в департамент законов.

§ 69. Директор комиссии имеет место и совещательный голос в сем департаменте по своему званию.

§ 70. Он предлагает начертание законов, уставов и учреждений и представляет по оным надлежащие изъяснения.

§ 71. По рассмотрении и исправлении их в департаменте Совета они вносятся в общее собрание в том самом виде, какой получат в департаменте. Государственный секретарь предлагает их в общем собрании, а директор комиссии представляет надлежащие по оным объяснения.

§ 72. Законы, уставы и учреждения, таким образом в общем

собрании Совета рассмотренные, входят на высочайшее усмотрение и потом поступают в порядок совершения, им предназначенный.

VII. ФОРМЫ ИЗДАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

§ 73. Все предметы, содержащие в себе закон, устав или учреждение, имеют форму манифестов и излагаются в следующем виде:

Божиею милостью мы и проч., и проч.

Введение, в коем излагаются кратко причины:

Вняв мнению Государственного совета, постановляем или учреждаем:

Следуют статьи закона, устава или учреждения.

Место и время издания.

В заключение подпись высочайшего имени.

Контрассигнирование председателя Государственного совета.

С подлинным верно: государственный секретарь.

§ 74. Все дополнения существующих уставов и учреждений, исходящие по делам, в Совете уваженным, имеют таковую же форму.

§ 75. Но изъяснения, предписывающие только образ исполнения или устанавливающие истинный их разум по возникшим сомнениям, имеют следующую форму:

Мнение Государственного совета.

Государственный совет по вошедшему на расуждение его вопросу... уважив... мнением положил...

Подпись: председатель Совета.

§ 76. Высочайшая конфирмация имеет следующий вид: ***Быть по сему...*** *Высочайшее имя.*

§ 77. Государственный секретарь выставляет место и время конфирмации и на списке подписывает: ***с подлинным верно.***

§ 78. Высочайшие повеления, собственно к Государственному совету относящиеся, об определении его членов и чинов, в установлениях его служащих, имеют следующий вид:

Государственному совету.

Такому-то *повелеваем присутствовать в Государственном совете по такому-то департаменту.*

Высочайшее имя.

С подлинным верно: государственный секретарь.

§ 79. Когда предлагаются на уважение Совета какие-либо особенные высочайшие примечания, они имеют следующий вид:

Его императорское величество, уважив ... предлагает Государственному совету обратить внимание на следующие предметы:

Подпись председателя Государственного совета.

VIII. УСТАНОВЛЕНИЯ, К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТУ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ

§ 80. При Государственном совете состоят следующие установления:

1) Комиссия составления законов.

2) Комиссия прошений.

3) Государственная канцелярия.

1) Комиссия составления законов

§ 81. Труды комиссии управляются ее директором.

§ 82. Комиссия делится на отделения.

§ 83. Каждое отделение имеет своего начальника и нужное число помощников.

§ 84. Все начальники отделений составляют общую конференцию под председательством директора.

§ 85. План трудов каждого отделения составляется начальником, рассматривается в конференции и по утверждении директором обращается к исполнению.

§ 86. По плану сему составляются проекты законов, уставов и учреждений, рассматриваются директором и вносятся в Государственный совет.

§ 87. Число отделений и чиновников определяется по мере предлежащих трудов ежегодным штатом.

2) Комиссия прошений

§ 88. Для принятия прошений, приносимых на высочайшее имя, находится особенный статс-секретарь.

§ 89. Все получаемые им прошения разделяются по родам их и вносятся в комиссию прошений.

§ 90. Из сего исключаются:

1) Те бумаги, кои под общим видом прошений могут содержать в себе дела особенной важности. Сии бумаги вносятся непосредственно к высочайшему усмотрению.

2) Прошения, по коим сделан уже был отказ.

3) Жалобы на решения, высочайше конфирмованные или именными указами оконченные, разве бы жалоба относилась не к самому решению, но к представлению, на коем оно основано.

4) Жалобы или прошения без подписи имени.

§ 91. В сих трех последних случаях прошения оставляются без всякого дальнейшего движения.

§ 92. Комиссия состоит под председательством одного члена Совета из лиц, к сему определенных.

§ 93. Статс-секретарь есть член сей комиссии и управляет ее письмоводством.

§ 94. Для успешнейшего течения дел председатель разделяет прошения между членами, кои, рассмотрев их, вносят в комиссию на общее рассуждение.

§ 95. Прошения разделяются на три рода: 1) жалобы, 2) прошения каких-либо наград или милостей, 3) проекты.

§ 96. Если прошение содержит в себе все сии три свойства или два из них вместе, то относится оно к тому или другому роду, судя по важности того или другого предмета.

I. О жалобах

§ 97. Следующие жалобы оставляются комиссией без уважения:

1) Все жалобы на места средние и лица подчиненные, приносимые мимо высшего их начальства.

2) Все жалобы по тяжебным делам, решенным в общем Сената собрании.

§ 98. Жалобы на решения департаментов Сената до окончательного образования судебной части хотя и допускаются, но с тем, чтобы при жалобе было решение, на которое оно приносится.

§ 99. Из решения сего комиссия если усмотрит, что действительно было к жалобе основание, то соберет по оной справки и сделает свое заключение о мерах, коими решение может быть исправлено и дело обращено в свой порядок.

§ 100. Заключения комиссии должны быть решительны и не могут состоять единственно в отсылке дела на рассмотрение.

§ 101. По жалобам на министерства комиссия собирает от них нужные изъяснения и полагает заключение о мерах исправления.

§ 102. По всем сим жалобам комиссия, означая в журналах свои заключения, подносит их через статс-секретаря на высочайшее усмотрение.

§ 103. Если заключение комиссии состоять будет в отмене сделанного в министерстве или в департаменте Сената решения, тогда журнал и дело поступит в Государственный совет тем же порядком, коим дела вносятся от министров.

§ 104. В противном случае именем комиссии через статс-секретаря объявляется отказ.

II. О прошениях наград и милостей

§ 105. При вступлении прошений о наградах наблюдаются те же правила, как и при представлении жалоб, и не вносятся в комиссию:

1) Прошения о наградах подчиненных лиц, приносимые без ведома их начальств.

2) Прошения, по коим сделан уже был отказ.

§106. По всем другим прошениям о наградах собираются сведения от начальств, и заключение комиссии означается в ее журналах.

§107. Из журналов сих составляются списки каждые полгода и представляются на высочайшее усмотрение для назначения по оным удовлетворения, если по сношению с министерством финансов окажутся к тому возможные способы в остатках.

§108. Прошения о милостях могут единственно относиться к единовременным подаяниям, в пособие бедности или приключившегося несчастия.

§109. Прошения о единовременных подаяниях и помощи людям, жительствующим здесь в столице, исключая тех, коим сделается отказ, посылаются в особенное общество, для таковых вспоможений здесь учрежденное, и удовлетворяются по прилежному его рассмотрению и по мере ежегодных его доходов.

§110. В случаях, особенное какое-либо уважение заслуживающих, комиссия делает свое заключение о мерах пособия и представляет их на особенное высочайшее усмотрение.

III. Проекты

§111. Не вносятся в комиссию проекты, заключающие в себе очевидную несовместимость или недоразумение.

§112. Все прочие проекты, кои комиссия признает уважительными, отсылаются к министрам по их принадлежности.

§113. Министры поручают рассмотрение их особенным комитетам или комиссиям, для таковых соображений при них учрежденным, и по заключениям таковых комитетов дают надлежащее движение тем из них, кои заслуживают особенное уважение.

3) Государственная канцелярия

I. Предмет учреждения и состав ее

§114. Государственная канцелярия учреждается для производства всех дел, входящих и исходящих из Совета.

§115. Она составляется из государственного секретаря, статс-секретарей, докладывающих в департаментах Совета и их помощников.

II. Разделение дел

§116. По разделению дел в Государственном совете канцелярия имеет следующие отделения:

1) Военных и морских дел.
2) Дел гражданских и духовных.
3) Государственной экономии.
4) Содержание и хранение журналов, постановлений и архив.
5) Особенные поручения.

Примечание. Поелику для письмоводства по составлению законов существует комиссия, то в канцелярии и не полагается по сим предметам особенного отделения, но статс-секретарь, занимающийся сею частью в департаменте Совета, принадлежит к составу государственной канцелярии.

III. Образ производства дел

§117. Все дела, в Государственный совет поступающие, входят в государственную канцелярию и присылаются на имя государственного секретаря.

§118. В делах, поступающих от разных министерств, государственный секретарь наблюдает, чтоб действие Государственного совета не было затрудняемо: 1) делами, не оконченными в средних или высших местах управления; 2) делами, коих разрешение зависит от министров или властей, им подчиненных; 3) делами, зависящими от решения Сената; 4) теми делами, кои представлены министерскому комитету; 5) наконец, делами текущими, когда не представлено при них общего положения к разрешению подобных случаев и на будущее время.

Примечание. Точное понятие дел текущих определяется в министерском наказе.

§119. Государственный секретарь сверх того наблюдает, чтоб при каждом деле приложено было:
1) Краткая записка, существо его излагающая.
2) Все сведения, к ней принадлежащие в приложениях.
3) Решительное заключение министра.
4) Проект постановления, учреждения, указа или общего предписания.

§120. Дела, в сем виде поступившие, разделяются по отделениям их, где они и приуготавливаются к докладу надлежащими изъяснениями и дополнениями.

§121. Статс-секретари требуют сих дополнений из разных департаментов посредством их помощников, в самих тех департаментах служащих.

§122. Для сего статс-секретари снабжают их помощников записками за своим подписанием.

§123. Дело, сим образом изготовленное, представляется государственному секретарю для удостоверения точности в сведениях его и порядке изложения.

§ 124. Каждое изложение дела, в Совет вносимое, подписывается государственным секретарем и статс-секретарем того департамента, к коему оно принадлежит.

§ 125. О делах, таким образом приуготовленных, каждую неделю посылается список и перечень содержания их к председателям департаментов, к каждому по принадлежности, для назначения оных к докладу. Государственный секретарь таковой же список доставляет председателю Совета по делам, следующим в общее собрание.

§ 126. По назначении дела к слушанию как в департаменте, так и в общем собрании извещаются о нем те министры, к коим оно принадлежит.

§ 127. Рассуждения Совета и заключения, большинством голосов принятые, излагаются в журналах его заседаний.

§ 128. Журналы по предназначенной им форме составляются в департаментах статс-секретарями, а в общих собраниях — государственным секретарем.

§ 129. Все журналы, по подписании их, поступают к государственному секретарю и представляются им на высочайшее усмотрение.

§ 130. Журналы департаментов по тем предметам, в коих окончательное заключение предоставлено общему собранию Совета, вносятся в оное непосредственно и потом уже с присоединением его заключения представляются на высочайшее усмотрение.

§ 131. По высочайшим решениям составляются в государственной канцелярии окончательные исполнения по установленным формам и вносятся государственным секретарем к высочайшему утверждению.

§ 132. Постановления, высочайше утвержденные, предъявляются Совету и вносятся в общий журнал, который подписывается председателем Совета и скрепляется государственным секретарем.

§ 133. Соединение всех сих журналов в государственной канцелярии составляет общую книгу всех высочайших повелений, по делам Совету предлагаемым.

§ 134. Все журналы вообще хранятся в государственной канцелярии по отделениям их предметов.

§ 135. Подлинники постановлений также хранятся в государственной канцелярии, а списки с них за скрепою государственного секретаря доставляются к министрам по принадлежности для дальнейшего исполнения.

§ 136. Подлинные приложения дел, внесенных от министров, возвращаются к ним по принадлежности. Записки же и прочие сведения вместе с журналами поступают для хранения в архив.

§ 137. В журналах, составляемых по делам, на уважение Совета входящим, означается: 1) содержание дела, 2) главные предметы рассуждения, 3) причины, уваженные Советом, 4) заключение.

§ 138. Заключение в журнале должно быть изложено так точно, как оно должно быть внесено в окончательное постановление.

§ 139. Журналы будут иметь вид, при сем прилагаемый.

§ 140. Государственная канцелярия в переписке своей наблюдает формы, при сем издаваемые.

§ 141. Архив государственной канцелярии составляется: 1) из собрания самых положительных сведений по делам государственным прежних лет; 2) из сведений самых полных о настоящем каждой части положении, собранных по их отделениям; 3) из журналов Государственного совета и последовавших по оным высочайших решений.

§ 142. Государственная канцелярия имеет свою особенную печать.

§ 143. Число чинов, их оклады и содержание государственной канцелярии определяются особенным положением.

§ 144. Настоящие особенные учреждения Государственного совета и его установлений имеют быть дополняемы по усмотрению нужд и обстоятельств, на основании коренных законов Совета.

Форма журналов по делам

Государственный совет в департаменте государственной экономии. 10 генваря 1810. № Государственный совет в общем собрании. 10 генваря 1810. №	*I. Министерство такое-то представило и проч. или по высочайшему повелению внесено дело такое-то. II. Государственный совет, выслушав мнение департамента такого-то или рассмотрев дело о том-то, по высочайшему повелению внесенное, принял в уважение следующие причины и положил: следует заключение.*

Форма журналов по высочайшим постановлениям

Государственный совет в общем собрании. 10 генваря 1810.	*1) Слушано постановление, высочайше утвержденное о том-то. 2) Мнение Государственного совета, высочайше конфирмованное о том-то. 3) Высочайшее повеление о том-то.*	*По журналу Совета. 8 генваря 1810. № По журналу департамента гражданских дел. 7 генваря 1810. №*

Форма переписки

Государственной канцелярии отделение такое-то.	*Г. председателю Государственного совета.*
Содержание отношения.	*Г. министру N N или председателю такого-то департамента.*
10 генваря 1810.	*Подпись государственного секретаря.*
Министерство N N	
Ответ или содержание дела.	*Г. государственному секретарю.*
10 генваря 1810.	*Подпись министра.*
Государственной канцелярии отделение.	*К дополнению такого-то дела нужны следующие сведения.*
№	
10 генваря 1810.	*Подпись статс-секретаря.*
Министерство такое-то. Департамент или отделение такое-то.	*При сем доставляется сведение такое-то.*
Ответ на записку государственной канцелярии.	
11 генваря 1810.	*Подпись директора или управляющего департаментом.*

КОММЕНТАРИЙ

Манифест

По содержанию Манифест можно разделить на три основные части. В первой — своеобразной преамбуле — раскрывается предыстория и причины образования Государственного совета. Затем следуют основные, или, как они названы в документе, *коренные законы*. В третьей, заключительной, части Манифеста провозглашаются очередные задачи Государственного совета.

Целью всех преобразований государственного аппарата и совершенствования законодательства Манифест считает постепенное изменение *образа правления на твердых и непременяемых основаниях закона*. За этой фразой кроются не конституционные намерения законодателя, а идеи так называемой истинной монархии, заимствованные у французских просветителей и переделанные на русский, феодальный лад. А. В. Предтеченский отмечал, что М. М. Сперанский в своем плане преобразований 1809 года не имел в виду создание парламентарной монархии[42]. Такое намерение не могло возникнуть у него и при подготовке данного Манифеста. «Идеалом преобразователя, — указывает В. А. Калягин, — была не конституционная, а именно «истинная», т. е. практически неограниченная монархия европеизированного типа»[43].

Смысл преобразований законодатель видит в доведении до конца кодификации и создании системы органов, обеспечивающих соблюдение закона. Кодификационные работы, начатые

42 См.: Предтеченский А. В. Указ. соч., с. 255.

43 Калягин В. А. Указ. соч., с. 46.

при Петре I, продолжались на протяжении всего XVIII века, но не дали желаемых результатов. Указом императора Александра I 5 июля 1801 г. создается очередная Комиссия составления законов. Сначала она действует под эгидой Непременного совета, но указом от 21 октября 1803 г. дело кодификации передается в министерство юстиции. Его деятельность также не отличалась эффективностью. Лишь в конце 1809 года был получен первый результат — составлен проект первой части гражданского уложения. По комментируемому закону, Комиссия составления законов передана Государственному совету. Историческими предшественниками Государственного совета были разного рода совещательные органы, сменявшие друг друга на протяжении всего XVIII века.

26 марта 1801 г. Александр I упразднил учрежденный его августейшей бабкой в 1768 году Совет при высочайшем дворе и указом от 30 марта создал аналогичный упраздненному орган, который в данном акте был назван Советом непременным, а впоследствии стал именоваться Государственным советом или просто Советом. В Полном собрании законов Российской империи в предметном указателе он вновь фигурирует под названием Совета при высочайшем дворе, но в данном Манифесте и в других документах М. М. Сперанский называет его Государственным. Так, в том же 1810 году он, вспоминая начало александровского царствования, писал, что тогда «первое внимание обращено было на устройство Совета, в 1801 году он назван был Государственным»[44]. Все это обусловило разногласия по вопросу об именовании Совета в период с 1801 по 1810 год в русской дореволюционной исторической литературе[45]. В советской литературе он известен только под одним названием — Непременный совет.

Учрежденный 30 марта Совет непременный по своим правам и функциям мало чем отличался от Совета, бывшего при дворе Екатерины II. Зато отличия в учредительных актах довольно существенны. Согласно указу от 17 января 1769 г., Совет при высочайшем дворе создавался как орган совещательный, но чрезвычайный, на случай войны, и поэтому формально после заключения Кучук-Кайнарджийского мира не имел права на существование, но продолжал функционировать. Таким образом, указы об упразднении Совета при высочайшем дворе и учреждении Непременного совета были прежде всего призваны ликвидировать противоречие между буквой закона и духом екатерининского правления, превратив Совет из формально временного в постоянный орган. В указе от 26 марта была названа еще одна причина упразднения прежнего Совета. В упрек ему ставилось то, что «быв редко занимаем предметами существенными, доселе носил одно имя государственного установления, без ощутительного влияния на дела общественные»[46]. Но эта критика относилась уже главным образом к Совету павловского царствования. Павел I в последние годы своего правления обходился с Советом вовсе не «по сердцу» своей мате-

44 ЦГИА СССР, ф. 1164, оп. XVI т., ед. хр. 9 и 10, ч. XII, л. 21 об.

45 Об этих разногласиях см. подробнее: Сафонов М. М. Из истории образования Непременного совета. — Социально-политическая история СССР, ч. 1. М. — Л., 1974, с. 150.

46 ПСЗ, т. XXVI, № 19805.

ри, что было явно не по нутру и господствующему классу империи, особенно его придворно-бюрократической верхушке. Совет, состоявший из наследника престола, канцлера, вице-канцлера, генерал-прокурора и других высших должностных лиц, в 1799—1800 годах был фактически превращен в цензурный комитет, а в конце 1800 года и вовсе прекратил свои совещания.

Таким образом, в 1801 году упразднение временного Совета и образование Совета непременного имело своей целью восстановить Совет екатерининского образца, но не формально, а фактически. Для этого требовалось зафиксировать в законе и даже несколько расширить его компетенцию. Непременный совет оставался совещательным органом. Но ему предоставлялось право требовать от Сената, чтобы последний «учинил надлежащим местам точнейшие предписания» представить Совету «сведения, до государственных частей относящиеся»[47]. Право на получение необходимой информации из всех государственных органов было обусловлено предоставлением Непременному совету другого более значительного права — «привести в ясность коренные части государственного управления». С этой целью он мог учреждать кодификационные комиссии и руководить ими, а кроме того, каждый член Совета получал право законодательной инициативы. Наказ Непременному совету предписывал обсуждать «все, что принадлежит до государственных постановлений временных, или коренных и непреложных».

47 Архив Государственного совета, т. III, ч. 1. СПб., 1878, с. XX.

Наказом регулировалось и внутреннее устройство Совета: порядок голосования, устройство канцелярии и форма регистрации законопроектов и законов.

Непременный совет, будучи бюрократически-совещательным органом при императоре, на протяжении девяти лет своего существования сравнительно активно участвовал в государственной деятельности. Правда, с течением времени роль его постепенно менялась. Если в первые месяцы царствования Александра I Совет был занят главным образом обсуждением важнейших внутри- и внешнеполитических дел, то после создания министерств и Комитета министров он стал заниматься преимущественно судебными делами. Правда, это было связано не только с увеличением роли министров, но и с общим уменьшением реформаторской деятельности в 1803—1809 годах.

Первоочередные задачи, поставленные в Манифесте, были решены Государственным советом лишь частично. Совет действительно приступил вскоре к рассмотрению проекта гражданского уложения. Обсуждению его первой части (семейное право) было посвящено в течение 1810 года 47 заседаний. В том же году приступили к рассмотрению второй части (имущественное и наследственное право). Обе части проекта были приняты почти полностью сначала в департаменте законов, а затем в общем собрании. Третья часть уложения (о договорах) была рассмотрена и принята только департаментом законов во второй половине 1812 года. В 1814 году по императорскому повелению общее собрание приступило к обсуждению второй редакции проекта всех трех частей уложения, но в 1815 году об-

суждение было приостановлено вследствие оппозиции проекту со стороны наиболее реакционной части Совета во главе с министром юстиции Д. П. Трощинским. В 1821 году Государственный совет получил указание вновь приступить к рассмотрению проекта гражданского уложения, затем вопрос был отложен до 1824 года, однако и тогда к его обсуждению практически не приступили.

В 1813—1814 годах департамент законов Государственного совета рассматривал также проекты уголовного и торгового уложений и устав гражданского судопроизводства.

Решая задачу преобразования министерской системы управления, Государственный совет одобрил манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих», на основе которого 25 июня 1811 г., «вняв мнению Государственного совета», царь утвердил «Общее учреждение министерств»[48].

Третьей задачей Совета Манифест объявлял финансовую реформу. План ее, подготовленный М. М. Сперанским, был частично осуществлен в одобренном Государственным советом манифесте 2 февраля 1810 г.[49]. В соответствии с ним сократились расходы, увеличились налоги, прекратился выпуск ассигнаций. Был введен единовременный налог для дворянства — по 50 коп. с каждой ревизской души. Пункт 7 манифеста гласил: «Отныне все чрезвычайные расходы учреждаются не иначе как по предварительном рассмотрении входящих от министров представлений в Государственном совете». С этого времени Совет стал постоянно нагружаться значительным количеством маловажных финансовых дел. Второй частью того же финансового плана стал манифест «Об открытии срочного внутреннего займа для уменьшения количества ассигнаций и для уплаты государственных долгов», который император утвердил 27 мая 1810 г., «вняв мнению Государственного совета»[50].

48 ПСЗ, т. XXXI, № 24307 и № 24686.

49 ПСЗ, т. XXXI, № 24116.

50 ПСЗ, т. XXXI, № 24244.

Отделение первое
КОРЕННЫЕ ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
Статьи I — II

Архаичная и расплывчатая формулировка ст. I определяет основную функцию Государственного совета — обсуждение всех законопроектов и других важнейших государственных дел с точки зрения их соответствия ранее изданным законам. Совет предстает здесь как орган, не обладающий самостоятельной властью, исключительно совещательный. Причем ст. I не противоречит другим нормам «Образования», в которых говорится, что Совет должен обсуждать не только законы, но и подзаконные акты центральных органов управления, а также судебные решения и приговоры.

Совет должен был стать обязательной инстанцией обсуждения закона. Но фактически и после 1810 года многие законода-

тельные акты обсуждались и принимались минуя его. В определенной мере этому способствовало и противоречие, содержащееся в самом «Образовании», § 30 которого прямо говорит о значительных исключениях из этого правила.

В ст. I, так же как и в Манифесте, для обозначения Государственного совета используется термин *сословие*. О значении его в дореволюционной юридической литературе высказывались различные мнения. Так, А. С. Алексеев и О. Эйхельман полагали, что М. М. Сперанский, именуя Совет сословием, придавал этому органу политическое значение, т. е. рассматривал его в качестве учреждения, в некоторой мере ограничивающего деспотизм монарха[51]. А. В. Романович-Словатинский даже вступил в полемику со Сперанским: «Наш Государственный совет неправильно назван Сперанским сословием. Он вовсе не составляет корпорацию с политической властью, выражаемой его большинством. Его персонал, подобно персоналу царской думы, неопределенен, совершенно зависит от усмотрения государя; он не представляет собою никаких сословий, никаких партий или общественных институтов с поручением или полномочием поддерживать их и за них ходатайствовать»[52].

Против такого толкования решительно выступал Н. М. Коркунов. Он указал, что в Своде законов, составлением которого руководил Сперанский, термин «сословие» вполне однозначно используется для обозначения любого юридического лица[53], и в доказательство сослался на т. IX Свода, где сословиями называются церкви и монастыри, и т. X, где говорится: «Имущества частные суть все те, кои принадлежат частным лицам и сословиям лиц, как-то: компаниям, товариществам, конкурсам» (ч. 1, ст. 416). Он напомнил также, что сословием называли еще Совет при высочайшем дворе в царствование Павла I, когда он уж никак не мог иметь никакого политического значения.

Несмотря на очевидность приведенных фактических доказательств, точку зрения Н. М. Коркунова пытался опровергнуть В. Г. Щеглов. Для подтверждения того, что в первые годы XIX века под сословием понимали не юридическое лицо вообще, а политическое учреждение, ограничивающее власть императора, — прообраз парламента, он приводит высказывания некоторых сторонников сенатской реформы 1802 года, где Сенат именуется «почтенным сословием»[54]. Но мнение об олигархических и конституционных планах «сенатской партии» столь же малоубедительно[55], как и то, что термин «сословие» использовался в начале XIX века только для обозначения парламентского типа учреждений. Под сословиями тогда понимали если уж не любое юридическое лицо, то во всяком случае любое высшее коллегиальное учреждение.

Статья III

Это одна из основных, если не основная статья, определяющая статус Государственного совета, подчеркивающая полную зависимость его от императора. Правда, из этого правила в

51 См.: Алексеев А. С. Русское государственное право. СПб., 1892, с. 290; Эйхельман О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и устава о службе по определению от правительства. М., 1890, с. 6.

52 Романович-Словатинский А. В. Система русского государственного права, т. 1. Киев, 1886, с. 182.

53 См.: Коркунов Н. М. О значении формулы «вняв мнению Государственного совета». — Юридическая летопись, 1892, № 12, с. 351—353.

54 Щеглов В. Г. Указ. соч., с. 475—478.

55 См. подробнее: Казанцев С. М. Сенатская реформа 1802 г. — Правоведение, 1980, № 4.

1812—1814 годах были сделаны исключения, которые значительно расширили права Совета, превратив его из сугубо совещательного органа в орган высшей исполнительной, с элементами законодательной, власти. 5 апреля 1812 г. Совету было адресовано два царских указа: 1) «О соединении Государственного совета департаментов законов и государственной экономии и правах оных во время высочайшего отсутствия из столицы» и 2) «О порядке производства дел во время высочайшего отсутствия из столицы». Первый предоставлял соединенным департаментам право отпускать суммы свыше 10 тысяч рублей, не ожидая царских указов, но немедленно докладывая об этом государю[56]. Второй наделял Государственный совет правом давать указания министрам, но опять же с последующим уведомлением императора[57].

Указом от 29 августа 1813 г. Государственному совету было дано право проводить свои решения, принятые большинством голосов, без извещения императора по всем делам, кроме принятия новых законов, установления или отмены налогов, сложения недоимок, возведения в дворянство и наказания дворян за преступления[58]. После возвращения императора в столицу эти полномочия Совета были отменены.

Статьи IV — IX

Государственный совет, как и все предшествовавшие ему совещательные органы при царе, формировался (вплоть до 1906 года) исключительно из представителей высшей бюрократии по усмотрению императора. В 1810 году было назначено 35 членов Совета, в дальнейшем их число постоянно увеличивалось, к концу царствования Николая I оно достигло 59, а к началу XX века — 60.

Большинство членов Государственного совета были дворянского происхождения. По подсчетам В. М. Голикова, в первой половине XIX века из 175 членов Совета лишь трое происходили из духовенства, остальные — дворяне, из них 82 — титулованные[59].

Вопреки ст. V в состав Государственного совета со дня его образования входили не только штатские, но и военные лица, причем число военных возрастало, так что к концу 1853 года почти половину его членов составляли генералы[60].

Решающую роль в Совете играли министры, вносившие на его рассмотрение подавляющее большинство дел, поскольку остальные члены Совета не обладали правом законодательной инициативы.

Вопреки ст. VII император редко лично председательствовал в Совете.

Первым председателем Совета в отсутствие императора был назначен государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. С 1812 по 1865 год председатель Государственного совета одновременно являлся и председателем Комитета министров. Прак-

56 ПСЗ, т. XXXII, № 25073.

57 ПСЗ, т. XXXII, № 25074.

58 ПСЗ, т. XXXIII, № 25668.

59 См. подробнее: Голиков В. М. Указ. соч., с. 10.

60 См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 130.

тически председатели Государственного совета занимали свои посты, как правило, в течение нескольких лет.

Статьи X — XVI

Первыми председателями департаментов были назначены: законов — граф П. В. Завадовский, военного — граф А. А. Аракчеев, гражданских и духовных дел — князь П. В. Лопухин, государственной экономии — Н. С. Мордвинов. Число членов департамента в «Образовании» определено не было. Впоследствии было установлено, что их не может быть менее трех. Учреждением Государственного совета 1842 года департаментам было предоставлено право приглашать по своему усмотрению к совещанию и лиц посторонних[61].

61 ПСЗ 2-е, т. XVII, № 15518, ст.ст. 10, 12.

В своих правах и привилегиях члены Государственного совета, как присутствующие в департаментах, так и назначенные к присутствию только в общих собраниях, были равны.

Статья XV не имела в виду постоянную сменяемость членов Совета. Как правило, новые члены Совета назначались лишь в связи со смертью их предшественников.

Собрания в департаментах назначались председателями по мере накопления дел, общие собрания проходили всегда по понедельникам. Назначение чрезвычайных заседаний и отмена очередных зависела от председателя Совета.

Все члены Совета, за редким исключением, в основном для членов императорской фамилии, обязаны были являться в установленные дни на общие собрания. В случае невозможности присутствовать по причине *болезни или законных нужд* они должны были заранее поставить в известность государственную канцелярию.

Отделение второе
ОСОБЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
Раздел I

Департамент законов, как и следует из его названия, предназначался только для обсуждения законов. Однако ни теоретических, ни юридических различий между законом и любым другим указом царя в Российской империи не было, по крайней мере в XIX веке. Впоследствии сам М. М. Сперанский признавал: «Совет назван в «Образовании» сословием, занимающимся только законодательными делами, а между тем к законам причислены уставы и учреждения, которые уже не суть законы, но меры к исполнению законов прилагаемые»[62]. Кроме того, департамент впоследствии стал рассматривать и административные дела, в особенности связанные с вопросами государственной службы, и даже судебные.

62 Щеглов В. Г. Указ. соч., т. 2, с. 389.

Военный департамент рассматривал небольшое число дел, преимущественно военно-хозяйственных, касавшихся снабжения армии продовольствием и оружием, расквартирования войск, утверждения штатов воинских учреждений, военных рас-

ходов. С каждым годом число дел в нем уменьшалось. В архиве департамента за 1813 год не значится уже ни одного дела[63]. В 1815 году управление военным департаментом было поручено Главному штабу[64], и с тех пор он находился в двойном подчинении. Собрания военного департамента заканчиваются в 1854 году. Формально он упразднен в 1901 году.

Департамент гражданских и духовных дел рассматривал преимущественно гражданские и уголовные дела в качестве апелляционной инстанции, а также ходатайства о причислении к дворянству. Количество судебных дел значительно возросло в 1813 году, когда в департамент были переданы из Комитета министров доклады и рапорты Сената. Нередко они после обсуждения в департаменте передавались на рассмотрение общего собрания Совета. В период деятельности М. М. Сперанского в этом департаменте рассматривались дела о совершенствовании работы государственного аппарата, но со временем они исчезли[65].

Основными задачами департамента экономии были обсуждение ежегодного бюджета и отчета о его выполнении, установление и изменение налогов, вопросы финансирования промышленности и торговли, в основном казенной. М. М. Сперанский в своем «Отчете в делах 1810 года» писал: «Есть меры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не может или не должно принимать на свою ответственность. Таковы суть налоги и подати. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться в виде непрерывной нужды и умножать народные тягости. Пусть рассчитывают их министры, **принуждает Совет**, а государь должен только прилагать к ним печать»[66]. Постепенно в департаменте возобладали средние и мелкие финансовые и хозяйственные дела — выдача единовременных пособий, устройство почтовых станций, строительство и ремонт и пр. В то же время с 1813 года прекращается обсуждение росписи доходов и расходов.

Нередко в практике Государственного совета действовали соединенные департаменты — законов и государственной экономии или законов и гражданских и духовных дел.

В 1832 году после поражения польского восстания и замены конституции королевства «Органическим статутом» был создан департамент дел Царства Польского. Но уже в 1837 году Николай I повелел дела и чиновников его перевести в другие департаменты. Окончательно он был ликвидирован в 1862 году[67].

В 1900 году был учрежден новый департамент — промышленности, наук и торговли.

Раздел II

Форма присяги не изменялась до 1906 года:

«Мы, нижеименованные, быв призваны к присутствию в Государственном совете, обещаем пред лицом всевидящего бога и обязуемся всеми священными клятвами верности и чести ис-

63 См.: Голиков В. М. Место Государственного совета в системе механизма российского абсолютизма в первой половине XIX века. — Сборник научных трудов ВЮЗИ. М., 1983, с. 96.

64 ПСЗ, т. XXXIII, № 26021.

65 См.: Голиков В. М. Государственный совет в России.., с. 21.

66 Щеглов В. Г. Указ. соч., т. 2, с. 373.

67 См.: Голиков В. М. Место Государственного совета.., с. 96.

полнять возложенную на нас должность по крайнему нашему разумению и силе, и на сей конец поступая как по словам общей присяги, так и сей особенной, помня единую общую пользу, потщимся всеми силами действовать ко благу империи, сохраняя, впрочем, в делах, нам вверяемых, надлежащую тайну; во уверение чего своеручно подписуемся»[68].

В первые месяцы 1810 года Александр I почти еженедельно присутствовал на общих собраниях Совета. Впоследствии, особенно после отставки М. М. Сперанского, интерес императора к Совету стал ослабевать. В последние годы царствования он посетил его лишь несколько раз. Наследники Александра I также не баловали Государственный совет своим вниманием, поскольку не придавали большого значения его мнению.

Когда император присутствовал в Совете, он занимал место напротив председателя, рядом с государственным секретарем. Члены императорской фамилии, назначенные к присутствию в общем собрании Государственного совета, занимали места по правую руку от председателя. Первым из великих князей членом Государственного совета был назначен Михаил Павлович, и произошло это 17 декабря 1825 г. С 1839 года в общем собрании присутствовал наследник престола, будущий император Александр II, причем до момента совершеннолетия (1841 г.) без права голоса.

Заседания Государственного совета проходили до 1821 года в Канцлерском доме, напротив Зимнего дворца, с 1821 по 1825 год — в Зимнем дворце, а затем в здании Эрмитажа. В 1884 году Государственный совет перебрался в специально для него приобретенное здание Мариинского дворца, где и размещался до 1917 года.

Раздел III

В списке дел, подлежащих обсуждению в Государственном совете, отсутствуют дела судебные. Но, несмотря на это, их число постоянно возрастало. 25 января 1812 г. был издан указ, по которому в Совет поступили судебные дела из Грузии[69]. Судебная компетенция Совета была расширена указом от 17 апреля 1813 г.[70]. Позже М. М. Сперанский отмечал, что с 1812 года Государственный совет «сделался местом судебным по делам, из Сената входящим»[71].

Однажды, в 1816 году, Государственному совету пришлось рассматривать уголовное дело в качестве суда первой инстанции. Суду был предан член Совета, управляющий военным министерством (в 1812—1815 годах), генерал князь А. И. Горчаков по обвинению в нанесении убытков казне невыгодными поставками. После нескольких заседаний дело в 1817 году было прекращено в связи со смертью обвиняемого[72].

С 1813 года предусмотренные п. 10 § 29 отчеты министров все чаще передаются на рассмотрение не в Государственный совет, а в Комитет министров, который становится главным конкурентом Совета в законосовещательной деятельности. Как ут-

68 Государственный совет. 1801—1901 гг. СПб., 1901, приложение.

69 См.: Голиков В. М. Государственный совет в России..., с. 18.

70 ПСЗ, т. XXXII, № 25371.

71 Сперанский М. М. О государственных установлениях. — Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859, кн. 3, с. 39.

72 См.: Государственный совет, с. 28.

верждает П. А. Зайончковский, в первой половине XIX века «первое место среди высших государственных учреждений принадлежало, бесспорно, Комитету министров»[73]. Того же мнения придерживаются Н. П. Ерошкин[74] и В. М. Голиков[75].

В § 30 указаны далеко не все дела, изъятые из обсуждения в Государственном совете. Кроме Комитета министров в качестве законосовещательного органа выступали: военный и адмиралтейств-советы, кавказский, сибирский и другие комитеты.

Раздел IV

В разделе подчеркивается совещательная роль Государственного совета. По «Образованию», Совет не был полностью лишен права законодательной инициативы, но воспользоваться им он мог только через подчиненную ему комиссию составления законов. Члены Совета и даже департаменты этого права не имели. Но с передачей в 1826 году кодификационных работ в ведение Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии комиссия составления законов была ликвидирована, и тем самым Совет утратил законодательную инициативу вовсе. Согласно Учреждению 1842 года, он не мог даже дополнять закон по делам частным, что было предусмотрено § 41 «Образования», а обязан был доводить свои решения до сведения Второго отделения, чтобы оно уже решало вопрос об изменении или дополнении закона.

Департаменты рассматривали дела, поступившие к ним или от министров, или непосредственно от императора (§ 33), а также из комиссии составления законов (§ 86) и комиссии прошений (§ 103). Большинство дел вносилось министрами, которые были наиболее активными членами Совета. Так, в первой половине XIX века только министр юстиции «вносил в Совет около трети всех дел, рассматривавшихся департаментом гражданских и духовных дел»[76]. Причем несогласие министров с решением департамента имело характер отлагательного вето.

В 1842 году были внесены изменения в правило, содержащееся в § 39. Помимо прочих в общее собрание Совета стали поступать и те дела, которые указаны в данном параграфе, если по ним возникали разногласия в департаменте, или они отменяли решения Сената, или противоречили предложениям министров.

Раздел V

Порядок производства в общем собрании аналогичен существовавшему в департаментах, только еще более детализирован в законе. В течение почти ста лет он не претерпел серьезных изменений.

С 1816 года мнения всех департаментов Совета, за исключением департамента законов, стали представляться императору не в журналах, а в отчетах-мемориях, которые подписывали председатель Совета и государственный секретарь. В 1820 году это правило было распространено на департамент законов, а в

73 Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 134.

74 См.: Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981, с. 102.

75 См.: Голиков В. М. Указ. соч., с. 19.

76 Там же, с. 19—20.

1842 году и на решения общего собрания. Вносились и другие, менее значительные изменения. Так, в 1822 году было уточнено, что, в соответствии с § 54, мнения членов Государственного совета должны представляться только на русском языке.

Раздел VI

Не находя существенных юридических различий между законами, уставами и учреждениями, М. М. Сперанский довольно произвольно относил к первой категории наиболее значительные и стабильные, на его взгляд, акты. Перечень законов был им дан во «Введении к уложению государственных законов», он невелик: «Сила и именование закона присвояется следующим постановлениям: 1) уложению государственному и законам органическим, ему принадлежащим; 2) уложению гражданскому; 3) уложению уголовному; 4) уложению коммерческому; 5) уложению сельскому; 6) всем общим дополнениям и изъяснениям предметов, в уложения сии входящих». Но тут же автор уточняет: «Сверх сего вносятся в законодательное сословие и подчиняются порядку закона следующие уставы и учреждения: 7) устав судебный; 8) все уставы, определяющие положение какой-либо части в связи ее с другими; 9) общие судебные и правительственные учреждения, как-то: учреждение новых судебных и правительственных мест; 10) все постановления о налогах и общих народных повинностях, как временных, так и всегдашних; 11) продажа и залог государственных имуществ и исключительных на них привилегий; 12) вознаграждения частных лиц за имущества, для общей пользы необходимые»[77]. А в «Образовании», как видим, уже все уставы и учреждения по характеру обсуждения в Государственном совете приравниваются к законам.

Раздел VII

Долгое время в русской дореволюционной литературе бытовало мнение, что формула *вняв мнению Государственного совета* означала определенное ограничение власти монарха. Его отстаивали А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич, А. В. Романович-Словатинский, М. В. Владимирский-Буданов, А. С. Алексеев, В. Г. Щеглов и другие[78]. Против такого взгляда в 1892 году выступил Н. М. Коркунов, который привел доказательства того, что Государственный совет ни по проектам Сперанского, ни по «Образованию» 1810 года не имел никакого ограничительного для самодержавия значения. Справедливо утверждая, что эта формула в представлении и М. М. Сперанского, и императора означала лишь «выслушав мнение», с которым последний мог и не согласиться[79], Н. М. Коркунов обратил внимание исследователей на тот факт, что она использовалась в законодательстве лишь два с половиной года и встречалась только в 31 манифесте, причем последний датируется 7 июля 1812 г. Уже позже, подвергнув законодательство первой четверти XIX века более тщательному изучению, В. Г. Щеглов нашел

77 Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 176—177.

78 См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1887, с. 210; Сергеевич В. И. Лекции и исследования. СПб., 1897, с. 762; Романович-Словатинский А. В. Система русского государственного права. Киев, 1886, т. 1, с. 183; Владимирский-Буданов М. В. Обзор истории русского права. Киев, 1888, с. 231; Алексеев А. С. Русское государственное право, с. 297—298; Щеглов В. Г. Указ. соч., т. 2, с. 487—488.

79 См.: Коркунов Н. М. Указ соч., с. 356—357.

еще несколько манифестов с той же формулой: 5 — за 1817 год и по одному в 1822, 1823 и 1824 годах[80]. Н. М. Коркунов указал и на то, что, в отличие от положения о Непременном совете, в «Образовании» ничего не говорилось об обязанности императора соглашаться с большинством Совета. Абсолютная независимость царя от решений большинства членов Государственного совета подтверждается практикой: из 242 дел, по которым голоса в Совете разделились, Александр I утвердил мнение большинства лишь в 159 случаях, причем несколько раз он присоединялся к мнению лишь одного члена совета. Кроме того, бывали случаи, когда по судебным делам он утверждал заключения Сената или департамента гражданских и духовных дел вопреки мнению общего собрания Государственного совета[81].

В советской исторической и юридической литературе не вызывает сомнения тот факт, что Государственный совет, как и все предшествующие ему высшие совещательные органы, ни в коей мере не ограничивал власть абсолютного монарха. Но вместе с тем нельзя признать простым недоразумением, ошибкой технического характера приписывание дворянской и буржуазной историографией формуле *вняв мнению Государственного совета* большего значения, нежели она имела в действительности. В конце XIX — начале XX века это было важно для показа преемственности эволюции самодержавия в сторону ограниченной буржуазной монархии. Кроме того, данная формула была, действительно, нетипичной в праве абсолютной монархии. И если она не имела никакого конституционного значения, то во всяком случае позволяла по-разному истолковывать ее смысл, что в условиях начинавшегося революционного движения представляло определенную угрозу авторитету царизма. Вот почему в царствование Николая I эта формула не использовалась вовсе, а в «Учреждении Государственного совета» 1842 года она уже не упоминается. Характерно, что Николай I лично вычеркнул смущавшую самодержавие формулировку[82].

Раздел VIII

Комиссия составления законов в начале 1826 года была преобразована во Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которое и возглавляло все кодификационные работы вплоть до своего расформирования в 1882 году. После ликвидации Второго отделения при Государственном совете был создан кодификационный отдел, просуществовавший до 1893 года. На смену ему пришло отделение Свода законов, созданное в составе Государственной канцелярии.

Комиссия прошений возникла из существовавшей до 1810 года при Сенате конторы генерал-рекетмейстера, в которую поступали на имя императора жалобы, прошения и различные проекты. В 1835 году Комиссия прошений обособилась в высшее самостоятельное учреждение, возглавляемое особым статс-секретарем[83].

80 См.: Щеглов В. Г. Указ соч., т. 2, с. 482.

81 См.: Государственный совет, с. 25.

82 См.: Ерошкин Н. П. Указ. соч., с. 95.

83 См. там же, с. 92—93.

Наряду с названными при Государственном совете в разное время состояли и другие учреждения — комитеты, комиссии, временные присутствия. Так, в 1861—1882 годах действовал главный комитет об устройстве сельского состояния, в 1866—1871 годах — комитет по делам Царства Польского, в 1874—1881 годах — особое присутствие по воинской повинности, в 1884—1917 годах — особое присутствие для рассмотрения жалоб на департаменты Сената.

1811 Г., ИЮНЯ 25
ОБЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ

Введение

«Общее учреждение министерств», разработанное М. М. Сперанским и утвержденное 25 июня 1811 г. Александром I, окончательно определило систему министерского управления в России и явилось завершением министерской реформы, начатой введением министерств в 1802 году. При разработке этого закона Сперанский учел и практический опыт деятельности министерств за 1802—1811 годы.

Новое разделение высшего управления по министерствам было провозглашено в манифесте 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих»[84]. Главная цель нового «разделения государственных дел» по министерствам заключалась в том, чтобы «в разделении дел государственных ввести более соразмерности, установить в производстве их более единообразия, сократить и облегчить их движение, означить с точностью пределы власти и ответственности и тем самым доставить порядку исполнительному более способов к скорому и точному исполнению». Манифест 25 июля 1810 г. определял пять сфер министерского управления: 1) «внешние сношения», 2) «устройство внешней безопасности», 3) «государственная экономия» (в эту сферу входило управление финансами, промышленностью и торговлей), 4) «устройство суда гражданского и уголовного» и 5) «устройство внутренней безопасности». Эти сферы управления были разделены по министерствам: 1) иностранных дел, 2) военному, 3) морскому, 4) финансов, 5) внутренних дел, 6) народного просвещения, 7) полиции и 8) юстиции. На правах министерств были выделены: Главное управление путей сообщения, Главное управление духовных дел разных исповеданий, Государственное казначейство и Ревизия государственных счетов (Государственный контроль).

84 ПСЗ, т. XXXI, № 24307.

Изданный 17 августа 1810 г. манифест «О разделении государственных дел по министерствам»[85], содержал «означение предметов» (т. е. круга вопросов), передаваемых в ведение вновь образуемых министерств и главных управлений.

85 ПСЗ, т. XXXI, № 24326.

Разделение сфер высшего управления по министерствам, определенное манифестами 25 июня и 17 августа 1810 г., было закреплено изданным 25 июня 1811 г. «Общим учреждением ми-

нистерств». Оно устанавливало четкое разграничение функций между министерствами и главными управлениями, единые принципы их организации и общий порядок прохождения в них дел.

Закон «Общее учреждение министерств» состоит из двух частей — «Образование министерств» и «Общий наказ министерствам». Главы подразделены на параграфы (или статьи), каковых в общей сложности насчитывается 401, а некоторые из них — на пункты. Наиболее крупные главы закона подразделяются на отделения, объединяющие параграфы по определенному вопросу. В первой части, состоящей из пяти глав, определены: 1) разделение государственных дел по министерствам и главным управлениям, с наименованием этих ведомств (гл. 1), 2) круг дел, подлежащих ведению министерства или главного управления (гл. 2), 3) их структура (гл. 3), 4) порядок назначений, увольнений, производства в чины, присуждения наград чиновникам министерства или наложения на них взысканий (гл. 4) и 5) порядок прохождения дел в подразделениях министерств и главных управлений (гл. 5). Вторая часть, состоящая из десяти глав, определяет: 1) степень предела власти и порядок ответственности министра или главноуправляющего (гл. 1 и 5), 2) место министерства (главного управления) в системе государственных органов, отношение министра (главноуправляющего) к высшим законодательным, административным и судебным органам, а также к подчиненным министерству (главному управлению) учреждениям, отношения министров между собою и *лицами, им равными* (гл. 2—4), 3) права и обязанности директоров департаментов, начальников отделений, столоначальников, секретарей и прочих чиновников министерства (гл. 6—10).

В манифесте, предваряющем текст закона «Общее учреждение министерств», в пункте 2 значится: «Сверх сего Общего учреждения все министерства снабжены будут, на основании оного, особенными учреждениями, кои непосредственно за сим, по мере их окончания, будут издаваемы и приводимы в исполнение». В тот же день, 25 июня 1811 г., были изданы разработанные М. М. Сперанским «особенные учреждения» двух министерств — Министерства полиции и Министерства финансов[86]. В том же году подобные проекты «особенных учреждений» были подготовлены для Министерства военно-сухопутных сил, Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. В связи с опалой и ссылкой в марте 1812 года Сперанского эти проекты, обсуждавшиеся в Государственном совете, не получили силы закона.

86 ПСЗ. т. XXXI, № 24687, 24688.

Впоследствии в систему министерств и главных управлений неоднократно вносились изменения.

Текст закона воспроизводится по его первому официальному изданию — «Общее учреждение министерств». СПб., 1811, ч. 1—2.

МАНИФЕСТ 25 ИЮНЯ 1811 Г. ОБ «ОБЩЕМ УЧРЕЖДЕНИИ МИНИСТЕРСТВ»

В манифесте 25 июня 1810 года при установлении общего разделения государственных дел предназначено было все постановления, к окончательному устройству министерств принадлежащие, соединить и издать в Общем министерском учреждении.

Ныне, по окончательном соображении всех предметов, к сему принадлежащих, вняв мнению Государственного совета, повелеваем:

1. Прилагаемое при сем Общее министерств учреждение привести в надлежащую его силу и действие.

2. Сверх сего Общего учреждения все министерства снабжены будут на основании оного, особенными их Учреждениями, кои непосредственно за сим, по мере их окончания, будут издаваемы и приводимы в исполнение.

ОБЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ

Часть I
ОБРАЗОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВ

Глава I
Общее разделение государственных дел

§ 1. Все дела государственные в порядке исполнительном разделяются на 5 главных частей:

I. Внешние сношения.

II. Устройство внешней безопасности.

III Государственная экономия.

IV. Устройство суда гражданского и уголовного.

V. Устройство внутренней безопасности.

§ 2. Число министерств и главных управлений в каждой части определяется пространством ее и существом дел.

§ 3. На сем основано следующее государственных дел разделение:

1. Внешние сношения: Министерство иностранных дел.

2. Устройство внешней безопасности: Министерство военное, Министерство морское.

3. Государственная экономия: Министерство финансов, Государственное казначейство, Ревизия государственных счетов, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения.

4. Устройство суда: Министерство юстиции.

5. Устройство внутренней безопасности: Министерство полиции.

К числу министерств вышеозначенных присоединяется Главное управление духовных дел разных исповеданий.

Глава II

Предметы каждого министерства и главного управления

§ 4. Предмет Министерства иностранных дел составляют все внешние сношения с принадлежащими к сему местами и лицами.

§ 5. К Министерству военному принадлежат все военные сухопутные силы, в составлении их, устройстве, продовольствии, снабжении и движении.

§ 6. К Министерству морскому принадлежат все морские военные силы, в составлении их, устройстве, продовольствии, снабжении и движении.

§ 7. Управление государственными доходами и расходами делится на 3 главные части.

В первой, под именем Министерства финансов, ведаются все источники государственных доходов, как-то: государственные имущества, дела горные, соляные, подати, сборы и пошлины всякого рода; дела внешней коммерции и управление таможен, доходы городские и земские, общие денежные повинности.

§ 8. Во второй части, под именем Государственного казначейства, ведается движение сумм, в доход поступивших.

§ 9. В третьей, под именем ревизии государственных счетов, производится поверка счетов по всем департаментам военным и гражданским.

§ 10. Главный предмет Министерства внутренних дел есть попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности. Посему к Министерству сему принадлежат дела о поощрении земледелия, колонии, внутренние переселения и разные ветви хозяйства, фабрики, внутренняя торговля, почты и публичные здания.

§ 11. Министерство народного просвещения ведает все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и те училища, кои особенно учреждены для образования юношества к отдельной какой-либо части управления, как-то: Горный корпус и другие сему подобные установления, кои, находясь в особенном ведомстве, сохраняют однако же в делах общих нужную связь и сношение с министром просвещения.

§ 12. Главное управление путей сообщения ведает все предметы, относящиеся как к сухопутным, так и водяным внутренним сообщениям, на точном основании особенных его учреждений.

§ 13. Все, что принадлежит к устройству судебного порядка, составляет предмет Министерства юстиции.

§ 14. Министерство полиции ведает все учреждения, к охранению внутренней безопасности относящиеся.

§ 15. К Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий принадлежат все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий, исключая судные их дела.

Глава III
Управление и состав министерств

§ 16. Управление каждого министерства вверяется лицу, по непосредственному его императорского величества избранию определяемому со званием министра, главного директора или главноуправляющего.

§ 17. В отсутствие министра, или во время болезни, его управление вверяется товарищу его в тех министерствах, где звания сии ныне состоят или впредь установлены будут.

§ 18. Министерство управляется по точному разуму и силе сего общего и частных учреждений и других существующих и впредь издаваемых узаконений.

§ 19. Главные части, министерство составляющие, суть: 1. Департаменты, 2. Совет министра, 3. Общее присутствие отделений, 4. Канцелярия министра, 5. Особенные установления, при некоторых министерствах состоящие.

Отд. I. — СОСТАВ ДЕПАРТАМЕНТОВ

§ 20. Каждый департамент делится на столько отделений, сколько есть главных частей, и по тому же порядку отделения делятся на столы.

§ 21. Каждый департамент состоит в управлении одного директора, который и ответствует за точное исполнение всего, что постановлено уставом и учреждением той части.

§ 22. При директоре полагается секретарь для исправления разных дел и поручений, общих всем отделениям.

§ 23. Каждое отделение департамента имеет начальника отделения, и каждый стол управляется столоначальником.

§ 24. В числе отделений при каждом департаменте состоит архив.

Отд. II. — СОСТАВ СОВЕТА ПРИ МИНИСТРЕ

§ 25. В министерствах, коих предметы по пространству их разнообразию разделены на многие департаменты, для рассмотрения дел, требующих по важности их общего соображения, учреждается Совет министра.

Предметы его означены подробно в 5-й главе сего учреждения.

§ 26. В Министерствах военных, так как и в Министерстве иностранных дел, соединение всех департаментов сохраняет имя коллегий.

§ 27. Совет министра составляется из всех директоров департаментов.

§ 28. Совет составляется под председательством министра, или его товарища, или же одного из директоров, по усмотрению министра.

§ 29. В Министерствах военных могут присутствовать в Совете особые члены, по временам к тому определяемые.

§ 30. Во всех министерствах в Совет могут быть прилагаемы, по усмотрению министра и по свойству дел, члены посторонние, как-то: владельцы заводов по мануфактурам, знаменитое купечество по делам коммерческим и тому подобные.

Отд. III. — СОСТАВ ОБЩЕГО ПРИСУТСТВИЯ

§ 31. В департаментах, коих предметы по пространству их и разнообразию разделены на многие отделения, для рассмотрения дел, требующих общего соображения, составляется Общее присутствие. Предметы его означены подробно в 5-й главе сего учреждения.

§ 32. Общее присутствие департамента составляется под председательством директора из начальников отделений.

§ 33. В Общее присутствие могут быть приглашаемы члены посторонние, как-то: фабриканты, заводчики и тому подобные, по усмотрению директора.

§ 34. По части ученой, художественной и искусственной в Общем присутствии могут быть особые члены, определяемые министром по представлению директора.

Отд. IV. — СОСТАВ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА

§ 35. Для производства общих дел, до всех департаментов относящихся, и для предметов, непосредственно разрешению министра подлежащих, учреждается Канцелярия.

§ 36. Канцелярия министра делится на отделения и столы, соразмерно количеству и роду дел.

§ 37. Канцелярия управляется директором и состоит из начальников отделений, из секретарей и нужного числа писцов.

§ 38. В некоторых министерствах, как-то: в иностранном, обоих военных и полиции, Канцелярии министров учреждаются на особенном положении, роду дел их свойственном и частными учреждениями определенном.

Отд. V. — СОСТАВ ОСОБЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

§ 39. В тех департаментах, кои по пространству их дел состоят из многих отделений, для общей связи письмоводства учреждается особенная канцелярия при директоре.

§ 40. Для управления сей канцелярии полагается правитель канцелярии; под его ведением состоят журналист, экзекутор, казначей и нужное число их помощников.

§ 41. В тех департаментах, кои имеют в ведомстве и управлении своем знатные суммы, полагаются, под непосредственным ведением директоров, счетные отделения, или счетные столы, смотря по числу и свойству сих дел. Счетные отделения разделяются на столы контрольный и бухгалтерский.

§ 42. Счетные отделения состоят под ведением начальников отделений. Для управления столов по счетной части полагаются контролеры и бухгалтеры, а по прочим столоначальники с нужным числом помощников.

§ 43. В министерствах, кои по роду вверенных им дел имеют некоторое отношение к судной или тяжебной части, назначаются для сего особенные установления, как, например: в Министерстве военном, в управлении горном и других.

§ 44. Некоторые из департаментов, по свойству вверенных им дел, имеют особенные установления, к наукам и художествам принадлежащие, как-то: ученые комитеты, чертежные, лаборатории и тому подобные временные или всегдашние заведения.

§ 45. При некоторых департаментах определяются переводчики, и где нужно, их помощники.

§ 46. В некоторых департаментах под ведением министра и директоров полагаются особенные чиновники для исполнения разных поручений, для обозрений и поверки следствий и тому подобных занятий.

§ 47. Министерские канцелярии и департаменты могут иметь некоторое число молодых людей сверх штата для приобучения их к делам по разным частям ведения министерств и департаментов.

Глава IV

Порядок определения, увольнения, производства в чины и наград

§ 48. Министры и товарищи их определяются и увольняются по непосредственному высочайшему усмотрению.

§ 49. Директоры департаментов и канцелярии министра определяются и увольняются высочайшею властию по представлению министра.

§ 50. Начальники отделений и прочие чины, им равные, определяются и увольняются по представлению директора министру, а министр представляет их на высочайшее утверждение.

§ 51. Определение и увольнение всех прочих чинов, составляющих департаменты и канцелярии министра, производится министром по представлению директора.

§ 52. Определение и увольнение нижних канцелярских чинов, положенных по штату канцелярии и департамента, предоставляется директору.

§ 53. Все чиновники высших и нижних классов, при определении их к должностям, так как и при производстве в чины, обязаны дать законом установленную присягу: директоры и начальники отделений дают оную в Правительствующем сенате, прочие в департаментах.

§ 54. Увольнение в отпуски на один месяц с получением жалованья и более месяца без получения жалованья, производится на том же основании, как и определение к должностям, то есть: от кого зависит представление и определение к местам и утверждение на оных, от той же власти зависит и увольнение в отпуск.

§ 55. Отрешение от должностей и предание суду производится тем же порядком, как и определение к местам и увольнение от оных.

§ 56. В упущениях должностей и отступлениях от закона, открывшихся по делам и следствиям, директор предает суду чинов, им самим определяемых, а о прочих представляет министру.

§ 57. Представление о производстве в классные чины восходит от директора к министру, и от него по рассмотрении препровождаются, куда следует, по установленному порядку.

§ 58. По представлениям подчиненных департаменту начальств, директор, составляя под своим надзором списки, представляет министру удостоиваемых им к награждению чинами.

§ 59. Производство нижних неклассных чинов предоставляется директору.

§ 60. Представление к разным наградам по службе производится о директорах министром, а о прочих по предварительным представлениям директоров министру.

Глава V

Порядок производства дел

Положения общие

§ 61. Порядок производства дел во всех министерствах, департаментах и отделениях учреждается на общих правилах единообразно; изъятия же из сих правил в некоторых министерствах, по различному свойству их дел, определяется особенными их учреждениями.

§ 62. Первоначальная обязанность каждого министерства есть собрать и составить самые верные сведения о настоящем положении его части о законах, уставах и учреждениях, к ней относящихся, так, чтоб все предметы, в состав ее входящие, содержимы были в точной известности.

§ 63. Собрав сии сведения и тем самым основав статистику каждой части, должно постепенно усовершать ее посредством срочных ведомостей, табелей и верных описаний. Сюда при-

надлежит собрание планов и карт в тех департаментах, в коих по свойству их дел сведения сии необходимы.

§ 64. Но в собрании сих сведений должно различать предметы существенные от мелких подробностей, из коих нельзя произвесть никакого общего о состоянии части заключения. Так, например: собрание великого числа ведомостей и табелей, коих ни поверить, ни свести в одно общее заключение невозможно, была бы работа тщетная, и навлекла бы лицам подчиненным заботливый труд, а департаменту запутанность и смешение.

§ 65. Составив таким образом точное сведение о положении своих частей, Министерство обязано стараться о дополнении его уставов и учреждений.

***Примечание.** К составлению уставов комиссия законов, по общему ее плану, сделает особенные начертания и доставит их в министерства, где будут они соображены, дополнены местными подробными сведениями и потом представлены в свое время и порядком для сего установленным в Государственный совет на окончательное усмотрение.*

§ 66. Уставы и учреждения по временам должны быть дополнямы разными постановлениями, кои по течению дел представятся необходимыми.

§ 67. Чем точнее и полнее в каждом департаменте собраны будут сведения о положении его части, чем яснее и совершеннее будут его уставы и учреждения, тем производство дел будет правильнее, и число их менее.

§ 68. Постепенное уменьшение числа дел есть самый главный признак благоустроенного министерства, а умножение их есть знак расстройства и смешения.

§ 69. Образ производства дел заключает в себе: 1) порядок вступления дел, 2) движение их, или собственно так называемое производство, 3) отправление дел, 4) ревизию и 5) отчеты.

Отд. I. — ВСТУПЛЕНИЕ ДЕЛ

§ 70. Дела вступают или непосредственно к министру через канцелярию или в департаменты министерство составляющие.

I. Вступление дел по канцелярии министра

§ 71. К министру вступают:

1. Высочайшие указы, повеления, постановления и учреждения. 2. Взаимные сношения министров, генерал-губернаторов и других лиц, равные звания носящих. 3. Представления от лиц подчиненных по делам особенной важности, требующим скорого разрешения или нового постановления, так как и повторительные представления, чинимые в тех случаях, когда места

подчиненные на первые их представления в департамент не получают в свое время разрешения. 4. Отзывы, на предписания министра последовавшие. 5. Жалобы на департаменты, ему подчиненные. 6. Дела секретные.

§ 72. Дела секретные надписываются: «В собственные руки».

§ 73. По делам, времени не терпящим, полагается особенная надпись: «Нужное».

§ 74. Все дела сии вступают в канцелярию министра, где для приема их содержится непрерывно дежурство.

§ 75. Дела секретные и нужные немедленно представляются министру.

§ 76. Прочие раскрываются в присутствии его ежедневно в назначенные часы.

§ 77. Бумаги секретные оставляются в канцелярии министра, где и чинится по оным исполнение.

§ 78. Из всех прочих бумаг министр, по усмотрению своему, может оставить в канцелярии те только, коих исполнение не терпит времени, или кои по важности своей требуют особенного его распоряжения.

§ 79. Канцелярия министра ведет общий журнал всех вступающих в оную дел, и сверх того каждое отделение канцелярии имеет свои журналы входящих дел. В сии последнии вносятся одни только те бумаги, кои для производства оставляются в канцелярии по его усмотрению, и кои не принадлежат ни к одному из департаментов.

§ 80. Журнал для входящих дел общий и частный разделяется на три части:

В первую часть вносятся высочайшие именные указы и повеления.

Во вторую обыкновенные бумаги, получаемые на имя министра.

В третью бумаги секретные.

§ 81. Бумаги, по внесении их в журнал, распределяются по департаментам и отделениям канцелярии, по их принадлежности.

§ 82. Для связи дел вообще наблюдается, чтоб бумаги сколь можно менее уклонялись от установленного им пути в департаментах. Канцелярия министра должна более заниматься правильным размещением дел и исполнением особенных приказаний министра, нежели производством дел обыкновенных, кои, без нужных в своем месте справок, редко без запутанности могут быть окончены.

II. Вступление дел по департаментам

§ 83. В департаменты вступают следующие дела:

1. Предписания министра. 2. Сношения других департаментов и отделений, как внутренних того же министерства, так и внешних. 3. Представления мест и лиц, подчиненных ми-

нистерству, по делам, требующим пояснения или разрешения, и по делам текущим и обыкновенным. 4. Отзывы их на предписания министра, за подписью директора последовавшие. 5. Доставление от них требуемых сведений и срочных ведомостей по установленному порядку. 6. Бумаги на имя министра, присылаемые в департамент из канцелярии министра.

§ 84. Все бумаги, поступающие в департамент, вносятся в общий журнал.

§ 85. Журналы департамента разделяются на три части:

В первую вносятся высочайшие указы и повеления, к исполнению департамента принадлежащие.

Во вторую все вообще бумаги, от министра и других мест и лиц, в департамент поступающие.

В третью дела, тайне подлежащие, где таковые находятся.

§ 86. По записке в журнал, бумаги распределяются по отделениям.

§ 87. Тем делам, кои отмечены нужными, содержится при директоре особенный реестр, и под смотрением его они немедленно изготовляются к докладу или исполнению.

§ 88. Каждое отделение департамента имеет свой частный журнал входящих дел.

§ 89. Журналы по отделениям содержатся под надзором начальников отделений положенными при оных канцелярскими чинами.

Отд. II. — ДВИЖЕНИЕ ДЕЛ

§ 90. Дела, вступившие в министерство, получают дальнейшее свое движение или производство по свойству их и принадлежности: 1) в канцелярии министра, 2) в департаменте, 3) в Совете министра, 4) в общем присутствии отделений, 5) в особенных установлениях.

I. Движение дел в канцелярии министра

§ 91. Директор канцелярии, разобрав бумаги по департаментам и отметив на них день вступления, докладывает о содержании их министру, и потом распределяет их по тем частям, к коим принадлежит их производство.

§ 92. При распределении бумаг по департаментам на тех из них, по коим министр признает нужным иметь вскорости объяснение или поспешить их отправлением, директор отмечает: «нужное».

§ 93. Надпись сия обязывает директора департамента не позже, как на другой день, представить министру нужные сведения и получить его разрешение. Бумагам сего рода содержится в канцелярии особенный краткий реестр.

§ 94. Никаких других резолюций на бумагах при первом их обозрении не полагается.

§ 95. Дела, в канцелярии министра для дальнейшего их

производства оставшиеся, по записке в журнал, разделяются директором канцелярии по отделениям, а где нет оных, по столам для исполнения резолюции, данной министром и означенной на самой бумаге директором канцелярии.

§ 96. Если по делам, производящимся в канцелярии министра, требуются справки, выписки и объяснения: то представляются оные в записках за подписанием начальника отделению и скрепою секретаря или столоначальника, по части коего дело производится.

§ 97. Директор канцелярии министра и начальники отделений могут требовать из подчиненных министерству мест всех нужных им справок и сведений.

II. Движение дел в департаментах

§ 98. Предписания министра и бумаги с надписью «нужное» и «в собственные руки» представляются немедленно директору и в то же время получают свое исполнение. Прочие бумаги, по получении их, пополняются всеми нужными сведениями и в назначенный час докладываются директору начальниками отделений.

§ 99. В прекращении излишней переписки бумаги докладываются в подлиннике без особенных выписей.

§ 100. Если дело по существу его требует пояснения или соображения с прежним производством, то в отделении, к коему оно принадлежит, составляется по оному записка за подписанием начальника отделения и скрепою столоначальника и представляется директору.

§ 101. Вообще все справки, сведения, записки, переводы и тому подобное, не иначе могут быть представляемы, как за подписанием тех, коими они были составляемы.

§ 102. Дела в отношении к их приготовлению и исполнению разделяются на ***текущие, чрезвычайные и не терпящие времени.***

§ 103. Под именем ***дел текущих*** *разумеются: 1. Все дела, входящие в департамент по срокам и правилам единообразным, как-то: срочные ведомости, донесения о получении предписаний и тому подобные. 2. Представления об определениях, увольнениях, паспортах, наградах и поощрениях, на кои существуют единообразные правила. 3. Дела обыкновенные, коих разрешение требует единого соображения с уставом, учреждениями или предшествовавшими предписаниями. 4. Все сведения, служащие к объяснению дела и к приуготовлению его нужными справками. 5. Дела, следующие к обнародованию для повсеместного сведения и извещения.*

§ 104. Все дела текущие разрешаются в департаменте. Исполнение по оным изготовляется в своем отделении: они подписываются директором, скрепляются начальником отделения, и отправляются немедленно. Бумаги, в коих сообщаются только нужные сведения, подписываются одним начальником отделения.

§ 105. Из дел текущих, по изготовлении их, представляются министру следующие: 1. Дела, предполагающие переписку с местами и лицами, министру равными. 2. Те дела, кои особенно предназначит он к своему усмотрению или разрешению, как-то: определение, увольнение, награды, назначение сумм, сведения о их движении и тому подобное.

§ 106. Под именем ***дел чрезвычайных*** *разумеются:*

1. Все те дела, кои не могут быть разрешены существующими положениями, и требуют новых правил и дополнений. 2. Дела и происшествия, требующие, по важности их, принятия особенных мер, взыскания ответов, подтверждений, или преданий суду за упущения или злоупотребления.

§ 107. К делам, ***не терпящим времени****, относятся следующие:*

1. Исправление каких-либо хозяйственных заведений, коих расстройство могло бы навлечь важные убытки или остановить их действие. 2. Наполнение праздных мест, в отвращение запущения дел или беспорядка в управлении. 3. Разрешение дел, имеющих срочное время, законом, обстоятельствами, или существом их определяемое. 4. Остановление каких-либо мер, операций или заведений, коих дальнейшее действие могло бы причинить неизбежный убыток и вред. 5. Разрешение дел, заключающих в себе участь подсудимых. 6. Разрешение дел относительно собственности частных людей, в коих умедление может произвести важные потери.

§ 108. По всем делам вышеозначенным начальник отделения докладывает директору без малейшего умедления, наблюдая, чтоб представления были сделаны и разрешения были посланы, куда следует, благовременно, смотря по расстоянию мест, времени и обстоятельствам.

§ 109. Все дела чрезвычайные и вообще дела, коих существо требует разрешение министра, по приведении их в Департаменте в надлежащую ясность, представляются министру записками, с мнением директора и за его подписанием и скрепою начальника отделения.

§ 110. Для сего каждый директор имеет определенные часы доклада.

§ 111. Разрешения министра кратко излагаются на тех же записках директором и по оным изготовляются в отделениях надлежащие исполнения.

§ 112. Разрешения сии суть или окончательные или содержат в себе только мнение министра и представляются на высшее их утверждение.

§ 113. По первым изготовляются в отделениях, под надзором самого директора, нужные отношения, кои и представляются к подписанию министру; а в удостоверение того, что исполнение точно учинено по разрешению его, бумаги сии наперед скрепляются директором.

§ 114. Бумаги второго рода излагаются в докладе или записке министра, и за подписанием его и скрепою директора вносятся, по существу их, на дальнейшее усмотрение.

III. Движение дел в Совете министра

§ 115. В Совет министра поступают:

1. Все дела и предположения, требующие нового учреждения или важных перемен в разных частях управления. 2. Случаи, требующие дополнения законов и учреждений, пояснения оных, или отмены и исправления. 3. Предположения о новых заведениях. 4. Новые изобретения, когда представлены будут к рассмотрению директором департамента или уважены министром. 5. Привилегии на изобретения. 6. Приобретения в казну или отдача из казны казенного имущества. 7. Требование сумм вообще на действие всех частей, подчиненных министерству, и в особенности употребление их на новые заведения. 8. Рассмотрение годовой сметы расходов и годовых отчетов. 9. Составление условий на подряды, поставки и другие предприятия. 10. Производство подрядов по разным частям, состоящим в ведении министерства. 11. Рассмотрение случаев несостоятельности и затруднений в подрядах, поставках и предприятиях. 12. Рассмотрение убытков и вреда, случившегося по казенному имуществу в ведении какого-либо лица или места. 13. Дела по притязаниям частных людей на казну, и по иску казны на частных людях. 14. Рассмотрение донесений чиновников, посылаемых для обозрения и освидетельствования разных частей, управляемых департаментом. 15. Рассмотрение основательных доносов по делам важным. 16. Рассмотрение дел по упущениям разных чиновников и решение о предании суду. 17. Производство в чины и определение наград вообще по департаментам. 18. Разные неудовольствия и жалобы служащих и частных людей на департаменты, если министр найдет их заслуживающими внимания.

§ 116. Сверх вышеозначенных дел предоставляется министру вносить и другие дела на усмотрение Совета, когда он признает их требующими общего уважения.

§ 117. Дела на рассмотрение Совета поступают или прямо из департаментов или из канцелярии министра.

§ 118. Никакое дело не может вступить на рассмотрение Совета, не быв предварительно рассмотрено в том департаменте, к которому оно по существу своему принадлежит.

§ 119. В тех министерствах, где при Совете не положено особенной канцелярии, дела, следующие к его рассмотрению, в виде записок препровождаются к директору канцелярии министра.

§ 120. Дела, требующие новых постановлений, законов, положений и учреждений, предлагаются Совету в виде записок, содержащих в себе изложение существа дела, причины и необходимость нового постановления или изменения прежних законоположений и проект нового постановления.

§ 121. По проектам новых заведений и изобретений предлагается Совету: сравнение с прежними заведениями и производствами того же рода, если они существуют; необходимость

или польза, способы и время к приведению сих предположений в исполнение.

§122. По привилегиям на изобретения предлагается Совету существо изобретения, его польза, условия изобретателя, способы и время, на которое требуется привилегия.

§123. По приобретению в казну или по отдаче из казны казенного имущества, излагается существо, качество и род имущества, предмет употребления, польза и необходимость продажи или приобретения, цена имущества, средства, время и образ уплаты.

§124. По составлению условий на подряды, и по другим разным случаям, и по производству самих подрядов должно быть показано существо дела, необходимость и польза подряда и все содержание условий от слова до слова.

§125. По рассмотрению убытков и вреда, случившегося по казенному имуществу, по делам в притязаниях частных людей на казну и по иску казны на частных людях должно быть изъяснено, какого рода, свойства и качества казенное имущество, в чем оно состоит и какую сумму на деньги составляет.

§126. Подобно сему и по прочим делам, вступающим в Совет, излагаются в записке кратко и ясно все существенные его обстоятельства.

§127. В каждой записке излагается мнение директора того департамента, к коему принадлежит дело.

§128. Решения Совета означаются в журнале, который составляется под особенным руководством директора канцелярии. Члены, не согласные с общим решением, представить могут особенные голоса.

§129. Журнал представляется министру директором канцелярии.

§130. От министра зависит принять мнение его Совета; но во всех случаях, когда дело представляется от него на высшее усмотрение, мнение Совета излагается кратко в докладе или записке, а потом уже постановляется заключение министра.

§131. Согласие министра изъявляется в журнале собственным его подписанием: «Исполнить».

§132. Совет сам собою никакой исполнительной власти не имеет. По утверждении министром исполнение предоставляется тому департаменту, до коего принадлежит самое дело. Изъятия из сего правила в тех министерствах, где на Совет могут быть возложены некоторые части исполнения, определяются особенными их учреждениями.

§133. Положения Совета, по утверждении их министром, получают окончательное в департаменте исполнение в следующих случаях:

1. Когда положения сии составляют одну меру, способ или образ исполнения высочайших указов и повелений, или содержат подробные распоряжения, на точной силе сих указов основанные, и не предполагают никакой в них отмены. 2. Когда полагается устроить какое-либо заведение из сумм, на сей

именно предмет уже определенных без нового отпуска или назначения. 3. Когда дело состоит только в том, чтоб признать какое-либо заведение или изобретение полезным, или же произвесть оному опыт из сумм, на сие уже определенных. 4. Введение новых изобретений в действо, когда не предполагают они отмены прежних того же рода заведений высочайше утвержденных, или же по обычаю и принятым правилам существующих и когда может быть сие исполнено из сумм, отпущенных на действие того же рода заведений. 5. Награды за изобретения, признанные полезными, когда они могут быть произведены из сумм, на то положенных, или по крайней мере из сумм остаточных по той части, по которой изобретение сделано, и когда они не превышают однако же 5000 рублей. 6. Приобретение в казну какого-либо имущества из сумм, отпущенных для сего предмета, или же для разных заведений, строений и помещений, для коих приобретенное имущество необходимо потребно, и когда сумма его не простирается выше 10 000 рублей.

Примечание. *1. Покупка разных припасов и потребностей для заведений и построений, производимых по указам и учреждениям, предоставляется разрешению департаментов и местных начальств на общем порядке или на особенных правилах, для каждого места предписанных. 2. Продажа разных произведений с фабрик и заводов производится департаментами и местным начальством, с обыкновенным отчетом и на основании существующих о том правил.*

7. Составление условий на подряды и заключение самых подрядов до 10 000 рублей, когда учреждениями или повелениями, к заключению их на высшие суммы, министерство не будет особенно уполномочено. 8. Несостоятельность подрядчиков, вообще убытки по казенному имуществу, дела по притязаниям частных людей на казну и по иску казны на частных людях, дела по взысканию разных недоимок, дела по упущениям чиновников, предполагающим убыток и потерю, когда сумма их, во всем деле заключающаяся, не превышает 10 000 рублей.

§ 134. По всем прочим делам, власть министра превышающим и принадлежащим к Государственному совету или к Правительствующему сенату, положения Совета изъясняются в представлении министра, и дело предается уважению высших мест, по его принадлежности.

IV. Движение дел в общем присутствии департамента

§ 135. Предмет и образ производства дел в общем присутствии департамента учреждается подробным приложением правил, постановленных для Совета министра.

§ 136. Сведения о получении или отпуске сумм, о разных припасах и вообще казенных имуществах, также ведомости, счеты и отчеты, разные требования сумм и вообще казенных капиталов, распределяются по счетным отделениям или столам.

§ 137. По части контрольной бумаги сии рассматриваются и поверяются по принятому порядку, согласно с существом дел и предметов.

§ 138. По бухгалтерской части счеты и разные сведения о приходах и расходах сумм и вообще капиталов, разносятся в бухгалтерских книгах по статьям, к коим они принадлежат.

§ 139. По поверке и рассмотрении вступивших бумаг по части контрольной, также по решении и исполнении оных по бухгалтерским книгам в части бухгалтерской, начальник отделения и контролер или бухгалтер с их помощниками по той части, к коей дела принадлежат, подписывают оные.

§ 140. Если найдутся неверности, отступления от порядка или закона и упущения, предполагающие потерю казенного капитала, то составляется подробная о сем записка и подписывается начальником счетного отделения, по части контрольной контролером, а по части бухгалтерской бухгалтером, с их помощниками, производившими дело.

§ 141. Начальник счетного отделения по сей записке докладывает директору.

В случаях, наводящих сомнение, начальник отделения прилагает к делу записку, содержащую оное, за своим подписанием, и требует объяснения, откуда следует.

§ 142. Где не положены счетные отделения, там управляющие счетными делами исполняют выше изъясненные обязанности и требуют объяснений. Для истребования оных из мест, не подчиненных департаменту, представляют они директору или начальнику отделения, смотря по существу и важности дела, изготовленные исходящие бумаги для подписания.

§ 143. Если бухгалтер после рассмотрения дел, поступивших к нему от контролера, найдет при разносе в книге по статьям неверности, упущения и отступления от закона и порядка, то во всяком случае докладывает директору.

§ 144. Если контролер или бухгалтер по департаментам, где не положены счетные отделения, найдут нужду в разрешении по какому-либо случаю или обстоятельству, то делают доклады директору при начальнике того отделения, к ведению коего дело принадлежит. На самом деле или на записке из оного полагается резолюция директора начальником отделения, и сия резолюция приводится в исполнение. Бухгалтеру же или контролеру дается разрешение запискою за подписанием начальника отделения и столоначальника.

§ 145. Все карты, планы, чертежи и рисунки поступают в ведение начальника чертежной, который и чинит по ним

надлежащее исполнение и производство по назначению директора.

§ 146. Начальник чертежной содержит описание всех карт, планов, чертежей и рисунков. Описание сие разделяется не только по каждому отделению департамента, но и по каждой части оного особенно.

§ 147. Начальник чертежной, в случае недоставления положенных карт, планов, чертежей и рисунков от подчиненных департаменту мест, может сам собою оных требовать, так как и разных объяснений, дополнений в описаниях и справок. В случае же подобных требований от мест, не подчиненных департаменту, представляет директору изготовленные исходящие бумаги для подписания.

Отд. III. — ИСПОЛНЕНИЕ И ОТПРАВЛЕНИЕ ДЕЛ

§ 148. Все бумаги, исходящие из министерства, делятся на два главные рода: одни из них содержат переписку министра, другие переписку департамента.

§ 149. Переписки сии различаются не по роду дел, но по различной степени власти, присвоенной министру и департаменту и подробно означенной во второй части сего учреждения.

§ 150. К переписке министра особенно принадлежат: 1. Объявление высочайших указов, на имя министра состоявшихся или на представления его последовавших. 2. Представления в Государственный совет, в Правительствующий сенат или на непосредственное высочайшее усмотрение. 3. Сношения с министрами, с генерал-губернаторами и другими лицами, ему равными. 4. Предписания департаментам, министерство составляющим. 5. Дела, тайне подлежащие.

§ 151. Все прочие бумаги, переписку министерства составляющие, принадлежат к его департаментам, исключая те случаи, где министр признает нужным сделать от своего имени подтверждение или понуждение.

§ 152. Все исходящие бумаги, переписку министра составляющие, изготовляются в департаментах по их принадлежности, скрепляются предварительно директором департамента и представляются министру к подписанию.

§ 153. Если министр признает изготовленное исполнение недостаточным, он поручает исправить и дополнить его под непосредственным своим руководством. В сем случае директор департамента не обязан уже скреплять исполнения, но для связи и порядка дел бумаги сии, по подписании их, вместе с прочими отсылаются в департамент, записываются в журнал исходящих и отправляются по их принадлежности.

§ 154. Бумаги секретные и по особенным поручениям министра, к предметам департамента не принадлежащие, изготовляются в канцелярии министра, представляются директором оной или начальником отделения и отправляются по принадлежности.

§ 155. Бумаги, составляющие переписку департамента, исходят из оного по определенной форме, за подписанием директора и за скрепою начальника отделения. Они изготовляются в своих отделениях и представляются директору на том же основании, как бумаги, изготовленные в департаменте, представляются министру.

§ 156. Бумаги, коих предмет есть требование или сообщение каких-либо сведений, запросы, справки и тому подобные, подписываются начальником отделения и отправляются за скрепою столоначальника.

§ 157. Никакая бумага не исходит ни из департамента ни из канцелярии прежде, нежели она будет внесена в журнал исходящих.

§ 158. Два журнала исходящих полагается как в департаментах, так и в канцелярии, — общий и частный.

§ 159. В общий журнал вносятся все бумаги, исходящие по департаменту и канцелярии, самым кратким означением их содержания. В частный вносятся все бумаги, исходящие по каждому отделению департамента и канцелярии, во всем пространстве (от слова до слова).

§ 160. В общий журнал вносятся все бумаги без различия, по мере их отправления. Бумаги, тайне подлежащие, не вносятся в общий журнал, но отправляются прямо по внесении их в журнал частный, особенно для сего назначенный.

§ 161. Частный журнал разделяется на три части: в одну вносятся высочайшие указы, по министерству исходящие, в другую переписка министра или департамента, в третью бумаги, тайне подлежащие, где они находятся.

§ 162. Отпуски всех бумаг прилагаются к делам и отдаются в свое время при надлежащих описях в архив.

§ 163. Архив имеет два рода описей: одну общую по алфавиту, другую частную, разделенную на столько частей, сколько есть отделений.

§ 164. Никакое дело и никакая выписка не исходят из архива вне департамента без точного приказания директора; в департаменте же дела и выписки обращаются по запросам начальников отделений.

§ 165. Для успешнейшего хода дел все бумаги отправляются прямо из каждого отделения, по записке содержания их в общий журнал. В частный журнал они вносятся с отпусков, при делах оставляемых. Отпуски сии должны быть сверены и скреплены подписью столоначальника.

§ 166. Исходящие бумаги отправляются за печатью того места, от коего они исходят. Посему каждый департамент и каждая канцелярия имеют свою печать с надписью. Хранение сей печати особенно вверяется директорам, а от них поручается начальникам отделений. Все бумаги должностные не иначе печатаются, как сими печатями. В частной и личной переписке разных чиновников строго запрещается употребление казенной печати, под опасением взыскания по законам.

§ 167. В делах, требующих публичного извещения просителей, вызова подрядчиков и тому подобных, положения и решения министров и департаментов доставляются для напечатания в Ведомостях, за подписанием министра, если объявление исходит от его имени, или директора, когда оно принадлежит к делам департамента.

Отд. IV. — РЕВИЗИЯ ДЕЛ

§ 168. От министра зависит, и для удостоверения в исправном течении дел в департаменте или отделениях, требовать самое производство оных на свое усмотрение или же нарядить одного или более чиновников для обозрения их дел, поверки ведомостей и вообще благоустройства департамента.

§ 169. Каждый месяц директор производит ревизию решенных и нерешенных дел по журналам входящих и нисходящих и представляет о них ведомости министру. Из сих ведомостей в конце года составляется в канцелярии общая ведомость по всем департаментам, где означаются и дела, особенно произведенные в канцелярии.

§ 170. Директор по усмотрению своему назначает, если находит нужным, в разные времена чиновников для осмотра успехов в производстве дел, и содержания оных в порядке по всем частям департамента.

§ 171. Ведомости о делах, ежемесячно представляемые министру, показывают перечнями одно число дел.

§ 172. Составление ведомостей сих производится по формам, какие даны будут от министра.

§ 173. Ведомости по ревизии дел должны быть представлены министру не позже 5 числа каждого месяца.

§ 174. Директор рассматривает подаваемый от начальников отделений список дел, совершенно оконченный производством, и назначает из оных следующие к отдаче в архив.

§ 175. Начальники отделений обязаны производить ревизию дел по столам, прежде представления оных на ревизию директору.

§ 176. Контролер или бухгалтер, где положены счетные отделения, равно начальник архива и начальник чертежной, подают сии ведомости директору непосредственно.

Отд. V. — ОТЧЕТЫ

§ 177. Три отчетов рода полагаются во всех министерствах: отчет в суммах, отчет в делах и отчет в видах и предположениях к усовершению каждой части.

I. Отчет в суммах

§ 178. Отчет в суммах представляет все обороты их по ежегодному расписанию или по чрезвычайным назначениям.

§ 179. Директор, свидетельствуя отчеты каждый месяц, представляет министру краткую ведомость о положении сумм.

§ 180. Из сих ведомостей в канцелярии министра составляется общее положение сумм по всем департаментам.

§ 181. Месячные ведомости содержат одни только обороты сумм по департаментам, то есть назначение оных и прием в ведение департамента, отпуск и назначение по главным местам, зависящим от департамента, но местный оборот и употребление означается в годовом отчете.

§ 182. Бухгалтер каждого департамента со своими помощниками, составляя месячные ведомости, доставляет их за своим подписанием вообще и подписанием помощников по частям, ими обработанным, контролеру для обревизования; также утвердив верность их подписью своею вообще и подписью помощников своих по частям, передает их начальникам отделений, каждому по своей части. Начальники отделений, получив сии ведомости, рассматривают и представляют их директору, а сей министру. Начальники отделений утверждают сии ведомости своим подписанием, каждый по своей части, а директор с начальником счетного отделения, где таковое положено, все вообще.

§ 183. Министр составит и предпишет к исполнению формы месячных ведомостей и годовых отчетов не только для каждого департамента, но и для каждого отделения, для каждого места, предмета и оборота сумм.

§ 184. Каждый год, в назначенный срок, директор за подписанием своим представляет министру отчет о движении сумм.

§ 185. Отчет в суммах должен быть представлен по всем главным оборотам, предметам и местам, общими перечнями, с объяснением оных в нужных случаях особенными приложениями.

§ 186. Годовой отчет в суммах должен заключать следующие главные статьи:

1. Остатки сумм и прочего имущества от истекшего года к тому, за который отчет отдается. 2. Приход сумм и прочего имущества в течение года. 3. Расход сумм и прочего имущества. 4. Оборот и движение сумм, согласно с их предназначением по годовой финансовой смете. 5. Произведения или прибытки от оборота и употребления сих сумм. 6. Употребление (приход и расход) сих самых произведений. 7. Прибыль и убыток сих самых сумм и произведений. 8. Остатки сумм и всего имущества.

§ 187. Каждая статья отчета из означенных в предыдущем § имеет свои разделения и подразделения, свойственные каждому департаменту, отделению, месту, предмету и образу употребления, и вообще обороту и движению сумм. Согласно с сим отчет должен содержать ясные перечни всех сих разделений.

§ 188. Бухгалтер департамента, на предписанном основании и по данным формам, составляет со своими помощниками отчет в суммах.

§ 189. Срок представления месячных ведомостей и годовых отчетов назначается министром.

§ 190. В счетном отделении канцелярии министра, по получении ведомостей от департаментов, составляется общая ведомость о суммах и разносится по статьям в книгах, дабы во всякое время можно было видеть положение и состояние каждой части.

§ 191. По предъявлении министру годовых отчетов, на том же основании, как сказано в предыдущем § о месячных ведомостях, составляется в канцелярии его общий годовой отчет.

II. Отчет в делах

§ 192. Отчет в делах представляется от департаментов министру в марте месяце каждого последующего года.

§ 193. Отчет должен в себе содержать по каждому департаменту:

1. Краткое начертание того положения, в коем по последнему отчету разные части находились.

2. Продолжение и принятие новых мер в течение года, с изъяснением причин и правил, на коих они основаны.

Примечание. Одни только важные меры составляют предмет отчета; дела текущие сюда не входят. О них прилагается только перечневая табель, означающая число их.

3. Состояние экономической части департамента. Сюда принадлежат суммы, определенные по общему расписанию, и чрезвычайные назначения, предметы и количество расходов, с приложением сравнительной табели предыдущего года.

4. Отчет в производстве дел на основании ведомостей, означенных в § 169.

§ 194. Каждое отделение в департаменте назначает подчиненным ему местам и лицам срок присылки описаний, сведений, ведомостей, счетов и объяснений по всем статьям, входящим в отчет.

§ 195. Каждое отделение по полученным сведениям составляет отчет по управляемой им части и представляет оный директору в назначенный срок, за подписанием начальника отделения.

§ 196. Директор, получив отчеты от всех отделений департамента, составляет общий отчет под непосредственным своим надзором.

§ 197. Из отчетов, представленных от департаментов, составляется общий отчет под особенным руководством самого министра.

§ 198. Отчеты о делах вносятся в Государственный совет, рассматриваются в его департаментах, и с примечаниями их поступают на уважение Общего собрания, а потом предаются тиснению во всеобщее известие.

III. Отчет о видах и предположениях к усовершенствованию каждой части

§ 199. Сверх сих общих отчетов каждый министр представляет особенный отчет непосредственно на высочайшее усмотрение о видах и предположениях его к усовершению вверенной ему части.

§ 200. Успешное управление каждой части предполагает твердый и постоянный план его усовершения.

§ 201. План должен содержать в себе главные виды и предположения, к коим министр имеет склонять и приводить все свои соображения постепенно и по мере возможности.

§ 202. Для составления сего плана министр требует от директоров, чтоб представили ему свои виды к усовершению разных частей, ими управляемых.

§ 203. План сей по уважении и рассмотрении его оставляется в кабинете его императорского величества.

§ 204. Каждый год, в назначенное время, министр представляет непосредственно отчет государю императору в исполнении сего плана и предлагает в нем нужные по обстоятельствам перемены или дополнения.

Часть II
ОБЩИЙ НАКАЗ МИНИСТЕРСТВАМ

§ 205. Общий министерский наказ определяет: 1) степень и пределы власти министров и их товарищей, 2) отношения их к разным установлениям, 3) сношения министров с разными местами и лицами, им равными, 4) действия министерств на подчиненные им управления, 5) силу и порядок их ответственности, 6) степень и пределы власти департаментов и их директоров, 7) обязанности канцелярии министра и ее директора, 8) обязанности разных чинов, составляющих департамент, и отношения их к директору, 9) силу и порядок ответственности директоров и других чиновников.

Глава I
Степень и пределы власти министров

§ 206. В порядке государственных дел министерства представляют установление, посредством коего верховная исполнительная власть действует на все части управления.

§ 207. Министерства установлены на тот конец, чтоб непрерывным действием их и надзором доставить законам и учреждениям скорое и точное исполнение.

§ 208. Существо власти, вверяемой министрам, принадлежит единственно к порядку исполнительному; никакой новый закон,

никакое новое учреждение или отмена прежнего, не могут быть установляемы властью министра.

§ 209. Все министры в действиях своих подчинены непосредственно верховной власти.

§ 210. Власть министров состоит в том, что они могут понуждать все подчиненные им места и лица к исполнению законов и учреждений.

§ 211. Последствия, от сей власти проистекающие, суть:

1. Определение и увольнение высших чиновников по представлениям министров и нижних собственным их утверждением.

2. Надзор за действием всех подчиненных мест и лиц; взыскание от них ответов в случае бездействия или неправильного исполнения; удаление от должностей и предание их суду в случае важных преступлений.

3. Разрешение силою существующих законов и учреждений всех затруднений, встречающихся при исполнении.

4. Принятие всех мер, нужных к действию законов или учреждений, когда они утверждены и обращены к исполнению министра.

§ 212. В обстоятельствах чрезвычайных, требующих высшего разрешения, когда не может быть отлагаемо без важного вреда или государственного ущерба, министры уполномачиваются действовать всеми вверенными им способами, не ожидая сего разрешения: но они обязаны доносить в то же время о принятых ими мерах и о причинах их настоятельности.

§ 213. Главные директоры и управляющие разными частями, хотя бы и не имели они название министров, но когда вверено им главное управление государственных дел, в общем разделении их отдельное министерство составляющих, имеют те же права, власть и обязанности, какие присвоены министрам, если особенными уставами и учреждениями не постановлено для них изъятия в распространении их власти или к ее ограничению.

§ 214. Во время отсутствия министров или за болезнию товарищи их исполняют все их обязанности, занимают во всех установлениях их места и имеют равную им степень власти и ответственности.

§ 215. Товарищи министров вступают в права их обязанности не иначе, как по высочайшему повелению, в Правительствующем сенате объявленному во всеобщее известие.

§ 216. В присутствии министров товарищи их сами собою не вступают ни в какое управление и не имеют власти исполнительной, но присутствуют в Совете министра, имея голос совещательный наравне с прочими членами того Совета.

§ 217. Дела, в коих министры по законным причинам не могут участвовать, поручаются их товарищам. По делам сим они вступают во все права и обязанности министров.

§ 218. Сверх сего от усмотрения министра зависит, с высочайшего дозволения поручить товарищу какую-либо отдельную

часть или департамент в управление; и тогда товарищ управляет сим департаментом на праве и с обязанностию директора.

§ 219. Если бы, по отсутствию министра, за болезнию его, или по причине других дел, временно ему порученных, признано было нужным вверить главное управление одному из директоров или же и лицу постороннему, тогда чиновник сей, по главному его управлению, вступает на сие время во все права и обязанности министра.

Глава II

Отношения министров к государственным установлениям

Отд. I. — ОТНОШЕНИЯ МИНИСТРОВ К ВЛАСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ

§ 220. Отношения министров к власти законодательной состоят в том, что они могут представлять о необходимости нового закона или учреждения, или об отмене прежнего.

§ 221. ***Государственный совет*** *есть средоточие, куда должны вступать все сии представления.*

§ 222. Представление должно содержать в себе: 1. Точное изложение существующих законов или учреждений; 2. Недостаток их или важные неудобства, опытом удостоверенные; 3. Предположения министра или проект закона или учреждения.

§ 223. Не прежде, как с точностию удостоверясь в недостатке или неудобствах закона или учреждения прежнего, министр должен приступать к предложению нового; и в сем случае он обязан обозреть существующие положения во всем их пространстве, сравнить все последствия нового закона с порядком предыдущим, показать причины, на коих порядок сей был основан, поколику причины сии могут быть известны, и потом предложить дело предварительно на общее уважение всех директоров, Совет министерства составляющих.

§ 224. Если предполагаемая вновь мера имеет связь с другими министерствами, то должно наперед сделать с ними все нужные сношения, дабы тем вернее учредиться в совокупном их содействии.

§ 225. В обширном круге дел, в разнообразной связи разных нужд и польз нельзя не встретить в исполнении разных затруднений и неудобств; но не все неудобства могут быть принимаемы поводом к новым постановлениям. Министр должен испытать прежде всего способы исправления, не выходя из порядка существующего, и потом измерив и сравнив неудобства, кои и от нового закона по самой новости его произойти могут, приступать к его предложению. Во всех министерствах, особливо же в тех, коих предметом есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтоб мерами излишнего надзора и многосложностию

правил не стеснить частной предприимчивости. Истинные способы сего управления должны состоять более в отвращении препятствий, нежели в точном и понудительном предписании путей, коими должна шествовать промышленность. Здесь скорее найти и указать их может частная польза, нежели закон.

§ 226. Когда закон или учреждение, по рассмотрении его в порядке, для законодательной части установленном, получит окончательное утверждение и доставлен будет министру, он обязан привести его в точное исполнение.

§ 227. Когда сила закона или учреждения, к исполнению доставленного, будет несогласна, или даже и противна первоначальным предположениям министра, он тем не менее должен его исполнить так точно, как бы сам его предложил.

§ 228. Сверх предметов, требующих нового закона, устава или учреждения, министры вносят на уважение Государственного совета по 29 статье его Учреждения:

1. Предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений. 2. Дела, требующие в законах, уставах и учреждениях изъяснения истинного их смысла. 3. Общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые. 4. Объявления войны, заключение мира и другие важные внешние меры, когда, по усмотрению обстоятельств, могут они подлежать предварительному общему соображению. 5. Ежегодные сметы общих государственных приходов и расходов, способы их управлений, назначение новых издержек, в течение года встретиться могущих, и чрезвычайные финансовые меры. 6. Дела, по коим отчуждается какая-либо часть государственных доходов или имуществ в частное владение. 7. Дела о вознаграждении частных людей за имущества, на государственные нужды взимаемые. 8. Отчеты всех министерств в управлении принадлежащих к ним частей.

Отд. II — ОТНОШЕНИЯ МИНИСТРОВ К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ, В ПОРЯДКЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ

§ 229. Отличное свойство дел, составляющих отношения министерств к высшей власти исполнительной, и различие их от предметов законодательных состоит в том, что они не предполагают никакого нового закона или учреждения, но требующих единого общего распорядка в исполнении принятых правил или единообразного в приложениях их к частным случаям.

§ 230. Предметы сии определяются не особенным существом самых дел, но степенью власти, потребных к разрешению их или исполнению.

§ 231. Правительствующий сенат есть средоточие дел сего рода. В нем разрешаются они по существующим законам и учреждениям.

§ 232. Где законы и учреждения недостаточны, или когда, по силе самых сих законов и учреждений, предмет требует непосредственного высочайшего разрешения или утверждения, там дело представляется на высочайшее усмотрение.

§ 233. Отсюда возникают два рода отношений министров к Правительствующему сенату: 1) по делам исполнительным общим и 2) по делам, требующим особенного высочайшего разрешения.

I. Об отношениях к Правительствующему сенату по делам исполнительным общим

§ 234. Дела исполнительные общие представляются на разрешение Правительствующего сената: 1) когда в образе исполнения встретится недоумение или затруднение, коего разрешение, не предполагая нового закона или отмены прежнего, зависит не от одного министерства, но от общего соображения и содействия других, 2) когда между разными частями управления, как в министерствах, так и в губернских начальствах, произойдет сомнение о точной принадлежности самого предмета исполнения, 3) когда действие принятой какой-либо меры или точное исполнение данных предписаний по одной части будет преграждаемо в другой предписаниями или мерами противными, или же бездействием и прекословием начальств подчиненных, 4) когда мера, приемлемая в одном министерстве, по существу своему зависит от соображения или требует содействия других, или когда, по течению дел, в одном министерстве признано будет нужным усилить принятые им меры содействием других, 5) когда признано будет нужным усилить исполнение принятых мер понуждением, штрафами и взысканиями, 6) когда предстанет нужда сделать общее (циркулярное) предписание в пояснение или подтверждение существующих правил и учреждений, 7) когда признано будет нужным собрать общие сведения, коих составление и предметы относятся не к одному министерству, но предполагают содействие других, 8) когда в какой-либо части управления правительство должно заключить с частными людьми контракты на знатную сумму, превышающую полномочие, присвоенное уставами и учреждениями разным местам и лицам, 9) когда пользы правительства или настоятельность дел в поставках и заготовлениях на знатные суммы, в предыдущей статье означенные, требовать будут сократить торги или сроки вызовов, сделать временную перемену или какое-либо ограничение в общем их обряде, или в существующих уже подрядах учинить лучший распорядок в движении их и сроках, или, наконец, по неявке желающих или по другим уважительным обстоятельствам представится нужным заменить подряд учреждением комиссии, или комиссию превратить в подряд, 10) когда по подрядам, поставкам, комиссиям и вообще по обязательствам частных людей с правительством возникнут недоразумения, споры, неисполнения и взыскания, и когда, в случаях сих, места и лица, Правительствующему сенату подчиненные, найдутся в зат-

руднении решить дело силою закона по неясности контрактов или по другим уважительным причинам, или когда на решения их принесены будут в Правительствующий сенат жалобы, 11) определения и увольнения от службы чиновников, коих утверждение по существующим узаконениям принадлежит Правительствующему сенату, 12) производство в гражданские чины до 6-го класса по силе существующих законов, 13) отрешение от мест и предание суду чиновников, определяемых Правительствующим сенатом.

II. Об отношениях министров по делам, требующим высочайшего разрешения

§ 235. К делам исполнительным, требующим особенного высочайшего разрешения, принадлежат вообще все предметы управления, предполагающие новый распорядок или дополнение правил, также ограничение, распространение или отмену мер, прежде правительством принятых и высочайше утвержденных.

§ 236. К сему же роду дел в особенности принадлежат: 1) определение и увольнение от службы тех чиновников, кои зависят от непосредственного высочайшего утверждения; 2) производство в гражданские чины, начиная с 6-го класса; 3) награды орденами и пенсионами; 4) отрешение от мест и предание суду чиновников, определяемых высочайшими повелениями; 5) грамоты, дипломы, патенты на чины и дворянское достоинство; 6) дела о сопричтении к сословию дворянства по доказательствам, в своем месте представленным и рассмотренным в Правительствующем сенате; 7) случаи, подлежащие высочайшему разрешению в порядке дворянских и купеческих выборов и по охранению прав, сословиям их присвоенных; 8) по делам государственного казначейства сравнительное положение кредитов и предварительная смета сумм, кои в течение каждого месяца министры по расписанию их потребовать могут.

§ 237. Дела, тайне подлежащие и чрезвычайные, хотя и принадлежат к общему составу управления, но образ доклада и порядок решения их установляется на особенных правилах и составляет предмет особенного учреждения.

Отд. III. ОТНОШЕНИЯ МИНИСТРОВ К ВЛАСТИ СУДЕБНОЙ

§ 238. Власть судебная во всем ее пространстве принадлежит Сенату и местам судебным.

§ 239. По сему никакое министерство само собою никого судить и никаких тяжеб решить не может.

§ 240. В Сенате дела тяжебные, прикосновенные к государственным имуществам, не решаются иначе, как по истребовании заключения от того министра, к коему принадлежит управление казенным имением, в тяжбе состоящем.

Глава III

Сношения министров с местами и лицами, им равными

I. Положения общие

§ 241. Поелику все министерства составляют единое управление, то ни одно из них не может отделяться от других ни в видах управления, ни в общей его цели. Разделение разных частей управления по министерствам не есть разделение самого управления, которое по существу своему всегда должно быть едино.

§ 242. Но при сем единстве управления ни один министр не должен сам собою и непосредственно входить в управление дел, вверенных другому.

§ 243. В делах, прикосновенных к разным министерствам, каждый министр обязан требовать содействия других посредством сношений.

II. Особенные сношения министров с казначейством или распорядок сумм, им вверенных

§ 244. Одна из существенных обязанностей всех министров есть учреждать благовременно, при наступлении года, все расходы, для движения их частей необходимые, и потом в течение года наблюдать, чтоб движение сие совершалось суммами, в расписании определенными, исключая случаи чрезвычайные, коих ни предвидеть, ни определить впредь невозможно.

§ 245. По сему общему правилу каждый департамент к сентябрю месяцу должен представить министру смету всех сумм, кои на движение его необходимы.

§ 246. Министр, сообразив все сметы сии со штатами и разными предметами расходов, составляет из них общую смету по всей вверенной ему части, и в конце сентября месяца доставляет оную министру финансов.

§ 247. Министр финансов, сообразив смету сию с правилами, в особенном наказе его определенными, составляет общее расписание доходов и расходов будущего года и вносит оное в Государственный совет.

§ 248. По утверждении общего расписания каждому министру открывается в казначействе кредит на ту сумму, которая в расписании для части его будет назначена.

§ 249. Сообразно сему кредиту казначейство распоряжает отпуск сумм по каждому министерству, наблюдая то правило, чтоб расходы постоянные, как-то: жалованье и прочее, удовлетворяемы были по срокам, а расходы переменяющиеся, как-то: потребности заготовления и прочее, не иначе, как по востребованию действительной нужды.

§ 250. А дабы казначейство могло удобнее и благовременнее распоряжаться в отпуске требуемых сумм, то каждый месяц министры представляют положение их кредитов и предварительную смету сумм, кои в течение того месяца по расписанию потребовать они могут.

§ 251. По рассмотрении сих требований производится из казначейства отпуск по сношению министра за его подписанием. Отпуски сии не требуют уже дальнейшего и особенного на каждый предмет высочайшего утверждения.

§ 252. Каждый министр, получив свое расписание, должен так распорядиться в своей части, чтоб без самой крайней необходимости не выступать из ее пределов и не требовать прибавок, разве только в чрезвычайных и самых непредвидимых случаях.

§ 253. Чрезвычайные и непредвидимые требования, не вошедшие в годичное расписание, вносятся от министров в Государственный совет, и утверждаются по правилам, ему данным.

§ 254. Под именем непредвидимых издержек разуметь должно только те, кои при составлении расписания действительно предвидеть и определить было невозможно.

§ 255. В числе сих издержек случиться могут предметы, кои по крайней настоятельности их не могут терпеть ни малейшего отлагательства, или же по существу их подлежат тайне. Об издержках таковых министры испрашивают непосредственно высочайших повелений и относятся прямо к министру финансов, который, удовлетворяя таковые расходы из особенной суммы, в распоряжение его для сего определяемой, представляет Государственному совету счеты сих отпусков каждый раз, когда сумма, для них определенная, вся употребится, и тогда требует нового оной назначения.

§ 256. К сему роду издержек, учреждаемых посредством срочных счетов, должны принадлежать и разные, маловажные, непредвидимые и текущие выдачи, не превышающие на один предмет 10 000 рублей.

Глава IV
Действия министерств на подчиненные им управления

§ 257. Места и лица, подчиненные министерству, исполняют предписания его с точностию и беспрекословно.

§ 258. Предписания министра могут быть двух родов: в одних объявляются именные высочайшие повеления, в других министр действует собственною его властию.

§ 259. Если б предписанием министра, содержащим в себе объявление высочайшего повеления, отменялся закон или учреждение, за собственноручным высочайшим подписанием изданное, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня

исполнения, представить о сем министру. Если же и за сим представлением предписание будет подтверждено в той же силе, тогда начальство обязано случай сей представить Правительствующему сенату на окончательное разрешение.

§ 260. Если б в предписании, непосредственно от власти министра исходящем, начальство, ему подчиненное, усмотрело отмену закона, учреждения или объявленного прежде высочайшего повеления, тогда оно обязано представить о сем министру. Если же и за сим предписание будет подтверждено от лица министра в той же силе, тогда начальство обязано представить случай сей Правительствующему сенату на окончательное разрешение.

§ 261. Если б наконец в исполнении предписаний, непосредственно от министра исходящих, начальство, ему подчиненное, усмотрело крайние неудобства, оно обязано представить министру о сих неудобствах в самом скором времени и потом поступать по его разрешению, не входя снова в представление.

§ 262. Предписания министров тогда только признаются действительными, когда имеют они установленную форму. Изъятия из сего правила означены будут в особенных учреждениях.

§ 263. Сила всех предписаний ограничивается тем кругом дел, который установлен для каждого министерства.

§ 264. Если подчиненное начальство получит предписание от министра по такому делу, которое не принадлежит к его министерству, то, не чиня по оному исполнения, оно обязано испросить разрешения от того министра, к коему относится предмет предписания.

§ 265. Министры, принимая жалобы на места и лица, им подчиненные, и истребовав по оным все нужные объяснения, полагают скорое и справедливое решение, наблюдая при сем: 1) чтоб не принимать жалоб на нижние места мимо высших, 2) чтоб не давать движения жалобам, без всяких доказательств приносимым, а паче не допускать доносов, на одной ябеде основанных, 3) чтоб вообще не ослаблять силы и действия мест и лиц, им подчиненных, излишним благоприятством к жалобам и доносам неосновательным, преждевременными взысканиями и выговорами по обвинениям не доказанным, или требованиями ответов и объяснений по наветам, внимания не заслуживающим; с доносителями же, во лжи и ябеде приличенными, поступать по законам.

§ 266. Сверх просьб и жалоб, письменно присылаемых, каждый министр назначает один или два дня в неделе для принятия просьб и жалоб словесных, учреждая порядок принятия оных, сколь можно удобнее и для скорого решения успешнее.

§ 267. Для принятия личных докладов и представлений по службе каждый министр назначает постоянные дни и часы по департаментам и их отделениям, с точностию наблюдая, чтоб время и движение дел, в местах ему подвластных, не терялось в тщетных ожиданиях.

§ 268. Министры разрешают сомнения между департаментами и местами, им подчиненными, возникающие, о принадлежности дел, и властию своею пресекают все, могущие быть о сем пререкания, строго при том наблюдая, чтоб каждое дело производимо было в том самом департаменте, к коему оно принадлежит по существу своему, и никак не попуская, чтоб дела в производстве их совращались с пути, им определенного.

§ 269. По всем делам службы никакого предписания министра не можно обратить к нижнему начальству, миновав или не известив высшее.

§ 270. В делах, от губернского начальства зависящих, все предписания министров обращаются к начальнику губернии.

§ 271. Каждое министерство по делам, ему вверенным, сносится с начальниками губерний непосредственно.

§ 272. Главнокомандующие, генерал-губернаторы и военные губернаторы, управляющие гражданскою частию, по делам, им вверенным, имеют право относиться непосредственно к государю императору, надписывая донесения их по части того министра, к коему предмет их принадлежит.

§ 273. Представления, от сих высших губернских начальников к министрам входящие, соображаются с общими правилами и с заключениями их вносятся, по свойству дел, на дальнейшее разрешение.

§ 274. Получив разрешение, министры сообщают оное сим начальникам для надлежащего исполнения.

§ 275. В сем порядке никакие представления от гражданских губернаторов не входят к министерствам мимо главного начальника губернии.

§ 276. Из сего исключаются: 1) доставление срочных ведомостей о течении дел, движении сумм и проч., 2) доставление разных сведений, кои от департаментов министерских прямо требуемы будут, 3) те случаи, в коих гражданские губернаторы признают данные им от главных начальников предписания противными существующим постановлениям или точным предписаниям министров.

§ 277. Министры имеют во всех случаях право предписывать губернскому начальству непосредственно, сообщая главному начальнику списки с своих предписаний, для надзора его в исполнении.

Глава V

Об ответственности министров

§ 278. В правилах об ответственности министров определяются: 1) предметы ее, 2) порядок, коим она производится, и 3) ее последствия.

I. Предметы ответственности

§ 279. Предметы ответственности министров суть двух родов: 1) когда министр, превысив пределы своей власти, постановит что-либо в отмену существующих законов, уставов или учреждений, или же собственным своим действием и миновав порядок, для сего установленный, предпишет к исполнению такую меру, которая требует нового закона или постановления, 2) когда министр, оставив власть, ему данную, без действия, небрежением своим попустит важное злоупотребление или государственный ущерб.

§ 280. Не считать превышением власти, когда министр особенно на какой-либо случай был верховною властию уполномочен.

§ 281. Не считать также превышением власти, когда министр в чрезвычайных каких-либо случаях примет решительную меру и по принятии ее окажется: 1) что она в видах общей безопасности была необходима, 2) что по настоятельности случая не мог он, не попустив видимой опасности, отлагать сию меру до высшего разрешения.

§ 282. Меры, приемлемые министром к исполнению закона или учреждения существующего, и не отменяющие никаких законов предыдущих, не составляют сами собою закона нового, не превышают власти, данной министру.

§ 283. Не вменяются в ответственность министру последствия законов и учреждений, кои хотя и им были предложены, но быв рассмотрены в порядке, для законодательной части установленном, утверждены высочайшею властию и доставлены к его исполнению.

§ 284. Не вменяются также в ответственность министру и те распорядительные положения, кои по представлениям министра приняты будут Правительствующим сенатом или удостоены высочайшего утверждения, разве бы в обстоятельствах представления сделано было умышленное и важное упущение.

§ 285. Не вменяются сверх того в ответственность те распорядительные меры, кои по особенным высочайшим повелениям, без скрепы (контросигнирования) министра, будут доставлены к его исполнению.

§ 286. Во всех прочих распорядительных и исполнительных мерах, подписанных министром или им скрепленных (контросигнированных) министр ответствует на точном исполнении правил, в § 279 изображенных.

II. Порядок ответственности

§ 287. Ответственность возбуждается: 1) жалобами, непосредственно его императорскому величеству поданными; 2) донесениями местных начальств в тех случаях, когда предписаниями министров будут они понуждаемы к отмене законов существующих или ко введению новых, верховною властию не

утвержденных; 3) последствием судов, над подчиненными им лицами производимых, когда они докажут, что неправильность действия, за которое они преданы суду, произошла от точного исполнения министерских предписаний, или что закон, коего исполнение от них взыскивается, не был им предписан; 4) временными обозрениями губерний, а по военной части осмотрами войск от лиц, особенно к тому уполномоченных, когда представят они из дел явные доказательства превышения власти или ее бездействия; 5) наконец рассмотрением ежегодных отчетов.

§ 288. Все сии причины ответственности тогда только приемлются в уважение, когда будут они основаны на ясных доказательствах, и когда предмет их составляет какой-либо важный государственный ущерб или злоупотребление.

§ 289. Все донесения, возбуждающие ответственность министров, поступают прежде всего на высочайшее усмотрение.

§ 290. Тогда только министр подвергается ответственности, когда донесение, на него вошедшее, удостоено будет высочайшего уважения.

§ 291. В сем случае донесение поступает на рассмотрение общего собрания Государственного совета.

§ 292. Государственный совет избирает из членов своих комиссию для произведения следствия и для принятия от министра надлежащих объяснений.

§ 293. Рассмотрев донесение комиссии и дополнив его, если нужно, новыми объяснениями, Государственный совет полагает заключение.

§ 294. Во время следствия министр удерживает свое в Совете место, но при заключении не присутствует.

III. Последствия ответственности

§ 295. Два могут быть главные последствия ответственности: 1) когда по течению следствия откроется, что министр, хотя не нанес с умыслом государственного ущерба, но образом управления своего лишился высочайшего доверия. В сем случае министр лишается своего звания, 2) когда, напротив, откроются важные государственные вины, тогда дело передается Верховному уголовному суду.

§ 296. Верховный уголовный суд не производит вновь следствия, но, определив существо и степень вины по следствию, произведенному в Государственном совете, полагает окончательный приговор по законам.

Глава VI
Степень и пределы власти департаментов и их директоров

§ 297. Министр есть главный начальник всех департаментов, министерство составляющих. Он имеет надзор за общим их

движением, не быв обязанным входить в подробности внутреннего их производства.

§ 298. Каждый департамент производит дела, ему вверенные, по законам, уставам и учреждениям, собственным своим распорядком и управлением.

§ 299. Каждый департамент состоит в непосредственном управлении своего директора, который и ответствует за точное исполнение всего, что постановлено законами, уставами и учреждениями.

§ 300. В случаях, законами, уставами и учреждениями не определенных, дела представляются директором на разрешение министра установленным порядком.

§ 301. Власть управления, принадлежащая директору в департаменте, состоит в том, что он может понуждать всех чиновников, департамент составляющих и от оного зависящих, к исполнению законов и учреждений.

§ 302. Последствия, от сей власти происходящие, суть: 1) определение и увольнение высших чиновников департамента по его представлению, а низших собственным его утверждением в порядке, особенно для сего установленном; 2) надзор за действием всех чиновников, департамент составляющих и оному подчиненных, взыскание от них ответов в случае бездействия или неправильного исполнения, удаление от должности и предание суду по законам и учреждениям; 3) разрешение силою существующих законов и учреждений всех затруднений, встречающихся при исполнении; 4) принятие всех распорядительных мер, нужных к действию законов и учреждений в департаменте и местах, от него зависящих.

§ 303. Все департаменты сносятся между собой посредством их директоров, а отделения посредством их начальников. Сношения сии учреждаются не только между департаментами, одно министерство составляющими, но и между департаментами, к разным министерствам принадлежащими, и имеют место в требовании разных сведений и во всех тех случаях, коих разрешение зависит собственно от департаментов и не присвоено исключительно министрам. Само собою разумеется, что дела, тайне подлежащие, не входят в порядок сих сношений и принадлежат к сношениям министров непосредственно.

§ 304. Все департаменты с местами и лицами, подчиненными разным департаментам того же министерства, сносятся непосредственно, но с местами и лицами, подчиненными департаментам других министерств, сношения их учреждаются перепиской между департаментами и отделениями.

§ 305. Если какое-либо подчиненное место или лицо усмотрит, что предписания департамента превышают власть, ему данную, как-то: отменяют предписания, данные министром, а паче, когда они нарушают порядок, законами и учреждениями постановленный, тогда представляют они о сем директору; в случае же подтверждения от него, предают все обстоятельства дела на уважение министра.

§ 306. Директор составляет годовую смету доходов и расходов своего департамента и по утверждении оной надзирает и ответствует за ее исполнение.

§ 307. Директор строго наблюдает, чтоб суммы, капиталы и имущества, вверенные управлению департамента, употребляемы и распоряжаемы были не иначе, как по законам, учреждениям и согласно назначениям, годовою финансовою сметою определенным. Никакой перемены не может он допустить в сих назначениях, не быв к тому уполномочен высшим разрешением.

§ 308. Если в количестве предназначенных сумм усмотрит он недостаток и несоразмерность предположенным издержкам, или же в распорядке их и употреблении предвидит какой-либо ущерб казне, он обязан благовременно представлять о том министру и изыскивать средства к поправлению, дополнению или отвращению вреда.

§ 309. Директор распределяет время упражнений во всех отделениях департамента по количеству дел, и для уравнения их и успеха в производстве, особенно же в случаях чрезвычайных, имеет право перемещать и причислять на время чиновников одного отделения в другое.

§ 310. Директор наблюдает, чтоб в производстве дел во всех отделениях сохраняемы были установленный порядок и ясность, и для сего учреждает он все подробности внутренних канцелярских обрядов на правилах, общему учреждению сообразных, не вводя однако же ни под каким видом излишней переписки и тщетного многоделия.

§ 311. Директор наблюдает, чтоб дела в производстве их не уклонялись от пути, им предназначенного в тех отделениях, к коим по существу своему они принадлежат.

§ 312. По жалобам и просьбам, прямо в департамент входящим или от министра посылаемым, директор последует в разрешении их тем же правилам и предосторожностям, какие выше в § 265 для министра постановлены.

§ 313. Для словесных изъяснений по делам службы, для принятия просьб и жалоб в делах, департаменту принадлежащих, директор назначает один или два дня в неделе и учреждает порядок приема и отзывов, сколь можно удобнее и для скорого решения успешнее.

§ 314. Для подобных сему словесных изъяснений и нужных выправок по отделениям директор также определяет дни и часы, строго при том наблюдая, чтоб под сим видом не были выдаваемы в посторонние руки какие-либо бумаги, в производстве состоящие, а паче сведения, тайне подлежащие, и чтоб не были объявляемы решения прежде окончательного их совершения.

Глава VII

Обязанности канцелярии министра и ее директора

§ 315. Главная обязанность канцелярии министра состоит в правильном распределении дел по департаментам и в исполне-

нии приказаний министра по тем делам, кои не принадлежат ни к одному департаменту или кои министр предоставил собственному своему усмотрению и решению. Исключая сии дела, канцелярия ни в какое производство сама собою не входит.

§ 316. Канцелярия министра состоит в управлении ее директора.

§ 317. Директор канцелярии имеет те же права и обязанности по сему управлению, какие принадлежат каждому директору по департаменту.

§ 318. Канцелярия сносится о всех нужных ей сведениях с департаментами, одно министерство составляющими, посредством ее директора.

§ 319. Канцелярии разных министров сносятся между собою также посредством их директоров, но не иначе, как с ведома и по точному приказанию министров.

Глава VIII
Обязанности разных чинов, департамент составляющих

I. — Обязанности начальников отделений

§ 320. Начальник отделения управляет оным на том же основании, как директор управляет департаментом. Он имеет те же отношения к директору, какие директор к министру.

§ 321. Начальник отделения особенно наблюдает, чтоб все предписания подчиненными департаменту местами и лицами исполняемы были с точностию и в свои сроки; в случае же медленности, подтверждая их непосредственно, доносит вместе с тем директору.

§ 322. В департаментах, где нет особенного счетного отделения и где состоят однако же некоторые суммы в обращении, начальник отделения, по движению их, исправляет должность контролера.

§ 323. Начальник отделения ответствует за точное охранение канцелярского порядка в своем отделении, за верное и правильное изложение дел в записках и бумагах исходящих, он распределяет дела по столам и производит их ревизию.

§ 324. Если бы при исполнении данных от директора разрешений начальник отделения усмотрел несходства или отмену предписаний министра, а паче в законах и учреждениях, он обязан докладывать о сем директору и в случае подтверждения, не скрепляя таковых бумаг, доносить министру.

II. — Обязанности правителя канцелярии и секретаря

§ 325. В тех департаментах, в коих по пространству дел положены при директорах особенные канцелярии, правители их

имеют те же обязанности относительно к директору департамента, какие директоры канцелярии имеют в отношении к министру.

§ 326. Секретари, при директорах положенные, исполняют должность правителей канцелярий.

III. — Обязанности чинов, состоящих при департаментах для исправления особенных поручений

§ 327. Чины, состоящие при департаментах для исправления разных поручений, исполняют все дела, кои директор им поручит. Некоторые из них, по представлению директора и по утверждению министра, могут быть членами общего присутствия.

§ 328. Главнейшая обязанность сих чиновников есть обозрение разных частей на местах по препоручениям директора.

§ 329. Порядок сего обозрения определяется инструкциею, какая дана будет от директора. Они могут быть посылаемы как инспекторы с соответственною сему званию властию.

§ 330. По исполнении поручения они обязаны директору представить полное изложение всех обстоятельств, найденных ими при обозрении и исследовании, с приложением своего мнения.

IV. — Обязанности начальника счетного отделения

§ 331. Обязанность начальника счетного отделения есть надзор над производством дел, по части контрольной и бухгалтерской.

§ 332. Он обязан в свое время требовать срочных ведомостей, счетов, отчетов, табелей и сведений, какие министром или департаментом будут утверждены.

§ 333. Он благовременно собирает, под распоряжением директора, все сведения, нужные к составлению годовой финансовой сметы.

§ 334. Начальник счетного отделения вообще обязан наблюдать, чтоб суммы, определенные на разные предметы, производились по их назначению без превышения и недостатка.

§ 335. Подробнейшее изъяснение обязанностей начальника счетного отделения излагается в следующих статьях об обязанностях контролера и бухгалтера, посредством коих он должен производить дела своего отделения, и кои по департаментам, где не положены счетные отделения, производят оные сами собою под непосредственным ведением директора, относясь впрочем к начальникам тех отделений, к части коих дела принадлежат.

V. — Обязанности контролера

§ 336. Контролер обязан производить поверку всех капиталов, в ведении департамента состоящих, по ведомостям, табелям, счетам, отчетам и прочим сведениям.

§ 337. Контролер при поверке сей должен наблюдать: 1. Равняется ли приход расходу с остатком, то ли число суммы, и тою ли монетою, означая в приходе по одному месту, что показано в отпуске по другому? 2. Не превышает ли отпуск и расход назначения, в годовой финансовой смете определенного? 3. На те ли предметы суммы употребляются, на кои они положены годовою финансовою сметою? 4. По разным заготовлениям припасов и вещей не сделано ли какой-либо передачи и произведены ли закупки в свое время? 5. Поступают ли суммы сполна в те места, куда следует? 6. Остающиеся разные недоимки и долги взыскиваются ли надлежащим образом? 7. Употребление припасов и сумм не превосходит ли штатного положения?

§ 338. Контролер поверяет ведомости и отчеты, подаваемые министру.

§ 339. Контролер, имея в полном своем ведении его помощников, распределяет между ими труды по своему усмотрению.

VI. — Обязанности бухгалтера

§ 340. Бухгалтер управляет бухгалтериею по всем отделениям департамента.

§ 341. Бухгалтер под своим ведением через помощников по каждому отделению ведет приходные и расходные книги, какие где положены.

§ 342. Бухгалтер имеет по своим книгам полное сведение о всех капиталах, принадлежащих ведению департамента, с означением, в чем они состоят, в чьем ведении и на чьей ответственности находятся.

§ 343. Бухгалтер следует в своих книгах всему движению капиталов, означая главные предметы поименно, мелочные же общими перечнями.

§ 344. Бухгалтер, управляя своими помощниками и прочими к нему определенными чинами, разделяет между ними труды по делам департамента.

§ 345. На обязанность бухгалтера возлагается составлять ведомости и отчеты о суммах, и о всем движимом и недвижимом капитале.

VII. — Обязанности бухгалтера при канцелярии министра

§ 346. Если при канцелярии министра положен бухгалтер или главный бухгалтер, то обязанности его суть те же, что и начальника счетного отделения и бухгалтера по департаменту.

§ 347. Особенно на его обязанность возлагается содержать все книги, нужные по бухгалтерии в канцелярии министра.

§ 348. Он должен вести и составлять все счеты и отчеты общими перечнями в суммах по министерству.

§ 349. В случае несходства и неверности сумм в доставляе-

мых ведомостях и счетах он должен требовать от начальников счетных отделений и бухгалтеров по департаментам сведений, пополнений и пояснений. Если и за тем сведения сии будут недостаточны, то он докладывает министру.

VIII. — Обязанности начальника чертежной

§ 350. Обязанность начальника чертежной состоит в управлении чертежною департамента во всех ее отношениях.

§ 351. Он должен собирать и хранить карты, планы и чертежи всех предметов, подлежащих ведению департамента. В чем же именно сии сведения должны состоять, директор дает о том наставление, с утверждения министра.

§ 352. Начальник чертежной ответствует за исправность оной, а потому в случае неприсылки или недостатка сведений обязан их требовать, откуда следует.

§ 353. Начальник чертежной обязан содержать карты, планы, рисунки и чертежи, так как и подробные описания оных, в систематическом порядке, составляя из того особенные книги.

§ 354. Начальник чертежной обязан поверять доставляемые в департамент по разным делам и предметам карты, планы, чертежи и рисунки и составлять по оным нужные к делам справки, объяснения, дополнения и списки.

§ 355. Начальник чертежной, управляя положенными по штату чинами, определяет им работу и смотрит за успехом и исправностию оной.

IX. — Обязанности секретарей, столоначальников, помощников и прочих канцелярских и других чинов

§ 356. Секретари от каждого департамента министерства производят под ведением директора канцелярии и управляющих отделениями дела, относящиеся до департаментов, к коим они принадлежат, и вообще занимаются всем тем, что поручено будет директором канцелярии и начальниками отделений.

§ 357. Столоначальники с их помощниками исправляют дела по поручениям и наставлениям начальников отделений, правителей канцелярий и прочих лиц, в ведении коих они состоят.

§ 358. Секретари, столоначальники и их помощники обязаны содержать в порядке все дела по своей части, составлять выписки из оных, пополнять и объяснять справками и законами, изготовлять исходящие бумаги по делам, согласно с существом их и данною резолюциею.

§ 359. Журналист, принимая входящие бумаги, записывает оные, раздает немедленно с надлежащею распискою, кому следует, вносит исходящие бумаги в журнал и отправляет оные установленным порядком.

§ 360. Обязанности начальника архива состоят в принятии дел в архив и в содержании оного в надлежащем порядке и исправности, в извлечении справок и сведений и в немедленном их сообщении в те отделения, куда они требуются.

§ 361. Начальник архива должен разбирать и располагать в архиве все дела по предметам и содержанию оных; наблюдать, чтоб вступающие дела были действительно кончены, отпуски сверены, число листов перемечено, всякое дело скреплено начальником отделения и столоначальником и имело надлежащую и верную опись.

§ 362. Он обязан содержать опись всем делам, в архиве находящимся, располагая оную по содержанию дел и по годам их производства.

§ 363. На том же основании он обязан содержать в порядке табели и ведомости, принадлежащие к статистике подведомых департаменту частей, также вступающие в архив карты, планы, чертежи и рисунки и составленные из них атласы.

§ 364. Начальник архива составляет исторические выписки из прежних дел, могущие служить основанием к устройству разных частей департамента, или изъясняющие меры и средства в исполнении разных предположений.

§ 365. Обязанности переводчика определяются директором. Он отвечает своею подписью за верность перевода с подлинником.

§ 366. Прочие канцелярские чины исправляют все дела, поручаемые им чиновниками, в ведении которых они состоят.

§ 367. Экзекутор под непосредственным ведением директора канцелярии наблюдает за чистотою и порядком всей канцелярии; содержит вообще всю внутреннюю полицию; хранит все движимые и недвижимые вещи, принадлежащие к дому; оберегает оный от пожарных случаев и всяких других повреждений; имеет и ведет всему имуществу реестры, книги, ведомости и счеты; исправляет должность казначея, где оного особенно не положено; представляет директору утренние и вечерние словесные рапорты о благосостоянии департамента или канцелярии; в случае же каких-либо важных происшествий подает письменные рапорты, имеет присмотр за дежурством, наблюдает за точным отправлением пакетов и за исправностию курьерских книг; записывает приход и выход канцелярских чинов; наблюдает за благопристойностию оных и благочинием при должностях; ведает курьеров и сторожей и содержит их в исправности.

§ 368. Казначей обязан принимать и хранить суммы, определенные на содержание департамента или канцелярии министерской, выдавать жалованье служащим чинам и вообще вести расход по предписаниям, закупать благовременно нужные для департамента или канцелярии потребности, наблюдать за хозяйственным употреблением оных, вести счет книгам о суммах и потребностях и отдавать в них отчет.

Глава IX
Порядок подчиненности

§ 369. Строгое сохранение подчиненности во всех отношениях есть первый признак благоустройства в министерстве.

§ 370. Директоры департаментов и канцелярии непосред-

ственно подчиняются министрам; начальники отделений директорам, столоначальники начальникам отделений, прочие чины столоначальникам.

§ 371. Экзекуторы, казначеи, контролеры, бухгалтеры, начальники архива и чертежной подчиняются непосредственно директору, а им подчиняются их помощники и чины, к званиям их принадлежащие.

§ 372. Чиновники, определяемые для исправления особенных поручений по департаментам, состоят в непосредственном подчинении директорам.

§ 373. Каждое лицо, состоящее в службе, обязано оказывать уважение к предпоставленному над ним высшему лицу, принимать от него приказания и исполнять их с точностию.

§ 374. Никто не может вменять себе в предосуждение, когда быв старший чином, в порядке службы и по распределению должностей в министерстве, подчинен будет младшему. В сем положении он должен исполнять приказания лица, над ним предпоставленного, без всякого пререкания.

§ 375. Всякое неуважение к начальству, изъявленное в делах службы письменно или словесно, взыщется строго по законам.

Глава X
Ответственность директоров и прочих чинов

§ 376. Ответственность директоров, начальников отделений и прочих лиц, состоящих в службе и имеющих распорядительную и исполнительную власть, начинается там, где их распоряжения превысят меру власти, им предоставленной, или оставят ее без действия и упустят исполнение.

§ 377. В правилах ответственности определяются: 1) предметы ее, 2) порядок, коим она производится, и 3) ее последствия.

I. Предметы ответственности

§ 378. Директоры департаментов, начальники отделений и прочие чины обязаны ответственностию, каждый по управляемой им части, и по исполняемым им делам и поручениям.

§ 379. Каждый несет на себе столько ответственности, сколько имеет в своем управлении частей, более или менее обширных.

§ 380. На сем основании распространяется ответственность директора на департамент, ему вверенный, начальника отделения на отделение, им управляемое, и так далее.

§ 381. Во всех случаях ответственность простирается не далее: 1) власти и обязанности каждого лица или места; 2) способа, удобности и возможности, зависящей от времени, обстоятельств, местного положения и пособий.

§ 382. Правила и изъятия ответственности, выше сего в отношении к министру изображенные, имеют свою силу и действие и в отношениях к директору и прочим чинам.

Распоряжения, происходящие от высшего лица, и законное от него уполномочие, упущение и перемена времени и обстоятельств, не зависящие от распоряжающего или исполняющего, внезапные и настоятельные нужды, явный вред от нерешимости оных, удаление и невозможность присмотра, недостаток пособий: все сии обстоятельства изъемлют более или менее от ответственности, когда будут ясным и очевидным образом доказаны.

II. Порядок ответственности

§ 383. Директор подвергается ответственности: 1. По жалобам, приносимым его императорскому величеству. 2. По жалобам, приносимым министру. 3. По замеченным самим министром отступлениям от законов, упущениям и прочим обстоятельствам. 4. По донесениям местных начальств и подчиненных департаменту лиц. 5. По решению суда, когда чиновник подсудимый докажет, что он действовал по предписаниям директора. 6. Временными обозрениями частей, вверенных управлению департамента. 7. Обозрениями департамента по особенным поручениям министра. 8. Рассмотрением еженедельных докладов и месячных ведомостей о делах. 9. Рассмотрением особенно самим министром истребованных от департамента дел. 10. Рассмотрением годовых отчетов.

§ 384. Все сии причины ответственности имеют свою силу в тех случаях, когда они ясно доказаны делами, и когда последствия их составляют государственный ущерб или злоупотребление власти.

§ 385. Причины ответственности, уваженные министром, предаются рассмотрению Совета министра.

§ 386. В Совете министра директор, во время рассмотрения его дела, удерживает свое место, но при заключении не присутствует.

§ 387. Начальники отделений и прочие чины подвергаются ответственности в том же порядке в отношении к директору, как и директор в отношении к министру.

§ 388. Всякое высшее лицо имеет право подвергать ответственности другие подчиненные ему лица.

§ 389. Ответственность начальника отделения имеет свои последствия, когда причины оной будут по представлению директора уважены министром.

§ 390. Неуваженное министром представление директора относительно начальника отделения изъемлет директора от ответственности по упущению начальника отделения.

§ 391. Рассмотрение следствия о начальнике отделения производится в общем присутствии департамента и потом в Совете министра.

§ 392. Следствия о прочих чинах департамента по предложению директора рассматриваются в общем собрании департамента.

§ 393. Когда в Совете министра признаны будут причины обвинения, против директора объявленные, основательными, и мнение сие утверждено будет министром, тогда дело представляется Правительствующему сенату.

§ 394. Правительствующий сенат, по рассмотрении следствия, если в причинах обвинения не найдет важного и умышленного преступления, но заметит одну слабость и упущение, тогда полагает определение или об отрешении директора от места или же о положении на него соразмерного взыскания.

§ 395. Если же в причинах обвинения найдутся важные государственные вины, тогда директор предается суду в Сенате по законам.

§ 396. Суд не производит нового следствия, но прилагает силу законов к вине, следствием обнаруженной. На сем же основании учреждается порядок обвинения и суда директоров канцелярий.

§ 397. Обвинения против начальников отделений и прочих классных чиновников департамента, когда в общем его присутствии признаны они будут основательными и утверждены директором, поступают на рассмотрение Совета министра.

§ 398. Совет министра, рассмотрев следствие, по мере важности преступления полагает взыскание, или отрешение от должности, или же предание суду по законам.

§ 399. Приговор сей исполняется по утверждению министра.

§ 400. Само собою разумеется, что чины, определяемые по высочайшему утверждению, не могут быть ни отрешены, ни преданы суду без высочайшего разрешения.

§ 401. Суд во всех случаях не производит нового следствия, но прилагает закон к действию по мере преступления.

Формы письмоводства

Форма I.
Сношения министров между собою и с лицами, им равными, и предписания лицам подчиненным

Заглавие.
Министерство или Главное управление NN.
Департамент или канцелярия NN.
Отделение NN.
Стол N.
Месяц, число, год. №
О том-то (здесь означается кратко содержание дела, если же отношение есть ответ, то вместо содержания означается

Господину NN. (Здесь должно означить только звание, не выставляя ни чина, ни имени).
Содержание.
Подпись министра.
Скрепа: директор NN.
***Примечание.** 1) Из бумаг секретных, вместо означения департамента подписывается: по секретной части, и сверх того означается вверху бумаги: секретно. 2) Бумаги секретные директором не скрепляются. 3) В учреждении означены случаи, когда бумаги, за подписанием министра*

только ответ на № такой-то.

идущие, директором не скрепляются. 4) Сношения министров военных с чиновниками воинскими оставляются в той форме, какая особенно для них постановлена.

Форма II. Отношения и представления к министрам

Министерство такое-то.
Департамент.
Отделение.
Стол.
Содержание дела или ответ на № такой-то.
Месяц, число, год №
От такого-то.

Господину министру NN. (Здесь означается только название министерства).
Содержание.
Подпись.
Скрепа.
***Примечание.** 1) На поле означается то министерство, к коему делается отношение. 2) Когда в управлении губерний введены будут разделения дел по департаментам и отделениям: тогда внизу под № означать должно департамент и отделение. Скрепа предполагает также будущий распорядок письмоводства в губерниях. 3) В министерствах военных сохраняется прежняя форма рапортов от лиц подчиненных.*

Форма III. Предписания министров их департаментам

Министерство или Главное управление N.
Канцелярия.
Отделение N.
Стол N.
Месяц, число, год, №
О том-то.

Департаменту такому-то.
Содержание.
Подпись министра.
Скрепа директора канцелярии.

Форма IV. Представление или докладная записка от департамента министру

Министерство или Главное управление NN.
Департамент N.
Отделение N.
Стол N.
Месяц, число, год, №
О том-то (здесь означается кратко содержание дела. Если же представление есть ответ на предписание, то означается: Ответ на № такой-то).

Содержание дела со всеми принадлежащими к тому обстоятельствами.
Заключение департамента.
Подпись директора.
Скрепа начальника отделения.

КОММЕНТАРИЙ
ЧАСТЬ I
ОБРАЗОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВ
Глава I
Параграфы 1—3

Разделение государственных дел на пять главных сфер (или *частей*) управления и распределение их по министерствам установлено манифестом 25 июля 1810 г. Согласно этому манифесту, упразднялось Министерство коммерции, дела которого были переданы в Министерство финансов. Манифестом 17 августа 1810 г. в составе Министерства финансов был образован Департамент коммерции (с 1819 года — Департамент мануфактур и внутренней торговли). *Для устройства внутренней безопасности* было учреждено Министерство полиции, в которое из Министерства внутренних дел перешли Экспедиция государственного благочиния, Экспедиция государственной медицинской управы и Экспедиция государственного хозяйства. Были учреждены приравненные к министерствам Государственное казначейство, Ревизия государственных счетов (Государственный контроль), Главное управление путей сообщения, преобразованное из Главного управления водяных и сухопутных сообщений (учреждено в 1809 году), и Главное управление духовных дел разных исповеданий (с 1824 по 1832 год называлось Главное управление иностранных исповеданий). Военное министерство и Морское министерство до 1815 года именовались Министерством военно-сухопутных сил и Министерством морских сил.

Глава II
Параграф 4

До 1832 года в составе Министерства иностранных дел существовала Коллегия иностранных дел в качестве самостоятельного ведомства. В 1821 году в Министерстве был учрежден Азиатский департамент. Указом от 10 апреля 1832 г. учреждались Департамент внешних сношений, Департамент внутренних сношений, Департамент хозяйственных и счетных дел и Церемониальный департамент. Указом от 10 декабря 1846 г. были учреждены Канцелярия министерства и Особая канцелярия, а в 1868 году — Департамент личного состава и хозяйственных (по министерству) дел. Министр внутренних дел носил звание канцлера или вице-канцлера. При нем состояли советники и чиновники особых поручений. Непосредственно делами внешних сношений с иностранными государствами занималась Канцелярия министерства. Азиатский департамент занимался специально вопросами сношений с восточными странами, а также делами о нерусских народах восточных окраин России. В сферу деятельности Министерства иностранных дел также входили: заведование русскими миссиями за границей, покровительство русской торговле за границей, дела о русских подданных в других странах и об иностранных подданных в

России, церемониальные дела (заведование приемом иностранных послов и других чинов дипломатического корпуса), а также цензура политических статей (по внешней политике) в столичных газетах.

Параграф 5

Положения параграфа были развиты уже 27 января 1812 года «Учреждением о большой действующей армии», определившим структуру Министерства. Этим актом упразднялись Военная коллегия и Военно-походная канцелярия. В Министерстве были учреждены Совет министра, Общая и Особенная канцелярии и семь департаментов: 1) Артиллерийский, 2) Инженерный, 3) Комиссариатский (ведавший вещевым и денежным довольствием войск), 4) Провиантский, 5) Военно-медицинский, 6) Аудиториатский (в его ведении находились личный состав военных судов и решение военно-судных дел) и 7) Инспекторский (ведал личным составом войск). В 1832 году был учрежден Департамент военных поселений. При военном министерстве были созданы Военно-ученый комитет и Военно-топографическое депо (в ведение последнего находились сбор и хранение военных карт).

12 декабря 1815 г. был учрежден Главный штаб его императорского величества, взявший на себя почти все функции военного управления, а военному министру осталось управление лишь хозяйственной частью Министерства. В состав Главного штаба, возглавляемого его начальником из числа наиболее приближенных и доверенных императору лиц, входили военный министр, инспекторы артиллерии и инженерного корпуса, генерал-квартирмейстер и дежурный генерал (ему подчинялись Инспекторский и Аудиториатский департаменты), обер-священник армии и флота и инспектор госпиталей. Военный министр, попавший в подчинение начальнику Главного штаба, не имел своего доклада императору (по ведомству министра докладывал императору тот же начальник Главного штаба). Такое положение сохранялось до нового «Учреждения Военного министерства» 1836 года, упразднившего должность начальника Главного штаба и полностью восстановившего власть военного министра в своем ведомстве.

Военно-учебные заведения не входили в ведение Военного министерства вплоть до 1863 года, когда в составе Министерства было учреждено Главное управление военно-учебных заведений.

Параграф 6

Министерство военно-морских сил (Морское министерство) окончательную свою структуру получило с «Учреждением Морского министерства» 24 августа 1827 г., когда в его составе вместо упраздненных Адмиралтейств-коллегии, Военной по флоту канцелярии, Адмиралтейского департамента и Департамента министра морских сил были созданы: Канцелярия ми-

нистра, Адмиралтейств-совет, Управление генерал-интенданта и Управление генерал-гидрографа, Корабельный департамент и Строительный департамент по морской части. Кроме того, в состав Военного министерства входили учрежденные 1 июня 1812 г. Управление генерал-штаб-доктора и Аудиториатский департамент, созданные 25 ноября 1821 г. Морской штаб и 15 февраля 1824 г. — Инспекторский департамент. Морскому министерству был подчинен и Морской кадетский корпус. В 1827 году главой морского ведомства стал начальник Морского его императорского величества штаба, которому фактически подчинялся морской министр, т. е. был введен тот же принцип, что и в 1815 году в Военном министерстве. В 1836 году новое «Учреждение Морского министерства» централизовало управление в морском ведомстве (как в этот же год и в военном) — министр стал одновременно и начальником Морского штаба.

Параграфы 7—9

М. М. Сперанский был противником сосредоточения заведования доходами, расходами и проверкой их в одном ведомстве. Поэтому по его предложению управление финансами было распределено между тремя ведомствами — Министерством финансов, Государственным казначейством и Ревизией государственных счетов (Государственным контролем). Такое разделение, указывал Сперанский, позволяло осуществлять необходимый контроль за всеми денежными поступлениями и их расходами.

Структура Министерства финансов и пределы его компетенции определялись изданным 25 июня 1811 г. специальным «Особенным учреждением Министерства финансов». Уже существовавшие департаменты камер-коллегии (упразднен в 1828 году) и лесной (передан в 1843 году в Министерство государственных имуществ) были дополнены четырьмя новыми: 1) государственных имуществ (в 1838 году передан в Министерство государственных имуществ), 2) горных и соляных дел, 3) внешней торговли и 4) разных податей и сборов. На Департамент государственных имуществ было возложено заведование государственной деревней и другими государственными имуществами. Департамент горных и соляных дел ведал казенными горными заводами (он осуществлял надзор и за частной горной промышленностью), соляными промыслами и приписанными к заводам и промыслам рабочими. В его ведении находились Горный ученый комитет и Горный институт, а также штат горных инженеров. Департамент разных податей и сборов осуществлял взимание прямых и косвенных налогов с населения, а с 1833 года и проведение *ревизий* (переписей) податного населения.

В 1819 году в состав Министерства финансов был включен Департамент мануфактур и внутренней торговли, сфера деятельности которого — вся внутренняя торговля и частные

предприятия в обрабатывающей промышленности. Подразделением Министерства стало и Главное казначейство, существовавшее по «Учреждению министерств» 1811 года как самостоятельное ведомство.

В составе Министерства находились Канцелярия министра (с 1824 года Общая канцелярия министра), Особенная канцелярия по кредитной части (учреждена в 1824 году) и Особенная канцелярия по секретной части (учреждена в 1831 году).

Министерство финансов ведало источниками государственных доходов, аппаратом по взиманию налогов, проведением переписей населения, распределением денежных сумм между ведомствами, эмиссией металлических и кредитных денежных знаков. В его подчинении находились органы государственного кредита: ассигнационный, заемный и коммерческий банки; в 1818 году для контроля над их деятельностью был учрежден Совет государственных кредитных установлений.

В связи с развитием в стране промышленности и торговли были учреждены и подчинены Министерству финансов Мануфактурный (1828 г.) и Коммерческий (1829 г.) советы, в состав которых вошли наиболее видные представители торговой и промышленной буржуазии.

Ревизия государственных счетов (Государственный контроль) во главе с государственным контролером состояла из Совета Государственного контроля, Канцелярии государственного контролера и Общего контрольного присутствия. Под непосредственным началом государственного контролера находились Государственная экспедиция для ревизии счетов, Военно-счетная экспедиция и Контрольный департамент морских счетов. Сфера деятельности Государственного контроля была определена в «Своде законов Российской империи» (т. I, ч. I, ст. ст. 1558—1615).

Параграф 10

Министерство внутренних дел состояло из канцелярии министра и четырех департаментов: 1) государственного хозяйства и публичных зданий, 2) хозяйственного, 3) мануфактур и внутренней торговли (в 1819 году был передан в Министерство финансов) и 4) медицинского. В 1819 году в связи с упразднением Министерства полиции в его состав вошли Канцелярия генерал-штаб-доктора по гражданской части, Медицинский департамент и Департамент полиции исполнительной. В 1832 году в состав Министерства был включен Департамент духовных дел иностранных исповеданий. В 1834 году при Министерстве было учреждено Статистическое отделение (с 1852 года получило наименование Статистического комитета, а с 1858 года — Центрального статистического комитета). В 1843 году в Министерстве был образован Департамент общих дел. Позднее его структура постоянно менялась за счет учреждения новых подразделений: в 1861 году — Земского от-

дела (на который было возложено проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года), в 1863 году — Главного управления по цензурному ведомству (с 1865 года стало именоваться Главным управлением по делам печати), в 1865 году — Технико-строительного комитета, в 1879 году — Главного тюремного управления (в 1895 году передано в Министерство юстиции), в 1880 году (в связи с упразднением Третьего

Штатъ Департамента внутреннихъ дѣлъ.

	Число людей	Из окладнаго въ годъ жалованья: Одному	Всѣмъ
		Рубли	
ДиректорЪ - - - - - - - - - - - - -	1	7000	[illegible]
При немЪ БухгалтерЪ - - - - - - - - -	1	1500	1500
НачальниковЪ Экспедицій - - - - - - - -	4	2000	8000
ВЪ каждой Экспедиціи:			
СтолоначальниковЪ - - - - - - - - - -	2	1200	2400
ПомощниковЪ старшихЪ - - - - - - - -	2	1000	[illegible]
ПомощниковЪ младшихЪ - - - - - - - -	2	750	1500
А вЪ четырехЪ ЭкспедиціяхЪ - -	28		[illegible]
СтолЪ содержанія журналовЪ:			
НачальникЪ стола - - - - - - - - - -	1	1200	1200
ПомощниковЪ - - - - - - - - - - - -	2	750	[illegible]
Итого - - - -	3		2700
СтолЪ секретной переписки на РоссійскомЪ и ИностранномЪ языкахЪ:			
НачальникЪ стола - - - - - - - - - -	1	1500	1500
ПомощникЪ старшій - - - - - - - - - -	1	[illegible]	[illegible]
Младшій - - - - - - - - - -	1	750	[illegible]
Итого - - -	3		[illegible]
Министерскій архивЪ:			
НачальникЪ архива - - - - - - - - - -	1	[illegible]	[illegible]
ПомощниковЪ - - - - - - - - - - - -	2	[illegible]	[illegible]
Итого - - -	3		[illegible]
ПисцовЪ при всѣхЪ ЭкспедиціяхЪ - - - -	8		[illegible]
А всего - - -	—		[illegible]

Подлинный подписалЪ:

Штат департамента внутренних дел. Из книги «Указы государя императора Александра Первого, [illegible] в 1803 году»

отделения) — Департамента государственной полиции (с 1883 года назывался Департаментом полиции), в 1896 году — Переселенческого управления, в 1900 году — Управления по делам о воинской повинности, в 1901 году — Ветеринарного управления, в 1902 году — Канцелярии министра по делам дворянства, в 1904 году — Главных управлений по делам местного хозяйства и главного врачебного инспектора.

Как видим, сфера деятельности Министерства внутренних дел была весьма значительной и имела тенденцию ко все большему расширению. По обширности состава и круга занятий это было одно из самых важных министерств в царской России. Роль его особенно возросла в конце XIX — начале XX века, когда министр внутренних дел фактически исполнял функции премьер-министра.

Министерство внутренних дел занималось как карательной, так и разнообразной административно-хозяйственной деятельностью, но в первую очередь — *пресечением нарушений тишины и благоустройства*. В его ведении находились все административно-полицейские учреждения и места заключения (тюрьмы), медицинское и продовольственное дело, торговля и промышленность, казенные здания, органы благотворительности, сословные органы дворянства и городских сословий, управление иностранными поселениями в России, сбор и публикация различных статистических сведений, соляные конторы и Главное почтовое управление, переселенческое дело и цензура, дела по «иностранным исповеданиям».

Параграф 11

Состав и сфера деятельности Министерства народного просвещения определены в Своде законов Российской империи (т. I, ч. I, ст. ст. 1397—1454). Единственный департамент Министерства являлся исполнителем решений Главного управления училищ (он играл роль коллегии при министре, разрешал вопросы административного, хозяйственного и учебно-научного характера). Председательствовал в Главном управлении училищ министр народного просвещения, членами его были попечители учебных округов и особо назначенные императором чиновники. Управлению подчинялись комитеты: Ученый, Хозяйственный и Училищ взаимного обучения.

В ведении Министерства находились все ученые общества, высшие, средние и низшие *общие учебные заведения*, публичные библиотеки, музеи, академии, Пулковская обсерватория. Министерство ведало и цензурой, для чего в его составе в 1828 году было учреждено Главное управление цензуры (с 1863 года передано в состав Министерства внутренних дел). С 1810 по 1822 год в составе Министерства народного просвещения находился Медицинский совет (в 1822 году передан в Министерство внутренних дел). С 1817 по 1824 год Министерство народного просвещения находилось в составе Мини-

стерства духовных дел и народного просвещения в качестве Департамента народного просвещения. В 1834 году при Министерстве народного просвещения была учреждена Археографическая комиссия, занимавшаяся изданием важнейших источников по отечественной истории — «Полного собрания русских летописей», «Собрания государственных грамот и договоров», другого актового материала.

Штатъ Департамента Министра Юстиціи.

	Число оныхъ	Имъ окладнаго въ годъ жалованья. Одному	Всѣмъ
		Рубли	
Директоръ Канцеляріи - - - - - - - -	1	3000	3000
Юрисъ-Консультовъ - - - - - - - - -	3	3000	9000
Экспедиторовъ - - - - - - - - - - -	3	2000	6000
На квартиру каждому - - - - - - -	—	500	1500
Столоначальниковъ - - - - - - - - -	6	1200	7200
При нихъ помощниковъ			
Старшихъ - - - - - - - - - - - -	5	1000	5000
Младшихъ - - - - - - - - - - - - -	5	750	3750
При содержаніи журналовъ, входящихъ и исходящихъ Столоначальникъ - - - - - -	1	1500	1500
При немъ помощникъ старшій - - - - -	1	1000	1000
Младшій - - - - - - -	1	750	750
Архиваріусъ - - - - - - - - - - - -	1	1200	1200
Помощникъ - - - - - - - - - - - - -	1	750	750
На писцовъ и канцелярскіе расходы - - - -	—	- -	5000
Итого - - -	28	- -	45650

Подлинный подписалъ:

Гавріилъ Державинъ.

юстиции.
«Указы государя
Александр
состоявшиеся

Параграф 12

Главное управление путей сообщения (с 1832 года — Главное управление путей сообщения и публичных зданий, а с 1865 года — Министерство путей сообщения) свое устройство получило 28 мая 1820 г. Структура и компетенция управления определены Сводом законов Российской империи (т. I, ч. I, ст. ст. 1472—1520). В него входили Особенная канцелярия главноуправляющего путями сообщения, Департамент путей сообщения, Штаб корпуса путей сообщения, Комиссия для рассмотрения проектов и смет по ведомству (при ней существовало Депо карт и планов). В 1832 году в ведение Управления из Министерства внутренних дел были переданы дела по постройке публичных зданий и заведование ими. В 1842 году в составе Управления учреждены департаменты искусственных дел, хозяйственных дел, рассмотрения проектов и смет, железных дорог. Сфера его деятельности значительно расширилась в пореформенное время в связи с усиленным железнодорожным строительством.

Параграф 13

Структура и сфера деятельности Министерства юстиции определены в Своде законов Российской империи (т. I, ч. I, ст. ст. 1618—1627). Аппарат Министерства состоял из министра, его товарища, Совета (*консультации*), Канцелярии министра и одного департамента. Министр юстиции соединял свой пост с должностью генерал-прокурора. В качестве генерал-прокурора он возглавлял и Верховный уголовный суд. Так, министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский исполнял должность генерал-прокурора Верховного уголовного суда над декабристами (обязанности председателя этого суда исполнял в то время председатель Государственного совета П. В. Лопухин). На Министерство юстиции была возложена задача управления всей системой суда и прокуратуры: назначение, перемещение, увольнение всех лиц судебного ведомства, учреждение и упразднение судов, надзор за их деятельностью. В 1835 году было создано подчиненное министерству Училище правоведения для подготовки чиновников судебного ведомства.

Параграф 14

Статус и сфера деятельности Министерства полиции определены «Учреждением министерства полиции» 25 июня 1811 г. Деятельность Министерства осуществлялась через Общую и Особенную канцелярии и три департамента: 1) полиции исполнительной, 2) полиции хозяйственной и 3) медицинский. Кроме того, в составе Министерства находился Медицинский совет. На Министерство были возложены функции *пресечения* различных правонарушений, *охранение внутренней безопасности* (т. е. карательные функции против народных волнений и всяких нарушений *тишины и порядка*). Помимо

этого, министерство ведало административно-полицейским аппаратом, тюрьмами, рекрутскими наборами, продовольственным делом, Приказом общественного призрения, хозяйственными делами, медицинской частью. Особенная канцелярия занималась политическим сыском, цензурой, расследованием различных уголовных дел (затем функции Особенной канцелярии стало исполнять учрежденное 3 июля 1826 г. Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии). В 1819 году Министерство полиции было упразднено, и его департаменты вошли в состав Министерства внутренних дел.

Параграф 15

Сфера деятельности Главного управления духовных дел разных исповеданий (с 1817 года Главное управление иностранных исповеданий) определена манифестом 17 августа 1810 г. «О разделении государственных дел по министерствам». Оно ведало делами неправославных религий в России: представлениями об определении епископов и других чинов католического и униатского исповеданий, утверждением начальников монашеских орденов, надзором над неправославными монастырями и семинариями, *охранением духовных имений и капиталов*, определением духовных чинов протестантских исповеданий, разрешением жалоб на духовных чинов и властей разных исповеданий, *охранением церковных обрядов и установлением праздничных дней и молебствий, разрешением браков в разных степенях*, личным составом всех духовных чинов неправославных исповеданий, а также *всеми делами, к устройству магометанской и других иноверных религий в России терпимых*. В 1832 году Главное управление иностранных исповеданий было включено в состав Министерства внутренних дел.

Глава III

Параграф 16

Параграф подчеркивает роль министров, главных директоров и главноуправляющих ведомств (приравненных к министерствам) как полномочных представителей высшей исполнительной власти, назначаемых императором и ответственных только перед ним. Отсутствие ответственности министра перед каким-либо высшим правительственным учреждением существенно повышало его власть и прерогативы.

Параграф 17

Статус и прерогативы товарища министра впоследствии были определены «Дополнительными статьями к Общему учреждению министерств о должности товарищей министров» 30 декабря 1826 г.[87]. Товарищ министра выбирался самим министром и утверждался царем. Пункт 2 «Дополнительных статей» гласит: «Товарищ при управлении министра никакой

87 ПСЗ 2-е, т. I, № 785.

власти не имеет и никаких предписаний не дает от имени своего, но сообщает оные по поручению министра». Однако товарищ министра мог требовать сведения о делах всех департаментов и канцелярий, присутствовать в Совете министра (п. 6), делать министру представления по разным частям управления министерством. Даже если министр «не уважил» представления, он должен был довести его до сведения императора с мотивировкой своего отказа (п. 8).

Со временем значение этой должности упало. К 1840 году в большинстве министерств она была упразднена. В случае болезни или отсутствия кого-либо из министров Комитет министров с санкции императора назначал лицо, временно исполнявшее должность министра[88]. Министр все чаще пользовался правом в случае своего отсутствия или болезни поручать управление министерством одному из директоров департаментов. Изданные 9 апреля 1840 г. «Правила о должности товарища министра»[89] отменили право товарища министра делать министру представления по управлению министерством. Тем самым товарищи министров всецело подчинялись власти министров.

88 См.: Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. 1. СПб., 1902, с. 400.

89 ПСЗ 2-е, т. XV, № 13361.

Параграф 18

Параграф предусматривает издание особенных *узаконений* о структуре и занятиях отдельно для каждого министерства. М. М. Сперанский рассматривал «Общее учреждение министерств» как «общий наказ» всем министерствам, на основании которого впоследствии каждому министерству «будет дан особый устав» (или «особое учреждение»). Поэтому организацию министерств 1811 года он считал незавершенной, «полуустройством». В своем «Пермском письме» Александру I от 4 февраля 1813 г. Сперанский писал: «Возложено было на самих министров составить проекты, дабы после пересмотреть их и привести в единство. (На основании этих проектов предполагалось составить и издать «наказы» по управлению министерством — Авт.) В самих правилах наказов надлежало сделать возможные перемены, отсечь притязания власти, ограничить насильственные завладения одной части другою и, словом, все сии наказы переделать»[90]. Сперанский успел провести лишь «учреждения» Министерства финансов и Министерства полиции, но, как он указывал, «акты сии остались без действия». В 1811 году аналогичные проекты были им подготовлены для министерств военного, народного просвещения, внутренних дел и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, но они остались нереализованными.

90 План государственного преобразования графа М. М. Сперанского, М., 1905, с. 333—334.

Параграф 19

Параграф указывает на общую для всех министерств и главных управлений структуру основных их подразделений. Численность этих подразделений зависела от сферы деятельности (*предметов занятий*) министерства и подвергалась по-

стоянным изменениям: департаменты упразднялись (или передавались в ведение других министерств и ведомств), возникали (или переводились из состава других министерств), объединялись, разделялись, так же как и отделения, канцелярии, особенные установления. О структуре различных министерств и ее изменениях см. комментарий к § 4—15.

Параграфы 20—24

Параграфами определяется четкая и единая для каждого министерства структура главного его подразделения — департамента. Она построена по типу основных подразделений (департаментов) Сената и Государственного совета. Тем самым Сперанский добивался единой структуры подразделений всех высших органов государственного управления.

Параграфы 25—29

Параграфы предусматривают образование совета при министре только в крупных министерствах с несколькими департаментами. Закон, как видим, четко фиксирует и состав лиц, входящих в министерские советы.

Совет, состоявший из начальников структурных частей министерства, был **совещательным** органом. Его заключения не имели обязательной силы для министра. Но если министр представлял данное дело «на высочайшее усмотрение» (т. е. императору), то он должен был кратко изложить мнение совета в своем докладе. Состав и компетенция советов при каждом министре определялись особыми *правилами*.

Параграфы 30—34

Общие присутствия при департаментах строились по тому же принципу и выполняли те же функции, что и советы при министре. В состав их входили начальники подразделений департамента, председательствовал в присутствии директор департамента, сами присутствия были **совещательными** органами при директоре департамента, для которого решения присутствия также не имели обязательной силы.

Таким образом, и совет при министре, и общее присутствие при директоре департамента не являлись коллегиальными органами управления. Тем самым достигались строгое единоначалие и подчиненность низшего подразделения (а точнее, управляющего им лица) высшему.

Заслуживают внимания § 30, 33 и 34, предусматривающие приглашение на заседания совета при министре или общего присутствия при директоре департамента (*по усмотрению* в первом случае министра, во втором — директора) фабрикантов, заводчиков, купцов, ученых, инженеров и лиц «свободных профессий». Некоторое участие верхов буржуазии и интеллигенции в совещательных органах центрального управления — показатель новых социальных сдвигов в стране, с которыми не могли не считаться правящие верхи. Правда, указан-

ные лица привлекались лишь в качестве специалистов-экспертов по вопросам, разрешение которых требовало специальных познаний.

Параграфы 35—38

Канцелярия министра ведала общими делами, касающимися всех департаментов министерства, а также особо важными делами, не относящимися к какому-либо департаменту, но входящими в сферу компетенции министерства и разрешавшимися непосредственно самим министром. Канцелярия министра была и его рабочим органом, координировавшим делопроизводство министерства, она осуществляла связь министра со всеми структурными частями министерства и подчиненными ему учреждениями. Канцелярия существовала на правах департамента и имела ту же структуру (отделения, столы), что и департамент. Для выполнения технической работы в канцелярии предусматривался расширенный по сравнению с департаментами штат секретарей, писцов, переводчиков, архивистов и пр.

Параграфы 39—47

Закон предусматривает включение в структуру ряда министерств так называемых *особенных установлений* — вспомогательных учреждений, главным образом технического характера или специального назначения: различных ученых комитетов, специальных комиссий, медицинских советов, *депо* карт, контрольных, бухгалтерских и счетных *столов*, разных лабораторий и чертежных, штата специалистов (например, инженеров, врачей, переводчиков, чертежников, журналистов и пр., как постоянных, так и привлекаемых временно). Бюрократическая машина центрального управления в России не могла обойтись без подготовленных специалистов по различным отраслям знаний. § 47 предусматривает при канцеляриях и департаментах сверх штата *молодых людей* для специального обучения их министерскому делопроизводству. В крупных департаментах министерств, как предусматривает § 39, *для письмоводства* учреждалась специальная канцелярия при директоре. Она строилась по тому же принципу и выполняла (в рамках департамента) те же функции, что и канцелярия министра. Включение канцелярий при директорах департаментов в состав особенных установлений подчеркивало, что они учреждаются лишь в важнейших по значимости департаментах с обширной сферой деятельности.

Глава IV
Параграфы 48—60

§ 48—49 всецело относят назначение министра, его товарища и директоров департаментов к прерогативе императорской власти (равно как и увольнение их с занимаемых должно-

стей). Вместе с тем подчеркивается роль министра в представлении кандидатур на посты товарища министра и директоров департаментов, утверждаемых императором. Последующие параграфы устанавливают полное подчинение всех чиновников министерства власти министра: от него зависят определение, перевод и повышение в должности любого чиновника его ведомства, предоставление отпуска, награды, увольнение и даже предание суду. При этом закон не гарантирует защиту чиновников министерства от произвола министра.

Глава V
Параграф 61

М. М. Сперанский придавал большое значение детальной разработке *порядка производства дел* в министерствах, чему и посвящена обширная глава V, состоящая из 144 параграфов. Здесь нашел наиболее полное выражение и законодательное закрепление бюрократический порядок ведения дел в центральных органах управления абсолютистской монархии.

Параграф имеет принципиальное значение, поскольку устанавливает единообразие производства дел во всех министерствах.

Параграфы 62—68

Параграфы предусматривают в числе дел и бумаг, поступающих в министерство, сбор самой разнообразной информации (в виде отчетов, статистических таблиц, ведомостей, табелей, справок и т. д.) по всем вопросам управления министерством и деятельности подведомственных ему учреждений. Закон требует от министра полной осведомленности о делах его ведомства при сокращении в то же время всякого рода документации. Последнее осталось благим пожеланием, о чем свидетельствует серия правительственных мер, направленных на сокращение бумажного делопроизводства. 28 января 1852 г. издается даже специальный указ «О сокращении дел производства и переписки по гражданскому управлению»[91], установивший новый порядок делопроизводства в «гражданских» министерствах, предусматривающий сокращение разных видов отчетности. Но и этот закон оказался бессилен против разбухания бумажного делопроизводства, как и деятельность специальных комиссий по «сокращению делопроизводства и переписки».

91 ПСЗ 2-е. т. XXVII. № 25944.

Большой интерес представляет § 65, который не только дает министрам право, но и обязывает их *стараться о дополнении его (министерства) уставов и учреждений* (см. об этом также комментарий к § 18).

Параграф 69

Дается понятие производства дел, включающее в себя пять элементов, раскрываемых в нижеследующих отделах закона.

Параграфы 70—89

Параграфы определяют классификацию дел, поступающих в министерство, и дальнейшее распределение их по подразделениям министерства. Наиболее важные дела (царские предписания, указы, повеления и пр., дела секретные, жалобы на департаменты) не распределяются по подразделениям министерства, а предоставляются решению самого министра.

Параграфы 90—167

Данные параграфы, регламентирующие порядок *движения дел* в министерстве, собственно, и определяют все министерское делопроизводство, а также функции и прерогативы подразделений министерства. § 91—97 закрепляют роль канцелярии министра как его рабочего органа. § 98—114 фиксируют компетенцию департаментов — важнейших подразделений министерства. Подчеркивается, что по всем делам, находящимся в сфере его компетенции, департамент (а точнее, его директор) может давать только представления министру, — право выносить самостоятельное решение предоставлялось исключительно министру. Министр финансов при Александре I Д. А. Гурьев в своей записке от 1814 года отмечал: «Департаменты ничем не управляют собственным порядком, а все дела представляют решению министра»[92]. Этот факт — показатель развития бюрократического централизма в абсолютистской монархии.

92 Сборник русского исторического общества, т. 90, с. 64.

§ 115—134 определяют роль совета министра как **совещательного** органа. § 130 специально подчеркивает прерогативу министра *принять мнение его совета* или отвергнуть его. Оговорка, что отвергнутое мнение должно быть зафиксировано в докладе министра императору, не меняла значение мнения совета как всего-навсего **рекомендации** министру. § 132 специально подчеркивает отсутствие какой-либо исполнительной власти у совета министра — она всецело предоставлена министру. Аналогичный принцип применяется и к общему присутствию департамента, что зафиксировано в § 135.

Роль обычных технических исполнителей особенно подчеркивается для так называемых особенных установлений — специальных вспомогательных учреждений в составе министерства (§ 136—147).

§ 148—167 регламентируют порядок бумажно-бюрократического делопроизводства в подразделениях министерства. Канцелярская тайна, бюрократическая волокита, нарушение сроков рассмотрения даже неотложных дел — характерные черты деятельности высших и местных органов управления царской России. Об «умножении» бумаг, волоките с их прохождением и принятием по ним соответствующих решений, о разбухании чиновничье-бюрократического аппарата министерств и ведомств в начале XIX века много писали и современники, и впоследствии исследователи. Так, начальник Второго (кодификационного) отделения Собственной его импера-

торского величества канцелярии профессор М. А. Балугъянский в своей записке 1826 года отмечал чрезвычайную медленность прохождения дел в министерствах. Даже прежде чем поступить в министерство, дела с мест проходят множество инстанций: «Дела ничтожные идут из уездных или городских правлений через генерал-губернатора, губернатора, вице-губернатора, губернское правление, палаты, с мнением губернского прокурора и других разных лиц к министрам или в Сенат, или же в особенную государеву канцелярию, а из оной опять к министрам, оттуда препровождаются в департаменты, где начинается бесконечное так называемое движение дел в отделениях, в столах, в присутствиях, наконец к министру и его совет. Но и здесь дело еще не кончится, ибо от министра зависит, принять мнение своего совета или нет»[93].

Закон предусматривает право министерства при решении дела требовать от подведомственных ему учреждений или лиц разные справки, ведомости, делать запросы. Было подсчитано, что только в пределах департамента министерства проходившее дело подвергалось 34 операциям. Возрастало число нерешенных дел. Так, по отчету министра юстиции за 1842 год, в различных служебных местах Российской империи числилось 3,3 миллиона нерешенных дел!

93
Сборник русского исторического общества, т. 90 с. 32—33.

Параграфы 168—176

Параграфы определяют порядок внутриведомственной ревизии. По закону, ревизия вверялась самим министрам, которые выбирали для ее производства чиновников своего же министерства. Ревизия носила формальный характер: она сводилась к выявлению количества решенных или нерешенных дел, составлению об этом цифровых ведомостей без какого-либо анализа выявления конкретных виновников волокиты.

Параграфы 177—204

Параграфы определяют формы и сроки отчетности министра и руководителей подразделений министерства (директоров департаментов, начальников отделений, лиц, заведовавших денежными суммами, — бухгалтеров департаментов). Отчетность предусматривается троякого рода: 1) по денежным суммам, отпускаемым на министерство, 2) о прохождении дел в министерстве и 3) о так называемых *видах и предположениях к усовершенствованию каждой части* данного министерства. Последняя, по мысли Сперанского, должна приниматься во внимание при разработке «особенных учреждений» (или «положений») для каждого министерства. На практике предложения министров сводились преимущественно к расширению штатного расписания своих министерств, что вело к разбуханию управленческого аппарата. Об «умножении чиновников» писал уже в 1814 году в своей записке министр внутренних дел В. П. Кочубей[94].

94
Там же. с. 11.

Первоначально, по закону 1802 года, министры представля-

ли годовые отчеты о деятельности своих министерств императору через Сенат, где для их рассмотрения был учрежден особый комитет. В 1810 году обязанность рассмотрения министерских отчетов была возложена на учрежденный в том же году Государственный совет. Однако с 1813 года представление министерских отчетов было переадресовано в Комитет министров, который де-факто приобрел функции второго высшего законосовещательного учреждения. Эта практика в 1826 году была закреплена и законом. Министерство финансов, Главное управление путей сообщения, Святейший синод и учрежденное в 1826 году Министерство императорского двора и уделов представляли свои годовые отчеты непосредственно императору.

С 1833 года министерские годовые отчеты, после их рассмотрения в соответствующих инстанциях, стали возвращаться в министерства. Позже некоторые министерства вместе с годовыми отчетами стали представлять и «обзоры деятельности министерства» за ряд лет (за 10, 20, 25, а Министерство государственных имуществ представило в 1887 году отчет о своей пятидесятилетней деятельности). Все отчеты составлялись по единой форме. С 1834 года Комитет министров стал требовать подачи отчетов за прошедший год с 1 июня каждого года. С замечаниями Комитета министров отчет поступал к императору, а с резолюцией императора снова возвращался в Комитет министров «для исполнения». Кроме того, каждый министр ежегодно обязывался представлять финансовые отчеты в Министерство финансов и в Государственный контроль. Однако указанные ведомства не могли принять по этим отчетам решений, обязательных для министра. Таким образом, финансовые отчеты министерств носили формальный характер. Во второй половине 30-х годов XIX века установился порядок министерских докладов царю. Обычно министры представляли царю еженедельные доклады (за исключением министра двора, который имел право ежедневного доклада царю).

ЧАСТЬ II
ОБЩИЙ НАКАЗ МИНИСТЕРСТВАМ
Параграф 205

Параграф кратко перечисляет основные вопросы содержания второй части закона. Это как бы своеобразное оглавление, не несущее нормативной нагрузки.

Глава I
(параграфы 206—219)

Глава наделяет министра как представителя высшей исполнительной власти довольно широкими полномочиями. По § 206, министр как полномочный представитель императора, им назначенный и только ему подчиненный, — полный хозяин в своем ведомстве и в своих действиях ограничен только

властью императора. Как показала практика, министры не несли за свои противозаконные деяния уголовной ответственности, вместо предания министра суду практиковалось его увольнение с должности. Но обычно увольнение с должности министров было обусловлено менявшейся политической конъюнктурой (например, с усилением реакционного политического курса самодержавия).

§ 207 возвещает, что министерства учреждены как высшая исполнительная власть, которая проводит в жизнь действующие законы. Поскольку вся законодательная власть сосредоточивалась в руках абсолютного монарха, министерства, а точнее возглавлявшие их министры были высшими исполнителями его воли. Со временем полномочия и прерогативы министров в России расширяются.

Хотя по смыслу § 208 министр осуществляет только **исполнительную** власть (не может вводить *никакой новый закон, никакое новое учреждение* или отменять *прежние*), однако право министров входить с докладами непосредственно к царю, а также издавать циркуляры, разъясняющие действие закона, обеспечивало их значительное влияние в сфере законодательства. Сами министерские циркуляры на практике возводились в норму закона. § 212 предоставляет министру право *в чрезвычайных обстоятельствах* действовать своей властью и принимать меры, для которых, *по общему правилу*, требовалось *высочайшее разрешение* (т. е. повеление императора) или издание особого закона. Само нарушение закона министром не вменялось ему в вину, если на это он был уполномочен *верховной властью*.

Министрам предоставляются специальные полномочия на издание общих распоряжений, устанавливающих обязательные правила не только для подвластных им учреждений, но и частных лиц. Некоторые министры (например, финансов, внутренних дел) выполняли функции апелляционных инстанций по делам о взысканиях, наложенных в административном порядке (претензии к казне по подрядам, поставкам и пр.). Особенно широки полномочия у министра внутренних дел: он принимал в русское подданство иностранцев, отдавал под надзор полиции любое «подозрительное» лицо, разрешал или запрещал периодические издания, налагал на них взыскания, объявлял ту или иную местность на карантинном положении, определял режим содержания заключенных в тюрьмах.

§ 210—211 устанавливают ведомственную подчиненность каждого учреждения определенному министерству и практически полную власть министра над всеми подчиненными ему учреждениями (т. е. входившими в круг ведения данного министерства). Над чиновниками всех рангов подчиненных министерству учреждений министр имел ту же власть, что и над чиновниками самого министерства: назначение в должность, перевод, повышение, награды, увольнение, предание суду. Таким образом, министру вручена вся полнота власти не только

в его министерстве, но и в учреждениях, подведомственных министерству.

§ 214—219 устанавливают прерогативы товарища министра. По закону, в отсутствие министра или в случае болезни его должность исполняет товарищ министра. На практике министр нередко пользовался предоставленным ему § 219 правом поручать исполнение обязанностей министра на время своего отсутствия одному из директоров департаментов. Во всякое другое время товарищ министра, как гласит § 216, не вступает ни в какое управление (в министерстве), не имеет власти исполнительной, а в совете министра лишь имеет совещательный голос наравне с прочими членами совета. Иначе говоря, закон наделил товарища министра меньшими прерогативами власти, нежели любого директора департамента министерства. На практике товарищ министра находился в полном подчинении у министра, а в некоторых министерствах этой должности вообще не существовало (см. также комментарий к § 17).

Глава II
(параграфы 220—240)

Глава регламентирует права министра, прежде всего в законодательном процессе. § 220 предоставляет министру право законодательной инициативы, т. е. право *входить* с представлениями об издании нового закона или отмене прежнего. Такое представление он обязан, по закону, делать через Государственный совет, что на практике, как уже отмечалось, нарушалось. § 222 определяет содержание представления: оно должно мотивированно объяснить недостатки прежнего закона, необходимость издания нового (или изменения старого), обосновать новый законопроект.

Министры обязаны присутствовать на заседании Государственного совета, членами которого они являлись по своему положению, во время обсуждения внесенных ими проектов законов. § 223 устанавливает, в каких случаях министру предоставляется законодательная инициатива. Проект нового закона и мотивировка необходимости его издания предполагают предварительное обсуждение на совете министра (§ 223), а если проект затрагивает интересы других министерств и ведомств, — то и координации с этими учреждениями. Подчеркивается также, что представление в Государственный совет министр может сделать только в силу очевидной необходимости издания нового закона. Таким образом, право законодательной инициативы министра обставлено множеством условий. Все они достаточно детально регламентированы в § 222—228 Общего учреждения министерств.

Закон определяет два рода отношений министров к Сенату: 1) по делам исполнительным общим и 2) по делам, требующим особенного высочайшего разрешения (§ 233). § 234 содержит перечень вопросов и дел, с которыми министр входит

в Сенат. Все они касаются предметов, которые либо связаны с компетенцией других министерств или ведомств, либо входят в компетенцию самого Сената. § 238—240 определяют возможность обращения министров в Сенат и по судебным вопросам. Закон предписывает обязательное присутствие министров в Сенате во время обсуждения представленных ими дел.

§ 235—237 дают министру право наиболее важные дела, требующие *высочайшего разрешения* (они перечисляются), представлять непосредственно императору, минуя Государственный совет, Сенат и Комитет министров.

Глава III
(параграфы 241—256)

Глава определяет порядок взаимоотношений министров друг с другом и с *лицами, им равными.*

Еще в манифесте 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» проводилась идея единства государственного механизма. Положение о том, что все министерства составляют единый аппарат управления, подчеркивается и в комментируемом законе (§ 241). На этом основании предусматриваются и взаимоотношения министров как представляющих *части единого управления.* Вместе с тем подчеркивается четкое разграничение сфер компетенции и деятельности каждого министерства, чтобы ни один министр не входил *в управление дел, вверенных другому.* Закон предусматривает и совместное решение дел, которые относятся одновременно к компетенции разных министерств (§ 242—243).

Закон особо выделяет отношения министров к Главному казначейству и Министерству финансов по вопросам кредитования. Здесь важно отметить, что министр являлся распорядителем кредитов по своему ведомству и в силу этого наделялся большими финансовыми правами (§ 244—256). В некоторых случаях министрам предоставлялось право по своему усмотрению увеличивать денежные оклады наиболее *отличившимся чиновникам.* Так, изданный 28 февраля 1812 г. указ по Военному министерству гласил: «Оклады, по примерным штатам положенные, назначать по усмотрению военного министра не всем полные, производя добавку оных за труды и усердие; а из сумм, от неполных окладов остающихся, распределять в конце года денежные награждения отличнейшим чиновникам»[95]. Это ставило штат министерств в еще бóльшую зависимость от министра.

Глава IV
(параграфы 257—277)

Глава предоставляет министру широкую власть над подчиненными ему учреждениями и лицами, которые обязывались беспрекословно выполнять его распоряжения и предписания. Строго проводится принцип соподчиненности находящихся

95 Середонин С. М. Обзор деятельности Комитета министров, т. 1. СПб., 1902, с. 412.

под управлением министерства различных инстанций, порядок их отчетности, переписки с министерством и пр.

Неисполнение предписания министра нижестоящей инстанцией допускалось лишь в случае, если оно отменяло *закон или учреждение, за собственноручным высочайшим подписанием изданное.* Но и в этом случае нижестоящая инстанция сначала должна была сделать представление самому министру, а если он будет настаивать на исполнении предписания, то представить его *на разрешение Сената* (§ 259). Так же могла поступить нижестоящая инстанция и в случае *крайних неудобств* при исполнении министерского предписания (§ 261). Закон требует строгого соблюдения единой формы предписаний, распоряжений, отчетности. Допускается подача жалоб на действия подведомственных министру учреждений, но со строгим соблюдением двух правил: 1) *чтоб не принимать жалоб на нижние места, мимо высших* и 2) *чтоб не давать движений жалобам, без всяких доказательств приносимым* (§ 265).

Глава V (параграфы 278—296)

Одним из главных недостатков манифеста «Об учреждении министерств» 8 сентября 1802 г. Сперанский считал «недостаток ответственности» министров[96]. Поэтому в комментируемом законе этим вопросам уделено большое внимание.

Согласно § 279, привлечение министра к ответственности возможно в двух случаях: 1) при превышении им власти и 2) при бездействии министра, которое могло нанести ущерб государственным интересам. Вместе с тем последующими параграфами (§ 280—285) предусматривается ряд случаев, снимающих с министра ответственность при превышении им власти с санкции *верховной власти*, т. е. императора, хотя бы его предписания и являлись нарушением прежде изданных законов и постановлений. В этом сущность российского самодержавия, классическое определение которого дано В. И. Лениным: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*»[97].

Назначаемые неограниченным в своей власти монархом и ответственные только перед ним, министры за превышение пределов своей власти или за бездействие при исполнении своих прямых обязанностей несли личную ответственность только перед монархом. Жалобы на неправильные действия министра или прямое нарушение им закона нижестоящие инстанции или отдельные лица могли приносить только монарху. Об этом совершенно определенно говорят § 289—290. Монарх, если он примет *в уважение* поступившее на министра

96 План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905, с. 286.

97 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 251—252.

донесение, передает дело на рассмотрение Государственного совета, который назначает специальную комиссию для проведения следствия. В случае подтверждения виновности министра предлагаются два вида наказания — отрешение от должности, если *ущерб* нанесен им *без умысла*, и предание Верховному уголовному суду, *когда откроются важные государственные вины* министра. Но в обоих случаях окончательное решение остается за монархом. В дореволюционной России не было случая, чтобы какой-либо министр был привлечен к судебной ответственности за злоупотребления.

Глава VI
(параграфы 297—314)

Глава фиксирует права и обязанности руководителей подразделений министерства — директоров департаментов и порядок взаимоотношений между ними, при этом § 297 специально подчеркивает роль министра как *главного начальника всех департаментов*. Закон предоставляет директору департамента право распоряжаться ассигнованиями в пределах своего департамента. Превышение власти директором департамента, равно как и другие упущения, рассматривает министр.

Глава VII
(параграфы 315—319)

Глава фиксирует права и обязанности канцелярии министра и ее директора, который по своему статусу поставлен в равное положение с директорами департаментов министерства.

Глава VIII
(параграфы 320—368)

Глава определяет обязанности начальников отделений, начальников *особенных установлений* при министерстве, правителей канцелярий, столоначальников, секретарей и прочих чиновников министерства. Как видно из закона, круг обязанностей чиновников всех рангов ниже столоначальника сводится к чисто техническому исполнительству.

Глава IX
(параграфы 369—375)

Параграфы определяют строгую иерархию подчиненности низших чинов высшим. Предусматривается *строгое взыскание* не только за упущения по должности, но и *за всякое неуважение* к высшему по чину.

Глава X
(параграфы 376—401)

Глава предусматривает привлечение к ответственности директоров департаментов, начальников отделений *и прочих классных чинов* министерства, если их распоряжения и действия превысят их меру власти, или же за бездействие (упуще-

ние) в исполнении возложенных на них обязанностей (§ 376). Предусматривается также освобождение от ответственности чиновников министерства, если они допустили превышение власти, выполняя распоряжение вышестоящей инстанции или в случае каких-либо экстремальных (*чрезвычайных*) обстоятельств (*внезапные и настоятельные нужды, недостаток пособий* и пр.), если все это *ясным и очевидным образом* будет доказано (§ 382). Взыскания за упущения, отрешение от должности или предание суду чиновника министерства, хотя и обсуждаются на совете министра, всецело зависят от самого министра (§ 397—399). Начальники подразделений министерства, назначенные на должность императором (хотя и по представлению министра), не могут быть привлечены к судебной ответственности без его же санкции (§ 400).

Данная глава подчеркивает полноту власти министра над подчиненным ему штатом министерства — строго централизованного бюрократического учреждения высшего управления в царской России.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Образование Государственного совета. СПб., 1810.

Образование Государственного совета 1 января 1810 г. — В кн.: Полное собрание законов Российской империи, собрание 1-е, т. XXXI, № 24064.

Общее учреждение министерств. СПб., 1811, ч. 1—2.

Общее учреждение министерств 25 июня 1811 г. — В кн.: Полное собрание законов Российской империи, собрание 1-е, т. XXXI, № 24686.

Свод учреждений Государственного совета и принадлежащих к оному установлений. — В кн.: Свод законов Российской империи. Т. I, ч. 1, ст. ст. 2—160. СПб., 1832.

Свод учреждений министерств. — В кн.: Свод законов Российской империи. Т. I, ч. 1, ст. ст. 737—922. СПб., 1832.

Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. М., 1909.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственный контроль. 1811—1911. СПб., 1911.

Государственный совет. 1810—1910. СПб., 1910.

Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России. М., 1902.

Емельянова И. А. Высшие органы государственной власти и управления России в дореформенный период. Казань, 1962.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981.

Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802—1917 гг. М., 1983.

Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., б/г.

Коркунов Н. М. Русское государственное право. Особенная часть. СПб., 1893.

Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1901, ч. 1—2.

Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902, ч. 1—2.

Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М. — Л., 1957.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.

Семевский В. И. Вопрос о пре-

образовании государственного строя в России в XVIII и в первой четверти XIX века. — Былое, 1906, № 1—2.

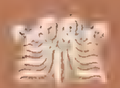
Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902, т. 1—4.

Тельберг Г. Г. Происхождение Комитета министров в России. — Журнал Министерства народного просвещения, 1907, март.

Филиппов А. Н. Исторический очерк образования министерств в России. — Журнал министерства юстиции, 1902, № 9—10.

Щеглов В. Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности. Ярославль, 1903.

Уголовное законодательство

1845 Г., АВГУСТА 15
УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ

Введение

Систематизация российского законодательства, проведенная при Николае I, в области уголовного права пошла дальше, чем в других отраслях права, и завершилась изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Свод законов Российской империи, в котором уголовному праву посвящен преимущественно том XV, представлял собой новую форму действовавших ко времени его составления законов и имел силу лишь при условии соответствия статьям Полного собрания. Ссылки на ПСЗ не означали текстуального соответствия статей Свода законам, включенным в Полное собрание, — допускалась и новая редакция, и объединение нескольких законов в одну статью, и т. д., но при условии, что сохраняется прямая связь между Сводом и Полным собранием законов. Это требование существенно ограничивало стремление составителей Свода сделать его содержание более современным и четким.

Вопрос о юридической природе Свода законов не был решен с достаточной определенностью. В п. 4 императорского Манифеста от 31 января 1833 г. по поводу его издания сказано, что «Свод законов ничего не меняет в силе и действии их (законов. — Авт.), но приводит их только в однообразие и порядок»[1]. Таким образом, предполагалось, что Свод законов действует на одинаковых началах с Полным собранием законов. Но в научных исследованиях и практической деятельности юристов Свод рассматривался как новый закон, имеющий силу лишь при условии соответствия его содержания нормам, включенным в Полное собрание законов, на которых он основан.

Многие историки-юристы полагали, что законы, вошедшие в Полное собрание, не потеряли своей силы. И. П. Загоскин, например, писал, что Соборное уложение «в качестве законодательства действующего напечатано во главе Полного собрания законов Российской империи; отсюда отдельными статьями своими... оно рассеяно по различным томам Свода законов»[2]. То же писал и В. Н. Латкин: «Все это заставляет нас смотреть на Уложение как на один из памятников действующего права, имеющий до сих пор практическое значение»[3].

В томе XV Свода законов впервые были выделены общая и особенная части уголовного права, даны понятия преступления, форм вины, видов соучастия и многих других институтов. Свод законов содержал значительно более четкие формулировки, более точные определения по сравнению с ранее действовавшими законами, но преодолеть архаизм прежнего законодательства составители не смогли, поскольку вынуждены были формулировать положения Свода (и давать ссылки на статьи), исходя из содержания Полного собрания законов. Так, ст. 1 тома XV Свода законов, определявшая понятие преступления, содержала

1 ПСЗ 2-е, т. I, с. XVII — XVIII.

2 Загоскин И. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский Собор 1648—1649 годов. Казань, 1879, с. 4.

3 Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888, с. 104.

ссылки на законы 1720 и 1775 годов; ст. ст. 3—6 о формах вины имели ссылку на Артикул воинский Петра I, на Соборное уложение 1649 года (гл. X, ст. ст. 223, 225; гл. XXII, ст. ст. 18, 20). Многие институты уголовного права не получили достаточно четкого определения: не были решены вопросы о возрасте наступления уголовной ответственности, об обстоятельствах, устранявших наступление уголовной ответственности, и др.

Общая часть составляла первый раздел книги первой тома XV Свода законов — «О существе преступлений и разных родов казней и наказаний». В ней имелись главы «О существе преступлений и разных степенях виновности», «О разных родах казней и наказаний», «Об изъятии от телесного наказания по состоянию подсудимого», «О мере наказания по мере вины», «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене оного», «О последствиях наказаний и о гражданских взысканиях по преступлениям», «О пространстве действия уголовных законов».

Определяя систему преступлений, Свод законов поставил на первое место преступления против веры, на второе — преступления государственные, на третье — преступления «против правительства». Далее следовали преступления чиновников по службе; преступления против безопасности, жизни и прав общественного состояния лиц; преступления против уставов о повинностях, уставов казенного управления и благоустройства; преступления против прав семейственного состояния; специальные разделы определяли наказание «за противозаконное удовлетворение плотских страстей», за преступления против прав на имущества, за лживые поступки.

Исследователи обращали внимание на характерную для прежнего законодательства и не преодоленную при составлении Свода казуальность, недостаточную определенность признаков составов преступлений, крайнюю дробность различных оттенков преступных деяний, неопределенность санкций, наличие пробелов в уголовном законодательстве и разбросанность норм уголовного права по различным томам Свода законов[4]. Вместо общих формулировок закон часто вводил чрезвычайно конкретные индивидуальные признаки составов преступлениий и в то же время вместо определения наказаний содержал выражения: «поступить по законам», «наказать по всей строгости законов», «наказать по мере вины», «судить как ослушника законов».

При составлении тома XV Свода была сделана попытка отделить уголовно-правовые нормы от уголовно-процессуальных. В значительной мере это удалось. Вместе с тем в книге первой тома осталось много статей, содержавших нормы судопроизводства. Так, ст. ст. 109—111, основанные на положениях еще Соборного уложения 1649 года, устанавливали порядок оценки результатов повального обыска и оставления подсудимого «в подозрении» при недостатке «полных доказательств»[5]. В Своде законов была проведена систематизация законодательства и по другим отраслям права, но достаточно четкого разграниче-

4 См.: Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887, с. 175.

5 Ст. 111 предусматривала случай, когда подсудимый, не уличенный в совершении преступления, был «неодобрен повальным обыском»: тогда «смотря по важности обвинения и по силе подозрения» можно было или сослать подсудимого на поселение, или отдать в военную службу, или поручить надзору полиции.

ния уголовного законодательства и административного не произошло.

Изменения в социально-экономическом строе общества настоятельно требовали обновления и упорядочения уголовного законодательства, что ощущалось не только развивающейся буржуазией, но и дворянством[6]. Необходимость новой систематизации уголовного законодательства была связана и с реформами государственного аппарата, развитием системы полиции и политического сыска, и с более точным обозначением правового статуса различных сословных групп в Своде законов (т. IX). Свод законов более четко определил компетенцию судебных и судебно-административных органов, что также требовало реформы законодательства, его совершенствования.

Кризис феодально-крепостнической системы, развитие капитализма в России привели к обострению классовых противоречий, усилению крестьянских выступлений и выступлений посессионных работных людей. Большое влияние на общественную жизнь страны оказала Отечественная война 1812 года, вызвавшая рост национального самосознания и антикрепостнического движения в стране. Россия вступила в первый этап освободительного движения — дворянский. Императорская власть столкнулась с новыми формами борьбы с крепостным правом и самодержавием, с первым революционным выступлением — восстанием декабристов. Подавление восстания, следствие и суд над декабристами не остановили освободительного революционного движения. Оно продолжалось в форме создания противоправительственных кружков, распространения революционных идей, критики существующего строя. На обострение классовой борьбы в России оказывала воздействие и революционная ситуация в Европе. Усиление карательной политики самодержавия вызывало потребность в более определенном формулировании в законе наказуемых деяний, в более четком определении составов государственных преступлений и преступлений против порядка управления.

Разработка теоретических положений, необходимых для проведения кодификации уголовного законодательства, связана с именами многих известных деятелей России того времени, и прежде всего с именем М. М. Сперанского. Как уже отмечалось, он предполагал осуществление третьего этапа кодификации — подготовку уголовного уложения. При этом он исходил из следующих соображений: «Статьи всякого кодекса тесно связаны между собой, и почти невозможно исправить одной, не сделав изменения и во многих других; это отдельное исправление некоторых только постановлений, может быть, доколе не исправятся и другие, повлекло бы за собою еще более против нынешнего порядка неудобств, и ...единственное исправление прочное есть исправление систематическое»[7]. Большой интерес представляют также уголовно-правовые взгляды А. Н. Радищева, Н. С. Мордвинова, А. П. Куницына, О. Горегляда, Г. И. Солнцева, Н. И. Тургенева и многих других[8].

Уложение, по мнению его составителей, должно было объеди-

6 «Недостатки... узаконений уголовных были известны и часто чувствуемы в судебной практике» — такой вывод сделан в «Кратком обозрении хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях» (СПб., 1846, с. 44).

7 Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях, с. 45.

8 См.: Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961; Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII — первая четверть XIX века). М., 1946; Семенова О. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

нить все уголовное законодательство, привести его в единую систему. Важной предпосылкой успеха в этой работе стал опыт осуществления систематизации законодательства в России, разработки Свода законов, возросший за время проведения кодификационных работ уровень юридической техники.

Подготовка Уложения была начата сразу после издания Свода законов. Поначалу она велась в Министерстве юстиции и во Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии, а в 1839 году целиком сосредоточилась во Втором отделении. Отделение широко использовало для составления проекта том XV Свода законов издания 1832 года[9]. Изучалось и ранее действовавшее уголовное законодательство России, а также судебная и административная практика. Кроме того, были изучены проекты прусского (1830), баварского (1831), шведского (1832) и баденского (1839) уголовных кодексов, 15 действовавших в то время кодексов — шведский (1734), прусский (1798), австрийский (1803), французский (1810), баварский (1813), неаполитанский (1819), греческий (1833), римский (1836), саксонский (1840), ганноверский (1840) и др., а также уголовные законы Англии[10].

К 1844 году был составлен «Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с подробным обозначением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений». Он содержал таблицу из трех частей, позволявшую сопоставить статьи Уложения со статьями книги первой тома XV Свода законов и ознакомиться с теоретическими обоснованиями и пояснениями к статьям. Была также подготовлена общая объяснительная записка к проекту. Оба документа были изданы для ознакомления и обсуждения[11].

Проект Уложения был передан для рассмотрения в Государственный совет, а затем утвержден указом императора от 15 августа 1845 г. и введен в действие с 1 мая следующего года. В 1857 году Уложение было внесено в том XV Свода законов с некоторыми изменениями. Позднейшие изменения уголовных законов вносились в Продолжениях к Своду.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года представляло собой обширный кодекс (2224 статьи), имевший 12 разделов, распадающихся на главы, некоторые главы — на отделения, отделения — на отделы. Группировка составов преступлений была осуществлена более чем по 150 направлениям. Казуальность, характерная для Свода законов, преодолена не была.

Первый раздел Уложения представлял собой общую часть уголовного кодекса. В нем было дано понятие наказуемого деяния — преступления и проступка (ст. 4). Закон указывал на противоправность как на важнейший элемент преступления. Этот же принцип формулировался в ст. 96, требующей определения наказания за преступления и проступки на точном основании постановления закона. Следует отметить большую по сравнению со Сводом законов (т. XV, ст. ст. 1, 2) юридическую четкость понятия преступления.

9
В дальнейшем изложении даны ссылки на издание Свода 1832 года. В 1842 году была издана новая редакция Свода, лишь в немногом отличавшаяся от первого издания.

10
См.: Краткое обозрение хода работ.., с. 55—56.

11
См.: Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с подробным обозначением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1844; Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844.

Уложение, так же как и Свод законов, знало два понятия уголовно наказуемого деяния — преступление и проступок. Но если Свод законов устанавливал различие между ними по тяжести наказания, то Уложение — по объекту посягательства (ст. ст. 1, 2). Исследователи Уложения 1845 года, в частности Н. С. Таганцев, отмечали крайнюю нечеткость применения терминов *преступление* и *проступок* в особенной части[12]. Например, ст. ст. 144—146 говорили только о преступлении, устанавливали общую норму о применении наказаний для несовершеннолетнего в случае совершения последним и преступлений и проступков. Статья 163 предусматривала различные сроки давности во всех первых пунктах только для преступлений (тогда как по тексту закона можно полагать, что речь шла и о проступках). В новых редакциях Уложения (1866, 1885 гг.) различие между преступлением и проступком по объекту посягательства было исключено из общей части уголовного кодекса.

В первом разделе Уложения определялись формы вины (ст. ст. 5, 7) и виновность как необходимое основание наступления ответственности, стадии совершения преступления, виды соучастия, обстоятельства, устраняющие наступление уголовной ответственности, смягчающие или отягчающие ее. Впервые был установлен возраст наступления уголовной ответственности. Свод законов указывал на малолетство лишь как на обстоятельство, уменьшающее вину и наказание. Статья 125 тома XV Свода законов под малолетством понимала возраст до 17 лет, и для лиц, не достигших этого возраста, устанавливались особые правила смягчения и применения наказания (ст. 126). Уложение, так же как и Свод, кроме определения абсолютного возраста наступления уголовной ответственности рассматривало малолетство и несовершеннолетие (ст. 142) как обстоятельства, уменьшающие вину и строгость наказания.

Уложение более четко определяло действие уголовного закона во времени и пространстве. В соответствии со ст. 60 тома I Свода законов, Уложение не имело обратной силы. Исключение составляли статьи, смягчающие или отменяющие ответственность. Новый закон исходил из принципа, что никто не может отговариваться неведением закона, если он был в установленном порядке обнародован.

Уложение устанавливало принцип применения его положений ко всем российским подданным в пределах государства, допуская некоторые изъятия, предусмотренные специальными положениями. Эти изъятия существовали для дел, подсудных духовному суду и военным судебным органам (ст. 174). Церковному суду подлежали дела о проступках, за которые устанавливалось только церковное покаяние или отсылка в распоряжение духовного начальства. Если же сверх этого наказания закон предусматривал какое-либо другое, то дело передавалось государственному судебному органу.

Преступления, совершенные военнослужащими, подлежали военно-уголовному суду в соответствии с Военно-уголовным кодексом (Военно-уголовный устав 1839 года). Кроме этого, ка-

12
См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 77.

торжные и ссыльные на поселение в Сибирь подлежали действию особого уголовного кодекса, помещенного в том XIV Свода законов, — Устава о ссыльных. Крепостные крестьяне подлежали суду вотчинной юстиции за многие преступления и проступки. Сельско-судебный устав 1839 года (том XII Свода законов) устанавливал наказания для государственных крестьян.

Уложение 1845 года не распространялось на Польшу[13] и Финляндию, его действию не подлежали некоторые народы России (например, чукчи и другие сибирские народы). На иностранных подданных, не имевших дипломатического иммунитета, Уложение распространялось. Закон предусматривал также ответственность российских подданных, совершивших преступление против Российского государства или российских подданных за рубежом, причем он содержал значительно более четкие по сравнению со Сводом законов (ст. ст. 175—181 тома XV) общие положения относительно ответственности иностранцев и российских подданных, совершивших преступления за рубежом. Свод формулировал эти положения крайне казуально, основываясь на договорах с Турцией, Персией, Китаем, Португалией, конвенциях с Австрией, Пруссией, трактатах с Англией, Швецией.

Общая часть Уложения устанавливала наказания уголовные и исправительные (глава вторая первого раздела), из которых наиболее тяжкими были: лишение всех прав состояния и смертная казнь; лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу; лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь; лишение всех прав состояния и ссылка на поселение на Кавказ.

Уложение сохранило телесные наказания (были отменены лишь кнут и рвание ноздрей). Лестница наказаний имела совершенно четкий сословный характер, типичный для феодального права: лица, не изъятые от наказаний телесных, подвергались наказанию плетьми, клеймению, наказанию розгами. По Своду законов от телесных наказаний освобождались дворяне (включая личных и иностранных), духовенство, жены и вдовы священнослужителей, духовные лица других христианских вероисповеданий, высшие чины исламского духовенства, почетные граждане, купцы первой и второй гильдий, их жены и дети, некоторые разряды сельских должностных лиц. В 1835 году были освобождены от телесных наказаний дети священнослужителей, в 1842 году — учащиеся технологического института; некоторые лица, окончившие с успехом курс наук реальных классов при гимназиях и уездных училищ, и некоторые другие лица, получившие образование. В приложении к Уложению 1845 года дополнительно к вышеуказанным причислялись литераторы, их жены и вдовы, вдовы потомственных дворян, вышедшие замуж за лиц, не изъятых от наказаний телесных, лица, окончившие курс некоторых учебных заведений, нижние чины со знаками отличий, станционные смотрители и ливрейные лакеи двора императора (на время состояния на службе)[14].

Уложение устанавливало и другие льготы для высших сословий. Так, ст. 60 давала возможность замены для дворян и чи-

13 В Польше в 1876 году (ПСЗ 2-е, т. LI, отд. 2-е) было введено Уложение в редакции 1866 года.

14 См. подробнее: Жбанков Д. И. Телесные наказания в России накануне XX века. СПб., 1900; Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897.

новников кратковременного ареста в тюрьме домашним арестом или арестом в помещении ведомства, где они служат.

Закон (ст. 61) определял дополнительные наказания, особенные наказания за преступления и проступки по службе (ст. 67 и сл.) и возможность замены одних наказаний другими (ст. ст. 72—95). Исследователи отмечали чрезвычайную сложность системы наказаний, недостаточную определенность санкций, возможность замены одних наказаний другими, наличие во многих статьях особенной части отсылок к другим статьям для определения меры наказания[15]. Наказания распределялись по разрядам, каждый разряд делился на несколько родов и каждый род — на несколько степеней (с высшей и низшей мерой).

15 См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 189, 190.

Особенная часть Уложения (разделы II — XII) определяла систему преступлений. На первом месте традиционно (начиная с Соборного Уложения 1649 года) находились преступления против веры (разд. II), на втором — государственные (разд. III), на третьем — преступления и проступки против порядка управления (разд. IV), на четвертом — должностные преступления (разд. V).

Поскольку мы не публикуем остальные разделы Уложения, представляется необходимым ознакомить читателя с их содержанием.

Раздел VI. О преступлениях и проступках против постановлений о повинностях государственных и земских (ст. ст. 534—580): глава I. О преступлениях и проступках против постановлений о повинности военной службы; глава II. О нарушении постановлений о повинностях земских.

Раздел VII. О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны (ст. ст. 581—1006): глава I. Положения общие; глава II. О нарушениях уставов монетных; глава III. О нарушении уставов о гербовой бумаге; глава IV. О нарушении уставов горных; глава V. О нарушении уставов о соли; глава VI. О нарушении постановления по питейному сбору и акцизу; глава VII. О нарушении уставов о выделке и продаже табака; глава VIII. О нарушении уставов таможенных; глава IX. О нарушении уставов о казенных лесах.

Раздел VIII. О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния (ст. ст. 1007—1851): глава I. О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие; глава II. О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия; глава III. О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений; глава IV. О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений; глава V. О нарушении постановлений о цензуре; глава VI. О нарушении постановлений о воспитании юношества; глава VII. О нарушении правил благоустройства и хозяйства в городах и селениях; глава VIII. О нарушении правил Устава строительного; глава IX. О нарушении правил осторожности от пожаров; глава X. О нарушении правил, устано-

вленных для сохранения путей сообщения; глава XI. О нарушении уставов почтовых; глава XII. О нарушении постановлений о кредите; глава XIII. О нарушении уставов торговых; глава XIV. О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности.

Раздел IX. О преступлениях и проступках против законов о состояниях (ст. ст. 1852—1919): глава I. О незаконном лишении прав состояния; глава II. О присвоении прав состояния или особых оного преимуществ или же звания, или почетных достоинств, титулов и иных отличий; глава III. О нарушении прав и преимуществ, дарованных высочайшею властью разным в государстве состояниям; глава IV. О злоупотреблении особых по состоянию присвоенных прав; глава V. О нарушении постановлений об актах состояния; глава VI. О нарушении постановлений о народной переписи.

Раздел X. О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (ст. ст. 1920—2039): глава I. О смертоубийстве; глава II. О самоубийстве; глава III. О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью; глава IV. О поединках; глава V. О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании ему помощи; глава VI. О оскорблениях чести; глава VII. О противозаконном задержании и заключении; глава VIII. О нападении с насилием; глава IX. О угрозах.

Раздел XI. О преступлениях против прав семейственных (ст. ст. 2040—2093): глава I. О преступлениях против союза брачного; глава II. О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях детей против родителей; глава III. О преступлениях против союза родственного; глава IV. О злоупотреблении власти опекунов и попечителей.

Раздел XII. О преступлениях и проступках против собственности частных лиц (ст. ст. 2094—2224): глава I. О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захватах и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и о истреблении граничных меж и знаков; глава II. О истреблении и повреждении чужого имущества; глава III. О похищении чужого имущества; глава IV. О присвоении и утайке чужой собственности; глава V. О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам.

По сравнению со Сводом законов система преступлений стала более четкой и соответствующей объектам посягательства[16]. Особенная часть Уложения содержала определения конкретных видов преступлений и проступков, устанавливала наказания за их совершение. Однако анализ особенной части свидетельствует, что составители Уложения не сумели избежать казуальности[17], не сумели они преодолеть и другой дефект Свода — объединение в разделах разнородных преступлений. Так, раздел V — о преступлениях и проступках по службе государственной и общественной — устанавливал ответственность за такие деяния, как неисполнение указов, предписаний, подлоги по службе, мздоимство и лихоимство, и наряду с этим — за нарушение долга подчиненности, слабый за подчиненными над-

16 Свод законов, например, объединял в одной главе преступления против безопасности, жизни и против прав общественного состояния лиц.

17 Так, Уложение содержало 24 статьи, устанавливающие наказания за убийство.

зор, за медленность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отправлении должности и т. п. В разделе VIII — о преступлениях и проступках против общественного устройства и благочиния — одна из статей говорила об ответственности за создание сообщества для преступлений государственных, другая — о появлении «в публичных местах или многочисленных собраниях... в безобразном, противном приличию... виде», «пьяным до беспамятства», третья — устанавливала ответственность за явное неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, «за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени, для того чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы...». Раздел IX — о преступлениях и проступках против законов о состояниях — объединял статьи, устанавливавшие ответственность крепостных крестьян «за подачу на помещиков своих воспрещенной законом жалобы», за сочинение крестьянами подложных отпускных, за самовольный переход от одного владельца к другому, и статьи, определявшие наказания «за оставление места дворянского съезда прежде окончания действий оного», за неявку к исполнению должности избранного на нее дворянина, «за оставление заседания общества городского и сельского прежде закрытия оного» и т. п.

Для Уложения, так же как для Свода, характерно отсутствие достаточно четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. И это закономерно, так как в первой половине XIX века суд в России не был отделен от администрации, широкие судебные полномочия имели органы полиции и политического сыска. Многие составы преступлений, вошедшие в Уложение, в Своде законов были помещены в Полицейском уставе о предупреждении и пресечении преступлений (т. XIV).

Раздел VII — о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны — содержал многочисленные составы преступлений и проступков, являвшихся по существу административными правонарушениями (например, правонарушения, связанные с питейным сбором и акцизом, выделкой и продажей табака и др.). Уложение устанавливало и соответствующие характеру проступков наказания — штрафы, конфискацию водки, спирта и т. д.

Раздел VIII — о преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния — содержал главы о нарушении правил Устава строительного, о нарушении Уставов почтовых, Уставов торговых, о нарушении Уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности. Многие административные правонарушения указывались в статьях о нарушении Уставов врачебных, о нарушении правил о воспитании юношества, в разделах о преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния, о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны. Ярким примером могут служить ст. 792 («Кто из продавцов табаку будет

разрезывать картузы курительного и нюхательного табаку для продажи оного в таком виде, тот за сие подвергается взысканию: в первый раз 5 руб.; во второй — 10 руб.»), ст. 954 («За выпуск без надлежащего дозволения скота на пастьбу в казенный лес взыскивается за каждую козу по 50 коп...»), а также ст. 1919 («Те, которые получив свободу из помещичьего владения по судебному решению, в течение одного года со дня объявления им сего решения не примкнутся ни к какому званию, подвергаются... денежному взысканию по 10 руб. за каждое из принадлежащих к семейству их лицо...»).

Уложение применяло и типичные для административной, полицейской ответственности взыскания — штрафы, кратковременный арест в помещениях при полиции с привлечением (мещан и крестьян) по распоряжению местного начальства к установленным правительством работам. В примечании к ст. 61 сказано, что «отдача под надзор полиции, высылка за границу, запрещение жительства в столицах, или иных местах, или же в собственном виновного имении, с учреждением над оным опеки, кратковременный арест, выговоры, замечания, внушения и денежные взыскания, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, и легкие наказания розгами (не более сорока ударов) могут в некоторых особенных случаях быть определяемы... без формального производства суда», т. е. в административном порядке.

За преступления и проступки по службе устанавливались такие типично дисциплинарные взыскания, как исключение из службы, отстранение от должности, исключение части стажа из общего времени службы (что имело значение для назначения пенсии, наград, присвоения знаков отличия), выговор, замечание и некоторые другие (ст. 67).

Как уже отмечалось, Уложение содержало крайне громоздкую систему наказаний. Сложность их применения усугублялась откровенно сословным подходом, неопределенностью санкций, наличием многочисленных отсылок. Так, ст. 347 раздела о преступлениях против порядка управления отсылала для установления наказания к санкциям, определенным ст. ст. 264, 271, 272 раздела о государственных преступлениях, ст. 348 имела ссылку на ст. 22 первого раздела Уложения, составлявшего его общую часть. Исследователи отмечали несоответствие наказаний тяжести содеянного, невозможность для суда уменьшить меру наказания ниже низшего предела, установленного законом, с учетом смягчающих вину обстоятельств[18]. Вместе с тем закон предоставлял суду возможность выбора между несколькими родами наказания, иногда определял род наказания без указания степени наказания.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года не представляло собой достаточно четкого, юридически точно разработанного уголовного кодекса. И в то же время нельзя не отметить его значительного отличия и совершенства по сравнению с прежним уголовным законодательством России. Уложение не

18 См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 187, 189, 190.

может быть охарактеризовано однозначно. С одной стороны, оно определило понятие преступления, основания наступления уголовной ответственности и другие институты общей части, типичные для буржуазного уголовного права. Был определен возраст уголовной ответственности, действие закона во времени и пространстве, принцип личной ответственности («в делах уголовных всякий должен ответствовать за себя сам» — т. XV Свода законов, кн. 2, ст. 850) и многое другое. С другой стороны, оно отразило феодально-крепостническую сущность политической системы России, сохранило сословный подход при решении вопроса о наказании, установило тяжкие наказания для крепостных крестьян, нарушавших сословное законодательство России и выступавших против власти помещиков.

Уложение разрабатывалось в условиях дворянского периода революционного движения, обострения классовой борьбы в стране, роста крестьянских волнений и выступлений работных людей, что не могло не найти отражения в его статьях. Больше всего самодержавие боялось явлений, подобных восстанию декабристов. Об этом свидетельствуют составы государственных преступлений, организация политического сыска того времени. Вместе с тем Уложение устанавливало уголовную ответственность за новые формы классовой борьбы, типичные для эпохи капитализма, — стачки рабочих.

При всех недостатках Уложения его принятие имело большое значение для дальнейшего развития уголовного законодательства России, для развития уголовно-правовых теорий, для подготовки и проведения в последующем судебной реформы, принятия Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Подготовка проекта Уложения, а в еще большей степени практика его применения показали несовершенство организации судебной деятельности в России.

Новая редакция Уложения была осуществлена в 1866 году в связи с проведением в стране крестьянской реформы, реформы полиции, судебной реформы и некоторыми изменениями карательной политики. В 1863 году был издан указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных», отменивший телесные наказания, наложение клейм и штемпельных знаков. Он содержал, однако, весьма серьезную оговорку, позволявшую в случае невозможности замены телесного наказания заключением в тюрьму или другие места лишения свободы применять наказание розгами. Указ 1863 года не был распространен на волостные суды, созданные крестьянской реформой 1861 года и широко применявшие наказание розгами.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года исключило телесные наказания из общего перечня наказаний, но его ст. 78 устанавливала порядок, по которому «в случае явной невозможности подвергнуть виновных заключению ни в рабочем доме, ни в тюрьме оно может для лиц, не изъятых по закону от наказаний телесных, быть заменено наказанием розгами в следующей постепенности:

1) Заключение на время от одного года и четырех месяцев до 2 лет — наказанием розгами от 80 до 100 ударов.

2) Заключение от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев — наказанием розгами от 60 до 80 ударов» и т. д.

Статья 82 Уложения 1866 года содержала аналогичное положение о возможности замены кратковременного ареста для лиц, не изъятых от телесных наказаний, наказанием розгами[19]. В новой редакции Уложения были исключены статьи, устанавли-

Уложение о наказаниях 1845 г.

19 Телесные наказания были также сохранены в виде дисциплинарного взыскания для солдат, состоящих в штрафных подразделениях, для матросов — во время плавания, для каторжных. Новая редакция Уложения, принятая в 1885 году, не включала статьи, определявшие возможность замены лишения свободы телесными наказаниями.

вавшие ответственность крепостных крестьян. В связи с проведением реформы полиции 1862 года и судебной реформы 1864 года была сделана попытка более четкого разграничения ответственности административной и уголовной. Многие статьи из Уложения были исключены и введены в различные законы, регулировавшие организацию и порядок управления определенными отраслями (например, в Таможенный устав, Устав о казенных лесах, Питейный устав и др.). Кроме того, был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. Из Уложения 1845 года было изъято 652 статьи о маловажных преступлениях и проступках. Многие из них (в другой формулировке) были перенесены в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Таким образом, в Уложении редакции 1866 года осталось 1711 статей.

В 1865 году было принято специальное постановление о согласовании Уложения и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судебная реформа 1864 года (и соответственно Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) устанавливала принцип равенства всех сословий перед законом. Уложение 1845 года исходило из правового неравенства, прямо в законе закрепленного, и, следовательно, подлежало изменению в этом отношении. Наиболее грубые различия по сословному принципу были исключены, но многие остались, особенно при определении наказаний, связанных с лишением или ограничением прав (объем прав определялся принадлежностью к тому или иному сословию)[20].

Устав о наказаниях предусматривал ответственность только за проступки. Статьи 1 и 2 Уложения 1845 года были исключены из редакции 1866 года. Но термины *преступление* и *проступок* остались. В законе не было общего определения их различия. Как указывали исследователи, законодательство судебной реформы и Уложение 1866 года «внесли решительную темноту в вопрос о различии преступлений и проступков»[21].

В 1885 году появилась очередная редакция Уложения, отличавшаяся от редакции 1866 года новыми составами государственных преступлений, появление которых было непосредственно связано с развитием революционного движения в России (была, например, установлена ответственность *за распространение сочинений, возбуждающих к восстанию против власти верховной ... среди войска*), изменением системы мест лишения свободы, внесением в Уложение нового положения о каторге, расширением ответственности за стачки, исключением некоторых статей, устанавливавших фактически административную ответственность за нарушение положений некоторых специальных уставов.

В 1903 году было принято новое Уложение. Но в действие были введены лишь отдельные статьи и главы, прежде всего «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О смуте», что прямо свидетель-

20 В определенной мере сословные различия сохранились и в Уставе о наказаниях 1864 г. Так, ст. 8 Устава говорила: «Несостоятельные к уплате денежных взысканий крестьяне и мещане могут быть отдаваемы в общественные работы... Несостоятельные лица других сословий отдаются в общественные работы или в заработки только в случае собственной их о том просьбы».

21 См.: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867, с. 34.

ствует о стремлении усилить ответственность за государственные преступления. В остальном же продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года с изменениями и дополнениями в редакции 1885 года.

Мы публикуем пять первых важнейших разделов Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, текст которых дается по официальному изданию 1845 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

15 Августа 1845 г.

УЛОЖЕНІЕ
О
НАКАЗАНІЯХЪ
УГОЛОВНЫХЪ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.
О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, ПРОСТУПКАХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ВООБЩЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
О существѣ преступленій и проступковъ и о степеняхъ вины.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.
О существѣ преступленій и проступковъ.

1. Всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ Власти Верховной и установленныхъ Ею властей, или же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ, есть *преступленіе.*

2. Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, [illegible]

3. За преступленія и проступки, по роду и мѣрѣ важности оныхъ, виновные подвергаются наказаніямъ *уголовнымъ* или *исправительнымъ.*

4. Преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія уголовнаго или исправительнаго закономъ предписано.

5. Преступленія и проступки суть *умышленные,* или *неумышленные*

Улож. о Наказ. 1

[illegible]

Текст

УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ

Раздел первый
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРОСТУПКАХ И НАКАЗАНИЯХ ВООБЩЕ

Глава первая
О существе преступлений и проступков и о степенях вины

Отделение первое
О СУЩЕСТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОСТУПКОВ

1. Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть ***преступление.***

2. Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется ***проступком.***

3. За преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям ***уголовным*** *или* ***исправительным.***

4. Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано.

5. Преступления и проступки суть ***умышленные*** *или* ***неумышленные.***

6. В преступлениях и проступках умышленных различаются две степени: 1-я, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла; 2-я, когда оное учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления.

7. Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною.

Отделение второе
О УМЫСЛЕ, О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ, О ПОКУШЕНИИ НА ОНОЕ И О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

8. При суждении о преступлениях умышленных принимаются в уважение и различаются: один лишь чрез что-либо

обнаруженный на преступление умысел, приготовление к приведению оного в действо,покушение на совершение и самое совершение преступления.

9. Изъявление на словах, или письменно, или же иным каким-либо действием намерения учинить преступление, почитается ***признаком умысла.*** *К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло.*

10. Приискание или приобретение средств для совершения преступления признается лишь ***приготовлением*** *к оному.*

11. ***Покушением*** *на преступление признается всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение.*

12. Преступление почитается ***совершившимся,*** *когда в самом деле последовало преднамеренное виновным, или же иное от его действий зло.*

Отделение третье
О УЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

13. В преступлении, содеянном несколькими лицами, принимается в уважение: учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию, или без оного.

14. В преступлении, учиненном несколькими лицами без ***предварительного их на то согласия,*** *признаются из участвовавших в оном:*

главными виновными:

во-первых, распоряжавшие или управлявшие действиями других;

во-вторых, приступившие к действиям прежде других при самом оных начале, или же непосредственно совершившие преступление;

участниками:

во-первых, те, которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления;

во-вторых, те, которые доставляли средства для содеяния преступления, или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся.

15. В преступлениях, учиненных несколькими лицами ***по предварительному их на то согласию,*** *признаются:*

зачинщиками:

те, которые умыслив содеянное преступление, согласили на то других, и те, которые управляли действиями при совершении преступления или покушении на оное, или же первые к тому приступили;

сообщниками:

те, которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить, совокупными силами или действиями, предумышленное преступление;

подговорщиками или подстрекателями:

те, которые не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения или подкуп и обещание выгод, или обольщения и обманы, или же принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других;

пособниками:

те, которые также, хотя не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но из корыстных или иных личных видов, помогали или обязались помогать умыслившим оное, советами или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представлявшихся к содеянию оного препятствия, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеяния оного.

***16.** Сверх сего, из прикосновенных к делу и преступлению признаются:*

попустителями:

те, которые имев власть или возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оного;

укрывателями:

те, которые не имев никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или приняли на сбережение, или же передали или

продали другим похищенные или отнятые у кого-либо или же иным противозаконным образом добытые вещи.

17. Прикосновенными к преступлению признаются и те, которые знав о умышленном или уже содеянном преступлении и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности.

Глава вторая
О наказаниях

Отделение первое
О РОДАХ, СТЕПЕНЯХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ НАКАЗАНИЙ

18. На основании статьи 3 сего Уложения, все наказания, определяемые законом за преступления и проступки, принадлежат к двум главным разрядам: наказаний уголовных и наказаний исправительных; каждый из сих главных разрядов наказаний разделяется на несколько родов и степеней, как сие подробно означено в статьях: 19, 21, 22, 23, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44 сего отделения.

19. Определяемые законом наказания уголовные суть следующие:

I. Лишение всех прав состояния и смертная казнь.

II. Лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы; для людей же, не изъятых от наказаний телесных, публичное наказание от тридцати до ста ударов плетьми через палачей, с наложением клейм, а также ссылка в каторжные работы с потерею всех прав состояния.

III. Лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь; для людей же, не изъятых от наказаний телесных, публичное наказание от десяти до тридцати ударов плетьми через палачей, но без наложения клейм, и также ссылка на поселение в Сибирь с потерею всех прав состояния.

IV. Лишение всех прав состояния и ссылка на поселение за Кавказ.

20. Виды смертной казни определяются судом в приговоре его.

21. Род и продолжение каторжных работ, а для людей, не изъятых от наказаний телесных и число ударов плетьми чрез палачей, определяются по роду преступления и мере вины в следующей постепенности:

Степень 1. Работы в рудниках без срока; наказание плетьми сто ударов;

Степень 2. Работы в рудниках на время от пятнадцати до

двадцати лет; наказание плетьми от восьмидесяти до девяноста ударов;

Степень 3. Работы в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет; наказание плетьми от семидесяти до восьмидесяти ударов;

Степень 4. Работы в крепостях на время от десяти до двенадцати лет; наказание плетьми от шестидесяти до семидесяти ударов;

Степень 5. Работы в крепостях на время от восьми до десяти лет; наказание плетьми от пятидесяти до шестидесяти ударов;

Степень 6. Работы на заводах на время от шести до восьми лет; наказание плетьми от сорока до пятидесяти ударов;

Степень 7. Работы на заводах на время от четырех до шести лет; наказание плетьми от тридцати до сорока ударов.

22. Ссылка на поселение в Сибирь в места более или менее отдаленные, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, и число ударов плетьми, назначаются, по роду преступления и мере вины, в следующей постепенности:

Степень 1. Ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири; наказание плетьми от двадцати до тридцати ударов;

Степень 2. Ссылка на поселение в местах Сибири не столь отдаленных; наказание плетьми от десяти до двадцати ударов.

23. Ссылка за Кавказ определяется лишь за некоторые особые роды преступлений. Место для оной назначается по усмотрению главного начальства Закавказского края.

24. Лишение всех прав состояния сопровождается:

Для дворян, потерею дворянства потомственного или личного и всех преимуществ с оным соединенных;

Для духовных, извержением из духовного сана и звания с потерею всех преимуществ, оным предоставленных;

Для почетных граждан потомственных и личных и для купцов первых двух гильдий, потерею доброго имени и всех преимуществ городским обывателям вообще и почетным гражданам и купцам первых двух гильдий в особенности присвоенных;

Для людей прочих состояний, потерею доброго имени и прав, каждому из сих состояний в особенности присвоенных.

25. Лишение всех прав состояния сопровождается всегда и лишением почетных титулов, чинов, орденов и прочих знаков отличия, и отобранием принадлежащих лично осужденному грамот, дипломов, патентов и аттестатов.

26. Лишение прав состояния не распространяется ни на жену, ни на детей осужденного, прижитых, то есть рожденных уже или зачатых, прежде сего осуждения, ни на потомство сих детей. Они сохраняют все права своего состояния, даже и в том случае, когда, с надлежащего разрешения, последуют добровольно за осужденным в место его ссылки. Некоторые ограничения в порядке пользования сими правами во время пребывания их с осужденным в месте ссылки, допускаются

лишь по необходимости в случаях особенно важных и не иначе как по усмотрению и распоряжению высшего начальства. Впрочем и несмотря на сии ограничения, жене и детям сосланного в каторжные работы или на поселение, прижитым прежде его осуждения, предоставляется именоваться прежним титулом и по прежнему чину или званию мужа или отца.

27. Приговор, осуждающий к наказанию плетьми через палачей, приводится в исполнение, по назначению суда, или в городе, где преступник находится под судом или под стражею, или же в том месте, где им учинено преступление, но всегда публично.

28. Наложение клейм на осужденных к тому преступников следует непосредственно за наказанием их плетьми через палачей, также публично и рукою палача. Оно состоит в поставлении, определенным для того способом, на лбу и щеках осужденного букв К А Т (т. е. каторжный). Достигшие семидесяти лет, и женщины не присуждаются к наложению клейм.

29. Последствия осуждения в каторжные работы суть: потеря прежних прав семейственных и прав собственности, а по прекращении сих работ, за истечением срока или же по другим причинам, поселение в Сибири навсегда.

30. Последствие осуждения в ссылку на поселение есть также потеря прежних прав семейственных и прав собственности.

31. Потеря прав семейственных состоит:

1) В прекращении прав супружеских, за исключением лишь случаев, когда жена осужденного или муж осужденной добровольно последовали за своими супругами в место их ссылки. Супруги, не последовавшие за осужденными в место их ссылки, могут о совершенном расторжении их брака просить свое духовное начальство, которое в разрешении сей просьбы их руководствуется правилами своего исповедания. На сем основании могут просить о расторжении брака их и те из последовавших за осужденными в место ссылки, и вступившие с ними в оном месте в брак, которых супруги за новое преступление подвергнутся вновь влекущему за собою разрушение прав семейственных приговору. Если однако же впоследствии, по монаршему милосердию или по новому приговору суда, осужденные будут прощены или признаны невинными и возвращены на прежнее место жительства, а супруги их между тем не просили о расторжении брака их, то сии браки признаются оставшимися в своей силе.

2) В прекращении власти родительской над детьми, прижитыми прежде осуждения, если дети осужденного не последовали за ним в место его ссылки, или впоследствии оное оставили.

3) В прекращении всех прочих прав, основанных на связях родства или свойства.

32. Вследствие потери прав собственности, все прежнее

имущество осужденного в каторжную работу или ссылку на поселение, со дня постановления и объявления ему окончательного о том приговора, поступает к его законным наследникам, точно так же как поступило бы вследствие естественной его смерти. К ним также по праву представления поступает и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наследству после его осуждения.

33. Состояние осужденных в каторжные работы и ссылку на поселение определяется особыми о том постановлениями.

34. Определяемые законами наказания исправительные суть следующие:

I. Потеря всех особенных прав и преимуществ, как лично так и по состоянию осужденного ему присвоенных, и ссылка на житье в отдаленнейшие или менее отдаленные места Сибири, с временным в определенном для его жительства месте заключением, или без оного; для людей же, не изъятых от наказаний телесных, наказание от пятидесяти до ста ударов розгами чрез полицейских служителей и отдача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, с потерею всех особенных прав и преимуществ лично или же по состоянию или званию ему присвоенных.

II. Ссылка на житье в другие, кроме сибирских, более или менее отдаленные губернии, с потерею всех особенных прав и преимуществ, как лично так и по состоянию осужденного ему присвоенных и с временным в определенном для его жительства месте заключением, или без оного; для людей же, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме, также с потерею всех особенных прав и преимуществ лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных.

III. Временное заключение в крепости, с лишением лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию осужденного ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины.

IV. Временное заключение в смирительном доме, с лишением лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию осужденного ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины.

V. Временное заключение в тюрьме.

VI. Кратковременный арест.

VII. Выговоры в присутствии суда; замечания и внушения от мест судебных или правительственных; денежные взыскания.

***Примечание.** О губерниях, в которые, на основании постановлений II пункта сей статьи, осужденные могут быть отправляемы на житье, Министерство внутренних дел ежегодно сообщает Министерству юстиции для сведения всех судебных мест.*

35. Места, более или менее отдаленные для ссылаемых на житье в Сибирь, и продолжение как заключения их в сих

местах, так и безвыездного в отдаленнейших пребывания, для людей же, не изъятых от наказаний телесных, время работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства и число ударов розгами, определяются, по мере вины, в следующей постепенности:

Степень 1. Ссылка на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от трех до четырех лет, и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определенного времени от десяти до двенадцати лет; или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от восьми до десяти лет и наказание розгами от девяноста до ста ударов;

Степень 2. Ссылка на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет, и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определенного времени от восьми до десяти лет; или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от шести до восьми лет и наказание розгами от восьмидесяти до девяноста ударов;

Степень 3. Ссылка на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет; или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от четырех до шести лет и наказание розгами от семидесяти до восьмидесяти ударов;

Степень 4. Ссылка на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет; или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от двух до четырех лет и наказание розгами от шестидесяти до семидесяти ударов;

Степень 5. Ссылка на житье в губернии Тобольскую или Томскую, с заключением на время от двух до трех лет; или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на время от одного года до двух лет и наказание розгами от пятидесяти до шестидесяти ударов.

Ссылаемые на основании сей статьи в губернии Иркутскую и Енисейскую могут, по истечении определенных в приговоре сроков, просить дозволения переселиться на житье в губернии Тобольскую или Томскую.

36. Продолжение временного заключения ссылаемых на житье в другие, кроме сибирских, отдаленные губернии, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, время заключения в рабочем доме, определяются, по мере вины, в следующей постепенности:

Степень 1. Ссылка на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, с заключением на время от одного года до двух лет, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме на время от двух до трех лет;

Степень 2. Ссылка на житье в отдаленные губернии, кроме

сибирских, с заключением на время от шести месяцев до одного года, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме на время от одного года до двух лет;

Степень 3. Ссылка на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, с заключением на время от трех до шести месяцев, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме на время от шести месяцев до одного года;

Степень 4. Ссылка на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, а для людей, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме на время от трех до шести месяцев.

***37.** Продолжение временного заключения в крепости, с потерею лишь некоторых особенных, лично или по состоянию осужденного присвоенных ему прав и преимуществ определяется, по мере вины, в следующей постепенности:*

Степень 1. Заключение в крепости на время от четырех до шести лет;

Степень 2. Заключение в крепости на время от двух до четырех лет.

***38.** Продолжение временного заключения в крепости без всякого ограничения прав и преимуществ, определяется, по мере вины, в следующей постепенности:*

Степень 1. Заключение в крепости на время от одного года до двух лет;

Степень 2. Заключение в крепости на время от шести месяцев до одного года;

Степень 3. Заключение в крепости на время от шести недель до шести месяцев.

***39.** Продолжение временного заключения в смирительном доме, с потерею лишь некоторых особенных, лично или по состоянию осужденного присвоенных ему прав и преимуществ определяется, по мере вины, в следующей постепенности:*

Степень 1. Заключение в смирительном доме на время от двух до трех лет;

Степень 2. Заключение в смирительном доме на время от одного года до двух лет.

***40.** Продолжение временного заключения в смирительном доме, без всякого ограничения прав и преимуществ, определяется, по мере вины, в следующей постепенности:*

Степень 1. Заключение в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года;

Степень 2. Заключение в смирительном доме на время от трех до шести месяцев.

***41.** Продолжение заключения в тюрьме определяется, также по мере вины, следующим образом:*

Степень 1. На время от одного года до двух лет;

Степень 2. На время от шести месяцев до одного года;

Степень 3. На время от трех до шести месяцев.

42. Продолжение кратковременного ареста определяется, по мере вины, следующим образом:

Степень 1. Арест на время от трех недель до трех месяцев;

Степень 2. Арест на время от семи дней до трех недель;

Степень 3. Арест на время от трех до семи дней;

Степень 4. Арест на время от одного дня до трех дней.

43. Выговоры в присутствии суда, смотря по мере вины присужденного к оным, могут быть более или менее строгие; строжайшие делаются при открытых дверях.

44. Денежные взыскания определяются, также по мере вины, в большем или меньшем количестве, на основании особенных постановлений о каждом подвергающем взысканию сего рода преступлении или проступке. В случае несостоятельности виновного, постановлением о денежном с него взыскании не нарушаются права других лиц по каким-либо искам и по обязательствам, прежде учинения того преступления или проступка заключенным.

45. Из сумм, по определяемым постановлениями сего Уложения денежным взысканиям поступающих, во всех тех случаях, когда сими постановлениями или особыми о том узаконениями не означено именно, в какое ведомство или место оные должны быть передаваемы, составляется особый капитал для улучшения содержания существующих и устройства новых мест заключения.

46. С потерею всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию обвиненного ему присвоенных, присужденный к ссылке на житье в Сибирь или в другие, кроме Сибирских, отдаленные губернии, с временным в определенном для его жительства месте заключением или без оного, или же к отдаче на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или в рабочий дом, лишается как почетных титулов, дворянства, чинов и всяких знаков отличия, так и права, даже и по освобождении из временного заключения или от работы:

1) Вступать в государственную или общественную службу;

2) Записываться в гильдии или получать какого-либо рода свидетельства на торговлю;

3) Быть свидетелем при каких-либо договорах и других актах и давать по делам гражданским свидетельские показания, под присягою или без присяги, кроме лишь случаев, в коих судом будет признано необходимым потребовать его показаний;

4) Быть избираемым в третейские судьи;

5) Быть опекуном или попечителем;

6) Быть поверенным по чьим-либо делам.

47. Осужденные на ссылку в Сибирь или другие отдаленные губернии на житье, с потерею всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, по освобождении из временного заключения, состоят под надзором местной полиции.

48. Присужденные к отдаче на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства могут быть употребляемы и в городские и всякие другие работы.

49. Присужденные к ссылке на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, с потерею всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, или же к отдаче на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочий дом, сохраняют свои права семейственные и права на прежнюю собственность; но дворяне, как уже лишенные особенных преимуществ, сему состоянию предоставленных, не могут продолжать владеть своим дворянским имуществом, которое отдается в опекунское управление сообразно с постановленными, в статье 220 Законов о состояниях (т.IX), правилами. Недвижимые населенные имения, которые после произнесения над виновными приговора могли бы дойти к ним по наследству, поступают в опеку на том же основании.

Лишение особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ также не распространяется ни на жену, ни на детей осужденного, прижитых прежде сего осуждения.

50. Сосланные, с потерею всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, обязаны, по освобождении их из временного заключения, избрать себе род жизни на месте выдворения своего, записываясь, с дозволения начальства, в мещанское или другое податное состояние, только без права участвовать в выборах и производить купеческую и вообще по соответствующим оной свидетельствам торговлю. Они могут также приобретать земли для обрабатывания на праве свободных хлебопашцев, но не удаляясь от назначенного им места жительства.

51. По освобождении от работ в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства, осужденные отдаются на четыре года под особый надзор местной полиции, или же их обществ или помещиков, если они пожелают принять их. В продолжение сего времени они не вправе переменять места жительства и удаляться от оного без особенного на каждый раз дозволения полиции, общества или помещика; иногородним пребывание в столицах и губернских городах совершенно воспрещается в продолжение того же времени.

52. Осужденные к заключению в рабочем доме по освобождении из оного отдаются под особый надзор местной полиции, или же их обществ или помещиков, если они пожелают принять их, на два года, и в продолжение сего времени не могут переменять места жительства и удаляться от оного, без особенного на каждый раз дозволения полиции, общества или помещика.

53. Соединенная с осуждением к заключению в крепости на время от двух до шести лет и к заключению в смирительном

доме на время от одного года до трех лет, потеря некоторых личных прав и преимуществ, ограничивается:

Для дворян: запрещением вступать в государственную или общественную службу, участвовать в выборах и быть избираемыми в какие-либо должности, даже и в опекуны по назначению дворянской опеки;

Для священнослужителей: потерею духовного сана навсегда;

Для церковнослужителей: исключением из духовного звания;

Для почетных граждан и купцов: запрещением участвовать в городских выборах и быть избираемыми в почетные или соединенные с властью городские должности.

***54.** По освобождении из крепости или смирительного дома, когда заключение в оных было соединено с потерею некоторых особенных прав и преимуществ, осужденные отдаются под надзор местной полиции, или же их обществ, или помещиков, на один год. В продолжение сего времени они не в праве переменять места жительства и удаляться от оного без особого на каждый раз дозволения полиции, или же обществ, или помещиков.*

***55.** Осужденные на заключение в крепости содержатся в устроенных внутри крепостей для сего зданиях. Они могут заниматься возможными в заключении работами лишь по собственному желанию.*

***56.** Осужденные на заключение в домах рабочих и смирительных употребляются только на определенные уставами сих домов работы.*

***57.** В случае осуждения чиновников к заключению в крепости, смирительном доме или тюрьме, на срок более шести месяцев, все сие время заключения вычитается из времени их службы.*

***58.** Осужденные на заключение в тюрьме мещане и крестьяне могут по распоряжению местного начальства и во время заключения быть употребляемы на общественные и другие правительством установленные работы. Люди всех других состояний занимаются возможными в их положении работами лишь по собственному желанию; им дозволяется избрать между прочим одну из тех, которые введены в том месте заключения для занятия содержащихся в оном. За работы сего рода и за те, в которые по распоряжению начальства употребляются мещане и крестьяне, назначается задельная плата по особым для сего правилам; но во всяком случае вырабатываемые заключенными деньги отдаются им не прежде, как по освобождении их из тюрьмы.*

***59.** Осужденные на кратковременный арест лица, изъятые по закону от наказаний телесных, содержатся в тюрьме; не изъятые же от сих наказаний, в назначенных для сего помещениях при полиции. Из них мещане и крестьяне могут, по*

распоряжению местного начальства, быть употребляемы в общественные и другие правительством установленные работы. Крестьяне казенного ведомства, приговариваемые к кратковременному аресту в селениях сего ведомства, подвергаются оному и употребляются в работы по распоряжению местной Сельской расправы.

60. *Дворяне и чиновники, присуждаемые к наказанию кратковременным арестом, могут, по усмотрению суда или начальства, быть подвергаемы сему аресту или в тюрьме, или на военной гауптвахте, или в собственном месте жительства, или же в одном из домов ведомства, к коему они принадлежат, буде состоят на службе.*

61. *К наказаниям как уголовным, так и исправительным присоединяется, в некоторых определяемых законами случаях, церковное покаяние, по распоряжению духовного начальства осужденных. Определяется также в случаях, именно законом означенных, и конфискация всех или части принадлежащих осужденным вещей или других имуществ. Равномерно присоединяются к некоторым из наказаний исправительных: опубликование осужденного через Ведомости Сенатские, обеих столиц и губернские, высылка за границу, если виновный иностранец, воспрещение жительства в столицах и иных местах или в собственных виновного имениях,с учреждением над оными опеки, также отдача под особый надзор полиции, запрещение производства прежнего или какого-либо иного ремесла или промысла, наконец и постановление о испрошении им у обиженного или обиженных прощения, в присутствии суда или свидетелей, по форме и в тех самых выражениях, которые для сего предписываются судом.*

Примечание. *Отдача под надзор полиции, высылка за границу, запрещение жительства в столицах или иных местах, или же в собственном виновного имении, с учреждением над оным опеки, кратковременный арест, выговоры, замечания, внушения и денежные взыскания, а для людей, не изъятых от наказаний телесных и легкие наказания розгами (не более сорока ударов), могут, в некоторых особенных случаях, быть определяемы порядком, для сего установленным, без формального производства суда. Виды церковного покаяния и сроки продолжения оного определяются духовным начальством. Ссылаемые в Сибирь на поселение или на житье, если они с тем вместе приговорены и к церковному покаянию, предаются оному в месте ссылки, на срок, назначаемый тамошним епархиальным начальством.*

Отделение второе
О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА УБЫТКИ, ВРЕД И ОБИДЫ

62. *Виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к коему присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду из собственного имущества по точному о сем постановлению суда.*

63. *Когда преступление учинено несколькими лицами, и главные виновные не в состоянии вознаградить за причиненный вред, убыток или обиду, то следующая на вознаграждение денежная сумма присуждается с других участвовавших в преступлении, или же, в случае их несостоятельности, и с тех, которые, знав с достоверностью об умысле на оное, не довели сего до сведения правительства, или того лица, против коего преступление было умышляемо.*

64. *Взыскание вознаграждения за причиненный вред, убыток или обиду, в случае смерти главных виновных и участников их, распространяется и на их наследников, но требуется только из того имения, которое им досталось от виновных.*

65. *Виновные, не имеющие никаких средств к вознаграждению за причиненные ими вред, убыток или обиду, могут, если они не подвергаются наказанию уголовному, быть, по требованию обиженной стороны, заключены в тюрьму, на основании общих правил о несостоятельных должниках.*

66. *Если приговоренный к вознаграждению за причиненные преступлением убытки, вред или обиду, и к денежному за то же преступление взысканию, окажется несостоятельным к полной того и другого уплате, то из имения его сначала делается вознаграждение за убытки, вред или обиду, а равно и по другим частным искам, и судебное денежное взыскание налагается лишь на оставшееся за сим имущество.*

Отделение третье

ОСОБЕННЫЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОСТУПКИ ПО СЛУЖБЕ

67. *Кроме общих мер наказаний и взысканий, выше сего означенных, за преступления и проступки по службе полагаются следующие:*

1) исключение из службы,

2) отрешение от должности,

3) вычет из времени службы,

4) удаление от должности,

5) перемещение с высшей должности на низшую,

6) выговор, более или менее строгий, с внесением оного в послужной список,

7) вычет из жалования,

8) выговор, более или менее строгий, без внесения в послужной список,

9) замечание, более или менее строгое.

68. *Исключенный из службы лишается права вступать снова в какую-либо государственную службу, участвовать в выборах и быть избираемым в должности по назначению дворянства, городов и селений.*

69. *Отрешенный от должности лишается права, в течение трех лет со дня отрешения, поступать снова на службу государственную и общественную.*

70. Вычет из времени службы, дающей право на получение наград, пенсий и знака отличия беспорочной службы, должен ограничиваться одним годом.

71. Вычет из жалованья производится задержанием в казне следующего виновному жалованья во всяком случае, однако же не более одной трети его годового оклада.

Примечание. *Из наказаний и взысканий за преступления и проступки по службе, вычеты из жалованья на основании статей 444, 445 и 446 сего Уложения, временный арест, не более однако же как на семь дней, замечания и выговоры без внесения в послужной список могут быть определяемы не только по суду, но и по распоряжению непосредственного над подвергающимися сим наказаниям или взысканиям начальства; удаление от должности без формального следствия и суда и перемещение с высшей должности на низшую предоставляется лишь тому лицу или месту, коим виновный был в оную назначен.*

Отделение четвертое
О ЗАМЕНЕ ОДНИХ НАКАЗАНИЙ ДРУГИМИ

72. Некоторые из наказаний, в сей главе означенных, заменяются, в случаях, законом определенных, другими. на следующем основании.

73. Смертная казнь, по особому высочайшему соизволению, в некоторых случаях заменяется возведением осужденного преступника на эшафот, положением его на плаху, или поставлением под виселицею на публичной площади; причем, если он принадлежал к дворянскому состоянию, над ним переламывается шпага. Сия казнь знаменует ***политическую смерть****, и за оною следует всегда ссылка в каторжные работы без срока, или на определенное время.*

74. Каторжные работы в рудниках без срока или на определенное время могут, по распоряжению правительства, быть заменяемы каторжными работами в крепостях также без срока или на то же определенное время.

75. За преступления, подвергающие по законам осуждению к каторжной работе в рудниках или в крепостях, женщины, вместо того, приговариваются к работам на заводах, но с увеличением следующего, по роду преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, числа лет, таким образом, чтобы за один год работы в рудниках или в крепостях полагать полтора года работ на заводах.

76. Для престарелых, достигших семидесяти лет, каторжная работа заменяется ссылкою на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

77. Вместо наказания плетьми виновные, подлежащие оному, присуждаются к наказанию шпицрутенами, когда, по закону или особому распоряжению правительства, они были судимы военным судом.

78. Лица, изъятые от наказаний телесных, вместо ссылки в Сибирь на поселение, если они по летам и телосложению к строевой службе способны, присуждаются к отдаче в военную службу рядовыми без выслуги.

79. Вместо поселения за Кавказом, виновные, подлежащие сему наказанию, присуждаются к отдаче рядовыми без выслуги в войска Отдельного Кавказского корпуса, если токмо они к военной строевой или к нестроевой службе способны. Те из них, которые прежде осуждения были жителями Каспийской области или губернии Грузино-Имеретинской, отсылаются, на сем же основании, в отдаленные отряды Сибирского корпуса, или буде они к военной службе строевой или нестроевой вовсе неспособны, на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

80. Вместо ссылки на житье в отдаленные, кроме сибирских, губернии, с потерею всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, те из иностранцев, которые изъяты от наказаний телесных, высылаются за границу, также с лишением всех особенных прав и преимуществ, лично и по прежнему их состоянию в России им присвоенных и с воспрещением возвращаться в пределы государства. Не изъятые от наказаний телесных иностранцы после окончания определенного срока работ в рабочем доме вместо отдачи под надзор местной полиции также высылаются за границу, с воспрещением возвращаться в пределы государства.

81. В случаях, в которых за нарушение постановлений о повинности военной службы в сем Уложении определена отдача в рекруты, виновные, буде они к военной службе неспособны, отдаются в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от десяти до двенадцати лет. Сие правило применяется также и к осужденным на отдачу в военную службу за бродяжество, или на основании статьи 1338 п. 8 и 9 и статьи 2071 сего Уложения.

82. Вместо исправительных арестантских рот гражданского ведомства, присужденные к сему наказанию могут, по требованию инженерного начальства, быть отсылаемы в арестантские крепостные роты, также в исправительные оных отряды (отряды срочных арестантов), с уменьшением определенного судом числа лет работы таким образом, чтобы за один год работ в арестантских ротах гражданскаго ведомства, полагалось десять месяцев работ в арестантских крепостных ротах.

83. Из мест, где исправительные арестантские роты гражданского ведомства еще не учреждены, осужденные по сношению с надлежащими начальствами, помещаются или в ближайшие к тому месту роты гражданского ведомства, или же в отряды срочных арестантов ведомства инженерного, на основании постановлений предшедшей 82 статьи. Присужденные к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на краткие сроки, то есть на время от одного года до двух лет или от двух до четырех лет, могут, в случае большой

отдаленности от места, где оные учреждены, быть вместо того заключаемы в рабочие дома, но на продолжительнейшие сроки, считая за каждый год работы в арестантских ротах полтора года в рабочем доме. Те, которые по старости, дряхлости или иным причинам к работам в арестантских ротах неспособны, а равно и женщины, всегда присуждаются вместо того к отдаче в рабочие дома, также на продолжительнейшие сроки, по вышеозначенному в сей статье правилу.

84. Там, где нет еще рабочих домов, или нет на то время достаточного в них помещения, присужденные к заключению в оных содержатся в особом устроиваемом для сего отделении городской тюрьмы и употребляются на самые тяжкие, из установленных в сем месте заключения, работы. Впрочем, заключение в рабочем доме может для не изъятых по закону от наказаний телесных быть по усмотрению суда заменяемо наказанием розгами в следующей постепенности:

1) заключение на время от двух до трех лет — наказанием розгами от восьмидесяти до ста ударов,
2) заключение на время от одного года до двух лет — наказанием розгами от шестидесяти до восьмидесяти ударов,
3) заключение на время от шести месяцев до одного года — наказанием розгами от пятидесяти до шестидесяти ударов,
4) заключение на время от трех до шести месяцев — наказанием розгами от сорока до пятидесяти ударов.

85. В местах, отдаленных от крепостей, когда пересылка осужденных в оные могла бы быть затруднительной, заключение в крепости может быть заменяемо заключением в тюрьме.

86. В тех местах, где нет еще смирительных домов или нет на то время достаточного в них помещения, заключение в смирительном доме заменяется:

для лиц, изъятых по закону от наказаний телесных, — заключением в тюрьме на сроки, равные срокам заключения в смирительном доме;

для лиц, не изъятых по закону от наказаний телесных, — наказанием розгами в следующей соразмерности:

1) заключение в смирительном доме на время от двух до трех лет — наказанием розгами от семидесяти до восьмидесяти ударов,
2) заключение на время от одного года до двух лет — наказанием розгами от шестидесяти до семидесяти ударов,
3) заключение на время от шести месяцев до одного года — наказанием розгами от пятидесяти до шестидесяти ударов,
4) заключение на время от трех до шести месяцев — наказанием розгами от сорока до пятидесяти ударов.

87. В тех случаях, в коих заключение в тюрьме могло бы подвергнуть осужденного разорению и лишению средств к пропитанию его семейства, оно может быть заменяемо для людей, не изъятых от наказаний телесных, по усмотрению суда, наказанием розгами в следующей соразмерности:

1) заключение в тюрьме на время от одного года до двух лет — наказанием розгами от пятидесяти до шестидесяти ударов,

2) заключение на время от шести месяцев до одного года — наказанием розгами от сорока до пятидесяти ударов,

3) заключение на время от трех до шести месяцев — наказанием розгами от тридцати до сорока ударов.

88. Наказание кратковременным арестом может по усмотрению суда или определяющего оное начальства быть заменяемо для лиц, не изъятых от наказаний телесных, наказанием розгами в следующей соразмерности:

1) арест на время от трех недель до трех месяцев — наказанием розгами от двадцати до тридцати ударов,

2) арест на время от семи дней до трех недель — наказанием розгами от пятнадцати до двадцати ударов,

3) арест на время от трех до семи дней — наказанием розгами от десяти до пятнадцати ударов,

4) арест на время от одного до трех дней — наказанием розгами от трех до десяти ударов.

89. Взамен кратковременного ареста люди, не изъятые от наказаний телесных, могут также быть присуждаемы к употреблению в общественные или другие, правительством установленные работы, на то же время, какое определено для заключения.

90. Когда осужденные, но не подлежащие наказанию уголовному, не в состоянии заплатить всего или части наложенного на них денежного взыскания, они вместо того, кроме лишь особых, означенных в разд. VI, VII и VIII сего Уложения, случаев, приговариваются к временному, соразмерному с суммою взыскания, заключению в тюрьме на следующих основаниях:

за первые, подлежащие ко взысканию с виновного двадцать рублей, зачитается по пятидесяти копеек за каждый день заключения;

за следующие, свыше двадцати до пятидесяти рублей, по семидесяти пяти копеек, а после сего, за всю остающуюся сумму, по одному рублю, также за каждый день заключения.

Впрочем, заключаемые на основании сих правил в тюрьму во всяком случае остаются в оной по одному и тому же взысканию не долее пяти лет. Если, однако же, сии несостоятельные к платежу наложенного на них денежного взыскания могут, по званию своему и другим обстоятельствам, быть употребляемы в общественные работы, то суд приговаривает их к сему, вместо заключения в тюрьме, и все выработываемые ими деньги обращаются на уплату следующего с них взыскания.

91. Священно и церковнослужители и монашествующие, осужденные на временное заключение, в тех случаях, когда с сим не соединены потеря духовного сана, или исключение из духовного звания, отсылаются не в места заключения, а к их епархиальному начальству, для исправления их по распоряже-

нию оного. Выговоры и замечания делаются им также по распоряжению и от имени сего начальства.

92. Состоящие на службе, не изъятые от наказаний телесных лица могут быть присуждаемы:

1) вместо исключения из службы — к отдаче в солдаты,

2) вместо отрешения или удаления от должности — к наказанию розгами от тридцати до сорока ударов,

3) вместо вычета из времени службы или жалованья — к наказанию розгами от десяти до тридцати ударов.

93. Преступники, одержимые такими неизлечимыми болезнями, в коих они не могут, без явной опасности для их жизни, быть подвергаемы наказаниям телесным, освобождаются от наказания плетьми, розгами или палками, и те из них, которые по роду и степени вины подлежали бы вместе с сим наказанием еще другому, приговариваются лишь к сему последнему; а те, коих следовало бы подвергнуть только одному телесному наказанию, присуждаются вместо того или к заключению в рабочем доме, или же к содержанию в тюрьме на время, определяемое судом по его усмотрению. Роды и виды сих болезней означены в особом, высочайше утвержденном постановлении Медицинского совета Министерства внутренних дел (см. приложение II).

94. Лица, изъятые от наказаний телесных не по правам состояния, а по особым о них постановлениям, не подвергаются наказанию розгами, но в случаях, законом определенных, приговариваются без сего наказания к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства и в рабочие дома на том же основании, как и не изъятые от наказаний телесных.

95. Лица, которые по законам изъяты от наказаний телесных лишь за маловажные преступления и проступки, подвергаются за сии проступки и преступления, вместо наказания розгами, смотря по роду и степени вины их, или заключению в смирительном доме, или тюрьме, или временному аресту, или отрешению от должности, или денежному взысканию, на том же основании, как и лица, совершенно по состоянию своему изъятые от наказаний телесных.

Глава третья
О определении наказаний по преступлениям

Отделение первое
О ОПРЕДЕЛЕНИИ НАКАЗАНИЙ ВООБЩЕ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРИ КОИХ СОДЕЯННОЕ НЕ ВМЕНЯЕТСЯ В ВИНУ

I. О определении наказаний вообще

96. Наказания за преступления и проступки определяются не иначе, как на точном основании постановлений закона.

97. Наказание за преступление или проступок, а в тех случаях, когда оное в законах постановлено и за покушение на преступление, или приготовление к нему или же и за самый на оное умысел, может быть определено судом тогда только, во-первых, когда содеяние преступления или проступка, или же покушение на оные или приготовление к ним, или существование преступного умысла несомненно доказаны; во-вторых, когда при том содеянное или умышленное должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину.

II. О причинах, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину

98. Причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, суть:

1) Совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло;

2) Малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния;

3) Безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство;

4) Ошибка случайная или вследствие обмана;

5) Принуждение от превосходящей непреодолимой силы;

6) Необходимость обороны.

99. Зло, последовавшее случайно и непредвидимо, не вменяется содеявшему в вину. Если однако же деяние, от коего последовало сие зло, было само по себе противозаконное, то он подвергается наказанию, но лишь за то, что был намерен учинить. Сверх сего, в некоторых, законом определенных случаях, для успокоения совести, он предается церковному покаянию.

100. Дети, не достигшие семи лет от роду и потому еще не имеющие достаточного о своих деяниях понятия, не подлежат наказаниям за преступления и проступки: они отдаются родителям, опекунам или родственникам, для вразумления и наставления их впоследствии.

101. Преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший, по состоянию своему в то время, не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния. Однако же учинившие смертоубийство или же посягнувшие на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство, безумные или сумасшедшие заключаются в дом умалишенных, даже и в случае, когда бы их родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя. Порядок заключения их в доме умалишенных и сроки для их содержания и освобождения, определены особыми о сем постановлениями (см. приложение III).

102. На том же основании не вменяются в вину и преступления и проступки, учиненные больным в точно доказанном припадке умоисступления или совершенного беспамятства. Совершивший в таком припадке болезни смертоубийство, или же посягнувший на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство отдается, вместо дома умалишенных, на попечение родителям, родственникам, опекунам, или, с согласия их, и посторонним, с обязательством иметь за ним тщательное непрестанное смотрение во время его болезни и лечения, предотвращая всякие дурные или опасные для других или же для него самого последствия его припадков умоисступления. Когда же родители больного, или его родственники, опекуны или посторонние, желающие взять его на свое попечение, оказываются недостаточно благонадежными и от них нельзя ожидать точного исполнения возлагаемой на них обязанности, то страдающий припадками умоисступления отдается, для лечения его и присмотра за ним, в больницу, где и оставляется до совершенного выздоровления.

103. Постановления предшедшей 102 статьи о невменении в вину преступлений и проступков, учиненных в припадке болезни, сопровождаемой умоисступлением или совершенным беспамятством, распространяются и на потерявших умственные способности и рассудок от старости или дряхлости, и на лунатиков (сонноходцев), которые, в припадках своего нервного расстройства, действуют без надлежащего разумения. Они также отдаются на попечение ближайшим родственникам или, с согласия их, и посторонним, или же помещаются в одно из заведений Приказа общественного призрения, для бдительного за ними присмотра.

104. Глухонемые от рождения, а равно и лишившиеся слуха и языка в детском возрасте, когда нет сомнения, что они не получили, ни чрез воспитание, ни чрез сообщество с другими, никакого понятия о обязанностях и законе, также не подвергаются наказаниям за преступления и проступки; но в случае учиненного таким глухонемым смертоубийства, или же покушения его на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство, делается распоряжение о содержании его в заключении отдельно от других, находящихся под стражею, и о строгом неослабном за ним надзоре.

105. Кто учинит что-либо противное закону единственно по совершенному, от случайной ошибки или вследствие обмана происшедшему, неведению тех обстоятельств, от коих именно деяние его обратилось в противозаконное, тому содеянное им не вменяется в вину. Он может, однако же в некоторых случаях, законом определяемых, быть присуждаем к церковному покаянию.

106. Учинившему противозаконное деяние вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им также не вменяется в вину.

107. При необходимой личной обороне употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, равно и нанесение притом нападающему ран, увечья и самой смерти не вменяются в вину, когда от нападения, при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, действительно подвергались опасности жизнь, здоровье, или свобода оборонявшегося, или же нападение сделано вором или разбойником, или нападающий вторгнулся с насилием в жительство оборонявшегося. Необходимость обороны признается также и в случае, когда застигнутый, при похищении или повреждении какого-либо имущества, преступник, силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения. При сем, однако же, постановляется общим правилом: 1) что в каждом из вышеозначенных случаев, оборонявшийся обязан о всех обстоятельствах и последствиях своей необходимой обороны немедленно объявить соседним жителям, а при первой возможности и ближайшему начальству; 2) что всякий напрасный, сделанный нападающему после уже отвращения грозившей от него опасности, вред, признается злоупотреблением обороны, и виновный в том должен быть подвергаем наказанию, которое определяется по мере причиненного им вреда, по роду побуждения, коему он следовал и другим обстоятельствам дела.

108. Оборона также признается необходимою и со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь.

109. Во всех случаях, означенных выше сего в статьях 107 и 108, употребление мер необходимой обороны дозволяется не только для собственной своей защиты, но и для защиты других, находящихся в таком же положении.

Отделение второе
О МЕРЕ НАКАЗАНИЙ

110. Мера установленного законом за преступление или проступок наказания определяется:

1) По мере большей или меньшей умышленности в содеянии преступления;

2) По мере большей или меньшей близости к совершению оного, если преступление не вполне совершено;

3) По мере принятого подсудимым участия в содеянии преступления или в покушении на оное;

Наконец, 4) по особенным сопровождавшим содеяние преступления или покушения на оное обстоятельствам, более или менее увеличивающим или же уменьшающим вину преступника.

I. О наказании по мере большей или меньшей умышленности преступления

111. За преступление, учиненное вследствие намерения заранее преступником обдуманного, определяется всегда выс-

шая мера наказаний, за то преступление положенных, если в законах не постановлены именно или различные наказания, или же разные степени наказаний на случай, когда сие преступление было предумышленное, и на те, когда оное учинено по внезапному побуждению без предварительного на то умысла.

112. За преступление, учиненное в пьянстве, когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление, определяется также высшая мера наказания, за то преступление в законах положенного. Когда же, напротив, доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мера его наказания назначается по другим, сопровождавшим преступление обстоятельствам.

113. Учинивший какое-либо преступление, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, но в третий уже раз, наказывается столь же строго, как учинивший оное в первый раз с обдуманным заранее намерением или умыслом.

114. Если по обстоятельствам, сопровождавшим его деяние, подсудимый мог и должен был предвидеть, что последствием оного должны быть не одно, а несколько преступлений разной важности, то, хотя бы он и не имел положительного намерения совершить именно важнейшее из сих преступлений, мера его наказания определяется всегда по сему важнейшему из преступлений, долженствовавших быть последствием его деяния.

115. Если подсудимый, при содеянии какого-либо преступления, тем самым, хотя и без прямого на сие умысла, учинил еще другое, более тяжкое, то мера его наказания определяется по правилам о совокупности преступлений (статья 156 сего Уложения), кроме лишь случаев, в коих законами полагается за сие именно другое наказание, более строгое.

116. Строгость определенного в законе наказания за преступление, учиненное без намерения, увеличивается, когда учинивший оное, по званию своему или обстоятельствам, был обязан действовать с особенною осмотрительностью; сия строгость уменьшается, когда деяние подсудимого по существу своему было не противозаконное, а вредные оного последствия не могли быть им легко предвидены, или же когда он в сем случае увлекался излишнею в исполнении возложенных на него обязанностей ревностью. Когда же неосторожность деяния, бывшего причиною сделанного зла, оправдывается обстоятельствами, по коим никак нельзя было ожидать и предполагать вредных оного последствий, то виновному в сей неосторожности делается только приличное на счет оной внушение.

II. О наказании по мере покушения на преступление

117. Изъявивший на словах или письменно, или же обнаруживший каким-либо действием намерение совершить преступление, наказывается за сие, как за преступный умысел.

Случаи, в коих за умысел, смотря по роду и важности преднамеренного преступления, назначается наказание, именно означены в законах.

118. За приготовление к совершению преступления виновный подвергается наказанию смотря по тому, во-первых, употребленные им до сего средства были ли противозаконные, во-вторых, самое приобретение сих средств не было ли соединено с опасностью для какого-либо частного лица, или многих, или и всего общества. Наказание за одно, без сих увеличивающих вину обстоятельств, приготовление к преступлению определяется лишь в особых, именно означенных законами случаях.

119. Когда учинивший приготовление к преступлению или уже и покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершил преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление, и только за сие преступление, а не за то, которое он был прежде намерен совершить.

120. Мера наказания за покушение на преступление, когда оно остановлено не по собственной воле подсудимого, а по другим независевшим от него обстоятельствам, определяется по большей или меньшей близости сего покушения к совершению преступления, одною или двумя степенями ниже против наказания, постановленного за самое совершение преступления.

121. Когда при покушении на преступление подсудимым сделано все, что он мог считать нужным для приведения своего намерения в действо, и только по особенным непредвиденным обстоятельствам преднамеренное им зло не совершилось, то он наказывается столь же строго, как и за совершенное вполне преступление.

122. Кто при покушении на какое-либо преступление учинит другое, тот наказывается по правилам о совокупности преступлений (статья 156), кроме лишь тех особенных случаев, в коих законами за сие определяется строжайшее наказание.

III. О наказании по мере участия в преступлении

123. За преступление, учиненное несколькими лицами без предварительного между ними на то соглашения, главные виновные приговариваются к высшей мере наказания, за то преступление в законах положенного, а мера наказания участников определяется по мере оказанного каждым из них содействия в учинении преступления, одною или двумя степенями ниже того, коему подвергаются главные виновные.

124. За преступление, содеянное несколькими лицами по предварительному между ними на то соглашению, зачинщики, если на сии случаи в законах не определены именно особый род или особая степень наказания, приговариваются к самой высшей

мере той степени наказания, которое вообще законом за сие преступление положено, хотя бы они сами при совершении преступного деяния и не находились. Строгость наказания зачинщиков уменьшается одною степенью против высшего наказания, за то преступление определенного, когда они отступили от исполнения своего намерения, но однако же не взяли мер для предупреждения исполнения оного и не донесли об умышляемом надлежащему или иному ближайшему начальству.

125. Все сообщники в преступлении, содеянном по предварительному на то соглашению, подлежат наказанию, за сие преступление законом положенному; но мера оного определяется по мере содействия их зачинщикам, как в приготовлении к преступлению и в привлечении к оному других, так и в самом исполнении. Те из них, которые хотя и случайно и по не зависевшим от их воли обстоятельствам, не находились на месте преступления, приговариваются к наказанию одною степенью ниже против тех, кои были при содеянии оного и сами в том участвовали; а те, которые добровольно уклонились от принятия участия в преступлении, но об умысле на оное не донесли своевременно надлежащему или иному ближайшему начальству, приговариваются к наказанию двумя или, буде какие-либо особенные обстоятельства затрудняли донесение, и тремя степенями ниже против участвовавших в совершении преступления.

126. Подговорщики или подстрекатели, даже когда они не были в числе зачинщиков, приговариваются к высшей мере наказания, определенного за преступление, к коему они подговаривали или подстрекали. Если они впоследствии старались остановить приведение преступного умысла в действо, но не донесли о том своевременно начальству, то подвергаются наказанию одною степенью ниже.

127. Из пособников в преступлении, те, коих содействие было необходимо для совершения преступления, приговариваются к наказанию, за то преступление в законе определенному, наравне с учинившими оное; а все прочие к наказанию одною степенью ниже бывших при содеянии преступления участников оного. Обещавшие способствовать содеянию преступления, но потом от сего отказавшиеся и однако же не донесшие своевременно о том начальству, подвергаются определенному в законах наказанию за недонесение об известном злом умысле.

128. Если все согласившиеся учинить какое-либо преступление, впоследствии, прежде всякого на оное покушения, сами по собственной воле отступили от своего намерения, и сие преступление не принадлежит к числу тех, в коих законом полагается наказание и за один на них умысел, то они освобождаются от всякого наказания; но, смотря по обстоятельствам, могут быть отданы на определенное, более или менее продолжительное, время под надзор полиции.

129. Когда кто-либо из участвовавших в преступлении, при

содеянии оного учинил еще другое, на которое не было между ним и прочими сообщниками предварительного согласия, то он подвергается наказанию по правилам о совокупности преступлений (статья 156). На сем же основании определяется мера наказания и тех из сообщников его, которые сверх преднамеренного преступления участвовали и в содеянии сего другого или же заведомо не препятствовали совершению оного.

130. Укрыватели приговариваются к наказанию, определенному тем из пособников в преступлении, коих содействие не было необходимо для совершения оного (ст. 127), но лишь одною степенью ниже.

131. Равным с укрывателями наказаниям подвергаются и попустители преступления, и те, которые, знав о умышляемом преступлении и имев возможность довести о том до сведения правительства или угрожаемого оным лица, не исполнили сей обязанности. Из сего исключаются лишь случаи, в коих за недонесение о известном злом умысле законом именно постановлено наказание более строгое.

132. Виновные в недонесении о содеянном уже преступлении приговариваются, смотря по важности и обстоятельствам дела, или к заключению более или менее продолжительному в крепости, с ограничением некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, личных прав и преимуществ, или без сего ограничения, или же к заключению в тюрьме, или к аресту также более или менее продолжительному, или наконец токмо к выговору, замечанию, внушению, или к денежному взысканию.

133. Те, которые зная, что обвинение в преступлении упадает на невинного, не объявят однако же о истинном виновном, приговариваются к наказанию одною степенью выше против других, недонесших о виновных в таком же преступлении.

134. Наказаниям, в законах определенным, за недонесение о содеянном уже преступлении, не подвергаются недонесшие: дети на родителей и вообще на родственников по прямой восходящей линии, а равно и родители на детей и прочих нисходящих по прямой линии, супруги на супругов, и родные братья и сестры на сестер и братьев. Сии наказания уменьшаются по усмотрению суда, а в случаях, когда и сам виновный не подвергается смертной казни или ссылке в каторжную работу, и вовсе отменяются, если недонесший был с учинившим преступление в близких связях свойства, до второй степени включительно, или же получил от него воспитание, или иным образом был им облагодетельствован. На сем же основании смягчается, но только в меньшей мере, наказание за недонесение о известном злом умысле.

Наказания, определяемые за укрывательство, также и в той же мере уменьшаются или и вовсе отменяются, если виновный в том, не быв сообщником в преступлении, токмо по совершении уже оного способствовал сокрытию преступника, состоящего с ним в брачном союзе или близких связях родства или свойства, или бывшего благодетелем его.

Постановления сей статьи не распространяются на виновных в недонесении или укрывательстве по преступлениям государственным, означенным в статьях 263, 266, 271 и 275 сего Уложения.

IV. О обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание

135. Вина учинившего какое-либо преступление, а с тем вместе и мера следующего за сие наказания увеличиваются по мере того:

1) Чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника;

2) Чем выше были его состояние, звание и степень образованности;

3) Чем более противозаконны и безнравственны были побуждения его к сему преступлению;

4) Чем более лиц он привлек к участию в сем преступлении;

5) Чем более он употребил усилий для устранения представлявшихся ему в том препятствий;

6) Чем более им нарушено особых личных обязанностей в отношении к месту, в коем преступление учинено, и в отношении к лицам, против коих оное предпринято;

7) Чем более было жестокости, гнусности или безнравственности в действиях, коими сие преступление было предуготовляемо, приводимо в исполнение, или сопровождаемо;

8) Чем важнее была опасность, которою сие преступление угрожало какому-либо частному лицу, или многим, или и всему обществу и государству;

9) Чем важнее зло или вред, сим преступлением причиненные;

10) Чем более виновный при следствии и суде оказывал неискренности и упорства в запирательстве, особливо если притом он старался возбудить подозрение на невинных, или даже прямо клеветал на них.

136. Случаи, в коих по одному или нескольким из обстоятельств, выше сего в предшедшей 135 статье исчисленных, суд может, не ограничиваясь увеличиванием меры наказания, возвысить оное одною или несколькими степенями, или даже приговорить виновного к другому наказанию более строгому, означаются именно в особых о каждом преступлении постановлениях.

137. К числу обстоятельств, увеличивающих вину и наказание, принадлежат и повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие общего милостивого манифеста, или по особому монаршему снисхождению.

138. В случаях, когда закон не назначает именно наказания за повторение того же преступления, или же за учинение оного в третий или четвертый раз и т. д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление, или за повторение оного, или же за учинение в третий раз определенного.

139. За новое преступление, содеянное во время или прежде суда, но по изобличении в первом, виновный подвергается наказанию по правилам о совокупности преступлений (статья 156 сего Уложения).

V. О обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание

140. Обстоятельствами, в большей или меньшей мере уменьшающими вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания, признаются:

1) Когда виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое-либо подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении;

2) Если он, хотя и после уже возбуждения на счет его подозрения, но вскоре, без упорства, по одному из первых на допросе убеждений или увещаний, учинил с раскаянием полное во всем признание;

3) Если он без замедления, благовременно и также с полною откровенностью, указал всех участников его в преступлении;

4) Если преступление учинено им по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству, которым воспользовались другие для вовлечения его в сие преступление;

5) Если преступление учинено им вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему он сделал или покусился сделать зло;

6) Если он был вовлечен в сие преступление убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над ним по природе или по закону высшую сильную власть;

7) Если он учинил сие преступление единственно по крайности и совершенному неимению никаких средств к пропитанию и работе;

8) Если при самом содеянии преступления он почувствовал раскаяние или сожаление к жертвам оного и по сему побуждению не совершил всего преднамеренного им зла, особливо же когда он удержал от того и своих сообщников;

9) Если он по содеянии преступления старался по крайней мере отвратить хотя некоторые из вредных оного последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток.

141. По одному или нескольким из означенных в предшедшей 140 статье, более или менее уменьшающих вину, обстоятельств суд, по соображении их с другими, сопровождавшими то преступление, может также более или менее уменьшать, но однако же в определенной законами степени, меру следующего за оное наказания.

142. Уменьшающим вину и строгость наказания обстоятельством признаются и малолетство, и несовершеннолетие подсудимого.

143. Дети, коим более семи, но менее десяти лет от роду,

и которые не имеют еще надлежащего о своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию, но отдаются родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим и чрез духовника их или другого священнослужителя. Сие правило распространяется и на имеющих от десяти до четырнадцати лет от роду, когда с достоверностью признано, что преступление учинено ими без разумения.

***144.** Наказание имеющих от десяти до четырнадцати лет от роду и учинивших преступление с разумением, смягчается на следующем основании:*

1) За преступления, подвергающие лишению всех прав, телесному наказанию через палачей и ссылке в каторжную работу, они, по лишении прав состоянии, ссылаются в Сибирь на поселение без телесного наказания, к какому бы состоянию прежде суда ни принадлежали;

2) За преступления, подвергающие лишению всех прав, телесному наказанию чрез палачей и ссылке на поселение, они присуждаются к заключению в монастыре, если в том месте или не в весьма дальнем от оного расстоянии есть монастыри их вероисповедания, или же, в противном случае, в смирительном доме, но отдельно от других, в том доме содержимых, на время от пяти до восьми лет, также без телесного наказания, к какому бы состоянию прежде суда ни принадлежали;

3) За преступления, менее тяжкие, за которые определяются законом лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или в рабочие дома, они присуждаются к заключению на время от двух месяцев до одного года в монастыре или в смирительном доме, на основании правила, в предшедшем 2 пункте сей статьи означенного;

4) За преступления, за которые определено законом заключение в смирительном доме, или другое еще менее строгое, они подвергаются исправительному домашнему, по распоряжению родителей или опекунов, наказанию.

***145.** Несовершеннолетние, имеющие от роду более четырнадцати лет, но менее двадцати одного года, за учинение преступлений, которые влекут за собою лишение всех прав состояния, подвергаются тем же наказаниям, как и совершеннолетние, с тою лишь разницей, что наказания телесные над теми, которые по состоянию своему от оных не изъяты, совершаются не чрез палачей, а чрез полицейских служителей, и не плетьми, а розгами, и что время работ, к коим они приговариваются, сокращается одною третью; а в случаях, когда их следовало приговорить к каторжной работе в рудниках без срока, они приговариваются к каторжным работам в рудниках на двадцать лет.*

***146.** За преступления, менее тяжкие, за кои определяются*

законом лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в арестантские роты гражданского ведомства, или в рабочие дома, несовершеннолетние от четырнадцати лет до двадцати одного года, без лишения особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию им присвоенных, отдаются в военную службу рядовыми с выслугою, или, в случае неспособности к строевой службе, в писцы военного ведомства, также с выслугою.

За все прочие преступления и проступки несовершеннолетние, имеющие более четырнадцати лет, но менее двадцати одного года, приговариваются к определенным в законе наказаниям одною, или, по усмотрению суда, и двумя степенями ниже.

147. Когда доказано, что несовершеннолетний вовлечен в преступление другим совершеннолетним, то мера следующего ему наказания может, по усмотрению суда, быть уменьшена одною или двумя степенями, но однако же без изменения рода определенного законом за то преступление наказания.

148. За преступления, учиненные по неосторожности, несовершеннолетние, имеющие от четырнадцати лет до двадцати одного года от роду, подвергаются лишь домашнему исправительному наказанию, по распоряжению родителей или опекунов.

149. Несовершеннолетние, присуждаемые к заключению в смирительном доме, крепости или тюрьме, содержатся в оных отдельно от прочих заключенных.

150. Малолетние, имеющие от десяти до четырнадцати лет от роду и несовершеннолетние, которые после суда и наказания за преступление, будут изобличены вторично в том самом, или в равном или же более тяжком преступлении, подвергаются за сие новое преступление одинаковому с совершеннолетними определенному законом наказанию, токмо с освобождением от наказаний телесных, или с уменьшением меры оных, по правилам, выше сего в статьях 144 и 145 постановленным.

Отделение третье
О ВЛАСТИ И ОБЯЗАННОСТЯХ СУДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ НАКАЗАНИЙ

151. Суд не может определить иного наказания, кроме того, которое в законах за судимое им преступление именно предназначено. Но в некоторых случаях, самим законом ему предоставляется право, по соображении сопровождавших преступление более или менее увеличивающих или уменьшающих вину подсудимого обстоятельств, увеличивать или уменьшать меру следующего ему наказания, только не выходя из пределов, также законами для сего постановленных. При сем наблюдаются следующие правила.

152. Когда в законах определены не только род и степень наказания следующего за судимое преступление, но и высшая и низшая оного в той степени мера, то суд обязан, по важности

вины и по сопровождавшим содеянное обстоятельствам, приговаривать подсудимого, признанного виновным, к высшей или низшей определяемой в законе или же к какой-либо средней между оными мере наказания, но отнюдь не изменяя ни рода, ни степени оного. Но если в законе определены только род и степень наказания, без означения высшей и низшей оного меры, то суд определяет сию меру по своему усмотрению, т. е. по важности вины и по соображении увеличивающих или уменьшающих оную обстоятельств, также не изменяя ни рода, ни степени наказания, в законах за то преступление постановленного. Из сего исключаются лишь случаи, о коих упоминается в статьях 157 и 158 сего Уложения.

153. Когда за какое-либо преступление законами определен только род наказания, или когда за оное постановляется несколько, одно другое заменяющих, наказаний, тогда выбор одного из сих наказаний, или определение степени и меры оного, предоставляется усмотрению суда, который при сем принимает в соображение важность вины, состояние подсудимого и обстоятельства, сопровождавшие его преступление.

154. Когда на основании статей 124, 125, 126, 127, 130 и других постановлений сего Уложения, по роду участия в содеянном, или же вообще по роду и мере вины подсудимого и обстоятельствам, более или менее оную уменьшающим, надлежит положенное за то преступление или тот проступок наказание уменьшить одною или несколькими степенями; то в случае, если в наказании того рода, которое определено законом, нет низшей, соответствующей постановленному в вышеозначенных статьях правилу, степени, суд переходит к следующему непосредственно за тем роду наказаний, именно: от каторжной работы к ссылке на поселение, от ссылки на поселение к ссылке на житье в Сибирь, или же, буде виновный по закону не изъят от наказаний телесных, к работам в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства; от ссылки на житье в Сибирь, к ссылке также на житье в другие отдаленные губернии, или, буде виновный по закону не изъят от наказаний телесных, от работ в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства к заключению в рабочем доме; от заключения в тюрьме к кратковременному аресту. Но от ссылки в отдаленные губернии, с коею соединяется потеря всех особенных лично и по состоянию присвоенных виновному прав и преимуществ, и от заключения в рабочем доме, суд не может переходить к другому легчайшему роду наказаний; он равномерно не может переходить и от заключения в крепости или смирительном доме к заключению в тюрьме. Во всех сих случаях, буде есть в виду суда обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого, он приговаривает его к наименьшей мере наказания, законом за ту вину определенного в самой низшей оного степени.

Когда же, напротив, на точном основании постановлений закона, определенное оными за некоторые вины наказание должно быть возвышено одною или несколькими степенями,

и в наказании того рода, которое положено законом нет уже высшей, соответствующей сему правилу, степени, суд наблюдает означенный выше сего, токмо в обратном смысле, порядок, переходя от кратковременного ареста к заключению в тюрьме; от ссылки на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, к ссылке на житье в Сибирь, или, буде виновный по закону не изъят от наказаний телесных, от заключения в рабочем доме к работам в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства; и от ссылки в Сибирь на поселение к ссылке в каторжную работу. Но он не может переходить от заключения в тюрьме к заключению в смирительном доме или крепости, ни от заключения в смирительном доме или крепости к ссылке в отдаленные, кроме сибирских, губернии, соединенной с потерею всех особенных лично и по состоянию присвоенных виновному прав и преимуществ, или же к отдаче в рабочий дом, ни от высших наказаний исправительных к наказаниям уголовным, с коими соединяется лишение всех прав состояния. Во всех сих случаях суд, вместо перехода к другому роду наказания, увеличивает лишь меру оного, то есть продолжительность определенных законом для высшей того наказания степени работ в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства, или заключения в тюрьме, рабочем или смирительном доме или крепости, или же в месте ссылки, прибавляя к времени, назначенному в сей высшей степени, один год, или же два или три года, смотря по тому, одною, двумя или тремя степенями надлежало бы, сообразно с постановлениями закона, возвысить то наказание против самой высшей оного по сему Уложению меры.

155. Если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определенного наказания, то суд приговаривает виновного к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по важности и роду своему, наиболее с оным сходные; но не приводя сего приговора в действие, представляет о том без замедления, по установленному порядку подчиненности, на рассмотрение Правительствующего сената.

156. В случае совокупности преступлений, т. е. когда подсудимый признан виновным в учинении нескольких в одно или разное время, дотоле еще ненаказанных и давностью или же общим или особенным прощением не покрытых противозаконных деяний, суд, упомянув в своем определении о всех наказаниях, следующих за каждое из тех преступлений, приговаривает его к тягчайшему из сих наказаний и в самой высшей оного мере.

Глава четвертая

О смягчении и отмене наказаний

157. Наказание, определенное в законе за какое-либо преступление или проступок, может не только быть уменьшаемо

в мере, как о том постановлено выше сего в статье 141, но даже смягчаемо в степени и в самом роде оного:

1) Когда преступник, явившийся сам собою в суд с повинною, или даже и взятый к допросу по подозрению, не только учинит полное чистосердечное признание в своем преступлении и укажет всех своих сообщников, но, сверх того, доставлением верных в свое время сведений, предупредит исполнение другого злого умысла, грозившего опасностью какому-либо частному лицу, или многим, или всему обществу и государству;

2) Когда преступник, сверх добровольного и полного признания в своем преступлении, заслуживает еще особенного снисхождения по прежней долговременной беспорочной службе, или по каким-либо отличным заслугам и достоинствам;

3) Когда иноверный (не христианского исповедания) во время следствия или суда примет православную веру;

Наконец, 4) Когда виновный в таком преступлении или проступке, за которые закон не подвергает лишению всех прав состояния, весьма долго находился под судом и под стражею.

158. Во всех сих случаях и в других необыкновенных, по чрезвычайности своей заслуживающих особенного уважения, обстоятельствах, суды первой и второй степени, не приводя своих заключений о следующем виновному наказании в исполнение, представляет оные, по установленному порядку подчиненности, на усмотрение Правительствующего сената.

159. По рассмотрении сего представления, а равно и мнения средней по оному инстанции, если дело поступило из суда первой степени, Правительствующий сенат, рассуждая о смягчении наказания подсудимых, может, когда признает нужным, по уважению означенных в статье 157, а равно и других особенного внимания заслуживающих обстоятельств, ходатайствовать пред императорским величеством о уменьшении или перемене определяемого законом наказания.

160. Наказание вовсе отменяется:

1) За смертью преступника;

2) Вследствие примирения с обиженным;

3) Вследствие давности.

161. За смертью осужденного приговор о наказании его сам собою отменяется, но частные, вследствие преступления его, иски и казенные взыскания, за исключением однако же налагаемых в наказание по суду, обращаются на его имущество.

162. Когда преступление или проступок такого рода, что оные на основании законов не иначе могут подлежать ведению и рассмотрению суда, как вследствие жалобы, обиженным или оскорбленным чрез то противозаконное деяние частным лицом приносимой, то приговор о наказании виновного отменяется, если принесший жалобу примирится с виновным прежде исполнения приговора. Из сего исключаются лишь особенные, в статьях 426, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2007, 2027, 2028, 2040, 2041 и 2042 сего Уложения означенные случаи.

163. Наказание отменяется за давностью:

1) Когда со времени учинения какого-либо, кроме лишь означенных ниже сего в статьях 166 и 167, преступления, за которое в законах определяются лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы или на поселение, прошло десять лет, и когда во все сие время то преступление не сделалось гласным, то есть, когда по оному не было никакого делопроизводства, или следствия, ниже донесения или жалобы, извета или иного показания, или же когда в течение того же времени, то есть полных со дня содеяния преступления десяти лет, виновный в оном, несмотря на произведенное следствие, не был обнаружен;

2) Когда со времени учинения преступления, за которое в законах определяется лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, прошло восемь лет, и когда также во все то время преступление не сделалось гласным, или же когда виновный в том преступлении, несмотря на произведенное об оном следствие, в течение того же времени не был обнаружен;

3) Когда со времени учинения преступления, за которое определяются законом лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских, или заключение в рабочем доме, или же заключение в смирительном доме или крепости, с некоторым ограничением личных прав и преимуществ или же без ограничения оных, прошло пять лет, и когда оное также во все сие время не сделалось гласным, или же когда виновный в том преступлении, несмотря на произведенное об оном следствие, в течение того же времени не был обнаружен;

4) Когда со времени учинения преступления или проступка, за которые определяются законом лишь временное заключение в тюрьме, или кратковременный арест, или легкое телесное наказание розгами, или денежные взыскания, или выговоры, или замечания, или же внушения, прошло три года, и когда оные также во все сие время не сделались гласными, или виновные в оных следствием, в течение того же времени, не были обнаружены.

164. Если преступление или проступок такого рода, что оные на основании законов не иначе могут подлежать ведению и рассмотрению суда как вследствие жалобы обиженным или оскорбленным чрез сие противозаконное деяние частным лицом принесенной, то наказание отменяется за давностью и во всех тех случаях, когда принесший жалобу оставит потом дело без хождения в продолжение всего, определенного в статье 163, смотря по свойству преступления или проступка, времени. Из сего исключаются также особенные, в статьях 426, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2007, 2027, 2028, 2040, 2041, и 2042 сего Уложения означенные случаи.

165. Наказания, определяемые законами сообщникам и пособникам в преступлениях, совершенных по предварительному согласию нескольких лиц, и участникам в преступлениях, учиненных несколькими без предварительного на то соглашения, отменяются за давностью не прежде, как по истечении срока давности, для самих зачинщиков или главных виновных определенного.

166. Наказания за преступления государственные, означенные в статьях 263, 266, 271 и 275 сего Уложения, а равно и наказание, определенное за умышленное убийство отца или матери, не отменяются за давностью; но если со времени содеяния преступления прошло двадцать лет и во все сие время оно не сделалось гласным, то есть когда по оному не было ни делопроизводства или следствия, ниже донесения, или жалобы и извета, или иного показания, или же когда в течение того же времени, то есть полных, со дня, в которое учинено преступление, двадцати лет, виновные в оном, несмотря на произведенное следствие, не были обнаружены, то вместо смертной казни или каторжной работы, они присуждаются к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, не подвергаясь телесному наказанию, к какому бы состоянию они прежде приговора ни принадлежали.

167. Сила постановлений о давности не распространяется на вину перешедших из церкви православной в другое, хотя и пользующееся свободою богослужения в России, христианское вероисповедание, и тем менее еще на преступление отпадших вовсе от веры христианской, как беспрерывно продолжающиеся, доколь они не обратились к долгу. На сем же основании давность не распространяется и на вступивших заведомо в противозаконный брак, и на виновных в присвоении себе не принадлежащих им состояния, должности, чина, ордена, почетного титула, или имени.

168. Вина судей и других чиновников, изобличенных в неприведении в надлежащее исполнение вошедших в законную силу судебных решений, или же в неучинении нужных по установленному порядку распоряжений о объявлении сих решений и посылке следующих по оным указов, покрывается давностью в таком лишь случае, если прошло десять лет со времени, в которое решение, чрез неисполнение оного, потеряло свою силу.

169. Право на вознаграждение за причиненные преступлением вред и убытки, и права на имущество, приобретенное посредством преступления, подчиняются правилам о давности, в Законах гражданских определенным.

170. Помилование и прощение виновных ни в каком случае не зависит от суда. Оно непосредственно исходит от верховной самодержавной власти и может быть лишь действием монаршего милосердия. Сила и пространство действия сего милосердия, как изъятия из законов общих, определяются в том самом высочайшем указе, коим смягчается участь виновных или же даруется им совершенное прощение.

171. На сем основании и даруемое в некоторых случаях общими милостивыми манифестами прощение распространяется лишь на те преступления и проступки, которые в манифесте означены.

172. Последствия наказаний, уже понесенных виновными, отменяются лишь в тех случаях, если сие в дарующем прощение указе или общем милостивом манифесте также именно постановлено. Взыскания на вознаграждение за вред или убыток, какому-либо частному лицу преступлением причиненный, и в случае помилования и прощения его не прекращаются. Церковное покаяние, к коему прощенный виновный был присужден, прекращается или продолжается по усмотрению духовного начальства его вероисповедания.

Глава пятая

О пространстве действия постановлений сего Уложения

Отделение первое

О ДЕЙСТВИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СЕГО УЛОЖЕНИЯ НА РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ В ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВА

173. Действию постановлений сего Уложения подлежат в равной мере все российские подданные в пределах государства. Допускаемые, по состоянию нравов и образу жизни некоторых обитающих в Сибири, в губерниях Архангельской, Астраханской и Оренбургской, в областях Кавказской и за Кавказом инородцев, изъятия определены особыми о том Положениями (приложение IV).

174. Действие постановлений сего Уложения не распространяется на дела, подлежащия суду по законам церковным, или по особым военным постановлениям.

Отделение второе

О ДЕЙСТВИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СЕГО УЛОЖЕНИЯ НА ИНОСТРАНЦЕВ, В ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВА НАХОДЯЩИХСЯ

175. Иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные российские, если о каком-либо из сего изъятии не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державою, у коей они находятся в подданстве.

176. В случае преступлений, содеянных в России принадлежащими к обыкновенным или чрезвычайным посольствам и миссиям держав иностранных, о сем производится установленным для того порядком надлежащее дипломатическое сношение с их правительством.

177. Когда иностранцы и вообще люди, находящиеся в услужении послов, посланников, министров и других дипломатических агентов, изобличены или подозреваемы в преступлении или проступке, то они требуются к следствию и суду чрез посредство Министерства иностранных дел.

178. Если иностранный подданный изобличен или подозреваем в содеянии вне пределов государства такого преступления, которым он посягал на права державной власти в России, или на права одного или нескольких российских подданных, и будет потом открыт и задержан в пределах империи, или же правительством того края, где им учинено сие преступление, или тем, у коего он в подданстве, передан для суждения в России, то и он вполне подлежит действию постановлений сего Уложения.

***Примечание.** Китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, выдаются их правительству, так же как и российские подданные, учинившие преступление в пограничных китайских владениях, выдаются для суждения правительству российскому.*

Отделение третье

О ДЕЙСТВИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СЕГО УЛОЖЕНИЯ НА РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ ВНЕ ГОСУДАРСТВА

179. Российские подданные, находящиеся вне пределов государства, и там или прежде отбытия за границу учинившие преступление против прав державной власти своего отечества или целости, безопасности или благосостояния России, или же в нарушение прав одного или нескольких из соотечественников своих, подлежат действию постановлений сего Уложения, и по выдаче или возвращении в Россию, на основании приговора, предписанным порядком над ними произнесенного, подвергаются наказаниям, сими постановлениями положенным.

180. Если российский подданный, учинивший в каком-либо иностранном государстве преступление против верховной власти того государства, или же против прав одного или нескольких из подданных оного или другой иностранной державы, будет тамошним правительством для суждения препровожден в Россию, или же, по добровольном возвращении его в отечество, на него поступят жалобы или обвинения, то и он подлежит суду на основании постановлений сего Уложения. Только в случае, когда бы по законам того края, где им учинено преступление, он долженствовал подвергнуться наказанию менее против определяемого в сем Уложении строгому, наказание его по соразмерности с тем смягчается, однако же не иначе, как с утверждения Правительствующего сената, коему представляются все приговоры низших и средних судебных мест по делам сего рода, до приведения их в исполнение.

181. Российские подданные, находящиеся в Турции или Персии, за учиненное там против прав которого либо из российских подданных, там же пребывающих, или же против

прав подданного Турции, Персии или другой иностранной державы, преступление, когда определенное за сие преступление настоящим Уложением наказание не строже заключения в тюрьме, подлежат суждению российского посланника, министра, поверенного в делах, или консула; но когда за содеянное виновным преступление положено наказание строже заключения в тюрьме, то, по окончании надлежащего о том следствия установленным порядком, подсудимый, вместе с следственным делом, отсылается к начальству ближайшей пограничной губернии, которое передает сие дело в надлежащее судебное место, для рассмотрения и произнесения над виновным приговора сообразно с свойством доказанного деяния и постановлениями сего Уложения.

***Примечание.** Служащие в вспомогательных российских войсках в иностранных землях, а равно и в иностранных вспомогательных войсках в России, подлежат следствию и суду на основании законов своего государства, и дела о них рассматривают и решают сложные комиссии, от российского и иностранного по принадлежности правительства наряжаемые.*

Раздел второй
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ВЕРЫ И О НАРУШЕНИИ ОГРАЖДАЮЩИХ ОНУЮ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Глава первая
О богохулении и порицании веры

***182.** Кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на славимого в единосущной троице бога, или на пречистую владычицу нашу богородицу и присно-деву Марию, или на честный крест господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения, тот подвергается:*

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда сие преступление учинено не в церкви, но в публичном месте или при собрании более или менее многолюдном, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

183. Учинивший означенное в предшедшей 182 статье преступление хотя и не публично и не в многолюдном собрании, но однако же при свидетелях, с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

184. Кто в публичном месте, при собрании более или менее многолюдном, дерзнет с умыслом порицать христианскую веру или православную церковь, или ругаться над священным писанием или святыми таинствами, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда сие преступление учинено не в публичном собрании, но однако же при свидетелях и с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

185. Кто будучи свидетелем произносимого в публичном месте с умыслом богохуления, или поношения святых угодников, или же дерзкого, с намерением поколебать в ком-либо веру, порицания христианского закона вообще, или в особенности церкви православной, или же ругательства над священным писанием и святыми таинствами, не даст о том знать надлежащему начальству для прекращения соблазна, тот за сие подвергается:

заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года, или аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

186. Если будет доказано, что дозволивший себе в публичном месте произнести слова, имеющие вид богохуления, или поношения святых господних, или же порицания веры и церкви православной, учинил сие без умысла оскорбить святыню, а единственно по неразумию, невежеству или пьянству, то он подвергается:

заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет, с потерею некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ;

или заключению также в смирительном доме, без ограничения в правах и преимуществах, на время от шести месяцев до одного года;

или, наконец, заключению в тюрьме на время от шести месяцев до двух лет, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

187. Кто в печатных или хотя и письменных, но каким-либо образом распространяемых им сочинениях, дозволит себе богохуление, поношение святых господних или порицание христианской веры, или церкви православной, или ругательства над священным писанием и святыми таинствами, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

Сим же наказаниям подвергаются и те, которые будут заведомо продавать или иным образом распространять такие сочинения.

188. Изобличенные в так называемом кощунстве, то есть язвительных насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам или обрядам церкви православной, или вообще христианства, приговариваются:

к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года.

Если однако же будет признано, что виновный не имел намерения произвести соблазн и оказать неуважение к вере, а сделал сие по неразумию, невежеству или пьянству, то он наказывается:

арестом на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

189. Кто с умыслом поколебать уважение к святыне, будет выделывать, или же продавать, или иным каким-либо образом распространять писаные, гравированные, резные или отлитые в соблазнительном виде иконы и другие изображения предметов, относящихся к вере и богослужению, тот за сие подвергается:

наказанию, выше сего в статье 183 за богохуление определенному.

Если однако же сие учинено им без всякого злого намерения и не по ненависти к вере христианской или церкви православной, а по неразумию или невежеству, то он приговаривается:

к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев, или к аресту на время от трех дней до трех недель, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Во всяком случае иконы или иные изображения сего рода отбираются от виновных для уничтожения.

Глава вторая

Об отступлении от веры и постановлений церкви

Отделение первое
ОБ ОТВЛЕЧЕНИИ И ОТСТУПЛЕНИИ ОТ ВЕРЫ

190. За отвлечение, чрез подговоры, обольщения или иными средствами, кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную не христианскую, виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда же при том будет доказано, что им употреблено насилие для принуждения к отступлению от христианства, то он присуждается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

191. Отступившие от христианской веры православного или другого исповедания в веру не христианскую,

отправляются к духовному начальству прежнего их исповедания, для увещания и вразумления. До возвращения в христианскую веру они не пользуются правами своего состояния и на все сие время имение их берется в опеку.

192. Если магометане и евреи, вступившие в брак с лицами евангелическо-лютеранского или реформатского исповедания, будут, вопреки данным ими подпискам, воспитывать детей своих не в христианской вере, или же будут угрозами и обольщениями приводить супругов или детей к своему закону, или препятствовать им свободно отправлять обряды их религии, то брак их расторгается и они подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших, или менее отдаленных местах Сибири, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

193. Евреи, хотя и не изобличенные в совращении христиан, но державшие их у себя для постоянных домашних услуг, кроме случаев законом дозволенных, подвергаются за сие:

взысканию по пяти рублей за каждые сутки.

За повторение сего преступления, они сверх того приговариваются:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

194. Если даже в случаях, когда по закону им дозволено иметь в услужении христиан, евреи будут держать лица женского пола христианской веры в одних с собою домах, то за сие они подвергаются:

денежному взысканию от ста до двухсот рублей. Определенное с них за первый сего рода проступок денежное взыскание возвышается половиною суммы оного за каждое повторение сего проступка.

195. За совращение из православного в иное христианское вероисповедание, виновный приговаривается:

к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Тобольскую или Томскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до двух лет.

Когда же будет доказано, что для совращения из православного в другое христианское вероисповедание были употреблены принуждение и насилие, то виновный подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

196. Отступившие от православного в иное христианское вероисповедание,

отсылаются к духовному начальству для увещания, вразумления их и поступления с ними по правилам церковным. До возвращения их в православие принимаются правительством, для охранения их малолетних детей и подвластных им крепостных людей от совращения, указанные в законах меры (см. т. XIV, Уст. о предупр. и пресеч. преступл. ст. 49—54). В имениях их, населенных православными, на все сие время назначается опека и им воспрещается иметь в оных жительство.

197. Кто в проповеди или сочинении будет усиливаться привлекать и совращать православных в иное, хотя христианское, вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк, тот за сие преступление подвергается:

в первый раз лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет; а во второй — заключению в крепости на время от четырех до шести лет, также с потерею некоторых, по статье 53, особенных прав и преимуществ;

в третий же раз он присуждается к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую,

с заключением на время от одного года до двух лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

Те, которые будут заведомо и также с намерением совратить православных в другое вероучение, распространять такие проповеди и сочинения, подвергаются:

заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года, смотря по определяемой судом мере вины их.

***198.** Родители, которые, быв по закону обязаны воспитывать детей своих в вере православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского исповедания, присуждаются за сие:*

к заключению в тюрьме на время от одного года до двух лет.

Дети их отдаются на воспитание родственникам православного исповедания, или, за неимением оных, назначаемым для сего от правительства опекунам, также православной веры.

Тому же наказанию подвергаются и опекуны, которые будут воспитывать вверенных им детей православного исповедания в правилах другого вероучения. При сем они немедленно устраняются от опеки.

***199.** За препятствование кому-либо присоединиться добровольно к церкви православной, виновные подвергаются:*

заключению в тюрьме на время от тр до шести месяцев.

Но если для помешательства переходу в православие были ими употреблены угрозы, притеснения, или насилия, то они приговариваются:

к лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет.

Сверх того, во всяком случае им воспрещается иметь при себе крепостных дворовых людей православного исповедания, и управлять теми своими населенными имениями, в коих находятся православные.

***200.** Кто знал, что жена его или дети, или другие лица, за коими ему предоставлено законом наблюдение и попечение, намерены отступить от православного вероисповедания, не будет стараться отклонить их от сего намерения и не возьмет никаких зависящих от него по закону мер для воспрепятствования исполнению оного, тот за сие приговаривается:*

к аресту на время от трех дней до трех месяцев, смотря по мере вины, и, сверх того, если он православный, предается церковному покаянию.

***201.** Священнослужители других христианских вероисповеданий, которые заведомо допустят православных к исповеди, причащению или елеосвящению, или же детей их к крещению*

или миропомазанию по своим обрядам, подвергаются за сие:
в первый раз удалению от мест на время от шести месяцев до одного года;
а во второй — лишению духовного сана и отдаче под надзор полиции.
За исправление какой-либо из сих духовных треб для православных по неведению, они подвергаются:
строгому выговору, как за несогласную с важностью их звания неосмотрительность.

202. *Лица духовенства иностранных христианских исповеданий, изобличенные в преподавании катехизиса малолетним исповедания православного, или же в делании им противных православию внушений, хотя и без доказанного намерения совратить их, подвергаются за сие:*
в первый раз удалению от своих мест и должностей на время от одного года до трех лет; во второй — лишению духовного сана и заключению в тюрьме на время от одного года до двух лет, с отдачею после того под надзор полиции.

203. *Лица римско-католического, как белого, так и монашествующего духовенства в губерниях западных, хотя и не употреблявшие никаких мер для совращения православных, но имевшие оных вопреки запрещению для услужения в своих домах, при церквах или монастырях, подвергаются за сие:*
денежному взысканию по десяти рублей за каждого.

204. *Духовные иностранных христианских исповеданий, за принятие, без особого на каждый случай разрешения, кого-либо из иноверных российских подданных в свое вероисповедание, подвергаются:*
в первый и второй раз строгому выговору; в третий — удалению от должности на два года, а в четвертый — лишению сана, и соединенных с ним особых прав и преимуществ.

205. *Кто в общенародных собраниях будет начинать неприличные споры, распри или брань о различии вероисповеданий, тот за сие подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:*
или строгому выговору именем суда, или же денежному взысканию от пяти до десяти рублей, или, наконец, и аресту на время от трех до семи дней.

Отделение второе
О ЕРЕСЯХ И РАСКОЛАХ

206. *Виновные как в распространении существующих уже между отпадшими от церкви православной ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект, подвергаются за сии преступления:*
лишению всех прав состояния и ссылке на поселение: из Европейской России в Закавказский край, из областей Кавказской и Каспийской и из губернии Грузино-Имере-

тинской в Сибирь, а по Сибири — в отдаленнейшие оной места. Те, которые, на основании статьи 79 сего Уложения, будут, вместо поселения, отданы в военную службу рядовыми, не могут получать ни отставки, ни временных отпусков, если не обратятся в православие.

Таким же наказаниям и на том же основании подвергаются раскольники, которые, по заблуждению фанатизма, осмелятся явно оскорблять церковь православную или духовенство оной. Совратившиеся из веры православной в какую-либо ересь отсылаются к духовному начальству для увещания их и вразумления.

***207.** Последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, малаканами, иудействующими, скопцами, а равно и другие принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и совращение в оную других, по совершенном изобличении в сем преступлении, подвергаются:*

лишению всех прав состояния и ссылке из Европейской России в Закавказский край, из областей Кавказской и Каспийской и из губернии Грузино-Имеретинской в Сибирь, а по Сибири — в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов.

Малаканы и прочие из принадлежащих к ересям, признанным особенно вредными, дозволяющие себе проповедывать свое лжеучение публично православным, за самое первое сего рода действие признаются распространителями раскола.

***208.** Последователи означенных в предшедшей 207 статье и вообще признанных особенно вредными сект, а равно и скопцы, которые, скрыв принадлежность свою к такой секте, припишутся к городскому сословию в местах, где сие законами им воспрещено, подвергаются за сие лживое о себе показание:*

ссылке в Закавказские области, или отдаче в военную службу в Кавказский корпус, если они годны к службе, хотя и нестроевой.

К тому же наказанию приговариваются и те из раскольников вообще и скопцы, которые дав при городских или сельских выборах подписку, что не принадлежат ни к какому расколу, поступят в какие-либо по общественным выборам должности.

***209.** За допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере, или иной какой-либо ереси, или же участвовать в оных, родители сих детей или воспитывающие их подвергаются; так же как за совращение совершеннолетних в раскол:*

наказанию, выше сего в статье 207 определенному. Сами малолетние, производящие сии обряды, отсылаются: способные к военной службе — в батальоны и полубатальоны военных кантонистов, а неспособные — на казенные фабрики.

210. Когда распространение ереси и раскола было сопровождаемо насилием или другими, увеличивающими вину обстоятельствами, то изобличенный в сем преступлении присуждается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

211. За оскопление других, по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия, виновные в том раскольники приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

За оскопление самого себя, изобличенные в том подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказский край, или в Сибирь на поселение, на основании предшедшей 206 статьи.

212. Те из раскольников, хотя и неизобличенные в совращении православных, которые принадлежат к ересям, соединенным с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противонравственными гнусными действиями, по совершенном их в том изобличении, подвергаются:

наказанию, выше сего в статье 207 определенному.

В случае, когда по побуждениям сего фанатизма учинено смертоубийство, или покушение на убийство, они подвергаются:

наказаниям, определенным за убийство с обдуманным заранее намерением, в статье 1925 сего Уложения или за покушение на оное, на основании правил, постановленных выше сего в статьях 120 и 121.

213. Если последователь ереси или раскола, обратившийся в православную веру и вследствие того возвращенный из места ссылки, снова совратится в ересь или раскол, то он подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение безвозвратно за Кавказ, или в отдаленнейшие места Сибири, на основании постановлений ст. 206 и 207 сего Уложения.

214. Изобличенные в издании старопечатных книг не в московской синодальной или единоверческой типографии, а равно и в продаже и распространении каким-либо образом книг сего рода, или же в приобретении книг раскольнических для употребления их в божественной службе, подвергаются за сие:

в первый раз денежному взысканию от ста до двухсот рублей; во второй — вдвое.

Изобличенные в том более двух раз приговариваются:

сверх денежного положенного за второй раз взыскания,

к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев.

Найденные у них книги отбираются и отсылаются к епархиальному начальству по принадлежности.

215. За заведение раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ и за построение новых и починку старых каких-либо для службы и моления по раскольническим обрядам зданий, под наименованием церквей, часовень или молитвенных домов, и за устройство престолов в существующих уже часовнях, наконец и за обращение крестьянских изб в публичные молельни, виновные приговариваются:

к заключению в тюрьме на время от одного года до двух лет, смотря по мере вины.

Все ими устроенное подвергается сломке и материалы продаются в пользу местного Приказа общественнаго призрения.

216. Если кто из евреев, высланных по распоряжению правительства из мест, в коих открыта так называемая жидовская ересь, в оное самовольно возвратится, то он за сие подвергается:

наказанию розгами от двадцати до сорока ударов и отдаче в военную службу рядовым без выслуги, или же, в случае неспособности к службе, ссылке на поселение за Кавказ.

217. Давший пристанище высланному по распоряжению правительства из места, где открыта жидовская ересь, и вопреки того возвратившемуся еврею, подвергается, если он помещик, арендный, посессионный или временный владелец казенного имения:

в первый раз денежному взысканию пятидесяти рублей; а во второй такому же взысканию вдвое; в третий раз имение такого помещика берется в опеку на всю жизнь его, от временного владельца казенное имение отбирается, а посессор арендный также отрешается от управления имением и объявляется в столичных и местных губернских ведомостях, что он к тому не способен.

Когда же виновными в сем окажутся лица, принадлежащие к сословию крестьян или городских обывателей, то они подвергаются:

в первый и второй раз аресту на время от трех недель до трех месяцев, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами от двадцати до тридцати ударов; а в третий раз — заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года.

Отделение третье
ОБ УКЛОНЕНИИ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦЕРКВИ

218. Новообращенные в православную веру, которые, не исполняя уставов церкви, будут придерживаться каких-либо иноверческих обычаев, отсылаются к духовному начальству для вразумления их и поступления с ними по правилам церковным.

219. Лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения св. тайн, по нерадению или небрежению, подвергаются:

церковным наказаниям по усмотрению и распоряжению духовного епархиального начальства, с наблюдением токмо, чтоб при сем не были надолго отлучаемы должностные от службы, а поселяне от домов и работ своих.

220. Родители, не приводящие к исповеди детей своих, достигнувших уже положенного на сие возраста (начиная с семи лет), подвергаются за то:

особому внушению от духовного и замечанию от местного гражданского начальства.

221. Кто будет без особого надлежащего дозволения ходить с образами, свечами или книгами для сбора на церковные строения, монастыри или другие богоугодные заведения, тот по отобрании свеч, книг и собранных им денег подвергается:

если он духовный, наказанию по усмотрению его начальства, а если мирянин, денежному взысканию от пятидесяти до ста рублей. Собранные им деньги, если они были предназначены на известную церковь или монастырь, отсылаются к епархиальному начальству; собранные на иное богоугодное заведение обращаются в местный Приказ общественного призрения.

222. Изобличенные в погребении христианина православного, или же римско-католического, армяно-грегорианского, армяно-католического, или же одного из протестантских исповеданий, без совершения при сем надлежащих христианских того исповедания обрядов, подвергаются:

аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Из сего исключаются случаи явной невозможности или непомерной трудности пригласить священника к погребению умершего, за весьма дальним расстоянием в местах безлюдных, или же по обстоятельствам войны, моровой язвы и другим необыкновенным.

Глава третья

Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния

Отделение первое
ОБ ОСКОРБЛЕНИИ СВЯТЫНИ И ДУХОВНЫХ ЛИЦ ВО ВРЕМЯ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЯ

223. Если кто-либо, забыв страх божий и должное благоговение к таинствам и обрядам веры, придет или же насильно ворвется в церковь и будет ругаться над священными или освященными чрез употребление в богослужении предметами, тот за сие преступление подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если безбожие его дойдет до такой степени, что он будет ругаться и самым действием над св. таинствами или другими священными предметами, то за сие он приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках без срока, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

224. Кто с обдуманным намерением или умыслом прервет совершаемое в церкви или вне оной богослужение, побоями или другими насильственными против священнослужителей действиями, тот за сие приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в отдаленнейшие места Сибири на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

Если сие преступление учинено им в пьянстве и он не с намерением привел себя в сие состояние, и вообще если доказано, что он действовал не по обдуманному заранее умыслу, то мера наказания его смягчается одною степенью, то есть он,

по лишении всех прав состояния, ссылается на поселение в места Сибири не столь отдаленные, а, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и наказание плетьми уменьшается до меры, определенной статьею 22 для второй степени наказаний сего рода.

Во всяком случае он сверх сего, если исповедует христианскую веру, предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства.

225. Если священнослужитель, во время совершения им службы божией или исправления духовных треб, будет кем-либо убит умышленно, или хотя и не с прямым на то умыслом, но однако же и не случайно, а с намерением нанести ему, по злобе или запальчивости, увечье, раны или побои, то сей убийца его приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу, когда убийство было умышленное, то в рудниках без срока, а когда оно учинено с намерением только нанести ему увечье, раны или побои, то в рудниках же на время от двенадцати до пятнадцати лет, и, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и наказанию чрез палачей плетьми, в первом случае в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода, а во втором — в мере, определенной статьею 21 для третьей

степени наказаний сего рода, а во втором — в мере, определенной статьею 21 для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

За нанесение с умыслом священнослужителю, также во время совершения службы божией или исправления духовных треб, увечья или ран, виновный подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда же он нанес увечье или рану без прямого на то намерения, то приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

226. Кто с намерением произвести соблазн будет непристойными словами или действиями оказывать неуважение к святыне господней во время богослужения в церкви, тот за сие приговаривается:

к лишению некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет, или к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

227. Кто с умыслом оскорбит дерзкими и грубыми словами священнослужителя во время отправления им службы божией, и тем прервет или остановит продолжение оной, то за сие приговаривается:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года, или в тюрьме на время от трех до шести месяцев, смотря по свойству оскорбления.

228. Если одно из преступлений, означенных в предшедших 226 и 227 статьях, учинено без умысла, а по неразумию или в пьянстве, то виновный за сие приговаривается:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

229. Лица иностранных исповеданий, осмелившиеся оскорбить словом или действием священнослужителя православной веры, хотя и не во время священнослужения, но с намерением оказать неуважение к церкви, подвергаются за сие:

в первый раз заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; а во второй — также заключение в тюрьме на время от одного года до двух лет.

230. Кто с намерением оказать неуважение к вере христианской будет истреблять или повреждать поставленные на публич-

ных местах кресты, или изображения спасителя, богородицы и святых угодников, или ангелов, тот подвергается за сие:

заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года и, сверх того, если он христианин, предается церковному покаянию.

Когда же будет признано, что сие учинено им по неразумию или пьянству, то виновный приговаривается:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

Отделение второе

О НАРУШЕНИИ БЛАГОЧИНИЯ ВО ВРЕМЯ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЯ В ЦЕРКВАХ

231. Кто в церкви или в другом каком-либо месте, посвященном богослужению, будет во время совершения оного нарушать должное благоговение, или же, к соблазну других, являться туда пьяный и в виде развращенном, или же неприлично громким криком, хохотом, или иным шумом и вообще неблаговидными поступками причинять соблазн, отвращая внимание молящихся от службы божией, тот, смотря по мере вины и сопровождавшим оную обстоятельствам, подвергается:

денежному взысканию от пятидесяти копеек до одного рубля, или аресту на время от трех до семи дней.

В случае однако же, когда от неприличных его поступков произойдет замешательство или остановка в совершаемом богослужении, то он приговаривается:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

232. Священно и церковнослужители, как белого так и монашествующего духовенства, за нарушение благочиния в церквах и всякое иное, противное правилам или приличию во время божественной службы, действие, подвергаются наказаниям не иначе, как по определению духовного их начальства, на основании существующих о том постановлений.

Причетник, который в церкви во время священнослужения дозволит себе бить кого-либо рукою или орудием, по исключении из своего ведомства, подвергается наказанию, к статье 2010 сего Уложения за преступления сего рода определенному.

233. Кто во время божественной службы займет место, предназначенное для священнодействия или вошедши в алтарь, не выйдет из оного немедля после сделанного ему о том напоминания от священнослужителя, тот за сие приговаривается:

в первый раз к денежному взысканию от пятидесяти копеек до одного рубля; а во второй — к аресту на время от трех до семи дней.

234. Тем же взысканиям и наказаниям подвергается и тот, который во время богослужения, несмотря на сделанные ему предостережения, займет место, назначенное для императорской фамилии, или другое, на коем, по общим или особенным в той церкви правилам, стоять не дозволяется.

235. Кто в церкви во время божественной службы подаст кому-либо из духовных или светских сановников просьбу, тот подвергается:

арестy на время от одного до трех дней.

236. Кто будет силою вторгаться в церковь, когда входить в оную воспрещено, тот за сие подвергается:

или аресту на время от трех до семи дней, или же только денежному взысканию от пятидесяти копеек до одного рубля,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Отделение третье
О НАРУШЕНИИ БЛАГОЧИНИЯ ВО ВРЕМЯ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЯ ВНЕ ЦЕРКВИ

237. Кто во время совершения божественной службы заведет близ церкви крик, или сделает другое какое-либо бесчинство, или же в воскресный или торжественный день, или в табельный или храмовой праздник, прежде окончания литургии в приходской церкви или во время крестного хода, или освящения воды, или другого публичного на площади, улице или в поле молебствия, начнет какие-либо открытые игрища, музыку, пляски, конские скачки, пение песен на улицах, или иные общенародные забавы и увеселения, тот за сие подвергается:

денежному взысканию от одного до трех рублей. За учинение подобного проступка во вторый раз, виновный, сверх денежного взыскания, подвергается аресту на время от трех недель до трех месяцев.

238. Кто в воскресный или торжественный день или же в табельный или храмовой праздник, прежде окончания литургии в приходской церкви, или же во время крестного хода или другого публичного молебствия, близ церкви или места, где совершается молебствие, или одной из улиц, назначенных для крестного хода, откроет торговую лавку (за исключением однако же лавок с съестными припасами и кормом для скота), или же питейный дом, тот за сие подвергается:

взысканиям и наказаниям, определенным в статье 1237 сего Уложения.

239. Кто во время крестного хода или перед самым начатием оного, остановится на предназначенном для шествия месте и тем причинит оному помешательство, тот

отдается под стражу до окончания сего священного обряда. Если же виновный окажет явное к сему богослужебному обряду неуважение, или же помешательство оному учинено не одним, а несколькими лицами, с намерением произвести соблазн, то виновные приговариваются:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

240. Кто во время исправления духовных треб или молебствия в общественных заведениях или частных домах, сделает что-

либо неприличное, с намерением помешать совершению оных, тот за сие подвергается:

арестy на время от семи дней до трех недель.

Глава четвертая

О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел

241. Святотатством признается всякое похищение церковных вещей и денег, как из самих церквей, так и из часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ, хотя бы они находились и вне церковного строения. Важность преступления святотатства и наказания за оное увеличиваются, когда оно соединено с оскорблением святыни, с насильственными действиями, или со взломом.

242. За ограбление церкви одним или несколькими с насилием ворвавшимися в оную людьми, хотя бы при том и не было смертоубийства и не сделано никому увечья, виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, то и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

За насильственное ограбление часовни, если при том не было смертоубийства и не сделано никому увечья, виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

243. За похищение со взломом из самой церкви или церковной ризницы предметов священных: потиров, дискосов, дарохранительниц, лжиц, копий, при совершении проскомидии употребляемых, крестов, евангелий, образов, мощей, разумея в том числе и оклады и украшения на крестах, образах и мощах, а равно антиминсов, покрывал с священных сосудов и одежд с престолов и жертвенников, виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, а буде они не изъяты по закону от наказаний телесных, то и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если сие, соединенное с оскорблением святыни, похищение учинено без взлома, то виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию чрез палачей плетьми в мере, определенной статьею 21 для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

244. За похищение со взломом из церкви или часовни других хотя не столь священных, но однако же употреблением оных при совершении богослужения освященных вещей, каковы суть: купели и другие большие чаши для водоосвящения, ковши, кропила, одеяния с налоев, ризы, кадила, паникадила и поставленные уже в них свечи, лампады, богослужебные книги, кроме евангелий, и т. п., виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если сие похищение не было сопровождаемо взломом, то наказание смягчается одною степенью.

245. За похищение со взломом не из церкви или ризницы церковной, а из другого какого-либо церковного хранилища, означенных выше сего в статье 243 священных предметов, виновный подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда сие похищение учинено без взлома, то наказание виновного смягчается одною степенью.

246. За похищение со взломом, также не из церкви или церковной ризницы, а из другого какого-либо церковного хранилища или же из часовни, прочих, выше сего в статье 244 поименованных, употреблением при богослужении освященных, вещей, виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если сии вещи похищены из часовни или церковного хранилища без взлома, то виновный присуждается:

к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, с лишением всех прав состояния, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

247. Виновные в похищении со взломом из церкви или ризницы принадлежащих оной денег, свеч, еще не поставленных к образам или в паникадила, и других не освященных употреблением при богослужении вещей приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

За таковое же похищение, учиненное хотя без взлома, но с обдуманным заранее намерением или умыслом, виновные:

по лишении всех прав состояния ссылаются в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

Когда сие похищение учинено и без взлома и без обдуманного заранее намерения или умысла, то виновные приговариваются:

к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие Сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от шести до восьми лет.

248. За похищение принадлежащих к церковному имуществу денег и вещей, употреблением при богослужении не освященных, со взломом, но не из церкви или ризницы, а из часовни или отдельного церковного хранилища, виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

Если сие похищение учинено без взлома, но с обдуманным заранее намерением или умыслом, то виновный приговаривается:

к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй

степени наказаний сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от шести до восьми лет.

Когда же будет признано, что похищение сего рода учинено и без взлома и без обдуманного заранее намерения или умысла, то

наказание смягчается одною степенью.

249. За покражу денег из столбов, выставленных с образами или крестами для сбора на церковь, виновные подвергаются:

тем же наказаниям, которые в предшедшей 248 статье определены за похищение принадлежащих церкви, но употреблением при богослужении не освященных вещей, из часовен и отдельных церковных хранилищ, и на том же основании.

250. Если святотатство учинено тем лицом или теми лицами, коим было поручено хранение похищенных предметов, вещей или денег, или же сии вещи или предметы вверялись для употребления при богослужении, то, при определении им означенных в предшедших сей главы статьях за каждый род сего преступления наказаний, строгость оных возвышается одною степенью.

251. За похищение из церкви непринадлежащих к церковному имуществу денег или вещей, когда сие учинено без оскорбления святыни, а равно и за присвоение денег от кого-либо данных на свечи или вообще на церковь, или же на содержание монастырей и монашествующих, но еще в имущество церковное или монастырское не поступивших, виновные подвергаются:

высшей мере наказаний, определенных сего Уложения в статье 2159 за воровство-кражу или в статье 2192 за присвоение чужого имущества.

Если, напротив, при том было оскорбление святыни, то они приговариваются:

к наказаниям за святотатство на основании правил, постановленных выше сего в статье 248.

252. Все постановления сей главы о наказаниях за святотатство, распространяются в равной мере на учинивших оное в церквах, часовнях, ризницах и церковных хранилищах как православного, так и других признанных и покровительствуемых законами империи христианских вероисповеданий.

Примечание. Духовными начальствами каждого из сих вероисповеданий будет определено, какие из предметов принадлежащих церквам их исповедания должны, сообразно с постановлениями статей 243 и 244, быть признаваемы священными, или же токмо освященными чрез употребление при богослужении.

253. За похищение заведомо священных или же чрез употребление оных при богослужении освященных предметов, поименованных выше сего в статьях 243 и 244, не из церкви, ризницы или иного церковного хранилища, а из частного дома или другого места, виновный подвергается, когда сие похищение учинено со взломом,

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода;

когда же без взлома, то

лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от трех до четырех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от десяти до двенадцати лет, или буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от восьми до десяти лет.

Если означенные выше сего в статьях 243 и 244 предметы похищены из лавки, мастерского заведения или иного места прежде употребления их в богослужении или поступления в церковное имущество, то виновные в сем похищении подвергаются:

наказаниям, определенным за воровство-кражу в статьях 2147—2171 сего Уложения, но всегда в высшей оных мере.

254. За покражу денег из столбов или кружек, выставленных без образов и крестов при церквах и часовнях для сбора не на церкви, а для пособия бедным или же другое благотворительное употребление, виновные подвергаются:

высшей мере наказаний, определенных за воровство-кражу со взломом, в статье 2149 сего Уложения.

Тем же наказаниям подвергаются виновные в похищении из таких столбов и кружек даже и денег на церковь собираемых, если доказано, что они не знали о истинном предназначении сего сбора.

Но когда похищение учинено таким лицом, коему не могло быть неизвестно, что украденная им сумма принадлежала церкви, или же в таких обстоятельствах, которые не дозволяли в том сомневаться, то виновный приговаривается:

к наказаниям, выше сего в статье 248 определенным.

255. За похищение не из церкви, часовни, ризницы или отдельного церковного хранилища, а из какого-либо иного места, таких вещей, которые принадлежа к церковному имуществу, не могут быть почитаемы ни священными, ниже освященными чрез употребление при богослужении предметами, виновные, смотря по обстоятельствам, сопровождавшим то преступление, подвергаются:

одному из наказаний, определенных за воровство-кражу в статьях 2147—2171 сего Уложения.

256. За разрытие могил для ограбления тел или для поругания над погребенными, виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную

работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если же могила ими разрыта не для ограбления погребенного в оной тела, и не для поругания над оным, но для каких-либо суеверных действий, то они:

по лишении всех прав состояния, ссылаются на поселение в Сибирь, и буде не изъяты по закону от наказаний телесных, то подвергаются наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

Когда же будет признано, что разрытие могилы учинено без всякого злого намерения, а по шалости или в пьянстве, то виновный присуждается:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

Примечание. Постановления сей статьи не относятся к разрытию старинных могил или курганов, предпринимаемому для отыскания древностей, или же с целью обработания земли, на коей они находятся, или иною равно не противозаконною.

257. За истребление или повреждение надгробных памятников и за наружное повреждение могил, когда сие сделано по злобному против погребенных в сих могилах или против семейств их чувству, виновный подвергается:

заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Когда же сие учинено по одному лишь легкомыслию, то на виновного налагается:

денежное взыскание от десяти до пятидесяти рублей. Во всяком случае виновный обязан исправить на свой счет поврежденные им памятники.

За похищение надгробного памятника или наружных оного украшений, виновные, на основании правил о совокупности преступлений, подвергаются:

высшей мере наказаний, определенных за воровство-кражу в статье 2159 сего Уложения.

Глава пятая
О лжеприсяге

258. За лживую присягу, данную с обдуманным намерением или умыслом, виновный подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере,

определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

259. *Если кто, равномерно с обдуманным намерением или умыслом, учинит лживую присягу в подтверждение такого своего по уголовному делу свидетельства, вследствие коего обвиняемый должен неправильно понести уголовное наказание, то сей злостный клятвопреступник, по изобличении его, подвергается:*

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

260. *Если будет признано, что давший лживую присягу учинил сие без обдуманного намерения, а по замешательству в трудных обстоятельствах и слабости разумения о святости присяги, то он за сие подвергается:*

лишению всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, на время от двух до четырех лет.

261. *Кто, также без умысла и по замешательству, объявит, что готов дать присягу и потом от сего откажется, тот, по надлежащим его в суде вразумлении о неосторожности такого поступка и о важности и вреде последствий, которые оный мог иметь, приговаривается за сие:*

к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

262. *Учинивший лживую присягу, если он не подвергается наказанию, определенному в предшедшей 259 статье, предается церковному покаянию по усмотрению духовного начальства его вероисповедания.*

Раздел третий
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ

Глава первая
О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома

263. *Всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здравия или чести государя императора и всякий*

умысел свергнуть его с престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особе его какое-либо насилие, подвергают виновных в том:

лишению всех прав состояния и смертной казни.

***264.** Злоумышление во всех вышеозначенных видах почитается действительным преступлением не только в случае, когда виновным сделано уже покушение для приведения своих преступных намерений в исполнение, но и тогда, когда он, чрез предложение другому принять в них участие, или чрез составление на сей конец заговора или сообщества, или чрез вступление в такое сообщество или заговор, или же чрез словесное или письменное изъявление своих о том мыслей и предположений, или иным образом, приступил к какому-либо для сего приготовлению.*

***265.** Все участвовавшие в злоумышлении или преступном действии против священной особы государя императора, или против прав самодержавной власти его, в виде сообщников, пособников, подговорщиков, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновных в сем, и те, которые, знав и имея возможность донести о злоумышлении или о злоумышленниках, не исполнили сей обязанности, приговариваются:*

к тому же наказанию.

***266.** Тому же наказанию и на том же основании подвергаются и виновные в злоумышлении или преступном действии против жизни, здравия, свободы, чести и высочайших прав наследника престола, или супруги государя императора, или прочих членов императорского дома, и все в том участвовавшие, а равно и укрыватели виновных, и те, которые, знав и имея возможность донести о злоумышлении, не исполнили сей обязанности.*

***267.** Изобличенные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений или изображений, с целью возбудить неуважение к верховной власти, или же к личным качествам государя, или к управлению его государством, приговариваются как оскорбители величества:*

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Участвовавшие в составлении или злоумышленном распространении таких сочинений или изображений, подвергаются:

тому же наказанию.

Виновные в составлении сочинений или изображений сего рода, но не изобличенные в злоумышленном распространении оных, приговариваются за сие как за преступный умысел:

к заключению в крепости на время от двух до четырех лет, с лишением некоторых, по статье 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ.

но не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют у себя сии сочинения или изображения по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие:

аресту на время от семи дней до трех месяцев и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

268. *Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против государя императора, или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном или публичном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения его, тот за сие оскорбление величества присуждается:*

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если виновный дозволит себе сии дерзкие слова или поступки в пьянстве без преднамеренного на то умысла, то он приговаривается:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

269. *Бывшие свидетелями означенных в предшедшей 268 статье дерзких поступков или слов и не препятствовавшие оным, а равно и не донесшие о них ближайшему местному начальству, приговариваются:*

к аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

270. *Виновные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений или изображений, оскорбительных для наследника престола, или супруги государя императора, или же прочих членов императорского дома, а равно и в произнесении, хотя и заочно, дерзких и оскорбительных против их особы, прав или чести слов, или же в умышленном публичном оскорблении их изображений, подвергаются:*

первые наказаниям, выше сего в статье 267, а вторые — наказаниям, в статье 268 определенным.

Бывшие свидетелями таких дерзких поступков или слов, не препятствовавшие оным и не донесшие о них ближайшему местному начальству, приговариваются:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Глава вторая

О бунте против власти верховной и о государственной измене

Отделение первое

О БУНТЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ ВЕРХОВНОЙ

271. За бунт против власти верховной, то есть восстание скопом и заговором против государя и государства, а равно и за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой оного части, или же переменить образ правления, или установленный законами порядок наследия престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре, или в действиях оного, с знанием о цели сих действий, или в сборе, хранении или раздаче оружия и других приготовлениях к бунту, все как главные в том виновные, так и сообщники их, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели подвергаются:

лишению всех прав состояния и смертной казни.

Те, которые, знав о таком злоумышлении и приготовлении к приведению оного в действо и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

к тому же наказанию.

272. Когда означенное в предшедшей 271 статье злоумышление открыто правительством заблаговременно при самом оного начале, и потому ни покушений вследствие сего умысла, ни смятений и никаких иных вредных последствий от него не произошло, то виновные, вместо смертной казни, приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, или же в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, смотря по большей или меньшей важности преступного их умысла, большему или меньшему в оном участию и по другим увеличивающим или уменьшающим вину их обстоятельствам.

Те из них, которые по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются:

и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей или четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм, также смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

273. Виновные в составлении и распространении письменных или печатных объявлений, воззваний, или же сочинений, или изображений с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной, приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на время от восьми до десяти лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Тому же наказанию подвергаются изобличенные в злоумышленном распространении таких сочинений и вообще все, участвовавшие заведомо в сем преступлении, а равно и те, которые в каком-либо месте будут с тою же преступною целью говорить публично речи.

Виновные в составлении таких объявлений, воззваний, или же сочинений, или изображений, хотя и не изобличенные в злоумышленном распространении оных, подвергаются за сие как за приготовление и начало покушения к возбуждению бунта:

заключению в крепости на время от двух до четырех лет, с лишением некоторых особенных, по статье 53 сего Уложения, прав и преимуществ.

Имевшие у себя объявления, воззвания, или же сочинения, или изображения сего рода и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие:

аресту на время от семи дней до трех месяцев, и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

274. За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, или порядок наследия престола, виновные в том подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Тому же наказанию подвергаются изобличенные в злоумышленном распространении таких сочинений, и вообще все участвовавшие заведомо в сем преступлении.

Виновные в составлении сочинений сего рода, не изобличенные в злоумышленном распространении оных, приговариваются за сие как за преступный умысел:

к заключению в крепости на время от одного года до двух лет.

Имевшие у себя такие сочинения и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие как за недонесение о известном преступлении или преступном умысле:

аресту на время от семи дней до трех месяцев, и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Отделение второе

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ НАРОДНОГО ПРАВА

275. Государственною изменою признается:

1) Когда кто-либо умыслит предать государство или какую-либо часть оного другому государю или правительству;

2) Когда подданный российский будет возбуждать какую-либо иностранную державу к войне или иным неприязненным действиям против России, или с тем же намерением сообщит государственные тайны иностранному правительству;

3) Когда он во время войны будет способствовать или благоприятствовать неприятелю в военных или других враждебных против отечества или против союзников России действиях, чрез явное в сих действиях участие, или же советом, открытием тайн, или сообщением иных каких-либо сведений, или будет стараться препятствовать успехам российского оружия или союзников России и в особенности, если он каким бы то ни было образом передаст неприятелю город, крепость или другое укрепленное место, или же порт, арсенал или корабли, или иные морские или речные суда, или же с умыслом даст захватить отряд войск, или другую команду, или воинские запасы и снаряды, или сообщит неприятелю план крепости, порта, гавани, арсенала, или же укрепленного или иного стана (лагеря), или тех мест, где происходят военные действия, или даст известие о расположении и движении войск, или о состоянии армии и других средствах нападения или обороны, или будет возбуждать войска российские или союзные с Россиею к неповиновению или возмущению, или будет стараться поколебать верность подданных ее или же союзных с нею держав, или, приняв от неприятеля возмутительные манифесты или объявления, будет распространять оные в России или в областях ее союзников, или же в распространяемых им сочинениях утверждать мнимые права другой державы на какую-либо часть областей империи, или будет набирать людей для войск неприятельских, или сам перейдет в ряды неприятелей, или же, вступив в службу иностранной державы, хотя и прежде разрыва ее с Россиею, будет после сего разрыва участвовать в ее военных против России или иных враждебных

ей действиях, или будет доставлять неприятелям или готовить или хранить для них оружие, деньги, съестные и другие припасы или иные какие-либо пособия, или будет принимать к себе, сопровождать или укрывать неприятельских лазутчиков (шпионов), или отряды их войск, отправленных для рекогносцирования, или же давать им в чем-либо помощь, или и сам сделается неприятельским лазутчиком;

4) Когда дипломатический или иной чиновник, уполномоченный на заключение трактата с иностранною державою, употребит с умыслом сие доверие в явный вред для отечества;

5) Когда дипломатический или иной чиновник, или вообще подданный России, похитит или с умыслом истребит или повредит какого бы то ни было рода акты или документы, долженствующие служить доказательством прав ее на что-либо требуемое от державы иностранной или, наоборот, иностранною державою от России.

276. Виновные в государственной измене, в каком бы то ни было из означенных в предшедшей 275 статье видов оной, а равно и принявшие в том заведомо какое-либо участие, приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

277. За участие в бунте или заговоре против власти верховной, или же в государственной измене в каком бы то ни было из означенных выше сего видов сих преступлений, сверх определяемых виновным статьями 263, 266, 271, 272, 273, 274 и 276 наказаний, в некоторых особенных обстоятельствах и вследствие особых о том постановлений или распоряжений правительства, делаемых повсюду или токмо в одной какой-либо части империи, пред началом войны, или при внутренних смятениях, или же на случай возобновления или возбуждения оных, полагается и

конфискация всего родового и благоприобретенного виновных имущества, на основании установляемых в то время для сего подробных правил.

278. Кто из российских подданных откроет какую-либо государственную тайну иностранным, хотя и не враждебным с нею державам, или сообщит им планы российских крепостей или иных укрепленных мест, или гаваней, портов, арсеналов, или публикует сии планы без дозволения правительства, тот за сие приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

279. Изобличенные в тайной, хотя и неклонящейся ко вреду России, переписке с правительствами иностранными подвергаются:

заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

280. Кто из российских подданных будет иметь тайную переписку с подданными неприязненных государств, хотя и без

намерения вредить своему отечеству, но однако же столь неосторожно и нескромно, что неприятель может сообщаемыми им в сей переписке сведениями воспользоваться для успеха своих предприятий против России, тот за сие приговаривается:

к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года.

281. Если кто-либо из российских подданных в мирное время нападет открытою силою на жителей государств соседственных или иных иностранных, и чрез то подвергнет свое отечество опасности разрыва с дружественною державою, или, по крайней мере, такому же со стороны подданных сей державы на российские области нападению, то за сие преступление против народного права, он сам и все по собственной воле с знанием цели и противозаконности его предприятия, участвовавшие в оном, присуждаются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

282. Кто осмелится явно и публично, действием или дерзкими непристойными словами, оскорбить иностранного посла, посланника или иного дипломатического агента, с намерением оказать неуважение к самому правительству его, тот, и в особенности если его поступок такого рода, что он может быть предметом неприятных объяснений между сим правительством и кабинетом российским, подвергается за сие:

заключению в крепости на время от двух до четырех лет, с лишением некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ.

За преступление сего рода, если оно учинено без злого умысла и без увеличивающих вину обстоятельств, виновный приговаривается:

к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года.

Раздел четвертый
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Глава первая
О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям

283. Всякий явно и упорно неповинующийся или сопротивляющийся какой-либо власти, правительством установленной, под-

вергается за сие, смотря по свойству и возможности сего неповиновения или сопротивления, наказаниям, в нижеследующих статьях определенным.

284. За явное против властей, правительством установленных, восстание, с намерением или воспрепятствовать обнародованию высочайших указов, манифестов, законов, или других постановлений и объявлений правительства, или же не допустить исполнение указов, или предписанных правительством распоряжений и мер, или принудить сии власти к чему-либо несогласному с их долгом, когда такое принуждение или противодействие будет произведено вооруженными чем-либо людьми и сопровождаемо с их стороны насилием и беспорядками, виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

285. За противодействие такого рода, произведенное хотя не вооруженными людьми, однако же с явным насилием и беспорядками, или же напротив вооруженными, хотя и без явного с их стороны насилия, виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а не изъятые по закону от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

286. Если сие преступление учинено не вооруженными людьми и без явных насильственных с их стороны действий, но однако же для восстановления порядка начальство было в необходимости прибегнуть к необыкновенным мерам усмирения, то виновные в оном присуждаются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от четырех до шести лет, а не изъятые по закону от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

287. Наказаниям, в предшедших 284, 285 и 286 статьях определенным, во всех означенных оными случаях подвергаются лишь главные виновные, когда преступление учинено без предварительного на то участвовавших в нем согласия, или же зачинщики и подговорщики, когда на оное было предварительное соглашение. Из участников их, сообщников и пособников, виновнейшие подвергаются в случаях, означенных в статьях 284 и 285:

лишению всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на

время от двух до трех лет, или буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет;

в случаях же, означенных в статье 286, также:

лишению всех особенных прав и преимуществ как личных, так и по состоянию им присвоенных и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет;

а все прочие, смотря по мере участия их в преступлении и сопровождавшим оное обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

Попустители и укрыватели, также по мере важности преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их, приговариваются:

или к потере некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет; или без лишения особенных прав и преимуществ, к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

***288.** Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений.*

***289.** Если зачинщики или участники в преступном против властей, правительством установленных, восстании, для достижения своей цели, учинят сами, или же по их распоряжению или возбуждению будет учинено смертоубийство или зажигательство, то виновные в сем подвергаются:*

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на рудниках без срока, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

***290.** Те из участвовавших в преступном противодействии властям законным, которые, без принятия особых необыкновенных мер для их усмирения, или же хотя и по надлежащем приготовлении к принятию таких мер, но по сделанному затем воззванию начальства, разойдутся и оставят свое намерение, освобождаются от всякого наказания, если они притом не учинили какого-либо другого преступления. Но бывшие в оном*

зачинщиками и подговорщиками, даже и в сем случае подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде по закону они не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет, или же лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет.

***291.** За сопротивление исполнению судебных определений или иных постановлений и распоряжений властей, правительством установленных, а равно и законным действиям чиновника в отправлении его должности, когда оно будет оказано не многими, а лишь двумя или тремя человеками, или даже и одним, но с оружием и с употреблением какого-либо с его стороны насилия, виновный или виновные подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:*

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода, с наложением клейм; или также лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода; или же токмо лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от шести до восьми лет.

***292.** Если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, но однако же дозволил себе притом побои или иное явное действиями насилие, то он приговаривается, смотря по роду сего насилия и другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:*

или к лишению всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, без заключения или же с заключением на время от одного года до трех лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей, четвертой или пятой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до шести лет; или к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет, с потерею некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ, или же токмо к заключению в тюрьме на время от трех месяцев до двух лет.

293. Кто удержит чиновника от законного исполнения обязанностей его по службе угрозами такого рода, что сей чиновник мог и должен был в самом деле считать себя в опасности, тот за сие:

лишается всех особенных прав и преимуществ, ему как лично, так и по состоянию его присвоенных, и ссылается на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то подвергается наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

294. Если и без всякого явного восстания или сопротивления властям, от правительства установленным, несколько человек согласятся не исполнять какое-либо предписание сих властей, или уклонятся от исправления каких-либо законных государственных или общественных повинностей, то за сие:

зачинщики и подговорщики подвергаются лишению некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет, смотря по мере вины их; а прочие — заключению в тюрьме на время от шести месяцев до двух лет, также смотря по мере вины.

295. Государственные крестьяне, колонисты и евреи-земледельцы, за ослушание, непокорность, упорство и неисполнение распоряжений волостного и сельского начальства, впрочем без явного оному сопротивления, подвергаются:

аресту на время от трех до семи дней, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

296. Кто будет составлять и распространять письма или же какие-либо сочинения, или публично говорить речи, или распускать ложные слухи, с намерением возбудить к противодействию или к сопротивлению властям, от правительства установленным, тот за сие приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьей 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

Когда же учиненное им преступление произвело важное нарушение установленного порядка, то он:

по лишении всех прав состояния, подвергается ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

297. Виновные в составлении означенных в предшедшей 296 статье писем или сочинений, не изобличенные в злоумышленном распространении оных, за сие как за умысел и приготовление к преступлению, приговариваются:

к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев. Имевшие у себя такие письма или сочинения, и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имели их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие, смотря по важности дела и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их: или аресту на время от трех дней до трех недель, или же токмо выговору в присутствии суда.

298. Кто по требованию присутственного места не явится в назначенный срок для свидетельских или иных показаний и не представит доказательства о законных к тому препятствиях, тот за сие подвергается:

денежному взысканию, смотря по важности дела и по состоянию вызываемого к свидетельству лица, от пятидесяти копеек до пятидесяти рублей. В случае упорства, несмотря на повторение вызовов и требований сего рода от присутственного места или производящего следствие чиновника, виновный, сверх того же денежного взыскания, подвергается аресту на время от трех до семи дней.

299. Кто будет оказывать ослушание или неповиновение полицейским и другим стражам, в каком-либо месте поставленным по распоряжению их начальства для соблюдения тишины и порядка, и, не взирая на чинимое ему увещание, не перестанет в том упорствовать, хотя, впрочем, без насилия, тот за сие подвергается:

денежному взысканию от пятидесяти копеек до десяти рублей или аресту на время от одного до трех дней.

300. Кто и в случае оказанной ему какой-либо несправедливости, или же неисполнения и законных его требований, вместо того, чтобы просить о удовлетворении надлежащим установленным на то порядком, употребит для сего самовольно какие-либо соединенные с насилием меры, тот за сие самоуправство подвергается:

или заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или аресту на время от трех недель до трех месяцев; или денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей; или же токмо строгому выговору и в присутствии суда, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Но если при том будут им нанесены кому-либо побои, раны, увечья, или же истязания, или мучения, или и самая смерть, то наказание ему определяется:

по правилам, выше всего в статье 156 о совокупности преступлений постановленным.

Глава вторая

Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности

301. *Если кто-либо с умыслом и для оказания неуважения к правительству раздерет, отбросит или вычернит, или иным образом повредит или исказит указы, присланные для обнародования или выставленные для сего в определенном месте, тот за сие, как за явное восстание против порядка управления, подвергается, в случае когда сие преступление учинено им публично при стечении народа, или по крайней мере в присутствии многих свидетелей:*

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода; когда же не будет вышеозначенных, увеличивающих важность вины его, обстоятельств, то лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет; или же лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет.

Кто учинит сие без всякого умысла, в пьянстве или по невежеству, тот, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, приговаривается:

или к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев, или же к аресту на время от семи дней до трех недель; или к денежному взысканию от пяти до двадцати рублей.

__302.__ Кто, также с намерением оказать неуважение к властям законным, раздерет, отбросит или вычернит, или иным образом повредит или исказит выставленные по распоряжению их в определенном публичном месте гербы или надписи, тот за сие, также смотря по тому, учинено ли им сие публично при стечении народа или при многих свидетелях, или же без сих, увеличивающих вину его обстоятельств, приговаривается:

к лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет, или же, без лишения сих прав и преимуществ, к заключению в смирительном доме на время от трех до шести месяцев.

Учинивший сие преступление без умысла, в пьянстве или по невежеству, приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

к аресту на время от семи дней до трех недель, или же к денежному взысканию от одного до трех рублей.

__303.__ За поругание или искажение с злобным умыслом публичных, воздвигнутых по распоряжению или с разрешения правительства, памятников, виновный подвергается:

потере некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от одного года до трех лет, или же заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев.

Если сие учинено им без всякого умысла, в пьянстве или по невежеству, то виновный приговаривается токмо:

к аресту на время от трех до семи дней.

__304.__ Кто сорвет или истребит выставленные публично от местного начальства или полиции объявления, тот за сие подвергается:

или аресту на время от трех дней до трех недель, или же денежному взысканию от одного до десяти рублей, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

__305.__ Кто будет изобличен в составлении, подкидывании, выставлении в публичных местах, или же иным каким бы то ни было образом, но заведомо и с умыслом, распространении ругательных писем или других сочинений и бумаг, или изображений, оскорбительных для высших в государстве мест и лиц, тот, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, приговаривается:

или к потере некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет; или же без лишения сих особенных прав и преимуществ токмо к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

__306.__ За составление, подкидывание или распространение каким-либо образом ругательных писем, сочинений или изображений, оскорбительных для губернских и прочих присутствен-

ных мест, управлений и должностных лиц, когда сии оскорбления касаются именно действий их по исполнению служебных обязанностей, виновные подвергаются:

или заключению в смирительном доме на время от трех до шести месяцев, или же аресту на время от семи дней до трех недель, смотря по мере вины их.

***307.** Виновные в составлении и распространении сочинений, заключающих в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства, подвергаются:*

или лишению некоторых, по статье 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет, или же без лишения сих прав и преимуществ токмо заключению в смирительном доме на время от трех месяцев до одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

***308.** Кто, подняв ругательное или же по чему-либо иному оскорбительное для правительственного места или лица письмо, или сочинение, или изображение, вместо того, чтобы истребить его или представить ближайшему местному начальству, будет оное показывать или читать, или же иным образом сообщать другим, тот за сие, хотя и не непосредственное участие в преступлении составлявших оное письмо, сочинение или изображение, подвергается:*

или аресту на время от одного до трех дней, или же денежному взысканию от одного до десяти рублей.

***309.** Кто в присутственном месте, во время заседания и в самой оного камере, осмелится неприличными словами или каким-либо действием оказать явное к сему месту неуважение, или же в поданной в оное бумаге поместит с намерением выражения, прямо для оного оскорбительные, тот за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, приговаривается:*

или к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев, или же к аресту на время от семи дней до трех недель.

Если, однако же, дерзость его дойдет до такой степени, что он дозволит себе самые ругательства на присутствие или составляющих оное членов, или даже осмелится поднять на них или одного из них руку, тот за сие, также смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается:

или ссылке в Сибирь на поселение, с лишением всех прав состояния, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, или же лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных,

наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет.

Когда будет доказано, что сие преступление учинено не с умыслом, а в пьянстве, то виновный только в оказании неуважения к присутственному месту неприличными словами или поступками, приговаривается:

к аресту на время от трех до семи дней, а оказавший более буйства и дерзости, к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

310. Если в жалобе или другой подаваемой в судебное или правительственное место или же какому-либо должностному лицу бумаге будут помещены с намерением выражения, прямо оскорбительные для другого судебного или правительственного места или должностного лица, то виновный в сем подвергается:

денежному взысканию от пятидесяти до двухсот рублей, или аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по свойству оскорбления и другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, обстоятельствам.

311. За подаваемые по обыкновенному установленному порядку апелляционные и другие жалобы, хотя и неосновательные, но не содержащие в себе ничего прямо оскорбительного для мест и лиц, на которые они приносимы, виновные не подвергаются никаким взысканиям, кроме определенных за сие в Законах гражданских (т. X) статьями 3708, 3769 и 3770. Но если кто, получив от комиссии прошений отказ на жалобу по делу, решенному в Правительствующем сенате или оконченному в министерствах или главных управлениях, принесет по тому же предмету вторичную жалобу, тому, в случае нового отказа:

делается выговор посредством местного начальства.

Когда же он и за сим принесет снова жалобу по тому же самому делу, и сия жалоба также признана будет неосновательною, то за сие он приговаривается:

к строжайшему выговору в присутствии высшего судебного по жительству его места и к денежному взысканию от ста до пятисот рублей.

За подачу подобной жалобы более трех раз виновный подвергается:

высшей мере наказания, за третий раз определенного, и о том публикуется во всеобщее сведение.

312. Кто осмелится побоями или же другим каким-либо явно насильственным действием оскорбить чиновника, хотя не в присутственном месте, но, однако же, при исполнении им обязанностей службы, или же вследствие сего исполнения его обязанностей, тот, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается за сие:

заключению в смирительном доме на время от одного года

до трех лет, с потерею некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ.

313. Кто ругательными или поносительными словами оскорбит чиновника, хотя не в присутственном месте, но, однако же, при исполнении им обязанностей службы или вследствие сего исполнения обязанностей его, тот за сие подвергается:

заключению в смирительном доме на время от трех до шести месяцев.

Когда будет доказано, что оскорбление чиновника словами учинено не с умыслом оказать неуважение к месту или лицу, а в пьянстве или по невежеству и неразумию, или же что произнесенные виновным слова были хотя неприличные, но не ругательные или поносительные, то он за сие присуждается:

во-первых, к торжественному пред оскорбленным, при свидетелях по выбору сего последнего, извинению с испрошением у него прощения, во-вторых, к денежному взысканию от пятидесяти до ста, или от пяти до десяти рублей, смотря по мере вины и состоянию виновного.

314. Кто дозволит себе каким-либо действием, или ругательными, или поносительными словами оскорбить даже и частного, не принадлежащего к присутственному месту человека, но в самой камере и во время присутствия, тот подвергается:

за обиду действием — заключению в тюрьме на время от шести месяцев до двух лет; а за обиду словом — заключением в тюрьме на время от трех до шести месяцев, или аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

315. Кто каким-либо насильственным действием оскорбит военную или полицейскую стражу, или нижних служителей судебных и других присутственных мест, во время исполнения ими обязанностей службы, тот за сие подвергается:

аресту на время от трех дней до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Оскорбивший сии стражи или нижних служителей присутственных мест неприличными ругательными словами, также во время исполнения ими обязанностей службы, приговаривается:

к денежному взысканию от пяти до десяти рублей, или же от пятидесяти копеек до одного рубля, смотря по мере вины и состоянию виновного.

316. За оскорбление неприличными словами или действиями лица, принадлежащего к волостному или сельскому управлению, виновные, подведомственные тому управлению сельские обыватели, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или аресту на время от одного до трех дней; или денежному взысканию от двадцати пяти копеек до трех рублей, и во всяком случае обязаны испросить прощение у обиженного на общем сходе.

Глава третья

О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг

317. Кто, самовольно присвоив себе в каком бы то ни было случае власть правительственную или судебную, предоставленную законом одному или нескольким из состоящих в государственной или общественной службе лиц, употребит оную на содеяние того, что хотя само по себе безвредно и не составляло бы преступления, но не могло быть им совершено без сего присвоения непринадлежащей ему власти, тот за сие подвергается:

или заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или же денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Если же он присвоенною им самовольно властью воспользовался для совершения или попущения к совершению такого преступления, за которое в законе постановлено наказание выше определяемого в сей статье, то он приговаривается:

к самой высшей мере наказания, законами за то преступление постановленного.

318. Кто для такого присвоения непринадлежащей ему власти употребит какой-либо обман или подлог, выдав себя за другого или объявив, что имеет звание или поручение от правительства, коих он не имеет, тот за сие подвергается:

или одному из наказаний, определяемых в нижеследующих статьях за составление и публикование подложных указов, предписаний или иных исходящих от правительства бумаг, смотря по роду и важности употребленного им подлога; или, буде им для сего обмана не составлено и не предъявлено никаких подложных бумаг, лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет.

319. За составление подложных, будто бы за подписанием государя императора указов, манифестов, грамот, рескриптов или иных бумаг, а равно и за употребление таких подложных указов, манифестов или иных бумаг заведомо для каких бы то ни было дел или видов, виновные в том подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках без срока, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей

в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Такому же наказанию подвергаются и те, которые с умыслом сделают подчистку, поправку или иную перемену в удостоенных высочайшего подписания или собственноручного высочайшего утверждения указе, манифесте или иной бумаге.

Если, однако же, виновный, не сделав из подложно составленных или измененных им указа, манифеста или иной бумаги, никакого употребления, явится сам к суду или начальству с повинною в своем преступлении, то определяемое ему наказание может, по усмотрению суда, быть смягчено и он,

по лишении всех прав состояния, приговаривается токмо к ссылке в Сибирь на поселение, и буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

***Примечание.** Приговоры по делам сего рода, до приведения оных в действо, представляются чрез Государственный совет на высочайшее усмотрение его императорского величества.*

***320.** Виновные в составлении подложных указов от имени Правительствующего сената, или же в злонамеренной подчистке, поправке или иной перемене в настоящих Правительствующего сената указах, или же в употреблении подложно составленных или измененных указов заведомо для каких бы то ни было дел или видов, подвергаются:*

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода;

если, однако же, составив подложный или злонамеренно изменив настоящий указ Правительствующего сената, виновный в том впоследствии раскается и не сделает из сей бумаги никакого употребления, то он приговаривается токмо:

к потере всех как лично, так и по состоянию присвоенных ему особенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами, в мере определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

Когда же он при сем добровольно, по собственному побуждению, явится к суду или начальству с повинною в своем преступлении и тем предупредит всякое вредное последствие сделанного им подлога, то подвергается лишь:

заключению в тюрьме на время от шести месяцев от одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его. Сверх того участь его может быть повергнута монаршему милосердию.

321. За сочинение подложных предписаний, постановлений и других официальных бумаг, и за злонамеренные подчистки, поправки или иные перемены в настоящих постановлениях, предписаниях и других официальных бумагах от имени какого-либо министерства или главного управления, а равно и за употребление таких подложных бумаг заведомо для каких бы то ни было дел или видов, виновные подвергаются:

наказаниям, означенным в предшедшей 320 статье, и на том же самом основании, но лишь одною степенью ниже.

322. За составление подложных указов, определений, постановлений, предписаний и иных какого-либо рода официальных бумаг от имени губернских правлений и других судебных и правительственных мест или начальств, или утвержденных законами общественных учреждений, а равно и за злонамеренные в таких бумагах подчистки, поправки или иные изменения, и за употребление подложно составленных или измененных бумаг заведомо для каких бы то ни было дел или видов, виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, или же лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет.

Составивший подложную или злонамеренно изменивший настоящую бумагу сего рода, но не сделавший никакого из оной употребления, приговаривается:

к потере всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет.

Явившийся благовременно с раскаянием и повинною в своем преступлении к суду или начальству и тем предупредивший всякое вредное последствие сделанного им подлога, подвергается:

аресту на время от семи дней до трех недель.

323. За подделку большой государственной или же иной печати его императорского величества и употребление сей фальшивой печати заведомо в каких бы то ни было делах или случаях, виновный подвергается:

наказаниям, выше сего в статье 319 определенным за составление подложных будто бы именных государя императора указов.

324. За подделку стемпеля или печати какого-либо судебного или правительственного места или должностного лица, и за употребление в каких бы то ни было делах или случаях заведомо сих фальшивых стемпелей или печатей, или же хотя и настоящих казенных стемпелей или печатей, но снятых для сего с других бумаг или вещей, виновные приговариваются:

к потере всех лично и по состоянию присвоенных им особенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие Сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени, от восьми до десяти лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от шести до восьми лет.

В случае, если виновным в составлении фальшивой казенной печати или стемпеля не сделано никакого из оных употребления, наказание его смягчается тремя степенями; а принесший благовременно повинную в своем преступлении и тем предотвративший всякое вредное последствие подлога, подвергается:

лишь аресту на время от семи дней до трех недель.

325. Частные мастера, которыми, в противность установленных на то правил (см. статью 187 т. II-го Общ. губ. учр.), будут вырезаны стемпель или печать какого-либо судебного или правительственного места, или должностного лица, не по непосредственному от того места или лица заказу, подвергаются за сие:

заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Если, однако же, будет доказано, что им было известно о намерении учинить, посредством сих стемпелей или печатей, какой-либо подлог, или иное преступление, то они приговариваются:

к наказаниям, определенным за участие в том преступлении.

326. Если вследствие составления кем-либо подложного указа, постановления, определения, предписания или иной бумаги, или же злонамеренного в настоящей официальной бумаге изменения, невинный понес наказание уголовное, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на время от восьми до десяти лет, или на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего

Уложения для пятой или шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм, смотря по важности подлога, учиненного оным вреда и другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

327. Виновный в одном из подлогов, означенных в предшедших 318, 320, 321, 322 и 324 статьях, который сверх того воспользовался оным для учинения какого-либо другого преступления, подвергается:

наказанию по правилам о совокупности преступлений, постановленным в статье 156 сего Уложения.

328. За представление подложного, будто бы выданного присутственным местом или употребленным от правительства лицом, свидетельства о болезни, бедности, хорошем поведении и других тому подобных, виновный подвергается:

заключению в тюрьме на время от трех месяцев до одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

329. Кто дозволит себе без разрешения надлежащего главного или местного начальства объявить что-либо во всенародное известие, тот, буде сие объявление по содержанию своему ни в чем не противно законам, добрым нравам, приличиям и ни для кого не оскорбительно, подвергается за сие как за нарушение установленных правил:

в первый раз денежному взысканию от пяти до десяти рублей,

во второй — от десяти до двадцати рублей,

а в третий — аресту на время от трех недель до трех месяцев.

Изобличенный в сем более трех раз приговаривается:

к высшей мере наказания, за третий раз определенного, и, сверх того, отдается под надзор местной полиции.

Когда же сделанное без разрешения надлежащего начальства объявление, по цели и содержанию своему противно законам, доброй нравственности, приличиям или же для кого-либо оскорбительно, или может иметь какие-либо вредные последствия, то дозволивший себе оное подвергается:

наказаниям на основании особых о каждом таком преступлении или проступке постановлений (см. статью 1311 сего Уложения).

Глава четвертая

О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков

330. Кто похитит или с умыслом истребит или повредит хранимые в присутственном месте документы, или иные какого-

либо рода бумаги, или же такие вещи или предметы, которые служили или долженствовали служить к исследованию преступлений или к изобличению преступников, или же для доказательства каких-либо прав, тот, смотря по важности сделанного им похищения, истребления или повреждения и по другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, приговаривается:

или к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода, или к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, и с потерею всех как лично, так и по состоянию присвоенных ему особенных прав и преимуществ, или же, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет, или же к ссылке на житье в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских, с заключением на время от одного года до двух лет, и с потерею всех как лично, так и по состоянию присвоенных ему особенных прав и преимуществ, или же, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то к заключению в рабочем доме на время от двух до трех лет.

Но когда похищение, или умышленное истребление, или повреждение каких-либо хранившихся в присутственном месте бумаг, вещей или иных предметов, учинено с намерением скрыть следы или же способствовать совершению такого преступления, за которое постановлено законом лишение всех прав состояния, то виновный в сем похищении, истреблении, или повреждении подвергается:

наказанию как пособник оного преступления, по правилам, для сего в статье 127 сего Уложения постановленным.

331. Кто дозволит себе приложенные по распоряжению правительства или судебных мест или иных начальств печати и другие знаки самовольно истребить, снять, сорвать, или повредить, тот за сие приговаривается:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

Если учинивший сие преступление сверх того похитит вещи, по распоряжению правительства опечатанные, или особыми знаками отмеченные, то за сие он подвергается:

высшему из наказаний, определенных за воровство-кражу со взломом в статье 2149 сего Уложения.

332. Когда означенное в предшедшей 331 статье преступление учинено тем самым лицом или одним из лиц, коим был поручен надзор за опечатанными, или же особым каким-либо

знаком отмеченными бумагами или вещами, то определяемые в сей статье виновным наказания возвышаются одною степенью.

333. Кто умышленно истребит или повредит поставленные по распоряжению правительства межевые или иные, для означения пределов государства, губерний или уездов, знаки, тот приговаривается за сие:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года; а тот, кто дерзнет истребить или повредить пограничные знаки, для предания части принадлежащей государству земли иностранному, требующему или домогающемуся получения сей земли, правительству, приговаривается за сие, как за государственную измену: к наказанию, выше сего в статье 276 постановленному.

334. Кто с намерением уничтожит или повредит поставленные по распоряжению законных властей для указания мелей, подводных камней или возвышения воды, или же какие-либо другие предостерегательные или иные знаки, тот, смотря по обстоятельствам, более или менее уменьшающим или увеличивающим вину его, приговаривается:

к денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей, или же к аресту на время от семи дней до трех месяцев.

Но если будет доказано, что сие уничтожение или повреждение предостерегательных знаков сделано с умыслом подвергнуть разрушению, потоплению, или иному несчастию какое-либо лицо, или несколько лиц, или же речное или морское судно, или дом или и целое селение или место, то виновный в сем подвергается:

наказанию как за покушение на преступление, которое он имел в виду. Сверх того, он во всяком случае обязан вознаградить за все причиненные виною его казне или частным лицам убытки.

За истребление или повреждение маяков и других, для безопасности мореплавания поставленных, знаков виновные подвергаются:

особым, в статье 1642 сего Уложения определенным, наказаниям.

Глава пятая

О взломе тюрем, уводе и побеге находящихся под стражею или надзором

335. За взлом тюрьмы или иного места заключения и насильственное освобождение или увод заключенных виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказа-

нию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если для взлома тюрьмы и освобождения или увода заключенного будет учинено смертоубийство или зажигательство, то виновные в оном,

по лишению всех прав состояния, ссылаются в каторжные работы в рудниках без срока, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда взлом произведен без всякого насилия против стражи для освобождения заключенных, то виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

336. Если заключенные сами, с общего согласия и совокупными силами, разломав в месте своего заключения двери, окна, или же что-либо иное, и употребив противу стражи насилие, учинят побег, то за сие они приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда же для достижения своей преступной цели ими учинено и смертоубийство или зажигательство, то за сие они:

по лишении всех прав состояния, ссылаются в каторжные работы в рудниках без срока, и буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда бежавшие из заключения не употребили никакого насилия против стражи, то они подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, и буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

337. За освобождение арестантов во время пересылки их из одного места в другое, когда сие учинено с употреблением насилия, виновные подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет, а буде они не изъяты по закону от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею

21 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если виновные в том для достижения своей преступной цели учинят и смертоубийство, то они:

по лишению всех прав состояния, ссылаются в каторжные работы в рудниках без срока, и буде по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда освобождение арестантов произведено без всякого насилия, то виновные в оном приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, и буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

338. Если арестанты, во время пересылки их из одного места в другое, сами чрез насилие освободят себя из-под стражи, то за сие они приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет, и буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда же, для достижения своей преступной цели, ими учинено и смертоубийство, то виновные в том,

по лишении всех прав состояния, ссылаются в каторжную работу в рудниках без срока, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, подвергаются и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 для первой степени наказания сего рода, с наложением клейм.

339. Если кто из заключенных или находящихся под стражею бежит до окончания над ним следствия и суда, или до исполнения приговора, или же, буде он подвергается сему заключению по прежнему, уже последовавшему о нем решению за какое-либо преступление или проступок, прежде определенного оному срока, впрочем, без всякого против стражи насилия, то он по поимке:

заключается в отдельном уединенном месте и принимаются особые, более или менее строгие, законом дозволенные меры предосторожности для препятствования ему бежать снова, и в последнем случае время заключения его считается уже со дня доставления его снова в сие место заключения.

Но если для побега виновный употребил какое-либо против стражи насилие, то за сие он подвергается:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или, буде он по закону не изъят

от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет. В тех случаях, когда за преступление, по которому виновный содержался под стражею, он должен подлежать другому, более тяжкому наказанию, приговор о нем постановляется по правилам, определенным выше сего в статье 156 о совокупности преступлений.

340. Каторжные и сосланные на поселение в Сибирь или за Кавказ, за побеги из места работ или поселения судятся по особым на то правилам, постановленным в Уставе о содержащихся под стражею и о ссыльных (т. XIV).

За побег из ссылки на житье в Сибирь или в другие отдаленные губернии виновные, по возвращении в назначенные для ссылки их места, подвергаются:

заключению в тюрьме, бежавшие из Сибири — на время от одного года до двух лет, а ушедшие из других отдаленных губерний — на время от шести месяцев до одного года.

341. Приговоренные к высылке за границу иностранцы, а равно и евреи, коим на основании статьи 1188 сего Уложения воспрещается возвращение в пределы империи, за нарушение сего запрещения подвергаются:

заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет и снова высылаются за границу;

в случае вторичного ими нарушения запрещения возвращаться в Россию, они приговариваются:

к наказаниям, за бродяжество в статье 1177 определенным.

342. Когда состоящий под надзором полиции удалился без надлежащего дозволения из места, определенного для сего пребывания, или же, получив такое дозволение, пробудет в отлучке более назначенного на оную времени, и не докажет, что сему были причинами независевшие от него обстоятельства, то он подвергается за сие:

в первый раз аресту на время от одного до трех дней;

во второй — на время от семи дней до трех недель;

в третий — заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев.

343. Наказаниям, определенным в предшедшей 342 статье и в той же постепенности, подвергаются и те, которые самовольно возвращаются в места, где им жительство воспрещено по общим постановлениям закона, или по особым распоряжениям правительства, и после наказания они снова высылаются из сих мест.

344. Кто будет препятствовать поимке преступников и вообще бежавших из под стражи, тот, смотря по роду средств, им для сего употребленных, подвергается:

наказаниям на основании правил, постановленных выше сего в статьях 291, 292, 293 о сопротивлении властям законным.

345. Кто будет заведомо укрывать присужденного к ссылке на житье в Сибирь или в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских, или же к работам в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства, или к заключению в крепости или в рабочем или смирительном доме, или в тюрьме, тот за сие, смотря по важности преступления, вследствие коего укрываемые им подверглись осуждению, и по другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим сию вину его, приговаривается:

или к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или же к аресту на время от трех недель до трех месяцев.

Те, которые будут заведомо укрывать присужденного к каторжным работам или к поселению в Сибири или за Кавказом, подвергаются за сие, смотря по роду и важности преступления, за которое укрываемые ими приговорены к наказанию, и по другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода; или же лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, или же без заключения, или буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей или пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет, или от одного года до двух лет.

346. Шкипер, заведомо принявший к себе на корабль преступника, в намерении увезти его с собою, приговаривается:

к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или к содержанию в крепости на время от одного года до двух лет, смотря по обстоятельствам, сопровождавшим принятие им преступника на свой корабль и сокрытие его от розысканий полиции. Сверх сего и во всяком случае он за сие подвергается: денежному взысканию от ста до тысячи рублей, также смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, и корабль, на который был принят бежавший из-под стражи, подвергается секвестру до взноса определенной судом ко взысканию суммы.

Глава шестая
О тайных обществах и запрещенных сходбищах

347. Основатели и начальники тайных, под каким бы то ни было наименованием, обществ, имеющих вредную для спокойст-

вия или целости государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель, подвергаются, как государственные преступники:

наказаниям, выше сего в статьях 264, 271, 272 определенным и по правилам в оных означенным.

Члены таких обществ, имевшие полное сведение о преступной оных цели, приговариваются:

к тем же наказаниям и на том же основании.

Те, которые, знав о существовании и об истинном свойстве и цели такого общества и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, подвергаются за сие:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

348. Основатели и начальники тайных обществ, хотя и не имеющих означенного в предшедшей 347 статье явно преступного направления против спокойствия или целости государства, но старающихся посредством каких-либо неуказанных и недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных или губернских и других местных учреждениях, или же в постановлениях, коими определяются дарованные или утвержденные высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующих в государстве состояний или сословий, или же достигнуть иной политической, без ведома правительства, цели, подвергаются за сие:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

Вступившие в такое общество, с полным о цели оного знанием, приговариваются:

к лишению всех лично и по состоянию присвоенных им особенных прав и преимуществ. и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет, или же в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй или третьей степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до восьми лет, смотря по степени их участия в действиях общества и по другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим их вину, обстоятельствам.

Те, которые знав о существовании и цели такого общества и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года;

тому же наказанию подвергаются члены сих обществ, которые при вступлении в оные не имели точного сведения о истинной их цели, но впоследствии узнали оную, и хотя не принимали участия ни в каких его действиях, но не довели о них до сведения правительства.

***349.** Учредители и начальники тайных обществ, хотя и не имеющих явно вредной цели, но по особым постановлениям или распоряжениям правительства воспрещенных, подвергаются:*

заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года.

Члены таких обществ, знавшие о существующем оных воспрещении, подвергаются:

аресту на время от семи дней до трех недель.

***350.** Те, которые, знав с достоверностью о существовании недозволенного правительством общества, хотя и не имея точных сведений о свойстве и цели оного, не донесли о том, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:*

аресту на время от трех до семи дней.

***351.** Те, которые в жилищах своих, или же в домах и других местах, им принадлежащих, или состоящих в их управлении, будут заведомо допускать собрания или сходбища тайных зловредных обществ, подвергаются:*

наказаниям, в предшедших 347, 348 и 349 статьях членам оных обществ определенным.

Если, однако же, будет доказано, что им цель, свойство и намерения общества или сходбища были неизвестны, то они приговариваются:

к аресту на время от трех до семи дней, или от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

***352.** Все имущество, принадлежащее означенным в предшедших 347, 348 и 349 статьях тайным обществам, книги их, бумаги, инструменты, знаки какого-либо рода, мебели и т. п., конфискуются, если не будут подлежать истреблению, продаются в пользу местного приказа общественнаго призрения. Кто, имея у себя какие-либо из сих вещей, не отдаст их по требованию начальства, тот подвергается за сие:*

аресту на время от трех до семи дней.

***353.** Если кто образует или учредит, под каким бы то ни было названием, общество, хотя без всякой противной порядку, спокойствию, нравственности и вообще законам цели, и именно правительством не воспрещенное, но без разрешения и ведома надлежащего начальства, тот подвергается за сие как за нарушение установленных правил:*

денежному взысканию от пяти до десяти, или от пятидесяти до ста рублей, по усмотрению суда и состоянию виновного.
Под сим, однако же, не разумеются обыкновенные, хотя и в назначенное заранее время, но без всяких особых положений, бывающие собрания для занятия науками, искусствами, словесностью, или для невинных, не воспрещенных законами, увеселений.

Глава седьмая
О недозволенном оставлении отечества

354. Кто, отлучась из отечества, войдет в иностранную службу без позволения правительства, или вступит в подданство иностранной державы, тот за сие нарушение верноподданнического долга и присяги подвергается:

лишению всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или в случае самовольного потом возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение.

355. Кто, отлучась из отечества, не явится в оное обратно по вызову правительства, тот за сие ослушание приговаривается также:

к лишению всех прав состояния и к вечному изгнанию из пределов государства, если в назначенный по усмотрению суда срок он не докажет, что сие учинено им по независевшим от него, или по крайней мере, уменьшающим вину его обстоятельствам, а дотоле почитается безвестно отсутствующим, и имение его берется в опекунское управление на основании постановленных для сего Гражданскими законами правил (т. X., приложение к статье 3809).

356. Оставшийся за границею на жительстве долее определенного на сие по состоянию его законами срока, без особенных, признаваемых достаточными для сего, причин и не вследствие также особенного на то разрешения от правительства, равномерно считается безвестно отсутствующим и имение его берется в опекунское управление, как сие постановлено в предшедшей 355 статье.

357. Кто будет подговаривать каких-либо подданных империи к переселению за границу, тот за сие подвергается:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, или же, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет.

Но когда к побегу за границу были подговариваемы военнослужащие или состоящие на рекрутской очереди, то виновные приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

Раздел пятый
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ПО СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ

Глава первая
О неисполнении указов, предписаний и законных по службе требований

358. За неприведение в исполнение именных или объявляемых в установленном за сие порядке высочайших указов и повелений по легкомыслию и недостатку внимания к столь важной обязанности службы виновное в том должностное лицо, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

отрешается от должности

или же вовсе исключается из службы.

Но когда сие лицо не исполнило высочайшего указа или повеления с намерением для каких-либо корыстных или иных видов, то оно подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях на время от десяти до двенадцати лет.

359. За неприведение в исполнение указов Правительствующего сената, и в особенности когда виновные в том должностные лица дозволили себе или допустили сие и после получения указов подтвердительных, не представив в срок объяснительных донесений о причинах неисполнения, они, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их, подвергаются:

или удалению от должности,

или исключению из службы.

360. Виновные в неприведении в исполнение указов других присутственных мест, или же предписаний, или предложений надлежащих начальств, также, не взирая на подтвердительные указы или предписания и не представив в срок объяснительных донесений, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

строгому выговору с внесением или без внесения оного в послужные списки

или же вычету из времени службы от трех месяцев до одного года.

361. Когда означенные в предшедших 359 и 360 статьях указ или предписание, или предложение не приведены в исполнение

с намерением, из каких-либо корыстных или иных личных видов, то виновный, также, смотря по обстоятельствам дела, приговаривается:

к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, и с потерею всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ;

или же, в случаях важных и

к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

362. Таким же на основании постановлений в предшедших 358, 359, 360 и 361 статьях наказаниям подвергаются и те, которые по легкомыслию, небрежению или же с намерением для каких-либо корыстных или иных личных видов не объявят надлежащим порядком поступивших к ним или рассылаемых для обнародования указов и постановлений.

363. Когда в указе или предписании за неисполнение оного положено именно какое-либо особенное наказание или взыскание, то виновный подвергается сему наказанию или взысканию вместо тех, которые определяются постановлениями предшедших 358, 359, 360, 361 и 362 статей.

364. Наказаниям, в предшедших 358, 359, 360, 361 и 362 статьях определенным, и на том же основании, подвергаются виновные в неприведении в надлежащее исполнение вошедших в законную силу судебных решений или же в неучинении нужных по установленному порядку распоряжений о объявлении сих решений, и посылке следующих по оным указов.

365. Виновные в недоставлении в свое время требуемых на законном основании надлежащим порядком справок или сведений, или же ответов и объяснений, а равно и в непредставлении также в надлежащее время установленных отчетов или шнуровых книг, или срочных ведомостей и других сего рода бумаг подвергаются, смотря по важности дела:

замечаниям, более или менее строгим,

или выговорам без внесения оных в послужные их списки.

В случаях же особенной важности, или когда они не исполнят сей обязанности, не взирая и на подтвердительные о том требования или предписания, или же когда неоднократно будут изобличены в упущениях сего рода, то приговариваются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или к выговору, с внесением оного в послужные их списки,

или к вычету из времени службы от трех месяцев до одного года,

или же к удалению от должности.

366. Места и лица, которые, не получив в узаконенный срок по требованиям своим надлежащих сведений и других, в предшедшей 365 статье означенных бумаг, или усмотрев, что сии требования оставлены без действительного исполнения, не взыщут за сие с виновных установленным порядком, или не

представят о том по принадлежности, подвергаются за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или замечанию, более или менее строгому,

или же и строгому выговору, с внесением оного в послужные их списки.

Глава вторая

О превышении власти и противозаконном оной бездействии

367. *Чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда, выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, учинит что-либо в отмену или же вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных ему наставлений, или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона, или, присвоив себе право, ему не принадлежащее, самовольно решит какое-либо дело, или же дозволит себе какое-либо действие или распоряжение, на которое нужно было разрешение высшего начальства, не испросив оного надлежащим образом.*

368. *Противозаконным бездействием власти признается неупотребление чиновником или иным должностным лицом в надлежащее время всех указанных или дозволенных законами средств, коими он имел возможность предупредить или остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок, и чрез то предохранить государство, общество или вверенную ему часть от ущерба или вреда.*

369. *Не почитается превышением власти: 1) когда министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновенных правил по особенному на сей случай или вообще на случаи сего рода данному от верховной власти уполномочию; 2) когда чиновник или иное должностное лицо в каких-либо чрезвычайных обстоятельствах возьмет на свою ответственность принятие также чрезвычайной, более или менее решительной меры, и потом докажет, что оная в видах государственной пользы была необходима, или что по настоятельности дела он не мог без видимой опасности или вреда для службы, отложить принятие сей меры до высшего на то разрешения.*

370. *Виновный в превышении или противозаконном бездействии власти подвергается, смотря по важности дела и сопровождавшим оное обстоятельствам:*

или отрешению от должности,

или исключению из службы,

или же заключению в крепости на время от одного года до двух лет,
или в случаях, особенно важных,
и лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет.

371. Когда дозволивший себе превышение власти или оставшийся в противозаконном бездействии учинил сие с намерением или сделать, или попустить преступление, за которое в законе постановлено наказание уголовное, то он приговаривается, в первом случае:
к высшей мере наказания, определенного за то преступление,
а во втором, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, —
или также к высшей мере наказания за то преступление определенного,
или же к одному из наказаний, постановленных за участие в преступлении.

372. Когда ж, напротив, последствие превышения власти или противозаконного бездействия, в коем оказывается виновным какой-либо чиновник или иное должностное лицо, не были и не могли быть важны, и вина его уменьшается сопровождавшими оную обстоятельствами, то он приговаривается, по усмотрению суда, сообразно с званием его и с местом, которое занимает, лишь
к замечанию,
или к выговору,
или же к вычету от одного до шести месяцев из времени службы.

373. Если чиновник или иное должностное лицо будет самовольно и заведомо препятствовать действиям другого в отправлении должности, не имея на то права или особого предписания от высшего начальства, или иного законного к тому повода, то он за сие подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:
замечанию или выговору, более или менее строгому,
или вычету от трех до шести месяцев из времени службы,
или же отрешению от должности,
или заключению в крепости на время от одного года до двух лет.
Но когда виновный при сем дозволил себе какое-либо насилие или угрозы, то приговаривается, также смотря по важности дела и сопровождавшим преступление обстоятельствам:
или к лишению некоторых на основании статьи 53 сего Уложения особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет,
или к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет, или же, будь он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами

в мере, определенной статьей 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет,

или, наконец, в случаях особой важности и к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение с наказанием плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, если виновный не изъят по закону от наказаний телесных.

Буде виновным при учиненном насильственном помешательстве исполнению другим обязанностей службы употреблено оружие, то за сие он подвергается:

высшей мере наказания, в статье 291 сего Уложения определенной за сопротивление чиновнику в делах службы.

374. Кто при отправлении своей должности употребит какого-либо рода истязания и жестокости, тот за сие приговаривается, смотря по роду истязаний и обстоятельствам, более или менее увеличивающим вину его,

или к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года;

или к лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет;

или к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от двух до трех лет, или же, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет;

если же вследствие исторгнутого какими-либо истязаниями и жестокостями ложного показания невинный был подвергнут лишению всех прав состояния, то виновный в сем преступном действии или распоряжении подвергается также:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

375. За причинение чиновником или иным лицом, состоящим в службе государственной или общественной при отправлении должности своей кому-либо с намерением и без явной необходимости, ран или увечья, виновный подвергается:

высшей мере наказания, за сии преступления определенной в статьях 1948—1955 и 1960—1963 сего Уложения.

376. Кто при отправлении своей должности оскорбит кого-либо словом или действием, тот за сие подвергается:

наказаниям, определенным в статьях 2008—2011, 2013—2015 и на основании сих статей.

Если и без прямой обиды или оскорбления кто-либо во время отправления своей должности дозволит себе неприличное с кем-либо обращение, то он приговаривается за сие:

к испрошению прощения на основании статьи 61 сего Уложения у того или тех, которые имеют право на него жаловаться.

А буде его поступки были вообще противны правилам пристойности, то сверх сего и

к строгому выговору с внесением оного в послужной список.

377. За взятие под стражу кого-либо, хотя и по законным, достойным уважения причинам, но без соблюдения установленных на то правил, виновное в том должностное лицо приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или к строгому замечанию,

или к строгому выговору с внесением в послужной список,

или же к вычету от шести месяцев до одного года из времени службы.

Когда ж кто-либо взят под стражу без всяких достойных уважения причин или когда виновный в том не имел на сие по закону или особому разрешению права, то он подвергается:

высшей мере наказания, в статьях 2025—2029 определенных за противозаконное задержание и заключение;

а сверх того, если взятый им под стражу окажется неподлежащим сему, то и

к взысканию бесчестья в его пользу на основании статей 546—555 Законов гражданских (т. X) и статей 468—471 Постановлений о благоустройстве в казенных селениях (т. XII),

или к испрошению у него прощения, по правилам, для сего постановленным в статье 61 Уложения.

378. Предпринявший выемку из какого-либо дома или обыск оного по законным, достойным уважения причинам, но без соблюдения правил, для сего предписанных, приговаривается, сверх вознаграждения за причиненные тем убытки, смотря по сопровождавшим сие действие обстоятельствам:

или к строгому замечанию,

или к строгому выговору с внесением в послужной список,

или к вычету от трех до шести месяцев из времени службы.

Когда ж выемка и обыск произведены им или по его распоряжению без всяких достойных уважения причин или когда он по закону или особому разрешению не имел на сие права, то он подвергается, также сверх вознаграждения за причиненные тем убытки и смотря по сопровождавшим поступки его обстоятельствам:

или строгому выговору, с внесением оного в послужной список,

или же отрешению от должности,

или и исключению из службы,

а сверх того и

взысканию бесчестия в пользу тех, которые выемкою или обыском дома были оскорблены или обеспокоены, на

основании статей 546—555 Законов гражданских (т. X) и статей 468—471 Постановлений о благоустройстве в казенных селениях (т. XII),

или же приговаривается к испрошению у них прощения по правилам, для сего постановленным в статье 61 сего Уложения.

379. За распечатание с намерением казенной или принадлежащей частному лицу или надписанной на имя оного бумаги, без особенного на то права или предписания или же другого законного к тому повода, виновный приговаривается:

к строгому выговору,

или к вычету от трех до шести месяцев из времени службы,

или и к отрешению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Глава третья

О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества

380. За небрежение о сохранении вверенных по службе казенных или иных денежных сумм, или другого казенного или частного имущества виновный подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или строгому выговору,

или же вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или и удалению от должности.

Когда ж вследствие такого небрежения его последует расстройство, потеря или истребление денег или иного имущества, коего хранение было ему вверено, то он сверх сего на основании статьи 62 сего Уложения

обязан заплатить за все убытки, от того понесенные.

Сие правило не распространяется лишь на те случаи, в коих взыскания за небрежение о сохранении казенного имущества определены особенными по какой-либо части управления уставами.

381. Наказаниям, в предшедшей 380 статье определенным, и именно:

строгому выговору,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или и удалению от должности

подвергаются на том же самом основании должностные лица, которые будут изобличены в нерадении о своевременном взыскании следующих в казну податей, пошлин или иных каких-либо сборов, судебных денежных взысканий и т. п.

382. Если должностное лицо, коему вверено по распоряжению правительства хранение или управление какого-либо принадлежащего казне или частным лицам имущества, с намерением истребит оное или подвергнет порче, или иным образом, но также с намерением, уменьшит его цену, то за сие злоупотребление виновный приговаривается:

к высшей мере наказания, определенной за умышленное истребление или повреждение чужого имущества в статьях 2106—2124 сего Уложения.

383. Кто из чиновников и вообще из состоящих на службе, имея на руках своих какие-либо казенные или частные по службе вверенные ему вещи, денежные суммы, банковые билеты, облигации и т. п. или же управляя по распоряжению правительства казенным или частным имением, будет оными пользоваться и употреблять что-либо из вверенного ему имущества или доходов с оного на свои собственные расходы, или же ссужать оным других без ясного на то разрешения начальства, или же присвоит себе или растратит что-либо из сего имущества или доходов, тот в случае, если он прежде открытия сего злоупотребления возвратит сам вполне все самовольно им взятое, присвоенное или растраченное, подвергается:

денежному взысканию равному цене всего взятого им, растраченного или присвоенного, и отрешается от должности.

Но если он возвратил, хотя и сам собою и вполне все самовольно им взятое или растраченное, но уже после открытия его злоупотреблений, то

сверх определенного выше денежного взыскания исключается вовсе из службы.

Тот, который добровольно сам собою не возвратит взятого им, присвоенного или растраченного, и после открытия его злоупотреблений, приговаривается:

к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

Присвоенное или растраченное им взыскивается с его имения на основании общих постановлений статьи 62 сего Уложения.

384. Если вверенные по службе на сохранение должностному лицу вещи, деньги, банковые билеты или иные предметы были запечатаны, и оное дозволило себе распечатать их для означенного в предшедшей 383 статье злоупотребления, то виновный в сем, даже и в случае, если бы присвоенное или растраченное было им самим возвращено, подвергается:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от

одного года до двух лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

385. За промедление без особенных законных к тому причин в отсылке по принадлежности вверенных кому-либо по службе денежных сумм или вещей, или же иных предметов, а равно и за промедление в записке оных в приход, виновный

отрешается от должности и с него взыскиваются вдвое казенные проценты с той суммы денег или с цены того имущества, которые были в его руках, за все время передержания им оных, со дня получения указа о выписке их в расход или записке в приход.

386. За оказывающиеся убыль и недочет во вверенных по службе для хранения денежных суммах или вещах, когда нет причин предполагать какого-либо со стороны хранившего сии деньги или вещи злоупотребления, с другой же стороны, не будет достаточно доказано, что сия убыль произошла не от нерадения, а от естественных причин или совершенно случайно в таких обстоятельствах, которых утративший ни предвидеть, ни отвратить не мог, виновный подвергается:

замечанию,

или выговору, более или менее строгому,

и от усмотрения начальства его зависит оставить его при прежней должности или же удалить от оной.

387. Кто в приходную, по казенным в управлении его состоящим доходам книгу с умыслом запишет менее действительно поступившего или же вовсе не запишет прихода, или в расходной книге напишет более против израсходованного, тот за сие подвергается:

денежному взысканию вдвое против незаписанного в приход или излишне внесенного в расход и сверх того лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

388. Если присвоивший себе или растративший вверенное ему по службе казенное или частное имущество для избежания суда учинит побег или же составит подложные документы для сокрытия своего преступления, то он

сверх взыскания по цене всего им присвоенного или растраченного приговаривается к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

389. Когда виновные в присвоении, употреблении на свои надобности или же иной растрате вверенных им по должности денежных сумм или другого имущества не в состоянии сами заплатить падающее на них за сие взыскание, и оно на основании статьи 63 сего Уложения не может быть обращено на тех, которые заведомо способствовали им в сем присвоении или растрате, то сие взыскание обращается на имевших за ними надзор и изобличенных в упущении по оному или же на избравшее их общество, но уже, во всяком случае, в такой лишь мере, которая необходима для вознаграждения за понесенные от вины их казною или частными лицами убытки.

Лица, определившие таких чиновников к должности, не подвергаются денежному за них взысканию, если они не участвовали в их противозаконных действиях и не были обязаны к непосредственному за ними надзору.

Глава четвертая
О подлогах по службе

390. Должностное лицо, изобличенное в лживом заведомо и с намерением изложении высочайших повелений или же в подделке, злонамеренной переправке или подчистке указов императорского величества, подвергается за сие:

высшей мере наказания, определенной за составление подложных, будто бы именных, указов, манифестов или рескриптов в статье 319 сего Уложения.

Дозволивший себе один из вышеозначенных подлогов в указах и других бумагах Правительствующего сената, или иных государственных установлений или присутственных мест, или же в предписаниях начальствующих лиц, приговаривается также:

к высшей мере наказаний, определенных за преступления сего рода в статьях 320, 321 и 322 сего Уложения.

391. Кто при отправлении своей должности учинит фальшивую подпись, приведет вымышленное свидетельское показание, допустит подставных свидетелей или заочно составит акт от имени отсутствующих, или совершит оный задним числом, или с намерением из корыстных или иных личных видов нарушит правила для совершения или засвидетельствования актов сего рода постановленные, или же вполне или частию также с намерением скроет истину в докладах, рапортах, протоколах, журналах, свидетельствах, гражданских или торговых обязательствах и прочих каких-либо официальных актах, или включит в них вымышленные обстоятельства или заведомо ложные сведения, или выдаст мнимую копию с акта несуществующего, или же неверную с настоящего акта копию, или же дозволит себе подделку, злонамеренную переправку или подчистку актов, отданных ему на сохранение, кроме означенных в предшедшей 390 статье, или похитит, истребит, или утаит такие акты, тот за сие, смотря по важности подлога и другим

обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается:

или лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода;

или потере всех, лично и по состоянию присвоенных ему особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от двух до трех лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет.

Если же вследствие сделанного им подлога невинный понес наказание уголовное, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, то и к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

392. Должностное лицо, изобличенное в выдаче заведомо ложного свидетельства о болезни, бедности или хорошем поведении другого и т. п., подвергается:

отрешению от должности,

а буде сие учинено оным из корыстных видов, то приговаривается:

к наказаниям, постановленным ниже сего в статье 402 за взятки.

393. За выдачу подорожной без платежа поверстных денег едущему не по казенной надобности виновные подвергаются:

отрешению от должности и на основании статьи 62 сего Уложения обязаны вознаградить за причиненный ими чрез то казне убыток.

Глава пятая
О неправосудии

394. Кто из корыстных или иных личных видов решит с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу какое-либо подлежащее его рассмотрению дело, то за сию умышленную несправедливость подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет

и с потерею всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ,

или же лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение.

395. *Те, которые окончательными судебными приговорами, также из корыстных или иных личных видов с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу подвергнут подсудимого наказанию высшему против того, которое именно за такую вину определено в законах, приговариваются: когда ими возвышена только степень наказания, положенная в законе, без изменения рода оного,*

к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от двух до трех лет и с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ;

когда изменен самый род наказания, но, однако ж, не присуждено уголовное вместо исправительного,

к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую с потерею всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет;

когда ж вместо следовавшего виновному наказания исправительного определено уголовное,

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири;

но буде совершенно невинный был таким образом с умыслом из корыстных или иных личных видов и с явным нарушением законов подвергнут наказанию уголовному, то виновные в сем несправедливом действии приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет.

396. *За избавление окончательным судебным приговором виновного вовсе от наказания и за назначение ему наказания ниже того рода, который за его вину определен в законах, виновные в сем послаблении, если оно допущено с умыслом из корыстных или иных личных видов, подвергаются:*

лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет.

397. *Если по окончательному судебному приговору, впрочем без умышленного со стороны судей, из каких-либо корыстных или иных личных видов, нарушения закона, обвиненный или обвиненные подвергнуты наказанию, хотя и того же рода, но выше или ниже той степени и меры оного, которая долженствовала за вину их быть определена по точному содержанию законов, то постановившие приговор подвергаются, смотря по степени вины их:*

выговорам, более или менее строгим, с внесением или без внесения оных в послужные их списки.

398. *Когда доказано, что несправедливое решение в деле гражданском или уголовном последовало от ошибки судьи или неправильного, лишь по недоразумению, толкования законов, то он, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим сию вину его, приговаривается:*

или к замечанию,

или к выговору, с внесением или без внесения оного в послужной его список.

399. *Должностные лица, коим вверен надзор за правильностью и законностью судебных решений и приговоров, прокуроры, стряпчие, чиновники, скрепляющие судебные определения (секретари) и т. п., смотря по важности их упущений и по мере их участия в неправосудии, обнаруженном по делам, бывшим в их рассмотрении, подвергаются:*

или наказаниям в предшедших 394—398 статьях определенным,

или же тем, которые определяются общими о участии в преступлении правилами.

400. *Начальник губернии, утвердивший неправильное судебное решение, когда сие учинено им не из корыстных или иных личных видов, подвергается за то, смотря по важности дела и обстоятельствам оного:*

или замечанию,

или же выговору, более или менее строгому.

Глава шестая

О мздоимстве и лихоимстве

401. *Если чиновник или иное лицо, состоящее на службе государственной или общественной, по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения сих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином, или же, получив оный и без изъявления предварительного на то согласия, не возвратит его немедленно и, во всяком случае, не позднее как чрез три дня, то за сие, в случае, если подарок принят или получен уже после исполнения того, за что оный был предназначен, принявший его подвергается:*

денежному взысканию вдвое против цены подарка;

когда ж он принят или получен прежде, то

сверх денежного взыскания в той же мере и отрешению от должности.

Такому ж взысканию или наказанию и на том же основании подвергается и тот, который примет сего рода подарки чрез других, или же дозволит жене своей, детям, родственникам, домашним или кому-либо иному принимать их.

Примечание. *Сочинение и переписка проектов прошений, объявлений, верющих писем, духовных завещаний, купчих крепостей, закладных, дарственных записей, договоров, раз-*

дельных и других каких-либо по законным формам составляемых актов и деловых бумаг с получением за то вознаграждения от желающих иметь оные по взаимному добровольному с ними согласию, не считается действием, противным закону и порядку службы, когда сии бумаги должны поступить не в то место, где служит сочинявший или переписывавший проекты оных, или же, когда на занятия работами сего рода ему дано разрешение от его главного в том месте начальства.

402. Кто для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы примет в дар деньги, вещи или что иное, сколько бы, впрочем, сумма денег или цена вещей, им полученных, ни была малозначительна, тот за сие злоупотребление власти или доверенности начальства приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

к потере всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до трех лет, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей или четвертой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до шести лет.

Если, однако ж, получивший такую взятку, прежде какого-либо вследствие оной нарушения своих по службе обязанностей объявит о том с раскаянием своему начальству, то суд может, смотря по обстоятельствам, более или менее уменьшающим вину его и более или менее удостоверяющим в искренности его раскаяния, ограничить его наказание

исключением из службы,

или удалением от должности,

или же одним строгим выговором, с внесением или без внесения оного в послужной его список.

Во всяком случае, полученные им деньги или иной подарок отсылаются в местный приказ общественного призрения.

403. Наказанию, определенному в предшедшей 402 статье, должностное лицо подвергается и в том случае, когда им учинено или допущено что-либо противное обязанностям службы, хотя и не для собственной корысти, но для доставления другому незаконной прибыли или же из иных противозаконных видов.

404. Когда за учиненное или допущенное вследствие полученной взятки нарушение обязанностей службы постановлено законом наказание строже тех, которые в предшедшей 402 статье определяются вообще за взятки, то виновные в сем на основании означенных в статье 156 сего Уложения правил о совокупности преступлений приговариваются:

к тягчайшему по законам наказанию и в самой высшей его мере.

405. Получивший взятку равномерно признается виновным и подвергается определенным за преступления сего рода наказаниям и в случаях:

когда он взятку принял не сам, а чрез другого, или же дозволил принять оную своей жене, детям, родственникам, домашним или кому-либо иному;

когда деньги или вещи были еще не отданы, а только обещаны ему по изъявленному им на то желанию или согласию;

когда взятка передана ему прямо или чрез другого с его ведома под предлогом проигрыша, продажи, мены или другой какой-либо мнимо-законной и благовидной сделки.

406. Высшей степенью лихоимства почитается вымогательство. Под сим разумеются:

1) всякая прибыль или иная выгода, приобретаемая по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения;

2) всякое требование подарков или же неустановленной законом платы, или ссуды, или же каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по касающемуся до службы или должности виновного в том лица делу или действию под каким бы то ни было видом или предлогом;

3) всякие не установленные законом или в излишнем против определенного количестве поборы деньгами, вещами или чем-либо иным;

4) всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью-либо работу.

407. Виновный в вымогательстве подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую, с потерею всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и с заключением на время от двух до трех лет;

или же лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири;

или, наконец, если вымогательство было сопровождаемо истязаниями или иным явным насилием, также

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на время от шести до восьми лет.

Буде дозволивший себе вымогательство не изъят по закону от наказаний телесных, то вместо ссылки на житье в Сибирь он приговаривается:

к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для третьей степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до шести лет;

при ссылке на поселение он подвергается

и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода;

а при ссылке в каторжные работы —

и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Во всяком случае, полученные виновными деньги или иные подарки отсылаются в местный приказ общественного призрения.

***408.** Должностные лица волостного и сельского управлений, а также писари и их помощники, виновные в противозаконном сборе денег или же чего-либо иного на подарки и угощение чиновников и другого звания людей, приговариваются за сие:*

к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года.

Если же будет доказано, что все собранные таким образом деньги или часть их они присвоили себе, то подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.

***409.** Содействовавшие мздоимству или лихоимству в каком бы то ни было оных виде чрез принятие подарков или взятки вместо другого или чрез посредничество при требованиях, передаче или получении взяток или подарков, или чрез участие в притеснениях или угрозах, употребляемых для вымогательства, а равно и начальники, которые, зная достоверно о подарках или взятках,получаемых подчиненными их, или же о чинимых ими или допускаемых вымогательствах, не принимали никаких мер для прекращения сих злоупотреблений, изобличения и наказания виновных, или даже явно им потворствовали, наконец, и судьи, которые изобличенных в мздоимстве или лихоимстве преступников будут стараться оправдать вопреки законам и обстоятельствам дела, подвергаются:*

одинаковым с ними, хотя и в меньшей степени, наказаниям как сообщники в их преступлениях на основании постановлений статьи 125 сего Уложения.

Имевшие достоверное сведение о сих беспорядках и возможность донести об оных начальству за неисполнение этой обязанности приговариваются по усмотрению суда:

к одному из наказаний, в статье 132 сего Уложения определенных за недонесение о преступлениях.

***410.** Наказаниям, в предшедших 401 и 402 статьях определенным за принятие подарков или взятки и всегда в высшей оных мере, подвергаются те, которые, принимая деньги или иные вещи будто бы для передачи их другому, не участвующему в сих преступных действиях лицу, присвоят их себе.*

***411.** Те из крестьян или другого состояния людей, которые, не участвуя ни в требованиях взяток или подарков, ни в притеснениях и угрозах, употребляемых для вымогательства, только возьмутся по неразумию и незнанию своих обязанностей*

передать должностному лицу деньги или вещи от имени своего общества и не присвоят себе их ни вполне, ни частию, подвергаются за сие:

аресту на время от трех до семи дней,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Сверх сего о том отмечается в штрафных книгах, там, где оные заведены.

412. Давшие или обещавшие деньги, вещи или же иной какой-либо подарок состоящему в службе государственной или общественной лицу по делу или действию, касающемуся до обязанности его по службе, подвергаются взысканиям и наказаниям в следующей постепенности:

1) тем, которые согласились дать или обещать состоящему в службе лицу деньги, вещи или же что-либо иное лишь вследствие вымогательства, требований или настоятельных и более или менее усиленных просьб сего лица, или действовавших его именем, делается за сию противозаконную уступчивость и недонесение о том, как бы следовало начальству его,

строгий выговор в присутствии суда;

2) давшие или обещавшие по собственному побуждению деньги, вещи или же что-либо иное состоящему в службе лицу за такое с его стороны по службе действие, которое, впрочем, не было противно законам, долгу его и установленному порядку,

сверх строжайшего за то выговора, подвергаются денежному взысканию, равному данной или обещанной ими сумме или цене их подарка;

3) давшие или обещавшие состоящему в службе лицу что-либо за действие, хотя не составляющее прямого преступления, но не согласное с порядком службы, каковы суть: сообщение без надлежащего на то разрешения справок или иных сведений, или же выдача копий с каких-либо, впрочем, не подлежащих тайне бумаг и т. п. подвергаются:

также строжайшему выговору и денежному взысканию вдвое против данной или обещанной ими суммы или цены их подарка;

4) те, коим будут даны или обещаны деньги или же что-либо иное состоящему в службе лицу для склонения его на действие, явно противное справедливости, закону или долгу службы, подвергаются за сие:

денежному взысканию вчетверо против данной или обещанной ими суммы, или цены их подарка, и заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года;

наконец, 5) те, которые будут стараться предложением взяток или иными обещаниями, или же угрозами побудить должностное лицо к уклонению от справедливости и долга службы, и, не взирая на его отвращение от того, будут возобновлять сии предложения или обещания, подвергаются за такое покушение на обольщение служителей правительства:

или заключению в тюрьме на время от одного года до двух лет,

или же и лишению некоторых на основании статьи 53 сего Уложения особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет,
смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим сию вину.

413. Лиходатели, изобличенные в склонении состоящих в службе государственной или общественной похитить, скрыть, истребить, или же в чем-либо изменить одну или несколько из принадлежащих к делам бумаг, или же сделать другой сего или иного рода подлог, подвергаются:
высшей мере наказаний, определенных за подлоги или похищение сего рода в статьях 391 и 392 сего Уложения.

Глава седьмая

О нарушении установленных при вступлении в должность и оставлении оной правил

414. Кто вступит в исправление какой-либо должности, не учинив установленным порядком присяги на верность службы, и не докажет, что он был побужден к немедленному вступлению в исправление сей должности чрезвычайными обстоятельствами, в коих были необходимы также немедленные с его стороны распоряжения или иные по должности действия, тот подвергается за сие:
вычету из жалованья за две недели.
Если вступивший таким образом прежде присяги в исправление должности учинит какое-либо по службе преступление или же воспользуется предоставленною по сей должности властью для учинения преступления, хотя и не относящегося к делам службы, то он подвергается:
высшей мере наказания, за то преступление в законах определенной.

415. Чиновник, самовольно прервавший отправление своей должности прежде надлежащего от оной увольнения, подвергается:
денежному взысканию от пяти до пятисот рублей,
смотря по званию его и состоянию.

Но будь от сего произойдет важное в делах упущение или замешательство, или же какой-либо вред или убыток казне, обществу или частным лицам, то он, сверх обязанности вознаградить за сей вред или убыток, приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:
к аресту на время от трех недель до трех месяцев,
или к исключению навсегда из службы,
или к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года.
Если самовольно прервавший отправление своей должности

чиновник был облечен властью, и его бездействие в сем случае могло иметь или и в самом деле имело вредные последствия, то виновный подвергается:

одному из наказаний, определенных выше сего в статьях 370 и 371 за противозаконное бездействие власти.

416. Чиновник, который хотя и по увольнении от должности оставит место служения, не сдав оной установленным порядком заступающему место его, подвергается:

денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей, смотря по званию его и состоянию.

За беспорядки, которые будут найдены в делах, он ответствует на общем основании.

417. За продолжение исправления какой-либо должности после формального надлежащим начальством извещения о удалении или увольнении от оной виновный приговаривается:

к денежному взысканию от десяти до пятидесяти рублей,

или к аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Если же он, получив увольнение или извещение об удалении его от должности и, несмотря на то, продолжая исправлять ее, учинит какое-либо по службе преступление или воспользуется предоставленною исправляющему сию должность властью для учинения преступления, хотя и не относящегося к делам службы, то подвергается:

высшей мере определенного за то преступление в законах наказания.

418. Должностное лицо, которое после формального извещения об отводе его по определению надлежащего присутственного места от суждения или производства какого-либо дела, будет продолжать участвовать в том суждении или производстве, подвергается за сие:

отрешению от должности.

Глава восьмая.

О нарушении порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении от оных

419. Кто заведомо примет или представит к принятию на службу человека, не имеющего права вступить в оную вследствие судебного приговора или по состоянию и происхождению своему, или по недостижению положенного на то законом возраста, или же определит или представит к определению в какую-либо должность человека, который на основании существующих о том постановлений не может быть определен в ту должность или вообще на службу в том месте, или такого, который исключен из духовного ведомства за дурное поведение или отрешен от должности, без соблюдения особых, для определения или принятия таких людей на службу, поста-

новленных правил, тот за сие приговаривается:

к вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или же к строгому выговору с внесением или без внесения оного в послужной его список,

или токмо к строгому замечанию,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

***420.** Начальник губернии, принявший к себе в чиновники по особым поручениям своих родственников (по восходящей и нисходящей линии во всех степенях, а в боковых — до четвертой степени включительно), или же близких свойственников (также до четвертой степени включительно), или представивший об определении их в сие звание, подвергается за то:*

строгому замечанию,

или выговору, с внесением его в послужной его список.

Тем же наказаниям подвергаются и определяющие или представляющие об определении членами какого-либо присутственного места чиновников, соединенных близким родством или свойством с председателем или другими членами того места, когда сии связи родства или свойства были им известны.

***421.** Кто, заведомо определив чиновника в одно время к нескольким должностям, назначит ему по всем оным жалованье, когда сие не разрешено особенными уставами или учреждениями тех мест или ведомств без испрошения на то высочайшего установленным порядком соизволения, тот за сие подвергается:*

в первый и второй раз строгому замечанию,

а в третий — выговору, с внесением оного в послужной его список.

Изобличенный в сем нарушении закона более трех раз,

удаляется от должности.

***422.** Начальник, удаливший от должности подчиненного за какую-либо вину, не истребовав от него объяснения, или в случае, когда сия вина не важна, не испытав над ним прежде предоставленных ему законом мер исправления, подвергается за сие, когда при таком удалении будет именно и формальным образом объявлено, что сие учинено за вину удаляемого:*

в первый и второй раз замечанию,

а в третий — строгому выговору,

если, впрочем, он не докажет, что такое немедленное удаление, по дошедшим до него достоверным сведениям, было необходимо для порядка и пользы службы.

Глава девятая

О преступлениях и проступках в сношениях между начальниками и подчиненными

Отделение первое

О НАРУШЕНИИ ДОЛГА ПОДЧИНЕННОСТИ

***423.** За всякое нарушение обязанности повиноваться своим непосредственным и главным начальникам, как постановленным*

над ними по закону властям, все состоящие в службе государственной и общественной лица подвергаются определяемым в следующих 424, 425, 426, 427 и 428 статьях, сообразно с родом и степенью вины их, наказаниям или взысканиям.

424. За явно оказанное начальству в делах службы ослушание, кроме лишь случая, если бы начальник потребовал чего-либо противозаконного, виновный приговаривается, смотря по роду ослушания, важности дела, званию лица, коему оное оказано, и другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, обстоятельствам:

или к строгому выговору без внесения или с внесением сего в послужной его список,

или к аресту на время от трех до семи дней,

или к вычету из времени службы от трех месяцев до одного года,

или, наконец, и к отрешению от должности.

425. За грубое или неприличное с начальником обхождение, произнесение в присутствии его или, хотя и без него, но публично, каких-либо оскорбительных для чести его слов или прямое его оскорбление бранными или ругательными словами, виновные, смотря по большей или меньшей степени вины, определяемой как обстоятельствами, так и званием оскорбленного, приговариваются:

или к испрошению у него публично прощения на основании правил, в статье 61 сего Уложения постановленных,

или к строгому выговору с внесением оного в послужные их списки,

или же к аресту на время от семи дней до трех недель. Буде они дозволят себе оскорбить словами начальника в присутственном месте, то суд может, по усмотрению своему и степени вины, подвергнуть их:

заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев,

или в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года,

или же заключению в крепости на время от одного года до двух лет.

426. Подчиненный, осмелившийся нанести начальнику своему оскорбление действием или хотя только поднять на него руку или же какое-либо орудие, подвергается, смотря по сопровождавшим сие преступление более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его обстоятельствам, и по званию лица оскорбленного:

лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую без заключения или с заключением на время от одного года до двух лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой или пятой степени наказаний сего рода, и отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до четырех лет,

или же потере всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших или менее отдаленных местах Сибири, а когда он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой или второй степени наказаний сего рода.

427. Подчиненный, осмелившийся вызвать начальника своего на поединок, подвергается за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года,

или же лишению некоторых по статье 53 сего Уложения особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от одного года до двух лет.

Если, однако ж, вызов начальника на поединок был последствием касающегося службы дела или же мщением за взыскание по настоящей или прежней службе, то виновный в оном подвергается:

заключению в крепости на время от двух до шести лет с потерею некоторых по статье 53 особенных прав и преимуществ.

428. Кто в придворных церемониях при аудиенции послов или же в чиновных съездах и других сему подобных публичных торжествах и собраниях дозволит себе нарушить установленный порядок в отношении к старшим его по чину или званию, тот за сие подвергается:

выговору более или менее строгому,

смотря по обстоятельствам дела.

Отделение второе
О НАРУШЕНИИ ПОРЯДКА В ОТНОШЕНИИ К ПОДЧИНЕННЫМ

429. Если начальник принуждает подчиненного заниматься делами, не принадлежащими к его обязанностям по службе, или несовместными с его званием и должностью, то за сие подвергается:

в первый раз замечанию или выговору,

смотря по тому, какими делами и с большим или меньшим принуждением он заставлял своего подчиненного заниматься;

во второй — строгому выговору с внесением оного в послужной его список;

а в третий — вычету от трех месяцев до одного года из времени службы.

430. Начальник, который задерживает без особой законной причины следующие его подчиненному жалованье или же другие денежные или иные выдачи, подвергается за сие:

денежному в пользу сего подчиненного взысканию вдвое против суммы или цены неправильно им задержанного.

431. Начальник, оскорбивший подчиненного явно непри-

личными словами или действиями во время отправления им своей должности, подвергается за сие:

взысканию по общим правилам о наказаниях и взысканиях за обиды;

а в случае, когда сие учинено им в присутственном месте,

высшей мере наказаний, за обиды сего рода определенных.

432. Когда начальником будет наложено на подчиненного, хотя и виновного, взыскание свыше меры, в законе за тот поступок определенной, или же свыше предоставленной в сем отношении ему власти, то за сие он сам подвергается, смотря по обстоятельствам дела:

или строгому замечанию,

или выговору,

или же вычету от одного до шести месяцев из времени службы.

Если ж такое взыскание сделано им с подчиненного совершенно невинного, то он приговаривается, также смотря по обстоятельствам дела:

или к строгому выговору с внесением в послужной его список,

или же к вычету от трех месяцев до одного года из времени службы.

Тот, который будет изобличен в таковой несправедливости более двух раз,

удаляется от должности.

433. Если начальник, вместо предания подчиненного суду, сам собою подвергнет его такому наказанию, которое могло быть определено только судебным решением, то за сие, смотря по роду и важности наказания, он приговаривается:

или к вычету одного года из времени службы, или же к отрешению от должности.

Тот, кто дозволит себе такие произвольные распоряжения более двух раз,

исключается из службы.

Кроме того, если начальник подвергнул подчиненного незаконно денежному взысканию, то он обязан его за сие удовлетворить.

434. Начальник, который прикажет, или же угрозами, или обольщениями, или иным образом склонит или побудит подчиненного сделать в круге действия его по службе что-либо противное законам, подвергается за сие:

самой высшей мере определенных за то противозаконное дело наказаний.

Подчиненный, исполнивший такое приказание или желание начальника, зная, что сие противно законам, хотя и подвергается тому ж наказанию, но в меньшей мере.

Отделение третье

О СЛАБОМ ЗА ПОДЧИНЕННЫМИ НАДЗОРЕ

435. Когда от слабого по нерадению надзора за подчиненными произойдет запущение в делах или иное расстройство

в порядке службы, то за сие начальник, смотря по важности запущенных таким образом дел или причиненного сим расстройства, подвергается:

или строгому замечанию,

или выговору,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или же и удалению от должности.

Сверх того, по усмотрению главного начальства, могут быть учреждаемы на счет виновных начальника и подчиненных временные отделения, экспедиции, или столы для отправления запущенных дел и скорейшего восстановления правильного оных течения.

436. Начальник, знавший о намерении подчиненного сделать в круге своего действия по должности что-либо противное законам или порядку службы и не предотвративший сего по беспечности или слабости подвергается за сие:

строгому выговору, с внесением в послужной список,

или же вычету от шести месяцев до одного года из времени службы,

смотря по важности попущенного им противозаконного действия.

Когда ж сие допущено им с намерением, из каких-либо корыстных или иных личных видов, то он за сие:

наказывается на основании правил, постановленных выше сего в статьях 370 и 371 о противозаконном бездействии власти.

437. Если начальник, достоверно зная о учиненном по делам службы каком-либо более или менее важном преступлении или проступке своего подчиненного, не подвергнет его надлежащему, по данной ему власти, взысканию или не предаст его суду, или же в случаях, когда сие законом вменено ему в обязанность, не донесет о том высшему начальству по установленному порядку подчиненности, то он за сие подвергается:

наказаниям за укрывательство, определенным сообразно с постановлениями статьи 130 сего Уложения.

438. Лица, обязанные свидетельствовать казначейства или иные денежные кассы, казенные или общественные, по правилам, для сего в наставлениях о свидетельствах сего рода постановленным, за неисполнение сей обязанности в надлежащее время, а равно и за несоблюдение надлежащих при освидетельствовании правил, подвергаются:

наказаниям, определенным за нерадение по службе в статьях 441 и 442 сего Уложения, и в случае недостатка денежных сумм в сих кассах должны внести недостающие в оных деньги, если не будет возможности взыскать их с главных виновных.

439. На сем же основании подвергаются наказаниям и члены казенных палат, если они, узнав о каком-либо недостатке казенных сумм или об отступлении от порядка освидетельствования казначейств, не примут надлежащих мер к следующему с виновных взысканию.

440. За неосвидетельствование в установленные сроки архивов разных мест и управлений, лица, коим по учреждению каждого места или управления сие поставлено в обязанность, подвергаются:

замечанию, более или менее строгому,

а в случае, когда сие нерадение было поводом к какому-либо злоупотреблению, то и

строгому выговору с внесением оного в послужной их список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или, наконец, и удалению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Глава десятая

О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности

441. За медленность и нерадение в отправлении должности делаются виновным, по усмотрению начальства,

замечания или выговоры, более или менее строгие.

Когда ж чиновник в течение одного года подвергнется за медленность или нерадение многократным замечаниям или трем строгим выговорам и потом, в том же году, снова окажется виновным в упущении, то он, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается:

или выговору с внесением оного в послужной его список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или перемещению с высшей должности на низшую.

442. В случае важных со стороны чиновника упущений и когда от нерадения его или медленности в отправлении должности произошли видимые беспорядки или запущение в делах, начальство может, не делая ему замечаний, выговоров и никаких иных распоряжений, немедленно предать его суду, а суд приговорить:

к выговору с внесением оного в послужной его список,

или к вычету из времени службы его от трех месяцев до одного года,

или к удалению от должности,

смотря по степени вины его.

443. Чиновник, не явившийся к должности без особых законных на то причин, подвергается за сие:

в первый и второй раз замечаниям,

в третий раз — выговору,

а в четвертый — вычету трех месяцев из времени службы.

Если и за сим в течение того ж года он снова и также без особых законных на то причин не явится к должности, то

немедленно от оной удаляется.

444. *Не являющийся без особых законных на то причин к должности несколько дней сряду, но, однако ж, не долее недели, подвергается за сие:*

вычету из жалованья в первый раз за неделю;

во второй раз — за две недели,

а в третий — за месяц,

в четвертый раз он удаляется от должности.

445. *Чиновник, который без особых законных на то причин не является к должности более семи дней сряду, подвергается за сие:*

в первый раз — вычету из жалованья за месяц,

во второй раз — за три месяца,

а в третий — отрешению от должности.

Если он также без особых законных на то причин не является в продолжение четырех месяцев, то немедленно

удаляется от должности.

446. *Не явившийся на срок из отпуска и не представивший законных в том оправданий чиновник подвергается за сие:*

вычету из жалованья за все просроченное им время.

Просрочивший более четырех месяцев, без законных на то причин

удаляется от должности.

447. *За несоблюдение установленного в отправлении дел порядка определяются следующие взыскания и наказания:*

1) Кто без особой законной причины прибудет в присутствие позднее или выйдет из оного прежде определенного часа, тот за сие:

в первый и второй раз подвергается замечанию,

в третий и четвертый — выговору,

в пятый и шестой — вычету из жалованья за одну неделю,

а в седьмой — удалению от должности.

2) Кто будет в присутствии какими-либо неприличными разговорами или поступками развлекать внимание других или мешать занятиям прочих членов или чиновников, тот за сие подвергается:

замечанию или выговору более или менее строгому.

3) За неявку на дежурство, самовольную с оного отлучку и всякие другие в исправлении сей должности упущения, виновный в том чиновник подвергается:

замечанию или выговору, более или менее строгому,

или наряду на дежурство без очереди,

или удалению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

4) За принятие прошения или другой следующей в присутственное место бумаги вне оного, если при том не было никакого злоупотребления, виновный подвергается:

замечанию, более или менее строгому,

а за повторение сего поступка —

вычету от одного до шести месяцев из времени службы.

5) За распечатание приходящих в присутственное место бумаг не надлежащим чиновником или не в надлежащем порядке виновный, если при том не было никакого злоупотребления, подвергается по усмотрению начальства своего:

замечанию или выговору, более или менее строгому,

или же и вычету от одного до шести месяцев из времени службы.

6) За невысылку с первою почтою из присутственного места дел и бумаг, следующих к немедленному отправлению, виновные подвергаются:

выговору, более или менее строгому,

или вычету от одного до шести месяцев из времени службы, если при сем не было какого-либо злоупотребления.

7) За рассылку бумаг, выходящих из присутственного места чрез частных людей, виновные в том чиновники подвергаются:

в первый и второй раз — выговору, более или менее строгому,

а в третий раз — вычету от одного до шести месяцев из времени службы.

Тем же наказаниям подвергается и чиновник, который при выходе из присутствия или из канцелярии оставит вверенные ему дела или бумаги незапертыми.

В случае утраты отправленных таким образом или же оставленных незапертыми дел или бумаг, виновный в том чиновник и за первый раз подвергается:

вычету от одного до шести месяцев из времени службы,

или и отрешению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

8) За удержание следующих в присутственное место бумаг у себя в доме и за взятие оных из присутствия без дозволения виновный подвергается:

выговору, более или менее строгому.

9) За утрату чиновником бумаг, вверенных ему по службе, если при том не было с его стороны злого умысла, а токмо небрежение или неосторожность, виновный подвергается, смотря по важности утраченных бумаг и другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его обстоятельствам:

или выговору, с внесением оного в послужной список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или и удалению от должности.

10) За употребление казенной печати в частной переписке виновному в том делается:

замечание или выговор, более или менее строгие,

по усмотрению начальства или суда.

Но если с сим было соединено какое-либо злоупотребление, то он подвергается:

высшей мере наказания, за то злоупотребление в законе определенной.

***448.** Должностное лицо, которое, составляя рапорт или донесение о каком-либо деле, не удостоверится надлежащим образом в истинных обстоятельствах и существе оного и представит сие дело в виде неполном или неверном, впрочем, без всякого противозаконного намерения, подвергается за сие, смотря по важности дела и вины его:*

или выговору с внесением сего в послужной его список,

или же вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или и удалению от должности.

Если однако ж сия по одной неосмотрительности допущенная им неверность или неполнота произошла от каких-либо особенных, могущих до некоторой степени служить ему извинением, обстоятельств, то наказание его может быть ограничено

выговором, без внесения оного в послужной его список.

***449.** За разглашение дел, производимых в судебных и правительственных местах, и за сообщение без дозволения каких-либо актов или других принадлежащих к делам бумаг лицам посторонним, вопреки порядку, для производства дел и хранения деловых бумаг установленному, виновный, если при том не было никакого иного преступления или злоупотребления, подвергается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:*

в первый раз — замечанию или выговору,

во второй — строгому выговору или вычету из времени службы от трех месяцев до одного года,

а в третий раз — отрешению от должности.

Если же от сего разглашения дел или сообщения бумаг произошли или долженствовали произойти какие-либо вредные последствия, то виновный по усмотрению суда может быть и за первый проступок сего рода приговорен:

к строгому выговору с внесением оного в послужной его список,

или к вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или и к удалению от должности.

***450.** Если от разглашения дел или сообщения посторонним бумаг, вверенных чиновнику по службе, распространится молва для чьей-либо чести оскорбительная, то виновный, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается за сие:*

или строгому выговору,

или же вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или даже и удалению от должности,

и сверх того приговаривается:

к публичному на основании статьи 61 сего Уложения испрошению прощения у оскорбленных.

451. За недозволенное, хотя и без всяких корыстных или иных личных видов или побуждений, сообщение мнения судей или судебных актов, или других принадлежащих к делам бумаг лицам, прикосновенным к делу, непосредственно или чрез других, виновный в том чиновник по усмотрению начальства или суда и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается:

или строгому выговору с внесением или без внесения оного в послужной его список,

или и удалению от должности.

452. За злонамеренное открытие обвиненному в преступлении судебных о нем актов или иных бумаг и за сообщение ему сведений, могущих служить к сокрытию истины или к избежанию заслуженного им наказания, виновный

сверх исключения из службы подвергается на основании статьи 130 сего Уложения и наказаниям, определенным за укрывательство преступления.

453. За разглашение дел, подлежащих тайне, и недозволенное сообщение кому-либо бумаг, отмеченных надписью «секретно», виновный подвергается, смотря по важности дела и происшедшим или долженствовавшим произойти от того последствиям, более или менее вредным:

или отрешению от должности,

или исключению из службы,

или же сверх того и заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

454. За открытие должностным лицом кому-либо постороннему принадлежащего правительству или частному человеку секрета для производства каких-либо изделий, работ, машин, медицинских или иных составов и т. п. виновный

сверх вознаграждения за причиненные им убытки подвергается отрешению от должности и заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года.

455. За открытие с намерением государственных тайн иностранным правительствам виновный подвергается:

наказаниям, определенным за государственную измену в статьях 276 и 278 сего Уложения.

За обнаружение государственных тайн без намерения, а по неосторожности, виновный в том

исключается из службы,

и, смотря по важности дела и тайны и другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, приговаривается:

к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года.

Глава одиннадцатая

О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы

Отделение первое

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ЧИНОВНИКОВ ПРИ СЛЕДСТВИИ И СУДЕ

456. Чиновник, который, производя следствие, по нерадению или незнанию обязанностей своих, не исполнит предписанных для сего законами правил и форм, в тех случаях, когда постановлениями о судопроизводстве не положено за сие особого взыскания или наказания, подвергается:

тем же, которые выше сего в статье 441 определены за медленность и нерадение в отправлении должности вообще.

Но если несоблюдение предписанных правил и форм допущено с намерением по пристрастию, для учинения вреда или убытка, или, напротив, в угоду кому-либо и вообще из корыстных или иных личных видов, то виновный в оном подвергается:

отрешению от должности,

и когда от сего упущения его последовали вред или убыток, обязан за оные вознаградить.

457. За приобретение чиновником самим или чрез подставленное им лицо имущества, составляющего предмет дела, по которому он производит следствие или которое подлежит его суждению, или же хотя токмо принадлежащего одному из лиц, прикосновенных к тому следствию или делу, он также

отрешается от должности,

а приобретенное им противозаконно имущество обращается в собственность местного приказа общественного призрения, если на оное кто-либо не предъявит других, предшествовавших покупке, законных прав.

458. За взятие на свое или другое имя заемных обязательств во время производства дела или следствия с обвиняемых или других прикосновенных к тому делу или следствию лиц чиновники, участвующие в производстве или суждения оного, смотря по обстоятельствам дела, подвергаются:

наказаниям, выше сего в статье 402 за взятки или же в статье 407 за вымогательство определенным.

459. Чиновник, который не начнет следствия по уголовному делу, имея достаточный законный повод к началу оного, в случае, когда сие учинено им по нерадению, подвергается:

выговору, более или менее строгому,

или вычету из времени службы от трех месяцев до одного года,

или и удалению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

Когда ж он виновен в сем упущении по излишнему снисхождению или какому-либо пристрастию к лицам, подлежащим следствию, то приговаривается:

или к вычету из времени службы от шести месяцев до одного года,

или к отрешению от должности,

или к исключению из службы,

также, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

460. *Чиновник, который, взяв кого-либо под стражу по подозрению в преступлении или проступке, в течение первых за тем трех суток не приступит к производству допроса или, по крайней мере, не объявит задержанному им о причине сего задержания, подвергается за сие:*

строгому выговору.

Дозволивший себе такую неправильность в другой раз подвергается:

вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

а в третий раз — отрешению от должности.

461. *За медленность в производстве следствия, когда при оном не встречается никаких особенных важных препятствий или трудностей, виновный в том чиновник может, по усмотрению суда, быть подвергнут:*

выговору, более или менее строгому,

или же вычету от трех до шести месяцев из времени службы.

Но когда сия медленность допущена с намерением, по пристрастию или же ненависти, вражде или по другим каким-либо противозаконным побуждениям или причинам, то он

отрешается от должности

или и исключается из службы,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

462. *Следователь, который будет угрозами или другими противозаконными средствами принуждать обвиняемого к признанию или свидетеля к показаниям, может, по усмотрению суда и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, быть подвергнут:*

строгому выговору с внесением оного в послужной список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени его службы,

или же и отрешению от должности.

Когда ж при следствии употреблены были истязания и жестокость, то виновный в сем подвергается:

наказаниям за преступление сего рода, в статье 374 сего Уложения определенным.

463. *Если при следствии или суде по делу уголовному чиновник даст виновному какие-либо недозволяемые законом средства к оправданию или будет стараться ослабить силу*

представляющихся против подсудимого улик или доказательств, то он за сие подвергается:

или строгому выговору с внесением оного в послужной его список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или же и отрешению от должности,

смотря по важности следствия или дела и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

464. В случаях, не означенных именно в сем отделении или же в других постановлениях о обязанностях и ответственности лиц, коим поручается производство следствия или суда, сии лица за всякое упущение или злоупотребление в отправлении своей должности подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих в сем разделе постановленных о преступлениях и проступках по службе правил.

Отделение второе
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ЧИНОВНИКОВ ПО ДЕЛАМ МЕЖЕВЫМ

465. За неправильности в производстве межевых и несправедливые по оным решения, когда эти неправильности и несправедливые решения были неумышленны, члены и секретари межевых контор и канцелярий, подписавшие таковое решение, подвергаются:

денежному взысканию по три копейки за каждую десятину и по три рубля за пустошь неизвестной меры.

Сие взыскание разлагается на них по соразмерности с получаемыми каждым окладами.

466. Землемеры, изобличенные в притеснении владельцев земель, где они производят межевание, или же крестьян их, подвергаются за сие:

отрешению от должности;

за нанесение ж им обид и за вымогательство подарков и взяток, они подвергаются:

наказаниям, выше сего в статьях 376 и 407 за преступления сего рода определенным.

Межевая канцелярия и межевые конторы и в особенности первые оных члены, когда будет доказано, что беспорядки и преступления землемеров, находящихся в полевой работе, произошли или от слабого их за сими чиновниками смотрения, или же и от попущения и потворства им, подвергаются:

наказаниям, определенным выше сего в статьях 435 и 436 за слабый надзор за подчиненными, и на том же основании.

467. Если по слабому со стороны землемера смотрению или попущению и потворству его состоящие под его начальством нижние межевые чины будут владельцам или крестьянам их,

или другим лицам, находящимся при межевании, делать какие-либо притеснения или обиды или же дозволять себе требовать подарков, взяток или искать иных незаконных прибылей или выгод, то они за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их, подвергаются:

или наказанию розгами от тридцати до сорока ударов, или же лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода;

сам же землемер за слабый надзор или потворство приговаривается:

к наказаниям, определенным выше сего в статьях 435 и 436 за слабый надзор за подчиненными и на том же основании.

468. *Землемер, который умышленно замежует казенные или частному лицу принадлежащие земли в другое владение, подвергается за сие:*

лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение.

469. *За неправильное с намерением составление межевых планов или книг землемер подвергается:*

наказаниям, постановленным выше сего в статье 391 за подлоги в отправлении должности.

К таким же наказаниям приговаривается и тот, который, быв послан для поверки межевания, произведенного другим землемером, представит неверный, с умыслом начертанный на обмежеванную дачу план.

470. *Тем же наказаниям подвергается землемер за ложное донесение о количестве произведенной межевой работы или о препятствиях при отправлении оной.*

471. *Землемер, который представит неверный план по небрежению или незнанию дела, подвергается за сие:*

в первый раз — вычету шести месяцев из времени службы,

а во второй — отрешению от должности.

За всякую другую неправильность, когда оная учинена без умысла и не из корыстных или иных личных видов, землемер подвергается:

в первый раз — замечанию или строгому выговору,

во второй — строгому выговору с внесением оного в послужной его список,

в третий — вычету от трех до шести месяцев из времени службы,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его,

в четвертый — отрешению от должности и исключению из межевого ведомства.

472. *За медленность в сочинении межевых планов и книг и за проведение межи не в том пространстве, какое статьею*

106 Межевых законов (т. X) положено обходить ежемесячно, виновные, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их, подвергаются:

взысканиям или наказаниям, определенным выше сего в статьях 441 и 442 вообще за медленность и нерадение в отправлении должности.

473. Землемер, нарушивший правило, запрещающее межевать свои собственные и принадлежащие жене его, родственникам и тем владельцам, с которыми он имеет тяжбу, земли:

отрешается от должности,

и произведенное им межевание сих земель поверяется другим землемером.

Сему ж наказанию подвергаются землемеры, командируемые в полевые работы, если в противность установленных правил они будут по условиям с владельцами заниматься внутренним снятием дач их на планы или составлением нарезок и вообще входить в какие-либо частные с владельцами сделки.

474. В случаях, не означенных именно в сем отделении или же в особых по межевой части наставлениях, землемеры и вообще чиновники межевого ведомства за всякое упущение или злоупотребление в отправлении должности подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих в сем разделе постановленных о преступлениях и проступках по службе правил.

Отделение третье

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ЧИНОВНИКОВ ПОЛИЦИИ

475. Чиновник градской или земской полиции, допустивший по нерадению совершение преступления, которое он имел возможность предотвратить, подвергается за сие, смотря по важности преступления и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

выговору с внесением в послужной список

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или же удалению от должности.

Но буде совершение преступления допущено им не по нерадению, а с умыслом, то он за сие приговаривается:

к одному из наказаний, определенных выше сего в статьях 370 и 371 за бездействие власти, по правилам, в сих статьях постановленным.

476. Чиновник полицейский, по нерадению не известивший своевременно кого следовало о содеянном преступлении, или не задержавший приличаемого в нем, когда были к тому основательные причины, подвергается, смотря по важности преступления и другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

строгому выговору с внесением в послужной список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или же удалению от должности.

Когда ж сие учинено им умышленно, или когда он старался скрыть следы преступления или обвиняемого в оном, то за сие, сверх исключения из службы, он подвергается наказанию на основании правил о укрывателях (статья 130).

***477.** За произвольное содержание кого-либо под стражей не в месте, для сего назначенном, и без особых к тому важных причин виновный в том, смотря по тем побуждениям, коим он следовал при сем отступлении от правил, а равно и по большему или меньшему неудобству места, произвольно им избранного для содержания арестованного, и по состоянию, званию, летам и полу сего лица, подвергается:*

или вычету от шести месяцев до одного года из времени службы,

или же отрешению от должности,

или и исключению из службы.

***478.** За непредставление начальству бумаг, подаваемых содержащимися под стражею, когда сие не воспрещено им законами, виновный подвергается:*

в первый раз — строгому выговору,

во второй — вычету от трех до шести месяцев из времени службы,

а в третий раз — отрешению от должности.

***479.** Если чиновники градской или земской полиции, взявшие кого-либо под стражу, не донесут о том начальству, когда сие законом поставлено им в обязанность, первые — в течение одних суток, а последние — в течение недели, или, по крайней мере, — с первою за тем почтою, то они подвергаются:*

строгому выговору.

Виновный в таком упущении во второй раз подвергается

вычету от трех до шести месяцев из времени службы,

а в третий раз —

удалению от должности.

***480.** За содержанием кого-либо под стражею долее определенного судебным приговором срока без особых законных к тому причин, виновный подвергается*

строгому выговору,

если заключенный пробыл под стражею только одни лишние сутки.

За продержание его долее сего времени, чиновник в том виновный,

отрешается от должности,

а если будет доказано, что сие им учинено по вражде, мщению или из других сим подобных видов, то он подвергается:

высшей мере наказаний, определенных за противозаконное задержание и заключение в статьях 2025—2029 сего Уложения.

***481.** Когда по нерадению чиновника или стражи бежит арестант или отданный для испытания в больницу рекрут, то виновные в том чиновники подвергаются, смотря по обстоятель-*

ствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

одному из наказаний, выше сего в статье 476 определенных,

а стражи —

аресту на время от семи дней до трех месяцев или же, если они по закону не изъяты от наказаний телесных, наказанию розгами от пятнадцати до тридцати ударов,

также смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

За умышленное благоприятствование или способствование побегу виновные

сверх исключения из службы приговариваются к наказанию, определенному за укрывательство статье 130 сего Уложения.

482. За всякое против содержащихся под стражею насилие и за употребление, даже и для предупреждения побегов или усмирения заключенных, какой-либо неуказанной и недозволенной законом меры тюремные смотрители, надзиратели и стражи подвергаются:

или строгому выговору,

или удалению,

или же и отрешению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Те из них, которые по закону не изъяты от наказаний телесных, могут быть вместо сего подвергаемы:

наказанию розгами от тридцати до сорока ударов.

483. Если от нерадения чиновника полиции при исполнении судебного решения в деле тяжебном или в ином гражданском произошел значительный вред для которой-либо из прикосновенных к сему делу сторон, то виновный в том, сверх вознаграждения за сей причиненный им вред или убыток, подвергается:

строгому выговору с внесением оного в послужной его список,

или же в случаях более важных —

вычету от трех месяцев до одного года из времени службы или и отрешению от должности.

484. За пристрастие к одной из сторон во вред другой при исполнении судебного решения виновный в том чиновник

удаляется от должности и обязан вознаградить за причиненный им вред или убыток.

485. За притеснение которой-либо из сторон при исполнении судебного решения виновный в том чиновник, смотря по свойству и важности притеснения, подвергается:

или аресту на время от трех недель до трех месяцев,

или же заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года

и, во всяком случае, отрешается от должности.

486. За смягчение наказания вопреки судебному приговору при исполнении оного по ошибке, снисхождению или слабости виновный в том чиновник полиции подвергается:

строгому выговору с внесением оного в послужной его список

или и удалению от должности.

Когда ж сие сделано из корыстных или иных личных видов, то виновный приговаривается:

к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет.

487. За усиление наказания сверх меры, судебным приговором постановленной, виновные в том чиновники полиции, когда сие сделано по ошибке, подвергаются:

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или отрешению от должности,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

Когда ж сие учинено или допущено с намерением из мщения или же из корыстных или иных видов, то виновный приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

или к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет,

или же к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири,

или, в случаях особой важности,

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на заводах на время от шести до восьми лет.

488. В случаях, не означенных именно в сем отделении, или же в особых о обязанностях и ответственности чиновников полиции постановлениях, они за всякое упущение или злоупотребление в отправлении должности подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих в сем разделе постановленных о преступлениях и проступках по службе правил.

Отделение четвертое
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ЧИНОВНИКОВ КРЕПОСТНЫХ ДЕЛ И НОТАРИУСОВ

489. Чиновники крепостных дел, виновные в совершении заведомо от чьего-либо имени подложных крепостей или в заочном совершении актов от имени отсутствующих без надлежащей от них на то доверенности, или же от имени лиц вымышленных, или в совершении актов задним числом, или в подложном засвидетельствовании и в фальшивой записке акта в шнуровую книгу, или в сокрытии, истреблении, или умышленной потере части книги и в иных подобных подлогах, подвергаются за сие:

наказаниям, постановленным выше сего в статье 391 за подлоги в отправлении должности.

490. Чиновники крепостных дел, коими по неосмотрительности будут написаны и совершены акты от имени лиц, не имеющих по закону права на заключающиеся в сих актах продажу, заклад, раздел или иное действие, или же на имя таких лиц, которые также не имеют по закону права покупать или иным образом приобретать имущество, сими актами им передаваемые,

удаляются от должностей своих с воспрещением впредь исправлять подобные.

Когда ж будет доказано, что они учинили сие с умыслом из каких-либо противозаконных видов, то подвергаются:

наказаниям, постановленным выше сего в статье 391 за подлоги в отправлении должности.

491. Чиновник крепостных дел, который совершит акт не удостоверившись в тождестве и в точной воле лица, от имени коего акт совершается, или его поверенного, подвергается за сие:

удалению от должности с воспрещением впредь исправлять подобные.

492. Секретари, надсмотрщики и писцы крепостных дел за участие в противозаконной продаже имения, состоящего под запрещением, под опекою или в секвестре, когда сие сделано ими по одной лишь неосмотрительности и неполноте справок,

удаляются от должности с воспрещением впредь исправлять подобные.

Но буде сие учинено ими по стачке с продавцом и без объявления покупающему и членам присутственного места, в коем совершается акт о представляющихся законных к тому препятствиях, то они подвергаются:

наказаниям, определенным выше сего в статье 391 за подлоги в отправлении должности.

493. Если чиновник крепостных дел совершит или примет к явке и свидетельству какой-либо акт, содержащий в себе распоряжения или выражения, явно противные законам или государственному благоустройству, или же вере, или нравственности, то он:

сверх отрешения от должности с воспрещением впредь исправлять подобные

подвергается за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его:

заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года,

или же лишению некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет,

или, в случаях особой важности,

и лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение.

494. Члены присутственных мест, в коих совершаются крепостные какого-либо рода акты, в случае, если ими будут заведомо допущены подлоги или иные нарушения закона, означенные в предшедших 489—493 статьях, подвергаются:

наказаниям на том же основании, как и виновные в тех

подлогах или иных нарушениях закона чиновники крепостных дел.

За допущение таких беспорядков по небрежению они приговариваются:

к наказаниям, за нерадение и слабый за подчиненными надзор определенным.

495. За другие, кроме означенных в предшедших статьях, упущения в отправлении должности, чиновники крепостных дел подвергаются:

взысканиям, постановленным выше сего в статье 441 за медленность или нерадение по службе.

За неоднократные сего рода упущения, а в важных по своему свойству или особым обстоятельствам случаях и за первый раз они могут быть

отрешаемы от должности с воспрещением впредь исправлять подобные.

496. За совершение или принятие акта, написанного не на установленной по цене оного гербовой бумаге или же на бумаге простой, чиновники крепостных дел подвергаются:

взысканиям, определенным за нарушения постановлений о гербовой бумаге в статьях 615 и 616 сего Уложения.

497. Нотариусы, которые при исполнении обязанностей, однородных с обязанностями чиновников крепостных дел, будут виновны в котором-либо из упущений или злоупотреблений, означенных в предшедших 489—496 статьях, подвергаются за сие:

наказаниям, в сих статьях определенным.

За другие, противные возложенным на них общим с маклерами обязанностям, действия, каковы суть: принятие к записке актов, в коих заключаются условия о купле, продаже или залоге недвижимого имения, и вообще таких, коих записка нотариусам воспрещена, а равно и за производство торговли, неправильное ведение книг, непредставление установленным порядком ведомостей о количестве и свойстве записанных и протестованных векселей, неотсылку куда следует в установленный срок денег, взысканных при засвидетельствовании и явке актов, возвышение платы за свои труды сверх установленной законом и прочие подобные проступки, они подвергаются:

наказаниям и взысканиям, определенным в статьях 1735—1746 сего Уложения о проступках маклеров и на том же основании.

498. В случаях, не означенных именно в сем отделении или же в других постановлениях об обязанностях и ответственности чиновников крепостных дел и нотариусов, они за всякое упущение или злоупотребление в отправлении своей должности подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих, в сем разделе постановленных, о преступлениях и проступках по службе правил.

Отделение пятое

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ КАЗНАЧЕЕВ И ВООБЩЕ ЧИНОВНИКОВ, КОИМ ВВЕРЕНО ХРАНЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СУММ

499. За хранение в казначействе отданных в оное на время принадлежащих другим ведомствам и вообще посторонним местам казенных, общественных или частных сумм без отделения их в особые сундуки, запертые замками и запечатанные печатью того места или лица, коим внесены сии деньги, и без записки о том в установленной для сего книге самим отдающим, казначей подвергается:

в первый раз строгому выговору,

во второй — такому ж выговору с внесением оного в послужной его список,

а в третий — удалению от должности.

500. За хранение в казначействе имущества, принадлежащего частным лицам или же своего собственного, исключая лишь случаев, в коих сие дозволено законом, виновный в том подвергается:

в первый раз — замечанию,

а во второй — выговору со внесением или без внесения оного в послужной его список.

501. Если от нерадения казначея, кассира или другого чиновника, коему вверено хранение денежных сумм, случится в месте хранения сих сумм пожар или иное несчастие, то он за сие, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его, подвергается:

или строгому выговору со внесением его в послужной его список,

или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

или отрешению от должности

и обязан вознаградить за причиненный или допущенный им убыток.

502. Казначей, кассир или иной, имеющий на руках своих денежные суммы, чиновник, который не донесет немедленно своему начальству о случившемся в месте, где хранятся сии суммы, пожаре, или же о покраже оных, или о том, что замки и печати на сундуках оказались не целыми или сомнительными, или при повреждении кладовой или ветхости оной не примет своевременно мер для безопасности казны, подвергается:

отрешению от должности

и обязан возвратить ту сумму, об утрате которой не было в свое время донесено как бы следовало.

503. За отступление от установленных правил о счетоводстве, о порядке приема, хранения и выдачи денег, а равно и за несоблюдение определенного порядка в содержании и ведении книг приходных и расходных и за упущения по канцелярскому порядку, казначей подвергается:

в первый раз — строгому замечанию,

во второй — строгому выговору со внесением оного в установленную для выговоров книгу,

а в третий — удалению от должности.

504. *Казначей, принимающий платежи каких-либо вверяемых хранению его по должности денежных сумм не в казначействе или в другом, именно для того установленном месте, подвергается за сие:*

отрешению от должности.

505. *За размен денег, находящихся во вверенной казначею кассе, в случаях, в коих сей размен не дозволен законом или же разрешением высшего начальства, а равно и за промен денег свыше той меры, какая определена законом, чиновник, в том виновный, подвергается:*

в первый раз строгому замечанию,

а во второй — строгому выговору со внесением или без внесения оного в послужной его список,

смотря по обстоятельствам дела.

Когда же сие учинено им из каких-либо корыстных видов или и при дозволенных променах, но с притеснением променивающих деньги лиц, то он приговаривается:

к наказаниям, выше сего в статье 407 за вымогательство определенным.

506. *За выдачу денег прежде установленных на то законами сроков, без особого на сие разрешения, виновные подвергаются:*

денежному взысканию по полупроценту в месяц с неправильно выданной суммы.

Когда же сие учинено ими из корыстных видов, то

и наказанию, выше сего в статье 401 определенному за принятие подарков по делам службы.

507. *За всякое напрасное замедление в приеме платежей от частных лиц, или в выдаче им квитанций, или же в удовлетворении их какими-либо следующими им деньгами виновные подвергаются:*

выговору, более или менее строгому, со внесением или без внесения оного в послужной его список,

смотря по мере вины, и обязаны вознаградить за причиненный сим ущерб или убыток.

Когда же сие учинено ими из корыстных видов, то

и наказанию, выше сего в статье 407 за вымогательство определенному.

508. *Казначей, выдавший плательщику квитанцию или расписку не на установленной гербовой бумаге или же не выдавший ему оной как следовало, или после выдачи квитанции взявший ее к себе и не возвративший плательщику, подвергается:*

отрешению от должности,

но когда поводом к тому были корыстные виды, то приговаривается:

к наказанию, выше сего в статье 407 определенному за вымогательство.

509. В случае утраты гербовых бланков для квитанций казначей подвергается:

денежному взысканию по тридцать рублей за каждый потерянный лист и отрешению от должности,

если потеря допущена им по небрежению. Когда же при сем откроется какое-либо с его стороны злоупотребление, то он подвергается:

наказаниям, выше сего в статье 391 за подлоги по службе установленным.

510. Признаются также виновными в подлогах по делам службы и подвергаются определенным за оные выше сего в статье 391 наказаниям:

1) те, которые в приходных или расходных книгах будут вырывать листы, или переменять оные, или делать в них подчистки или поправки без соблюдения правил, для этого установленных;

2) те, которые умышленно истребят или скроют данные им шнуровые книги или принятые от частных лиц квитанции в получении денег.

511. Если занимающие места казначеев или кассиров чиновники, в то время, когда они находятся в сих должностях, сделают, вопреки воспрещающим то постановлениям кому-либо денежную ссуду от имени своего или жены, или детей своих, или же передадут другим лицам какое-либо недвижимое свое имущество без разрешения казенных палат или начальств, коим они подведомственны, или же совершат сие не тем порядком и не такими актами, какие для сего законом указаны, то за сие, буде на казначее или кассире откроется начет, кроме уничтожения всякой такой сделки и обращения переданных казначеем или кассиром денег или имущества на удовлетворение казенного взыскания, они подвергаются, сообразно с постановлениями о присвоении вверенного по службе имущества (статья 383 сего Уложения):

лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет.

Совершившие с ними такую сделку, зная, что она есть противозаконная, приговариваются:

во-первых, к потере заплаченных ими за купленное у казначея или кассира и обращаемое на пополнение казенного взыскания имение денег или к платежу занятой у него суммы вдвое,

во-вторых, к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев.

512. Приходо-расходчики, коим вверено хранение сумм, следующих в раздачу жалованья чиновникам и на канцелярские расходы, за небрежение в сохранении оных и за противозаконное употребление их на свои расходы подвергаются:

наказаниям и взысканиям на том же основании, как и казначеи.

Присутствующие и канцелярские чиновники, избравшие их в сию должность там, где это установлено, обязаны ответствовать за те в сих суммах недостатки, которых нельзя будет взыскать с приходо-расходчиков.

513. В случаях, не означенных именно в этом отделении или же в других постановлениях об обязанности и ответственности казначеев и других чиновников, коим вверяется хранение денежных сумм, они за всякое упущение или злоупотребление в отправлении своей должности подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих, в сем разделе постановленных, о преступлениях и проступках по службе правил.

Отделение шестое

О ПРОТИВОЗАКОННЫХ ПОСТУПКАХ ЧИНОВНИКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОДРЯДОВ И ПОСТАВОК, ПРИЕМЕ ПОСТАВЛЯЕМЫХ В КАЗНУ ВЕЩЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПРОДАЖИ

514. Если чиновники и другие должностные лица тех мест, в коих производятся какие-либо казенные предприятия или торги, вопреки запрещению вступят по сим предприятиям в торги и обязательства с казною под собственным именем или от имени жены, детей или чрез другие подставные лица, то они за сие подвергаются:

наказаниям, определенным выше сего в статье 391 за подлоги по службе.

515. За нарушение запрещения быть залогодателями по подрядам и поставкам, заключаемым в месте своего служения, или по ведомству оного, чиновники и другие должностные лица

сверх конфискации их залогов в пользу казны, подвергаются исключению из службы.

516. За всякие денежные сделки подрядчиков или поставщиков с чиновниками или другими должностными лицами тех мест, по коим они имеют дела, если сии сделки учинены во время составления условий с казною или во время исполнения договоров, заключенных в сих местах, те и другие подвергаются:

взысканию в пользу казны сумм, равных с теми, о которых были сделки,

а чиновники или иные должностные лица,

сверх того, исключаются из службы.

517. Если должностное лицо, имеющее какие-либо сделки с лицом, вступающим в обязательства с казною по месту его служения, не объявит о сем начальству установленным порядком, прежде заключения договора, то с него

взыскивается в пользу казны сумма, равная с тою, о коей были сии сделки.

Сему ж взысканию подвергается и тот, который вступает в обязательство с казною, если им не будет заявлено начальству о сей долговой или иной денежной с чиновником или иным

должностным лицом того места сделки прежде заключения договора.

518. Когда торги производятся чрез запечатанные объявления, виновные в преждевременном вскрытии их подвергаются:

наказаниям, определенным выше сего в статье 453 за сообщение кому-либо бумаг, отмеченных надписью «секретно».

519. Правила, постановленные в предшедших 514—518 статьях, распространяются в равной мере как на тех чиновников, которые служат в местах, где производятся казенные торги, подряды или продажа, так и на тех, которые по обязанности, на них возлагаемой, находятся при торгах, подрядах и продажах или же имеют участие в делах мест, где оные совершаются.

520. Чиновник, заведомо допустивший к вступлению в казенные подряды и поставки лиц, которые не имеют качеств, требуемых для сего законом, подвергаются:

отрешению от должности.

За упущение сего рода по неосторожности и неисправности в собрании сведений он подвергается:

или строгому выговору,

или же и вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,

смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

521. За прием по неосмотрительности вещей, не сходных с образцами или же в не определенном по договору качестве, а равно и за допущение также по неосмотрительности при приеме от поставщика вещей в чем-либо обмера, обвеса или же употребления неверных мер и весов и за прием провианта с гнилью или примесью извести, песку и т. п., когда при том не было умышленного ни с той, ни с другой стороны обмана или иного преступного намерения, приемщики и поставщики подвергаются:

взысканию причиненного ими казне убытка.

Когда же сие преступление учинено приемщиком по предварительной стачке с поставщиком, или, хотя и без сего, но из каких-либо противозаконных выгод, то он,

сверх того же денежного взыскания, подвергается наказаниям, выше сего в статье 402 за взятки определенным.

Равным образом и поставщик, изобличенный в умышленном обмане по предварительному с приемщиком согласию или без оного, подвергается наказаниям, определенным в статье 2184 за воровство-мошенничество.

522. Чиновники, взявшие от поставщиков деньги вместо вещей и материалов, по договору в казну следующих,

отрешаются от должности,

а поставщики

сверх взыскания данной ими суммы вместо вещей вдвое подвергаются наказаниям, определенным за воровство-мошенничество в статье 2184 сего Уложения.

Сверх того, если от сей сделки произойдет какой-либо для казны убыток, то оный взыскивается особо как с приемщиков, так и с поставщиков вообще.
В случае, когда сие учинено приемщиком из каких-либо противозаконных выгод, он подвергается:
определенным выше сего в статье 402 наказаниям за взятки.

523. За продажу приемщиками подрядчикам или поставщикам и за выдачу им в ссуду таких вещей, которые по договору к поставке назначены, хотя бы сии вещи и были собственностию приемщиков, те и другие подвергаются, смотря по званию или состоянию и другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:
или денежному взысканию от ста до пятисот рублей,
или и аресту на время от трех недель до трех месяцев.

524. Если в приемных квитанциях и рапортах, по коим производится платеж денег частному лицу, будет показано большее против действительно принятого количества, то и приемщики, и поставщики, и отдатчики, в сем преступлении заведомо участвовавшие, приговариваются, сообразно с постановлениями о присвоении вверенного по службе имущества (статья 383 сего Уложения):
к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, и к ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет.

525. За упущения в присмотре за работами, по договору с казною производимыми, или в освидетельствовании оных, виновные, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их, подвергаются:
или строгому выговору с внесением оного в послужной список,
или вычету от шести месяцев до одного года из времени службы,
или удалению от должности,
и обязаны вознаградить за причиненный этим казне убыток.

526. За притеснение частных лиц при приеме от них в казну изделий их или иных произведений, или же поставляемых ими вещей, припасов или материалов, или при освидетельствовании сих вещей, припасов, материалов или работ, когда они сходны с договорными условиями и образцами, а равно и за удержание следующих к выдаче квитанций, чиновники и другие должностные лица подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:
или вычету от трех месяцев до одного года из времени службы,
или же и отрешению от должности.
Сверх того, они обязаны вознаградить за причиненный ими убыток.
Когда ж сие учинено ими из каких-либо корыстных видов, то они приговариваются:

к наказаниям, определенным за вымогательство в статье 407 сего Уложения.

527. Должностные лица, производящие публичную продажу, за всякую с некоторыми покупщиками для удаления других стачку, а равно за продажу без торга чего-либо из назначенного в продажу с аукциона, и за всякое потворство одним покупателям к убытку других или тех, коих имущество продается, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или отрешению от должности,
или и исключению из службы.

528. Тем же наказаниям и на том же основании подвергается производящее публичную продажу должностное лицо, которое, зная с достоверностию о стачке, имеющей целью убыток для казны или частного лица, не донесет о том начальству.

529. Чиновник, который, производя публичную продажу, подменит или заведомо допустит подмен в продаваемых вещах, или же в каких-либо до сей продажи относящихся бумагах или сведениях, подвергается:

наказаниям, определенным выше сего в статье 391 за подлоги по службе.

530. За покупку имущества, продаваемого с публичного торга производящим оный, самим или чрез подставное им лицо, виновный

отрешается от должности,

и имение, таким образом приобретенное, от него отбирается без возвращения ему заплаченных за оное денег.

531. За неверность объявления о назначенных в публичную продажу имуществах, вещах или иных предметах, за невнесение в книгу описи оных, а равно и за неозначение в книге тех, которые проданы, виновный подвергается:

в первый раз — денежному взысканию от пяти до десяти,
во второй — от десяти до пятидесяти рублей,
а в третий — отрешению от должности.

532. За нарушение установленного законом для производства публичной продажи порядка чиновник или другое должностное лицо, коему оная поручена, подвергается:

или денежному взысканию от десяти до пятидесяти рублей,
или же отрешению от должности,

смотря по важности допущенного им нарушения порядка и другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его обстоятельствам. Сверх того, он подвергается и взысканию на вознаграждение за убытки, причиненные чрез его упущение.

533. В случаях, не означенных именно в сем отделении или же в других постановлениях об обязанностях и ответственности чиновников, производящих публичные торги, они за всякое упущение или злоупотребление в отправлении должностей своих подвергаются:

взысканиям и наказаниям на основании общих, в сем разделе постановленных, о преступлениях и проступках по службе правил.

КОММЕНТАРИЙ

Раздел первый

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРОСТУПКАХ И НАКАЗАНИЯХ ВООБЩЕ

Впервые в истории уголовного права России общие понятия уголовно-правовых институтов были выделены в самостоятельный раздел в томе XV Свода законов. В Уложении это сделано значительно более четко и с точки зрения круга вопросов, вынесенных в общую часть, и с точки зрения формулирования важнейших понятий. Из всех разделов Уложения первый — юридически наиболее совершенный и современный для той эпохи (многие его положения характерны для буржуазного уголовного права). Исключение составляла система наказаний, типичная для феодального права, — откровенно сословная, прямо закреплявшая правовое неравенство.

Глава первая

В ст. ст. 1 и 2 дается определение преступления и проступка как противоправных деяний. Сделана попытка различить преступление и проступок по объекту посягательства, отказавшись от установленного в Своде законов деления по тяжести наказания (в Своде под преступлением понималось деяние, запрещенное под страхом наказания, под проступком — под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления). Уложение понимает под преступлением правонарушение, посягающее на существо и устройство власти и правления, на порядок, определенный для общества, на его безопасность и безопасность частных лиц. Объект посягательства при определении проступка определяется иначе — как нарушение правил, охраняющих права отдельных лиц, общественную и личную безопасность. Эти общие положения, как уже указывалось, не получили достаточно четкого применения в Особенной части.

Наиболее полное общее определение уголовно наказуемого деяния дано в ст. 4. Она более точно формулирует противоправность деяния, его запрещенность законом[22]. Впервые уголовно наказуемое деяние достаточно четко рассматривается как действие и бездействие. Ответственность за бездействие предусматривалась в уголовных законах России и ранее (например, Артикулом воинским Петра I), но общего четкого определения этого института не было[23].

Указание в ст. 4 не только на уголовный, но и на исправительный закон определяло возможность включения в Уложение и административных, и дисциплинарных правонарушений. В Уложении редакции 1866 года две первые статьи были исключены, а ст. 4 стала первой.

Статья подразделяет применяемые Уложением наказания на уголовные и исправительные. Последующие статьи (18—95) устанавливают подробный их перечень.

Статьи 5—7 говорят о виновности как основании уголовной ответственности. Предшествующее законодательство России

22 Противоправность как важнейший элемент понятия преступления сформулирована и в ст. 96 Уложения.

23 Не предусматривалась ответственность за бездействие в проекте уголовного Уложения 1813 года. Свод законов не формулировал этого положения достаточно четко.

уже достаточно четко определяло такие формы вины, как умысел и неосторожность. Наиболее четко это было сделано Сводом законов (т. XV, ст. ст. 3—8) со ссылками на Соборное уложение, Артикул воинский и другие позднейшие законы. Уложение делит преступления и проступки на умышленные и неумышленные (ст. 5), различает разные формы умысла (ст. 6), неосторожность и случайность (ст. 7). Случайные деяния наказанию не подлежали.

Неосторожность как форма вины не получила достаточно четкого общего определения. Более подробно ответственность за неосторожные преступления формулируется в ст. 116[24].

Статьи 8—12 говорят о стадиях предварительной преступной деятельности и совершении преступления. Первые определяются как обнаружение умысла, приготовление к преступлению и покушение на преступление. Обнаружение умысла в государственных преступлениях (так называемый голый умысел) было наказуемым и в ранее действовавших уголовных законах России. Уложение решает вопрос о наказуемости обнаружения умысла по-разному. Так, ст. ст. 8, 9 рассматривают признаки голого умысла как *изъявление на словах, или письменно, или же иным каким-либо действием намерения учинить преступление*; ст. 97 говорит просто об умысле на преступление и его наказуемости (в случае указания на это в законе). Статья 117 рассматривает словесное или письменное изъявление намерения совершить преступление как умысел, подлежащий наказанию в определенных случаях. Примером может служить ст. 267 в той ее части, где устанавливается наказание за составление сочинений или изображений *с целью возбудить неуважение к верховной власти* без их распространения. Закон рассматривает подобные действия как голый умысел (а не как приготовление к преступлению) и устанавливает значительно более мягкое наказание. Те же действия в ст. 264 рассматриваются как приготовление к государственному преступлению, определяя его, впрочем, достаточно широко — *словесное или письменное изъявление своих... мыслей и предложений*.

Другие стадии совершения преступления более подробно раскрываются в ст. ст. 118—122.

Статьи 13—17 устанавливают ответственность за соучастие, выделяя два вида совместного участия двух или более лиц в совершении преступления — совершение преступления несколькими лицами по предварительному согласию или без него. В первом случае (ст. 15) указаны следующие виды соучастников: зачинщики, сообщники, подстрекатели, пособники. При этом определяется конкретная роль, предназначенная тому или иному соучастнику. Во втором случае (ст. 14) выделены лишь *главные виновные* и *участники*, причем участие могло быть как непосредственным, так и выражаться лишь в доставке средств для совершения преступления или устранении препятствия к его совершению.

Под общей рубрикой о соучастии рассмотрены и различные случаи *прикосновенности* к преступлению: попустительство

24 Свод законов (ст. 5 т. XV) предусматривал ответственность за неосторожность в двух видах: 1) «когда виновный легко мог предвидеть, что действие его может повлечь противозаконные последствия...» и 2) «когда виновный совершил действие, законом не воспрещенное, не думая, чтобы из оного смогло произойти противозаконное последствие, однако же при надлежащей осмотрительности мог бы избежать противозаконного последствия».

(ст. 16), заранее не обещанное укрывательство (укрывательство заранее обещанное отнесено к пособничеству — ст. 15), недонесение (ст. 17). Последнее наказывалось лишь в случаях, когда закон обязывал довести до сведения правительства о готовящемся или совершившемся преступлении (см., например, ст. ст. 265, 271, 274).

Соучастие было хорошо известно российскому законодательству и ранее. Виды соучастия были определены Сводом законов, но Уложение делает это значительно более точно и юридически совершенно. В зависимости от вида соучастия статьи Особенной части определяют различные виды наказания (с учетом степени участия и меры вины)[25].

Глава вторая

Глава определяет род, степени, меры и последствия наказаний, решает вопрос о вознаграждении за убытки, вред и обиды, устанавливает особенные наказания за преступления и проступки по службе и возможность замены одних наказаний другими.

Наказания (и уголовные, и исправительные) подразделяются на несколько родов и степеней (ст. 18), указывается высшая и низшая мера наказания. Закон определяет лестницу наказаний, имеющую четко выраженный сословный характер.

Статья 19 устанавливает наиболее тяжкие наказания, именуемые уголовными. На первом месте стоят лишение прав состояния и смертная казнь. Лишение прав состояния занимало важное место в карательной политике российской империи. Это наказание в определенной мере было известно и раньше (например, шельмование, введенное Артикулом воинским и Кратким изображением процессов). Свод законов предусматривал в качестве наиболее тяжких преступлений смертную казнь, смерть политическую и лишение всех прав состояния. Предусматривалась и возможность лишения некоторых прав состояния.

Лишение всех прав состояния для привилегированных сословий означало лишение потомственного и личного дворянства, духовного звания, прав городских обывателей и сопровождалось лишением чинов, чести, доброго имени, знаков отличия с отобранием грамот и аттестатов. Под лишением некоторых прав состояния Свод понимал лишение чинов и знаков отличия, запрещение государственной службы вообще или на определенных должностях, отдачу имения под опеку и т. д.[26].

Уложение не включает в перечень наказаний политическую смерть, но значительно конкретнее определяет правовые последствия лишения прав состояния и широкое применение этого института, прежде всего в борьбе с политической преступностью. Можно согласиться с мнением, высказанным С. В. Коданом: «Лишение прав состояния стало одним из методов подавления царизмом дворянской революционности»[27].

Статья 24 определяет последствия применения этого вида наказания для лиц разной сословной принадлежности. Наименее определенно оно для лиц непривилегированных сословий — по-

25 См.: например, ст. 345. В случае совершения наиболее опасных государственных преступлений (см. ст. 265) все соучастники наказывались одинаково. В борьбе с государственными политическими преступниками широко использовался институт прикосновенных к совершению преступления, позволявший осуществлять репрессии относительно лиц, преступления которых не были доказаны.

26 См. об этом подробнее: Кодан С. В. Лишение прав состояния в системе карательных мер самодержавия (конец XVIII — первая половина XIX века). — В сб.: Правовые проблемы истории государственных учреждений. Свердловск, 1983, с. 68—80.

27 См. там же, с. 76.

теря доброго имени и прав. Лишение всех прав состояния могло предшествовать смертной казни, ссылке на каторжные работы, на поселение в Сибирь, на поселение на Кавказ. Для лиц, не изъятых от наказаний телесных, дополнительно предусмотрено публичное наказание плетьми. Смертная казнь устанавливается Уложением за государственные преступления и наиболее тяжкие нарушения Уставов карантинных (ст. 1007) — сопротивление открытой силой или насильственными мерами распоряжениям начальства по предупреждению распространения чумы, насилие, причиненное карантинной страже с намерением прорваться через карантинную черту, а равно самовольный вход в карантинный порт судна, поджог карантинных заведений или оцепленных домов[28]. Виды смертной казни закон не определяет (ст. 20).

Следующее по тяжести наказание — лишение прав состояния, сопряженное с каторжными работами (для лиц, не изъятых от наказаний телесных, устанавливалось дополнительно публичное наказание плетьми от 30 до 100 ударов с наложением клейма).

Каторга как вид тяжелого наказания была известна российскому законодательству и ранее. Уложение определяет два ее вида — бессрочную каторгу и срочные каторжные работы (ст. 21). Бессрочная каторга применялась довольно редко: за отцеубийство (ст. 1920), убийство, совершенное повторно (ст. 1921), убийство близких родственников (ст. 1922), убийство священника во время отправления им богослужения (ст. 225), за оскорбление святыни действием (ст. 223), за составление подложных именных указов (ст. 319), за поджог (ст. 2108) и потопление (ст. 2119). Каторжные срочные работы применялись законом в очень многих случаях. Бессрочная каторга назначалась в рудниках, срочные каторжные работы — в рудниках, крепостях, заводах[29].

Следующее по тяжести наказание — лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь, сопряженное для лиц, не изъятых от телесных наказаний, с наказанием плетьми. Оно имело разные степени (ст. 22). Ссылка в Сибирь как институт карательной политики самодержавия получила широкое распространение после восстания декабристов[30]. Помимо ссылки в Сибирь использовалась и ссылка на Кавказ (ст. ст. 19, 23).

Статья 26 устанавливает важный принцип нераспространения лишения прав состояния ни на жену, ни на детей осужденного. Они сохраняют все права и привилегии сословия и в случае добровольного следования за осужденными на места отбытия назначенного им наказания. Закон, правда, говорит о возможности ограничения этих прав *по необходимости в случаях особенно важных*. Появление указанного в ст. 26 положения связано прежде всего со стремлением царского правительства сохранить сословные привилегии для жен и детей осужденных дворян, представителей господствующего класса. На практике это положение далеко не всегда соблюдалось, о чем свидетельствует порядок исполнения приговора, осуждающего к наказанию плетьми и клеймению.

28 Смертная казнь предусматривалась, кроме общего уголовного законодательства России, военно-уголовным законодательством и такими чрезвычайными актами, как, например, Положение о мерах охраны государственного порядка и общественного спокойствия 1881 года. См. подробнее о применении смертной казни в России: Анашкин Г. З. Смертная казнь в капиталистических государствах. Историко-правовой очерк. М., 1971.

29 В 1885 году деление каторжных работ на рудниковые, крепостные и заводские было отменено.

30 См. об этом подробнее: Кодан С. В. Освободительное движение и сибирская ссылка (1825—1861 гг.). — В кн.: Политическая ссылка в Сибири (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1983.

Статьи 29—33 устанавливают последствия осуждения в каторжные работы, в ссылку — потерю прежних семейственных прав и прав собственности, а после окончания срока каторги вечное поселение в Сибири. Имущество осужденного (ст. 32) переходило в руки его законных наследников.

Относительно осужденных в каторжные работы и ссылку действовало специальное законодательство (ст. 33)[31].

31 Устав о содержащихся под стражей и ссыльных (т. XIV Свода законов).

Статьи 34—61 определяют исправительные наказания, которые подразделяются по тяжести на семь родов, рода — на степени и меры. Так же как и при определении уголовных наказаний, для лиц непривилегированных сословий дополнительно применялись телесные наказания.

Наиболее тяжкое наказание — потеря всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию присвоенных, и ссылка на житье в Сибирь (с дифференциацией: в места отдаленнейшие и менее отдаленные, с временным заключением или без него). Важнейшим исправительным наказанием была также ссылка на житье в другие, кроме сибирских, более или менее отдаленные губернии.

Ссылка и другие виды исправительных наказаний имели несколько степеней (ст. ст. 35—42). К исправительным наказаниям отнесены также выговоры в присутствии суда, замечания и внушения, сделанные судебным или административным органом, денежные взыскания (ст. ст. 44, 45).

Уложение устанавливает особый полицейский надзор для лиц, отбывающих ссылку или освобожденных из мест лишения свободы (ст. ст. 47, 51, 52). Лишение всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию присвоенных, являлось дополнительным для многих исправительных наказаний. Оно заключалось в лишении всех прав, кроме имущественных и семейных. Статья 46 указывает подробный перечень лишения почетных титулов, дворянского звания, чинов и других знаков отличия и поражения в правах после освобождения от наказания: невозможность вступать в государственную и общественную службу, записываться в гильдии и многое другое.

Еще одно дополнительное к исправительным наказание — лишение лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию присвоенных. При этом наказании осужденный сохранял имущественные и семейные права, сословное звание, чины, ордена, но лишался права участия в выборах и права быть избранным (в дворянские или иные сословные организации); дворянин лишался права вступать в государственную службу; священнослужители теряли свой сан.

Среди исправительных наказаний большое место отведено лишению свободы. Уложение создало огромное разнообразие форм и мест лишения свободы — крепость, смирительный дом, арестантские роты гражданского ведомства, рабочий дом, кратковременный арест, отбываемый в различных местах (ст. ст. 59, 60). До 1845 года вопрос о местах лишения свободы регламентировался Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных (т. XIV Свода законов). Несмотря на при-

нятие в 1854 году «Дополнительных постановлений о распределении осужденных в каторжные работы», «Положения о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства», «Дополнительных правил к Уставу о содержащихся под стражей», достаточно определенного правового статуса места лишения свободы не имели. Как указывал Н. С. Таганцев, различие между ними зачастую сводилось к названию и порядку заведования[32]. Арестантские роты назначались для лиц низших сословий. Находились они под надзором тюремной администрации, но имели и военное управление. В них попадали и приговоренные судом, и по административным распоряжениям, и по распоряжению помещиков. Рабочие и смирительные[33] дома имели в основном одинаковое положение.

Осужденным к тюремному заключению разрешалось иметь собственное платье, белье, постель и еду. Закон предусматривает использование труда осужденных (ст. ст. 48, 55, 56, 58). Вопрос этот решается исходя из сословного неравенства, характерного для общественного строя России: осужденные мещане и крестьяне употреблялись на работы по распоряжению начальства, лица всех других сословий могли заниматься работами по собственному желанию. Сословные привилегии определяли и другие различия. Так, ст. 59 устанавливает, что лица, осужденные на кратковременный арест, содержатся: изъятые от наказаний телесных — в тюрьмах, не изъятые — в помещениях при полиции. Из последних мещане и крестьяне могли привлекаться к работам по распоряжению правительственных властей. Статья 60 устанавливает дополнительные льготы для дворян и чиновников, осужденных на кратковременный арест: они могли быть подвергнуты ему либо в тюрьме, либо на военной гауптвахте, либо в собственном месте жительства, либо по месту службы.

Статья 61 устанавливает ряд дополнительных наказаний, применявшихся как к уголовным, так и к исправительным, — церковное покаяние, конфискацию имущества. Кроме того, определяются дополнительные наказания к мерам исправительным (например, опубликование имени осужденного в Сенатских ведомостях, воспрещение жительства в столицах и др.). К ст. 61 сделано примечание, разрешающее применение многих исправительных наказаний без рассмотрения дела в суде — в административном порядке. Оно было устранено лишь в результате проведения судебной реформы 1864 года. Статьи 62—66 устанавливают порядок возмещения за причиненный преступлением вред, убытки, обиду[34]. Взыскание возмещения происходило из имущества осужденного или из сумм, заработанных им в местах лишения свободы.

Статьи 67—71, кроме общих мер наказания, определяют особенные наказания за преступления и проступки по службе. Эти дисциплинарные взыскания могли быть назначены судебным приговором или решением администрации учреждения. Примечание к ст. 71 дополнительно давало администрации право назначать по своему усмотрению арест не свыше семи дней.

Статьи 72—95 говорят о возможности замены одних наказа-

32 См.: Таганцев Н. С. Лекции... Вып. IV. СПб., 1892. с. 1225; Филиппов М. История и современное состояние карательных учреждений в России. СПб., 1873; Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 2. М., 1961. с. 37. 524.

33 Рабочие и смирительные дома были ликвидированы в 1884 году и заменены тюрьмами.

34 В разделе Уложения «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» ст. 2008 устанавливает право обиженного (оскорбленного) требовать, кроме применения к виновному наказания, и возмещения материального. Вопрос о размерах последнего решался прежде всего Законами гражданскими и некоторыми другими постановлениями.

ний другими и определяют основания и порядок такой замены. Статья 73, например, устанавливает порядок замены смертной казни по воле императора так называемой политической смертью. Политическая (или гражданская) смерть известна российскому законодательству еще с XVIII века — по Артикулу воинскому, законодательству Елизаветы и др. В Своде законов политическая смерть фигурирует как самостоятельный вид тяжелого наказания, стоявший по лестнице наказаний сразу после смертной казни.

Уложение не включает этого наказания в перечень основных. Политическая смерть влекла за собой каторгу и лишение всех прав состояния. Отличие заключалось в специальном обряде и важном психологическом моменте: осужденный не знал о замене наказания и находился в ожидании смертной казни.

Последующие статьи устанавливают некоторые послабления в режиме мест лишения свободы для женщин, замену для лиц старше 70 лет каторги ссылкой в Сибирь на поселение, замену для лиц, изъятых от наказаний телесных, ссылки в Сибирь на поселение службой в армии в качестве рядовых. Такая же замена была возможна и для лиц, осужденных на поселение на Кавказ[35].

Особые правила отбывания наказаний установлены для иностранцев (ст. 80).

Была возможна замена одних мест лишения свободы другими (ст. ст. 74, 82, 83, 85).

Очень важное положение содержит ст. 77, разрешающая замену наказания плетьми наказанием шпицрутенами, если приговор вынесен военным судом. Статьи 84, 86—88 устанавливают очень характерное для России (и сохранившееся в последующих редакциях Уложения) положение о возможности замены заключения в различных местах лишения свободы телесными наказаниями. Естественно, оно касалось лишь лиц низших сословных групп. Закон устанавливает определенную шкалу соответствия сроков лишения свободы в тюрьмах (ст. ст. 84, 87), в смирительных домах (ст. 86), в случае кратковременного ареста (ст. 88) телесными наказаниями, причем указываются различные основания этой замены: отсутствие мест лишения свободы (ст. ст. 84, 86) или когда заключение в тюрьме может привести к разорению и лишению средств пропитания семейства осужденного (ст. 87).

Статья 89 дает возможность замены кратковременного ареста (для лиц, не изъятых от наказаний телесных) правительством установленными работами. Статья 90 говорит о другом случае замены наказания: в случае невозможности для осужденного выплатить денежное взыскание его либо заключали в тюрьму, либо определяли на работы, с тем чтобы заработанные деньги шли на уплату долга.

Статья 91 устанавливает привилегию для священно- и церковнослужителей и монашествующих отбывать наказание по распоряжению их собственного начальства. Статья 92 разрешает замену некоторых исключительных наказаний, предусмотренных

35 Отдача в солдаты была предусмотрена как самостоятельная мера наказания Сводом законов (т. XV, ст. 60 и сл.). В первой половине XIX века получила широкое применение как в судебном, так и административном порядке. Была отменена в 1860 году. См. подробнее: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 1399

для лиц, состоящих на службе, телесными наказаниями или отдачей в солдаты. Телесные наказания (ст. 93) не могли быть применены к лицам, страдавшим неизлечимыми болезнями[36]. Статьи 94, 95 определяют замену телесных наказаний для лиц, изъятых от наказаний телесных не по сословным привилегиям, а по особым постановлениям, лишением свободы или другими наказаниями.

36 В специальном приложении к Уложению был установлен перечень болезней, освобождающих от применения телесных наказаний.

Глава третья

Статьи 96—156 регламентируют порядок определения наказаний, обстоятельства, устраняющие уголовную ответственность, отягчающие и смягчающие вину, назначение наказания за различные стадии совершения преступления, при соучастии, право суда определять меру наказания в зависимости от различных обстоятельств. Статья 96 содержит важнейший принцип, типичный для буржуазного уголовного права, — наказание за преступления и проступки должно определяться не иначе как на точном основании закона. Но от этого принципа сделано много отступлений, обусловливающих практически широкий административный и судебный произвол. Юридическое несовершенство закона, казуальность, неопределенность санкций, наличие аналогии, прямо предусмотренная законом (например, примечанием к ст. 61) возможность применения административных мер — все это противоречило принципу, определенному ст. 96, и предопределяло его нарушения.

Статья 97 формулирует другие очень важные положения, также типичные для буржуазного уголовного законодательства, — доказанность преступного деяния и виновность как необходимые основания наступления уголовной ответственности. Статья повторяет определение стадий совершения преступления и говорит о наказании (в случаях, если на это прямо указано в законе) голого умысла, приготовления к преступлению и покушения на преступление. Как уже отмечалось, ранее действовавшее в России законодательство (и Свод законов в том числе — ст. ст. 109—111 т. XV) разрешало оставлять подсудимого *в подозрении* и применять к нему в этом случае определенные меры наказания (отдача в военную службу, ссылка на поселение и др.).

Статья 98 впервые в уголовном законодательстве России дает перечень всех обстоятельств, устраняющих наступление уголовной ответственности. Последующие статьи (99—109) подробнее раскрывают содержание указанных в ст. 98 уголовно-правовых институтов. Первый пункт ст. 98 устраняет наказуемость случайного деяния, об этом говорит и ст. 99. Случайное деяние как ненаказуемое давно известно российскому законодательству. Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский довольно четко отличали случай от неосторожности. Статья 6 т. XV Свода законов различала деяния умышленные, неосторожные и случайные. Но формулировка Уложения юридически более точна,

так как прямо указывает на отсутствие вины — необходимого по Уложению основания наступления ответственности.

Статья 99 предусматривает такое случайное деяние, которое явилось непредвиденным следствием другого, виновного деяния. Ответственность в этом случае наступает только за виновное деяние.

Второй пункт ст. 98 определяет малолетство как обстоятельство, устраняющее ответственность. Это положение уточнено ст. 100, установившей возраст (7 лет) наступления уголовной ответственности.

Вопрос о возрасте наступления уголовной ответственности российское законодательство до Уложения достаточно четко не решало. Положение о малолетстве как обстоятельстве, смягчающем или устраняющем наказание, имело место в Артикуле воинском. Статья 126 т. XV Свода законов устанавливала положение об уменьшении вины и наказания в случае совершения преступления малолетним. Но и Уложение, несмотря на наличие ст. 100, по мнению многих юристов, не давало достаточно определенного ответа на этот вопрос. Так, Н. С. Таганцев, А. Лохвицкий, сопоставляя содержание ст. 100 и ст. 143 (по буквальному смыслу, рассматривающей малолетство в возрасте от 7 до 10 лет как обстоятельство, уменьшающее вину и строгость наказания), пришли к выводу, что практически Уложение вводило наступление ответственности с десятилетнего возраста[37].

В третьем пункте ст. 98 практически речь идет о невменяемости, впервые достаточно четко сформулированной в уголовном законодательстве России. Предшествующее законодательство (например, Артикул воинский) знало умалишенное состояние — по решению суда наказание в этом случае или уменьшалось, или устранялось. Свод законов называл безумие и сумасшествие как обстоятельства, устранявшие уголовную ответственность.

Статьи 101—103, уточняя положение о невменяемости, предусматривают возможность принудительного помещения умалишенного в дом умалишенных, а больных, страдающих припадками умоисступления, — в больницу[38].

Статья 104 дополнительно к предыдущим статьям определяет (с существенными оговорками) невменяемость глухонемых от рождения или лиц, лишившихся слуха и языка в детском возрасте.

Четвертый пункт ст. 98 говорит об освобождении от ответственности в связи *с ошибкой случайной и вследствие обмана*. Более развернуто это положение раскрывается в ст. 105.

Пятый пункт ст. 98 говорит об институте непреодолимой силы. К нему примыкает ст. 106, говорящая о крайней необходимости, известной российскому законодательству со времени Артикула воинского[39]. Свод законов рассматривал крайнюю необходимость под термином «насильственное принуждение», понимая его не только как насильственное, но и как непреодолимое. Уложение формулирует этот институт крайне неопределенно и только в связи с опасностью для жизни. Причины, могущие соз-

37 См.: Таганцев Н. С. Лекции... Вып. II. СПб., 1888, с. 442; Лохвицкий А. Указ. соч., с. 96. При этом указанные авторы обращали внимание на то, что многие западноевропейские кодексы не устанавливали возраст наступления уголовной ответственности.

38 Специальное приложение к Уложению определяло порядок освидетельствования безумных и сумасшедших.

39 Некоторые историки права отмечают наличие этого института и в Соборном уложении (ст. 283 гл. X). См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 595.

дать опасность для жизни, — стихийные силы природы, нападение животного, чьи-то преступные действия, действия умалишенного лица. Опасность при этом должна быть неотвратимой и непреодолимой[40]. Примеры крайней необходимости — ст. 1664 Уложения, не устанавливавшая наказание для владельца корабля, в условиях крайнего недостатка съестных припасов взявшего их на встречном судне (даже против воли и согласия команды последнего), ст. 1671, освобождавшая от наказания владельца корабля, сбросившего груз в море в условиях крайней необходимости или изменившего маршрут следования в связи с бурей.

Последний пункт ст. 98 говорит о необходимой обороне. Статьи 107—109 подробно определяют содержание этого института. Под необходимой обороной понимаются насильственные действия в отношении лица, совершившего нападение на обороняющегося, или на третьих лиц, или на женщину, посягая на ее целомудрие и честь. Причинение вреда при необходимой обороне признается ненаказуемым. Закон говорит о пределах необходимой обороны, но делает это крайне неполно, не указывая ни соразмерности средств защиты и нападения, ни наличия реальности нападения (ст. 107). Отмечена лишь необходимость соответствия обороны и нападения во времени. Нарушение пределов необходимой обороны влекло наказание, но значительно меньшее по сравнению с тем, что было установлено за убийство или нанесение увечий или ран (ст. ст. 1938, 1942, 1964).

Институт необходимой обороны был хорошо известен и Соборному уложению, и Артикулу воинскому. Последний очень четко определял и ее пределы. Со ссылками на Соборное уложение и Артикул воинский необходимая оборона была регламентирована и Сводом законов (ст. 133 т. XV).

Статьи 110—151 говорят об основаниях определения меры наказания. В ст. 110 указывается в общей форме, что факторами, могущими повлиять на определение наказания, являются форма вины, стадия совершения преступления, виды соучастия, различные обстоятельства, смягчающие и отягчающие вину.

Статья 111 указывает на наибольшую тяжесть умышленного преступления, заранее обдуманного (предумышленное преступление). За него полагается максимальная мера наказания, предусмотренного за данный вид преступления.

Статья 112, в отличие от прежнего законодательства (в первую очередь Артикула воинского), признававшего обычно пьяное состояние преступника обстоятельством, отягчающим вину, определяет его как таковое только для случая, когда будет доказано, что преступник привел себя в подобное состояние с умыслом совершить преступление.

Статья 113 говорит о рецидиве и в соответствии с издавна сложившимся в праве России положением требует усиления наказания за преступление, совершенное в третий раз.

Статьи 114, 115 вводят институт совокупности преступлений (об этом сказано и в ст. 156), устанавливая принцип поглощения меньшего наказания большим. Понятие совокупности пре-

40
См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 595—618; Лохвицкий А. Указ. соч., с. 118.

ступлений (*стечение преступлений*) было известно Своду законов: ст. 123 т. XV рассматривала его в связи с обстоятельствами, увеличивавшими вину, и в ряду с другими, например рецидивом. Уложение впервые формулирует этот институт достаточно точно. По мнению специалистов, требование определять наказание по высшей мере, установленной законом, приводило к неоправданно тяжким приговорам, когда наказание не соответствовало тяжести содеянного[41]. В дальнейших редакциях Уложения это требование закона было несколько изменено, но оставалось чрезвычайно сложным.

41 Таганцев Н. С. Лекции... Вып. IV, с. 1735, 1736.

Статья 116 раскрывает понятие неосторожной вины применительно преимущественно к должностным лицам. Наказание увеличивается, если преступник в силу своей должности или по другим обстоятельствам обязан был действовать с особой осмотрительностью. В принципе же неосторожная вина влекла установление значительно более мягкого наказания по сравнению с умышленной. Так, ст. 1939 указывала на следующие наказания за неосторожное причинение смерти: заключение в тюрьму (от 3 до 6 месяцев), кратковременный арест (от 3 дней до 3 месяцев) или строгий выговор в присутствии суда; умышленное убийство (ст. 1925) влекло за собой лишение всех прав состояния и каторгу на срок от 12 до 15 лет (и дополнительно для лиц, не изъятых от наказаний телесных, наказание плетьми). Неосторожность наказывалась только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Статья 117 устанавливает наказание за обнаруженный умысел как стадию совершения преступления. Закон делает оговорку, указывая, что это не общий принцип уголовного законодательства. Ответственность за голый умысел должна быть прямо предусмотрена законом (Уложение наказывает умысел на совершение государственного преступления).

Статья 118 говорит о другой стадии совершения преступления — о приготовлении к совершению преступления. Наказание за него могло быть установлено лишь в случаях, прямо указанных в законе, или тогда, когда сам характер приготовительных действий был противозаконен[42].

42 Н. С. Таганцев отмечал неудачность редакции ст. 118, недостаточную ее точность (Лекции... Вып. II, с. 848).

В ст. 119 регламентируется институт добровольного отказа от совершения преступления. Добровольный отказ в этом случае означает ненаказуемость и приготовления, и покушения. Наказание могло быть установлено лишь тогда, когда приготовление к преступлению или покушение на его совершение сами по себе были деяниями, рассматриваемыми как преступления. Добровольный отказ от совершения преступления был известен российскому законодательству и ранее, но в Уложении он получил четкую юридическую характеристику.

Статьи 120 и 121 рассматривают другой случай: преступление остановлено не по собственной воле подсудимого, а по не зависевшим от него обстоятельствам. Здесь возможны два варианта ответственности: если подсудимым сделано все, что он считал нужным для приведения своего намерения в действие, то он должен быть наказан как за совершенное преступление; если

нет, то суд мог уменьшить меру наказания на одну или две степени.

Статья 122 предусматривает ответственность за покушение по правилам совокупности в том случае, когда покушение само по себе было самостоятельным преступлением.

Статьи 123—134 трактуют ответственность при соучастии и прикосновенности к преступлению, о которых уже говорилось в ст. ст. 13—17. Интересно положение ст. 134: наказание за недоносительство, предусмотренное законом, не устанавливается для ближайших родственников и супруга преступника. Наказание за недоносительство для свойственников и некоторых особых категорий близких преступнику лиц может быть уменьшено или вовсе не применено. Положение этой статьи не распространялось на случай совершения государственных преступлений.

В ст. ст. 135—139 определяются обстоятельства, отягчающие вину и увеличивающие наказание. Статья 135, в значительной мере основанная на положениях Свода (ст. ст. 120—124 т. XV), указывает на свойства вины (чем больше умысла и обдуманности в действиях преступника, чем больше жестокости и т. д.), личность виновного (его сословная принадлежность, степень образованности), тяжесть содеянного, поведение на следствии и суде как на обстоятельства, которые суд должен учесть при вынесении приговора. Формулировка статьи крайне неопределенна и давала широкие права суду при выборе меры наказания, что специально обозначено в ст. 136. Последующие статьи (137—139) говорят о рецидиве и совокупности преступлений как об обстоятельствах, увеличивающих вину и меру наказания.

Статьи 140—150 определяют обстоятельства, уменьшающие вину и наказание. Основой для них послужили ст. ст. 125—131 т. XV Свода законов. Обстоятельства, указанные в ст. 140, разнообразны и имеют различное юридическое содержание. Это и поведение подсудимого на следствии и суде, и совершение преступления по легкомыслию или слабоумию, крайнему невежеству, в состоянии аффекта[43], в состоянии крайней нужды, и отказ от доведения преступления до конца по добровольному своему побуждению и др.

Суд имеет право (ст. 141) с учетом означенных, а также других обстоятельств, имевшихся по делу, уменьшить меру наказания, но не выходя за пределы ограничений, установленных в ст. ст. 151—154 и ст. 157 (гл. IV).

Статьи 142—150 посвящены малолетству и несовершеннолетию как обстоятельствам, уменьшающим вину и строгость наказания. Как уже указывалось, редакция ст. 143 позволяла сделать вывод о том, что возрастом наступления уголовной ответственности считалось не семь (ст. 100), а десять лет. Статья 143 давала также суду право устанавливать, с разумением или без разумения действовал малолетний в возрасте от 10 до 14 лет. Если выяснялось последнее, то наказание практически не определялось (дети отдавались родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра). Постановка во-

43 Особого положения о совершении преступления в состоянии аффекта Уложение не знало.

проса о действии малолетнего с разумением или без него была характерна уже для Свода законов (ст. 125) и типична для многих западноевропейских кодексов того времени (например, французского 1810 года)[44]. Статьи 144—147 определяют для несовершеннолетних разных возрастных групп (от 10 до 14 лет, от 14 до 21 года) смягчение наказания в разных степенях. За преступление, совершенное по неосторожности, несовершеннолетний в возрасте от 14 до 21 года подвергался лишь домашнему исправительному наказанию (ст. 148). Для несовершеннолетних преступников предусматривалась изоляция их в местах лишения свободы от других осужденных. Статья 150 предусматривает применение общих наказаний для малолетних и несовершеннолетних, совершивших повторно равное или более тяжкое преступление. К ним могли быть применены даже телесные наказания (не плетьми, а розгами через полицейских служителей).

Статьи 151—154 устанавливают права суда в определении меры наказания с учетом обстоятельств, смягчающих или отягчающих вину. Суд был связан рамками закона, рамками статей, определяющих наказание за то или иное преступление. Но в этих пределах он вправе был избрать конкретную меру наказания с учетом обстоятельств дела. Вместе с тем полной свободы выбора у суда не было — он должен был подчиняться сложным правилам, предусмотренным в комментируемых статьях[45].

Статья 155 дает право судам действовать по аналогии, т. е. приговаривать виновного к наказанию, установленному за сходное преступление[46]. Приговор при этом должен был представляться (до приведения его в действие) на рассмотрение Сената. Свод законов (ст. 104 т. XV) содержал менее четкое положение об аналогии.

В ст. 156 еще раз определяется ответственность за совокупность преступлений: виновный приговаривался к тягчайшему из наказаний и высшей его мере.

Глава четвертая

Глава рассматривает вопросы о смягчении наказания, об отмене наказания, о порядке возмещения убытков, о помиловании.

Статья 157 дает право суду смягчить наказание, т. е. выйти за низший предел наказания, установленный законом, и приводит примерный перечень оснований для этого. Однако такое решение суда не является окончательным, оно подлежит санкционированию на весьма высоком уровне — вплоть до царя (ст. 159).

Закон предусматривает случаи отмены наказания, т. е. неприведения его в действие (ст. 160 и сл.). Отмена наказания в случае смерти преступника не исключает приведения в исполнение решения по гражданскому иску и уплаты казенных взысканий. По делам, возникшим вследствие жалобы потерпевшего, примирение сторон не всегда влечет отмену наказания. Пере-

44 См.: Таганцев Н. С. Лекции... Вып. II, с. 445—451.

45 До 1865 г. суд не имел права переходить к низшим наказаниям, и притом к низшей их мере в случае, если наказание, законом установленное, влекло лишение всех особенных прав или некоторых прав. См.: Таганцев Н. С. Лекции... Вып. IV, с. 1808.

46 Некоторые авторы отрицали наличие института аналогии в Уложении, но признавали, что практика шла по пути ее широкого применения. См.: Лохвицкий А. Указ. соч., с. 254—255.

чень таких исключений дан в ст. 162. Сюда относятся преступления, предусмотренные ст. 426 (оскорбление подчиненными начальства), ст. ст. 1998—2005, 2007 (различные случаи изнасилования и обольщения), ст. ст. 2027, 2028 (самовольное лишение свободы), ст. ст. 2040—2042 (противозаконное вступление в брак).

Трактуя проблему давности, Уложение понимает под нею только давность привлечения к уголовной ответственности. Сроки давности определяются дифференцированно, в зависимости от тяжести наказания — 10 лет, 8 лет, 5 лет, 3 года. Институт давности был известен не только Своду законов (ст. 146 т. XV), но и до него — законодательству конца XVIII века.

Статья 164 распространяет общие давностные сроки на дела, возникавшие в порядке частного обвинения, исключая лишь те, что не могли закончиться примирением (ст. 162).

Статья 165 устанавливает давностный срок при соучастии, исходя из срока для зачинщиков и главных виновников.

Статьи 166, 167 изымают из-под действия давности некоторые составы государственных преступлений (предусмотренных ст. ст. 263, 266, 271, 275 Уложения), преступления лиц, перешедших из православной церкви в другую христианскую или иную веру, вступление в заведомо незаконный брак, незаконное присвоение сословных прав, должностей, чинов, орденов, почетных титулов или имен[47].

Частный случай некоторых особенностей погашения давностью указан в ст. 168 — речь в ней идет о должностных преступлениях, совершенных судьями и другими чиновниками.

Давность по гражданскому иску в уголовном деле определяется в соответствии с т. X Свода законов. В ст. 390 Законов гражданских и межевых определялся 10-летний срок возбуждения иска. Право на иск о возмещении убытков не утрачивается в случае помилования (ст. 172).

Статьи 170—172 говорят о помиловании, бывшем прерогативой императора. Последствия наказаний (правопоражение) отменяются лишь в случае, прямо предусмотренном указом о помиловании или общем указе об амнистии.

Глава пятая

Глава определяет пределы действия Уложения не только в пространстве, но и по кругу лиц (некоторые инородцы, военнослужащие, иностранцы).

Статьи 175—178 говорят о порядке привлечения к ответственности иностранцев, совершивших преступление на территории России и тех, которые уличены или подозревались в преступных действиях против России или ее подданных вне пределов Российского государства. Исключение из общего правила делалось для китайцев приграничной с Россией полосы (на паритетных началах, установленных и для российских подданных). И те и другие выдавались согласно договору, заключен-

47 Исследователи этого института обращали внимание на длящийся характер этих преступлений. См.: Таганцев Н. С. Указ. соч., с. 1875.

пому с Китаем, своим правительствам (по трактату 1728 года и дополнению к нему 1792 года).

Статьи 179—181 устанавливают ответственность российских подданных, находившихся вне пределов государства, как совершивших преступления против Российского государства или его подданных до отъезда за рубеж, так и совершивших такого рода преступные деяния за границей. Статья 179 предполагает возможность выдачи указанных лиц иностранными правительствами для суда над ними в России. Однако общепризнанным принципом международного права в то время был принцип невыдачи политических преступников. Позднее царскому правительству удалось добиться изменения этого положения при заключении ряда международных договоров[48]. В ст. ст. 180, 181 говорится о порядке привлечения к ответственности русских подданных, совершивших преступление за рубежом против государства или подданных страны пребывания. Вопрос о Турции и Персии решен в соответствии с заключенными с ними международными договорами[49]. Статья 181 содержит уточнение порядка привлечения к ответственности военнослужащих Российской армии за рубежом и военнослужащих иностранных армий на территории России.

Раздел второй
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ВЕРЫ И О НАРУШЕНИИ ОГРАЖДАЮЩИХ ОНУЮ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Уложение о наказаниях защищало религиозные устои Российской империи, составную часть ее общественного и государственного строя. Господствовавшая православная религия и церковь были одной из самых надежных опор класса феодалов, важным элементом в политической системе России. «Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу.., — писал В. И. Ленин. — Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)»[50]. Идеологически обосновывая и всячески поддерживая веру в святость и неприкосновенность царской власти, крепостнических производственных отношений, сословного и национального неравноправия, православие и отчасти другие религии могли рассчитывать на защиту со стороны государства, в том числе уголовно-правовую.

Религиозные преступления в значительной мере носили сословный и классовый характер, являя собой облеченный в религиозную оболочку протест угнетенных масс против духовной и светской власти угнетателей. В этом, в частности, можно убедиться на следующем статистическом материале. В таблице приводятся данные об осужденных за преступления против ве-

48 См. об этом подробнее: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 годы. М., 1978, с. 57, 58.

49 Свод законов (ст. 177 т. XV) также имел специальную статью относительно привлечения к ответственности русских подданных на территории Персии и Турции. При этом делалась ссылка на международные соглашения 1783, 1828 и 1829 годов.

50 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 48, с. 232.

ры (без святотатства и лжесвидетельства) по сословиям за 1890—1894 годы[51].

	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Духовенство	Крестьяне	Солдаты, казаки
Осужденные за все преступления (%)	2,4	1,5	19,2	0,2	71,5	1,3
Осужденные за религиозные преступления (%)	1,2	1,3	13,8	1,1	79,9	2,3

Религиозные преступления имели объектом посягательства не веру как таковую, а религиозные устои государства, права и привилегии христианской церкви в целом, и русской православной в особенности. Такими устоями были: отсутствие свободы совести; господство православной церкви, допущение других религий и сект лишь постольку, поскольку они не противоречили ее интересам; запрещение атеистической, а также любой религиозной пропаганды и миссионерства, кроме православных; передача православной церкви ряда государственных функций, в частности регистрации актов гражданского состояния, суда по некоторым категориям дел; преподавание закона божьего во всех учебных заведениях. Положение различных религий в Российской империи регулировалось не только Уложением о наказаниях. Статья 45 Основных законов провозглашала право каждого исповедовать веру «праотцев своих»[52]. Эта норма конкретизировалась в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, где преступлениям против веры посвящен весь первый раздел (более 100 статей). В его ст. 46, в частности, говорилось, что раскольники не преследуются за их мнение о вере. Устав духовных дел иностранных исповеданий регламентировал деятельность неправославных церквей.

В понимании сущности и объекта посягательства преступлений против веры теория уголовного права и законодательство прошли три основные этапа. На первом, в период феодализма, господствовали канонические взгляды: эта категория преступлений рассматривалась как преступления против бога. С победой буржуазных взглядов на религию и право в Западной Европе, а впоследствии и в России утвердилось мнение, что объект посягательства религиозных преступлений — не права божества, а честь и блага частных и юридических лиц (верующих и церковных общин), т. е. эти преступления стали рассматриваться как нарушения частного характера. В конце XIX — начале XX века в русском праве возобладала точка зрения, согласно которой преступления против веры посягают на публичные, государственные интересы. В объяснительной записке к проекту Уго-

51
См.:
Тарновский Е. Н.
Религиозные
преступления в
России. — Вестник
права, 1899,
№ 4. с. 20.

52
Свод законов
Российской
империи, т. I,
ч. 1.

ловного уложения 1903 года указывалось, что религия является «одним из тех основных устоев, на коих покоится государственная и общественная жизнь. Охрана религии вызывается интересами самого государства»[53].

Составители Уложения о наказаниях придерживались еще канонической точки зрения. Не случайно преступления против веры поставлены здесь на первое место, так же как в других кодификациях русского уголовного права XVII — XIX веков. В то время как в Западной Европе число составов религиозных преступлений в XIX веке резко сокращается, в России оно даже возрастает. Так, Кодекс Наполеона (1810 г.) включал только пять статей, посвященных преступлениям против свободы отправления богослужения. Аналогичные статьи содержались в голландском уголовном кодексе. Общегерманский уголовный кодекс 1871 года содержал лишь три подобных статьи. В том же направлении шло развитие уголовного права и в других европейских странах. В России вместо 37 статей, посвященных преступлениям против веры в т. XV Свода законов, в Уложении о наказаниях мы находим 81 статью. Несмотря на всю казуистичность норм о религиозных преступлениях, Уложение страдает запутанностью, нелогичностью, а в ряде случаев даже неполнотой.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года вводил особый порядок суда и следствия по делам о преступлениях против веры. Этому вопросу была посвящена глава 1 раздела I третьей книги. В соответствии с Уставом, судебные власти должны были о всех происшествиях, связанных с отступлениями от веры и постановлений церкви, сообщать духовному начальству и начинать предварительное следствие только по их требованию, за исключением дел, связанных с принадлежностью к изуверским сектам. Судебный следователь был не в праве отказать духовному начальству в производстве следствия. Статья 1009 Устава предписывала, что «по делам о преступлениях против православной веры и церковных установлений судьи и чины прокурорского надзора должны быть из лиц православного исповедания. Из таких же лиц должны быть избираемы и присяжные заседатели». В случае несоблюдения этой нормы вердикт присяжных и приговор суда лишался законной силы. В 15 губерниях по делам о всех преступлениях против веры запрещалось участие евреев в составе присяжных заседателей. Вследствие этого религиозные преступления принадлежали к числу наименее оправдываемых коронными судьями и присяжными заседателями. Так, в 1889—1893 годах было оправдано из числа обвиняемых по религиозным преступлениям: присяжными — 28%, коронными судьями — 17%. По всем преступлениям в целом было оправдано соответственно 34% и 26%[54].

Преступления против веры составляли сравнительно незначительную часть от общего числа уголовных дел: в начале 90-х годов XIX века менее 1% и несколько меньше 2% от общего числа осужденных[55]. В 1894—1903 годах за религиозные преступления осуждено 4671 человек, в 1904—1913 гг. — более 8000 человек[56].

53 Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб., 1895, т. IV, с. 16.

54 См.: Тарновский Е. Н. Указ. соч., с. 9.

55 См. там же, с. 1.

56 См.: Струмилин С. Г. Бог и свобода. М., 1961, с. 37.

Объект данного преступления — установленный законом принцип господства православной церкви и святости проповедуемых ею основных догматов христианской религии. С объективной стороны богохульство заключается в брани, грубых по форме и содержанию высказываниях по поводу перечисленных в статье религиозных представлений и символов веры. Хула могла выражаться только в словесной форме. Непочтительное отношение к божеству, проявившееся в физических действиях, актах насилия наказывалось по другим статьям Уложения. Научная критика или сомнения по поводу существования бога, богоматери или святых угодников, высказанные в вежливой форме, также не подпадали под действие данной статьи.

Поскольку законы Российской империи признавали истинной только христианскую веру, то и охраняли от «оскорблений» только христианского бога и его окружение. Поношение Аллаха мусульманами, Иеговы евреями, а также любых других богов, кем бы оно ни высказывалось, квалифицировалось как нарушение общественного порядка в молитвенном здании и наказывалось лишь административным арестом. По разъяснениям уголовного кассационного департамента Сената, под святыми угодниками в данной статье должны подразумеваться только святые православной церкви. Это объяснялось тем, что некоторые святые римско-католической церкви были гонителями православия в Литве, Польше и других странах. Такое ограничительное толкование распространялось и на святой крест.

Субъектом богохуления является всякий российский подданный и иностранец, независимо от вероисповедания. Причем наказываются православные, неправославные христиане и иноверцы одинаково. Принадлежность к нехристианской религии не считается смягчающим обстоятельством, хотя даже с точки зрения религиозной этики грех правоверного за такое деяние должен быть неизмеримо выше.

В соответствии с разъяснением уголовного кассационного департамента Сената, публичным местом, упоминаемым в ч. II данной статьи, «может быть место, во-первых, по самому его существу, совершенно независимо от того, находится или не находится кто-либо в данное время в таком месте, к этого рода публичным местам принадлежат: улицы, площади, проезжие дороги, общественные сады и т. п.; во-вторых, место может быть публичным по его назначению именно, когда оно, не будучи публичным по своему существу, обращается в место публичное вследствие ... назначения, к таким публичным местам можно отнести церковь, судебные установления, театры, гостиницы и т. п.; в-третьих, место по существу и назначению не публичное, может, по случайным обстоятельствам, обратиться на некоторое время в публичное; например, когда в квартире частного лица дается публичное представление, то эта квартира на время такого представления делается местом публичным»[57]. Таким образом, публичное место не всегда предполагает более или ме-

57 Решения уголовного кассационного департамента Сената. СПб., 1870, № 68 (далее — УКДС).

нее многолюдное собрание, и наоборот, такое собрание может происходить в частном доме или ином непубличном месте. Порицание нехристианских богов вне стен молитвенного здания могло квалифицироваться только как личное оскорбление.

Богохуление всегда совершается умышленно.

Статья 183

Под свидетелями в данной статье Н. А. Неклюдов понимал «непременно посторонних людей», которых должно быть более двух[58]. В. В. Есипов и А. Лохвицкий считали, что достаточно и двух человек, но поскольку, в отличие от предыдущей статьи здесь имеет значение не только умысел, но и цель преступления, а именно намерение *поколебать их веру или произвести соблазн*, то свидетели должны быть непременно христиане, так как вера мусульман или язычников хулением Христа не могла быть поколеблена[59].

Статья 184

Принципиальных различий между составами богохуления и порицания веры фактически нет. Можно сказать, что богохуление есть крайнее, грубое проявление порицания веры. Под выражением *христианская вера* здесь следует понимать всю систему религиозных представлений, форм их выражения и православной церковной организации. Поэтому особое упоминание наряду с христианской верой священного писания и святых таинств является излишним и может служить примером тавтологии в тексте Уложения, — считал Н. С. Таганцев[60]. Но следует заметить, что по данной статье наказанию будет подвергаться тот, кто дерзнет *порицать христианскую веру* или *ругаться над священным писанием или святыми таинствами*. Следовательно, хотя здесь и нет принципиальной разницы, однако знак равенства между понятиями порицания и ругательства ставить нельзя. Порицание может происходить не только в форме ругательства и хуления, но и в корректной, даже научной форме. В частности, чтение лекций в учебной или иной аудитории по научному атеизму могло быть квалифицировано как порицание веры. Впрочем, хотя понятие порицания и шире и глубже, оно тоже подразумевало словесное, устное выражение неприятия или критики христианского вероучения. Физическое надругательство над священным писанием или святыми таинствами наказуемо по ст. 223 Уложения.

Святыми таинствами в христианстве называются магические культовые действия, совершение которых, согласно церковному учению, сообщает людям сверхъестественную, чудодейственную силу — «божескую благодать». Православная церковь относит к их числу: 1) крещение, 2) причащение, 3) миропомазание, 4) исповедь, 5) брак, 6) соборование, 7) священство.

Порицание веры наказывается независимо от того, какую цель преследовал виновный, если оно совершено в публичном месте или при стечении народа. Но при минимальном числе свидетелей ответственность наступает по ч. II этой же статьи,

58 См.: Руководство особенной части русского уголовного права. (Издано по лекциям Н. А. Неклюдова). СПб., 1887, с. 110.

59 См.: Есипов В. В. Уголовное право. Преступления против государства и общества. СПб., 1902, с. 14; Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871, с. 294.

60 См.: Чернявский А. Религиозные преступления. Из лекций Н. С. Таганцева. СПб., 1905, с. 110.

которая требует с субъективной стороны не только умысла, но и определенной цели — *поколебать веру*. Следовательно, здесь в качестве свидетелей могут выступать только христиане.

Статья 185

Наказание за недоносительство о тяжких религиозных преступлениях гораздо мягче, чем за сами преступления, в отличие от особо опасных государственных преступлений, по которым недоносители наряду с участниками подвергались смертной казни. Даже предусмотренные в ст. 132 общей части Уложения наказания за недоносительство строже на две степени: она позволяет приговорить виновного к продолжительному заключению в крепости с ограничением прав и преимуществ. Этим отчасти объясняется тот факт, что ст. 185 на практике не применялась.

Статья 186

Предусмотрен случай, когда опьянение, наряду с некоторыми другими факторами, является смягчающим обстоятельством, что представляет собой исключение из общего принципа (см. ст. 112).

Статья 187

По данной статье подлежали наказанию только авторы антихристианских произведений, которые лично их распространяли. Редакторы, цензоры, издатели и книготорговцы за участие в издании и распространении подобных сочинений несли ответственность соответственно по ст. ст. 1306, 1311 и 1315 Уложения, а распространители заведомо богохульных работ — по ч. II настоящей статьи.

Наказание за печатную антихристианскую пропаганду мягче, чем за устные ее формы. Причиной того, что законодатель счел печатную форму менее опасной, А. Лохвицкий считал неграмотность основной массы верующих: «печать не представляет опасности народного волнения, взрыва страстей»[61].

61 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 297.

Статья 188

Язвительные насмешки в данном случае означают явное глумление над чувствами верующих, а также над правилами и обрядами православной или вообще христианской церкви. Выражение *вообще христианства* подразумевает, видимо, что насмешки над правилами и обрядами, например, католической церкви наказывались лишь в том случае, когда эти обряды совпадали с аналогичными обрядами православной церкви. Согласно точному смыслу данной и предыдущих статей, должны быть наказуемы лишь насмешки по поводу церковных порядков и форм обрядности. Но при таком толковании кощунство по поводу основных, перечисленных в ст. ст. 182 и 184, догматов христианства остается вообще ненаказуемым. Поэтому следует прийти к выводу, что объект посягательства данного преступления — не только установленный церковью и государством поря-

док совершения религиозных обрядов, но и христианская религия и церковь вообще, а православная в особенности.

Кощунство в отличие от богохульства и открытого порицания веры — это вежливые по форме, но презрительно-издевательские, оскорбительные по содержанию выражения, высказанные как в устной, так и в письменной форме, а также действия (например, когда кто-либо вместо денег положит на жертвенное блюдо в церкви пуговицу). Место, где совершалось кощунство, не имело значения. (Это подтверждено решением уголовного кассационного департамента Сената по делу Добровольского[62].) Однако обязательным условием является присутствие свидетелей христианского вероисповедания, которые подвергались *соблазну* со стороны преступника. Поэтому к числу кощунственных не могли быть отнесены насмешки над личными манерами священников или качеством изготовления священных предметов.

62
УКДС, 1871, № 865.

Как кощунство квалифицируется самовольное совершение богослужения (кроме литургии) лицом, выдававшим себя за священнослужителя. Поскольку во время литургии (обедни) происходит таинство причащения, совершение литургии таким лицом квалифицируется как поругание святыни по ч. II ст. 223 Уложения.

Статья 189

Деяния, перечисленные в статье, получили наименование *образное богохуление*. В царской России запрещались иконы трех категорий: 1) написанные в нарушение установленных православной церковью правил (например, в духе итальянской школы); 2) резные, литые и т. п. и, наконец, 3) изготовленные в соблазнительном виде[63]. Выражение *в соблазнительном виде* означает в данном случае изображение, не соответствовавшее представлениям православной церкви о нормах этики и эстетики. Иконы двух первых категорий подлежали также уничтожению, но их автор не привлекался к уголовной ответственности. Изготовители и распространители икон третьей категории несли ответственность независимо от того, была у них цель *поколебать уважение к святыне* или нет. Однако, если такого *злого намерения* не обнаруживалось, наказание было значительно мягче. Практически ответственность за это деяние могла наступить и в случае неосторожности, когда самонадеянность и отсутствие творческих способностей у автора приводили к появлению произведения, вызывавшего помимо воли создателя смех публики и тем самым «поколебавшего уважение к святыне».

63
Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. ст. 91—102. Свод законов, т. XIV.

Глава вторая
Статьи 190—191

Политическое кредо российского абсолютизма — самодержавие, православие, народность — на практике означало полное бесправие народа под властью не только самодержавия, но и православной церкви. Поэтому церковная измена, вероотступничество не только православных, но и иных христиан рассма-

тривалось как тяжкое преступление. Общий объект преступлений данной главы — религиозная иерархия, закрепленная в законе. Государственной и в полном смысле слова господствующей религией в России было православие. Вторую ступеньку иерархической лестницы занимали иные христианские вероучения: католицизм, протестантизм и армяно-григорианское учение. На третьей ступени находились нехристианские религии: мусульманство, иудейство, буддизм; на последней ступени располагались раскольники и сектанты русской православной церкви. Сектантство других религий законодательством практически игнорировалось. Устав духовных дел иностранных исповеданий запрещал только изуверские секты и мюридизм.

Переход из одной религии в другую, кроме православия, был, в принципе, запрещен. Нехристиане могли переходить в неправославное христианство только в редких случаях, определенных в законе. Например, евреи могли принимать иностранные христианские исповедания только будучи смертельно больными, находясь на военной службе или с особого каждый раз разрешения министра внутренних дел. Переход раскольников или сектантов в любую христианскую религию, кроме православия, запрещался.

Отвлечением от веры (или совращением) признавалось практически любое воздействие виновного на лицо христианского вероисповедания, в результате которого оно перешло в другую веру и отступило тем самым от веры истинной. Объект посягательства при совращении — привилегии православия и христианства в целом в привлечении и удержании верующих в лоне своей церкви.

Отпадение от христианства должно было заключаться в прекращении посещения соответствующих церквей или молитвенных домов, отказе от исповеди и выполнения обрядов и сопровождаться заявлением о перемене веры и совершением над ренегатом с его согласия обряда, символизирующего присоединение к другой религии (например, обрезания). Отпадение от христианства является преступлением длящимся, поэтому виновный мог быть привлечен к ответственности через десятки лет после перемены вероисповедания.

Совращение должно было заключаться в активных действиях. Бездействие, в том числе со стороны священников, результатом которого стало ренегатство, не подпадает под действие ст. 190. По своему составу совращение является материальным, т. е. требует наступления вреда, отступления совращаемого от веры. Если же эта цель не была достигнута, то деятельность совратителя могла квалифицироваться по другим статьям Уложения. Ответственность за покушение, в соответствии со ст. 97, в данном случае не устанавливается.

Субъектом отпадения могло быть любое вменяемое лицо. Согласно решению уголовного кассационного департамента Сената, «дети, не достигшие возраста, в коем они могли бы понимать различия между догматами веры, не могут быть совращаемы в полном смысле слова»[64]. Таким возрастом признавалось, как правило, четырнадцатилетие.

64 УКДС, 1872, № 1673. 1893, № 46.

Переход из католичества в лютеранство и наоборот разрешался только с санкции министра внутренних дел. Переход из одной нехристианской религии в другую запрещался. Совращение русских подданных из одного «лжеучения» в другое приравнивалось к колдовству и другим аналогичным обманам и наказывалось по ст. 1162 как преступление против общественного спокойствия тюремным заключением сроком от двух до шести месяцев. Религиозная пропаганда и миссионерство, в соответствии со ст. 73 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, разрешались только православной церкви. Лишь специальными императорскими указами в порядке исключения разрешалось миссионерство иных христианских религий, и то только в Сибири.

Еще русские буржуазные юристы заметили, что в Уложении «не постановлено никакого наказания за насильственное обращение иноверца в православное или иное христианское исповедание»[65]. Более того, до 1862 года разрешалось обращение в православие детей без согласия их родителей. В то же время наказание за насильственное обращение христиан в другую веру устанавливается такое же, как за умышленное убийство. Наказание отступившим от веры было лишь относительно менее жестоким, чем то, которое устанавливалось совратителю, поскольку вследствие своей неопределенности оно могло оказаться пожизненным. *Для увещевания и вразумения* духовное начальство могло отправить виновного в монастырь. А монастырские застенки были в России одними из самых страшных тюрем. Отступившему возвращали личные и имущественные права лишь после его искреннего раскаяния и возвращения к истинной вере. Определение искренности целиком предоставлялось духовенству.

65 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 307.

Статья 192

Статья 115 Устава о пресечении и предупреждении преступлений разрешала браки с мусульманами и евреями только христианам протестантского исповедания, но при условии, что дети будут воспитываться в христианской вере. Супруг нехристианского исповедания был обязан дать расписку об этом накануне свадьбы. Однако ответственность за деяния, предусмотренные данной статьей, наступала и в случае отсутствия такой расписки.

Статьи 193—194

Поводом к появлению норм, закрепленных в этих статьях, послужили доносы из Херсонской губернии министру духовных дел и просвещения князю А. Н. Голицыну еще в период царствования Александра I. В них говорилось, что женщины-христианки, служившие у евреев, принимали их обычаи и обряды. Этого было достаточно, чтобы в 1820 году правительство издало постановление о запрещении евреям держать христиан в домашнем услужении. В соответствии с этим указом, в некоторых губерниях евреям было запрещено иметь не только

домашнюю прислугу христианского вероисповедания, но и вообще использовать наемный труд христиан[66]. Данные статьи были отменены в 1865 году, так как, по мнению Государственного совета, «они представляются не согласными с общим духом принимаемых ныне мер терпимости». В последующее время евреи постоянно держали христианскую прислугу, но о случаях совращения не сообщалось[67].

Статьи 195—196

По своему составу данные преступления аналогичны предусмотренным ст. ст. 190—191. Даже санкция за отступление от православия в другие христианские вероучения такая же, как и за переход в нехристианскую веру. Для исправления виновных высылали в отдаленные монастыри. И так же как в случае отпадения от христианства, в соответствии со ст. 167 Уложения, сроки давности на эти преступления не распространяются.

Статья 197

Уложение преследует не только совратителей и вероотступников, но и религиозных пропагандистов, деятельность которых направлена против господствующей церкви. Объектом преступления, предусмотренного этой статьей, как и в предыдущих, является неприкосновенность паствы православной церкви. Формальный состав данного преступления не требует факта отступления кого-либо от православия, необязательно и распространение совращающих сочинений. Данное преступление, по существу, является покушением на совращение православных. Проповедью в данной статье называется не любое обращение к слушателям, а лишь произнесенное в храме или на специальном молитвенном собрании.

Статья 198

До 1721 года в России вообще запрещались браки православных с неправославными. В 1721 году пленные шведы обратились в Берг-коллегию с прошением разрешить им жениться на православных. Синод дал согласие на смешанные браки между христианами[68]. В соответствии со ст. 67 ч. 1 т. X Свода законов, они заключались лишь при условии, что дети будут воспитываться в православной вере. Даже в случае рождения после смерти православного родителя ребенок должен был воспитываться в его вере.

Статьи 199—204

Привилегии правительствующей церкви в дореволюционной России были велики даже по сравнению с другими христианскими религиями. Это наглядно подтверждает сравнение ст. 199 со ст. ст. 200—204, в которых идет речь о добровольной перемене веры. Если в случае добровольного перехода в православие подвергался суровому наказанию любой препятствующий такому присоединению, то при добровольном переходе православного в другую веру наказывались, напротив, те, кто должен был,

66 См.: Оршанский И. Г. Русское законодательство об евреях. СПб., 1877, с. 20.

67 См. там же, с. 60—61.

68 См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1881, с. 378.

но не старался всячески препятствовать такой измене, — близкие родственники ренегата и священнослужители тех христианских церквей, которые приняли его в свое лоно. Причем священнослужители иностранных христианских исповеданий несли ответственность за деяния, предусмотренные ст. ст. 201—202, и по статьям о должностных преступлениях. В 1865 году в соответствии с мнением Государственного совета была исключена из Уложения ст. 203. Сохранение ст. ст. 201—202 в Уложении редакции 1866 года вызвало «одну из статей папского протеста 1866 года»[69].

69 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 308.

Исповедь (покаяние) — одно из семи христианских таинств. Оно совершается в католических и православных церквах и состоит в том, что верующий исповедуется в своих грехах священнику, после чего тот отпускает (прощает) ему их от имени бога.

Причащение (евхаристия) — христианское таинство, при совершении которого верующие под видом вина и хлеба вкушают якобы «тело и кровь Христа».

Елеосвящение (соборование) — христианское таинство, совершаемое у постели тяжелобольного, — благословение умирающего.

Крещение — христианское таинство, выражающее принятие человека в лоно церкви, совершается посредством погружения в воду, окропления водой и т. д.

Миропомазание — христианское таинство, состоящее из молитвы о ниспослании на человека духа святого и крестообразного смазывания различных частей тела особым веществом (миро).

Духовные требы — богослужения, производимые по требованию верующих (например, крестины, панихида).

Катихизис (катехизис) — церковное учебное пособие, сокращенно излагающее в форме вопросов и ответов догматы, начала морали протестантской, католической или православной веры (первый катехизис был написан М. Лютером в 1528 году). Данная статья запрещает преподавание только для малолетних и только катехизиса, а не для всех и не вообще католического или протестантского вероучения. Уложением не предусматривается ответственность мусульманского или иного нехристианского духовенства за пропаганду своего лжеучения малолетним, как, впрочем, и взрослым, она наступала только в случае совращения христиан.

Статья 205

Статья исключена из Уложения в редакции 1866 года в связи с изданием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в который была введена ст. 38, установившая ответственность за ссоры, драки и иные нарушения общественной тишины независимо от мотивов проступка.

Достаточно неопределенный термин *общенародное собрание* не получил разъяснения и в судебной практи

Статья 206

Объект этого преступления — охраняемое законом единство и строгий централизм русской православной церкви. Уложение наказывает любые попытки подрыва единства православной церкви и поэтому не придает значения определению и разграничению их форм — раскола, ересей и сектантства.

Раскол в русской православной церкви произошел в 50-х годах XVII века, когда патриарх Никон провел реформу церковной службы. Против нее, за сохранение старых обрядов выступила часть фанатически настроенного духовенства во главе с протопопом Аввакумом, опиравшаяся на значительную часть широких слоев верующих, в основном крестьянского и городского сословий. Последователи Аввакума стали именовать себя старообрядцами или староверами, в государственных учреждениях и в официальной церкви они назывались раскольниками. «Вопрос об оценке религиозной сущности старообрядчества не решен окончательно и в настоящее время. Как известно, В. Д. Бонч-Бруевич полагал, что старообрядчество следует решительно отмежевать от сектантства и что с религиозной точки зрения старообрядцы согласны с православием по всем основным вопросам вероучения, догматики, по взглядам на священное предание и священное писание, расходясь с ним только в некоторых обрядовых подробностях и тонкостях. Н. М. Никольский считал возможным некоторые старообрядческие течения относить к сектантству. Некоторые современные исследователи склонны все старообрядчество включать в сектантство»[70]. А. И. Клибанов полагает, что во многом это движение носило характер патриархальных ересей[71]. Раскол делится на два течения — поповщину (Белокриницкую иерархию) и беспоповщину. Беспоповцы отрицали любую церковную иерархию. Из христианских таинств они признавали только крещение и исповедь. Отдельные течения (толки) беспоповцев вплотную смыкались с сектантством. В них проповедовались идеи самоуничтожения, отрицались все христианские таинства.

Взаимоотношения господствующей церкви и государства с раскольниками имели тенденцию к улучшению. От преследований и гонений раскола в конце XVII — начале XVIII века правительство и православная иерархия в конце XVIII — начале XIX века перешли к официальному признанию старообрядческой веры. Но были и периоды усиления конфронтации. Один из них начался с приходом к власти Николая I. Несмотря на то что в Своде законов было провозглашено, что «раскольники не преследуются за их мнение о вере»[72], на практике они подвергались откровенной дискриминации: они не пользовались свободой публичного богослужения и других коллективных религиозных обрядов, были ограничены в свободе передвижения и торговли, им запрещалось занимать выборные общественные должности. В некоторых губерниях раскольникам запрещалось владеть землей, служить в государственных учреждениях. В 1841 году беспоповцам даже запретили воспитывать собствен-

70 Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979, с. 19.

71 См.: Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973, с. 49.

72 Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 46. Свод законов, т. XIV.

ных детей — они должны были креститься и воспитываться православной церковью.

По подсчетам П. И. Мельникова, в середине XIX века в России было около 12 млн. раскольников[73]. По переписи 1897 года население России составляло 126 млн. человек. Из них православных насчитывалось 87 млн., раскольников — 2 млн.[74]. А по подсчетам В. Д. Бонч-Бруевича, в начале XX века в России было более 20 млн. раскольников и 6—7 млн. сектантов[75]. Правовое положение раскольников и сектантов регулировалось не столько Сводом законов, сколько специальными, долгие годы не публиковавшимися постановлениями. Не известное широкому кругу «Собрание постановлений по части раскола», впервые опубликованное в 1875 году, насчитывало более 750 актов, не вошедших ни в Свод, ни в Полное собрание законов.

Данная статья и последующие применялись только к распространителям ересей и раскола среди православных. Совращение неправославных в раскол не наказывалось. Ответственность неправославных наступала только за оскопление или участие в иных изуверских сектах[76]. Таким образом, распространение раскола среди иноверцев не преследовалось. Характерно, что ссылка на Кавказ применялась в Уложении только за религиозные преступления и за бродяжничество (до 1867 года). Это объясняется тем, что ссылка вожаков и пропагандистов раскола в Сибирь привела к его распространению среди местного православного населения, а на Кавказе поселенные среди иноверцев старообрядцы не стремились распространять свое учение.

Наказание по данной статье — бессрочное, т. е. до возвращения в православие или пожизненно. По ч. II статьи, раскольники и сектанты за оскорбление православной церкви также подлежат пожизненной ссылке, в то время как *лица иностранных исповеданий* фактически за те же действия подвергаются, по ст. 229, лишь тюремному заключению сроком до одного года.

Выражение *распространение раскола* вызывало в теории и практике уголовного права различное толкование. По сути и общему смыслу раздела II Уложения, *распространение* должно рассматриваться как совращение в раскол или секту. Но такому естественному и логичному объяснению противоречит содержание ст. 207, где говорится, что сектанты несут ответственность *за распространение своей ереси и совращение в оную других*. Поэтому Сенат в решении по делу Селютиной и делу Гончарова пришел к выводу, что применительно к ст. ст. 206—207 только распространение предполагает обращение потерпевшего в ересь, а под совращением следует понимать только попытку такого обращения, которая наказуема лишь в отношении особо вредных сект по ст. 207[77]. Другое толкование понятия *распространение* дает А. Лохвицкий. Он полагает, что под распространением следует понимать «несколько совращений одновременных или разновременных»[78]. При этом он ссылается на текст ст. 212, где говорится об ответственности раскольников, *не изобличенных в совращении православных*. А. Лохвицкий считает, что, поскольку православные упоминаются во множественном числе,

73 См.: Мельников П. И. Раскольники и сектанты в России. — Исторический вестник, 1885, кн. VII, с. 60.

74 См.: Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964, с. 129.

75 См.: Бонч-Бруевич В. Д. О религии, религиозном сектантстве и церкви. М., 1959, т. 1., с. 175.

76 УКДС, 1869, № 877.

77 УКДС, 1872, № 1673, 1879, № 29.

78 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 312.

это должно означать совращение двух и более лиц. Кассационная практика не пошла по такому пути. Сенат, признавая, что для понятия распространения раскола необходим факт обращения кого-либо из православия в ересь или раскол и именно под воздействием со стороны виновного, считал достаточным один случай совращения. Заметим, что для характеристики практически одного и того же деяния законодатель использует в Уложении три различных термина: *отвлечение* в ст. 190, *совращение* в ст. 195 и, наконец, *распространение*. Это можно объяснить желанием законодателя подчеркнуть различную степень опасности одного деяния в зависимости от вероисповедания субъекта преступления.

Статья 207

Ответственность за распространение особо вредных ересей была установлена в 1830 году и закреплена в Своде законов. В декабре 1842 года Святейший синод разделил все отпавшие от русской православной церкви ереси на три группы: 1) вреднейшие (особо вредные): иудействующие, хлысты, духоборцы, иконоборцы, молокане, скопцы, а также те беспоповцы, которые отвергали молитвы за царя и таинство брака; 2) вредные: остальные беспоповцы; 3) менее вредные: поповцы-раскольники[79]. Другие секты могли быть отнесены к той или иной группе по указанию министра внутренних дел. До судебной реформы их полный перечень составлял служебную тайну.

79 См.: Мельников П. И. Указ. соч., с. 42.

В связи с установлением уголовной ответственности за распространение раскола Уложение ужесточило ответственность представителей особо вредных сект. За религиозную пропаганду они несли ответственность не по ст. 197, как остальные еретики и иноверцы, а по ч. II данной статьи.

Иудействующие (субботники) — секта, возникшая во второй половине XVIII века. Название обусловлено сходством учения этой секты с иудейской религией: признание только Ветхого завета, ожидание мессии, празднование субботы и т. д.

Хлысты — секта, возникшая в конце XVII — начале XVIII века. Ее основатель — костромской крестьянин. В основе вероучения хлыстов лежит идея о возможности прямого общения со «святым духом» во время молений, проходивших в форме культовых плясок. Такие моления нередко сопровождались самоистязанием. Хлысты отрицали таинство брака, проповедовали крайний аскетизм, вольно трактовали Библию.

Духоборцы (духоборы) — секта, возникшая в XVIII веке, не признававшая святые таинства и святость Библии. Духоборы провозглашали идеи всеобщего равенства, отказывались от воинской службы и некоторых других государственных повинностей.

Молокане — секта, возникшая в конце XVIII века, не признававшая большинство святых таинств, аллегорически толковавшая Библию. Общины молокан, так же как и духоборов, представляли собой «организации религиозно окрашенного мелкобуржуазного утопического социализма»[80].

80 Клибанов А. И. Указ. соч., с. 67.

Иконоборцы (иконоборчество) — движение в христианстве, возникшее еще в Византии, было распространено в средневековой Европе и в России, отвергало почитание икон и других священных предметов, приравнивая его к идолопоклонству.

Статья 208

Запрещение перехода сектантам в городское сословие, по мнению правительства, должно было способствовать сокращению экономической базы сектантства, опиравшегося в основном на купеческие, а позже и на промышленные капиталы. Несмотря на эту меру, старообрядчество и сектантство распространялись в купеческой и мещанской среде. «Ересь и раскол, совращение и отступление от веры — как будто привилегированные купеческие преступления, — писал известный исследователь сибирской ссылки и каторги С. Максимов. — Процент сосланных за веру купцов значительно превосходит все другие сословия»[81], т. е. большая часть сосланных купцов была осуждена за преступления против веры.

81 Максимов С. Сибирь и каторга. СПб., 1891, т. II, с. 194.

Данная статья в известной мере противоречит ст. 212, по которой скопцы должны были ссылаться с лишением всех прав состояния только за принадлежность к своей секте. Очень просто это противоречие объясняет А. Лохвицкий: «Правительство, после изменения взгляда на скопчество, определило ссылать в Сибирь скопцов, но только новых, а тех, которые во время терпимости их учения были обнаружены и оставлены на местах жительства, естественно, нельзя было подвергать наказаниям. Таким образом, одни статьи Уложения имели в виду старых скопцов, получивших особые паспорта, а другие — новых. Впрочем, постановление о ссылке новых скопцов в Восточную Сибирь никогда не исполнялось строго. Иначе как объяснить, что по официальным статистическим отчетам значится более 7 тыс. известных правительству скопцов, когда от прежних могло остаться в живых не более нескольких десятков?»[82].

82 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 317.

Статья 209

Под *жидовской верой* в данной статье понимается секта иудействующих, поскольку в специальном положении Комитета министров от 3 февраля 1825 г. предписывалось впредь для «народного всеобщего презрения и посмеяния» именовать субботников «жидовскою сектой и оглашать, что они подлинно суть жиды»[83]. Статья направлена на запрещение отпавшим от христианства верующим воспитывать детей в новой вере, если дети были рождены до момента перехода родителей в ересь, под которой в статье понимается и раскол, и сектантство. Выражение *малолетних христиан* свидетельствует о том, что дети всех христиан, а не только православных, должны были воспитываться в старой вере своих родителей.

83 См.: Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1907, с. 181; Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875, с. 76.

Кантонисты — солдатские сыновья, обучавшиеся в специальных военных школах, обязанные после их окончания проходить длительную военную службу. Институт кантонистов существовал в России в 1805—1856 годах.

Статья 210

О других увеличивающих вину обстоятельствах в судебной практике сведений нет. Можно предположить, что к их числу могли быть отнесены проступки, перечисленные в разделе VIII, гл. III, отд. 3 «О подложном проявлении чудес и других сего рода обманах».

Статья 211

Скопцы — изуверская секта, выделившаяся из секты хлыстов во второй половине XVIII века в результате роста религиозного фанатизма и как извращенная форма протеста против деморализации некоторых хлыстовских общин. Противоестественная идея оскопления (кастрации) зародилась еще в Византии. Родоначальники скопчества основывались на своеобразном толковании слов Христа о трех родах скопчества, из которых последний, блаженный — тот, «иже скопиша себя царствия ради небесного». В царствование Екатерины II скопцов преследовали, основатель секты А. Селиванов был сослан в Сибирь. При Павле I Селиванов был возвращен, а в первые годы XIX века гонения на скопцов прекратились, правда, ненадолго. Свод законов вновь установил ответственность за оскопление и самооскопление. Более того, по отношению к скопцам устанавливались особые процессуальные нормы, в соответствии с которыми их показания не должны были приниматься во внимание, если они утверждали, что оскопление было произведено в малолетстве неизвестными им лицами или случайно. В соответствии с постановлением от 18 апреля 1847 г., оскопленный освобождался от ответственности, если в ходе следствия чистосердечно раскаивался и указывал инициаторов и исполнителей оскопления. Этим же актом была установлена презумпция виновности хозяина-скопца, у которого будет обнаружен работник-скопец, не имеющий в паспорте соответствующей отметки[84].

Императорским указом от 10 июня 1850 г. (секретным, не опубликованным в Своде и Полном собрании законов) ответственность скопцов по ст. ст. 207, 210 и 211 была увеличена следующим образом: «1. Виновные в оскоплении самих себя и вообще в принадлежности к ереси скопческой подвергаются: лишению прав состояния и ссылке в крепостные каторжные работы на Аландские острова от 8 до 12 лет.

2. Совершенно неспособные к работам и женщины... подвергаются: ссылке в Сибирь на поселение в Туруханский край...»

3. «Ересеначальники» и активисты секты наказываются каторжными работами в рудниках сроком от 15 до 20 лет.

4. А в тех случаях, когда оскопление было произведено насильно, — бессрочной каторгой[85].

Ответственность по данной статье наступала только в случае оскопления вследствие религиозного фанатизма[86]. Кастрация, произведенная хотя и умышленно, но с иной, не религиозной целью, наказывалась по ст. 1948 Уложения как причинение тяжкого увечья. При отсутствии религиозной цели или намерения уклониться от воинской повинности членовредительство не

84 Собрание постановлений по части раскола, с. 376.

85 Там же, с. 431—432.

86 УКДС, 1873, № 527; 1874, № 656; 1875, № 284.

влекло ответственности (например, для певца, желающего сохранить высокий голос).

С объективной стороны преступление считалось законченным и в случае, когда операция оскопления не была завершена или прошла неудачно.

Субъектом преступления мог быть не только православный, но и христианин иного исповедания. Такое толкование закона было дано Сенатом по делу Абрамова, обратившегося в скопческую ересь из лютеранства[87].

87 УКДС, 1869, № 877.

Статья 212

Статья предусматривает наказание за сам факт принадлежности к изуверским сектам, поскольку законодатель не без основания полагал, что вступление в такого рода религиозное объединение влечет за собой, как правило, и приобщение к изуверской деятельности. В данном случае не требовалось даже установление изуверства, совершенного именно этой, конкретной общиной, достаточно было установить, что ее члены исповедуют учение изуверской секты. В решении Сената говорилось, что принадлежность к такого рода сектам наказуема не потому, что она противоречит христианской религии, а потому, что деятельность их несовместима с нормами любой общественной морали и посягает на жизнь и здоровье частных лиц[88].

88 УКДС, 1895, № 34.

Не следует смешивать особо вредные секты, перечисленные в ст. 207, и изуверские. К числу последних относились те, которые проповедовали: 1) посягательство на свою жизнь или жизнь других (человеческие жертвоприношения, ритуальные убийства и т. п.); 2) членовредительство; 3) явно безнравственные действия. Практически в период действия Уложения изуверскими были только секта скопцов и некоторые группы беспоповцев-раскольников. Последний случай самосожжения на религиозной почве имел место в Каргопольском уезде Архангельской губернии в 1860 году[89].

89 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 321.

Статья 213

Лица, осужденные по ст. ст. 206—212, в случае обращения их в лоно православной церкви могли быть освобождены от наказания и возвращены к месту их прежнего жительства. Если же после этого они вновь впадали в ересь, то ссылались уже безвозвратно, независимо от перемены вероисповедания.

Статья 214

В расколе, и особенно в беспоповщине, признавались только старопечатные (дореформенные) духовные книги. В XIX веке их переиздание разрешалось лишь с санкции и под контролем Синода. Субъектом преступления, предусмотренного данной статьей, мог быть любой, независимо от вероисповедания и целей (коммерческих или религиозных). Приобретение старопечатных книг наказывалось только в случае использования их для богослужения, хотя бы и в православной церкви.

Статья 215

В последней четверти XVIII — первой четверти XIX века раскольники получили свободу общественного отправления культа. С приходом к власти Николая I она была ликвидирована. За 1842—1852 годы было закрыто 494 молитвенных дома[90]. Еще в 1826 году было запрещено строительство новых раскольничьих храмов и ремонт старых. В соответствии с разъяснением Сената, даже покраска часовни и ремонт крыльца должны были квалифицироваться по данной статье[91].

90 Грекулов Е. Ф. Указ. соч., с. 67.

91 УКДС, 1869, № 56.

Статьи 216—217

В соответствии с положением Комитета министров от 3 февраля 1825 г. «О субботниках или иудействующих» и указом от 29 июля 1825 г., евреи, проживавшие в местности, где была обнаружена эта ересь, подлежали поголовному выселению и «впредь ни под каким предлогом пребывание им там» не разрешалось[92]. Эта норма воспроизводилась и в ст. 62 Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

92 ПСЗ, т. XL, № 30436а.

Статьи 218—220

На основании ст. 1002 Устава уголовного судопроизводства, эти проступки подлежали только духовному суду и следствие могло начинаться только по постановлению духовного начальства.

В русской православной церкви *новокрещенцы* находились под особой опекой не только духовного начальства, но и всех *русских людей*. Их иногда даже выселяли в коренные русские области из опасения возврата в прежнюю веру. К числу иноверческих обычаев могло быть отнесено празднование неправославных религиозных праздников, посещение иноверческих молитвенных домов и т. д.

В соответствии со ст. ст. 19—23 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, лица православного исповедания должны были бывать на исповеди не реже одного раза в год с семилетнего возраста. За нарушение этой нормы архиерей мог налагать епитимью (молитву, пост и т. п.) и без обращения в суд.

Статья 221

Сбор денег, предусмотренный статьей, не является корыстным преступлением, поэтому данный состав не включен даже в главу о святотатстве. Для духовенства этот проступок был своего рода самоуправством, нарушением «финансовой дисциплины», а для светских лиц (мирян) — нарушением правил прошения подаяния. Так что в раздел о религиозных преступлениях он был включен напрасно, поскольку объектом посягательства являлся общественный порядок, а не религиозные устои. В связи с изданием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, где была ст. 48 аналогичного содержания, данная статья была отменена.

Статья 222

Субъектом данного преступления могло быть любое частное или должностное лицо, независимо от его исповедания, участвовавшее в погребении христианина. Ответственность наступала не только в том случае, когда не было совершено вообще никаких обрядов, но и тогда, когда совершались обряды не той веры, к которой принадлежал покойный (например, когда католик был погребен по обряду православному). Действие данной статьи не распространялось на погребение раскольников и сектантов, а также на нарушение врачебно-полицейских правил погребения (за это ответственность устанавливалась ст. ст. 1039—1046).

Глава третья
Статья 223

Объект данного преступления, как и других преступлений этой главы, сложный — оно посягает и на основы религиозного строя, поскольку является проявлением крайнего неуважения к христианской религии, и на общественный порядок. Под церковью здесь следует понимать только христианский храм. Оскорбление святыни в молитвенных зданиях других религий квалифицировалось только как нарушение общественного порядка по ст. 35 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Формулировки статьи не очень удачны. Так, если следовать ее прямому смыслу, то субъектом преступления надлежит считать только христианина, поскольку именно христианин может забыть *страх Божий*, ибо нехристиане не знают страха перед чужим божеством. Оскорбление святыни, по ст. 223, может иметь место только в церкви, те же действия, совершенные в ином публичном месте, даже в часовне, ответственности не влекли. В ч. II ст. 223 говорится о надругательстве *действием над святыми таинствами и другими священными предметами*. Такое выражение предполагает, что таинства суть предметы. Но это не так (см. комментарий к ст. 184). По общему смыслу статьи, речь здесь должна идти скорее о поругании предметов, используемых при совершении таинств, или о действиях, препятствующих совершению таинств. Что касается поругания таинств в устной форме, то эти действия влекут ответственность по ст. 184. На практике к надругательству действием над святыми таинствами относили самовольное совершение литургии лицом, не имеющим на это право, поскольку во время этого богослужения происходит таинство причащения[93].

93 УКДС, 1892, № 11; 1899, № 21.

Определение и перечень священных и освященных предметов содержатся в ст. ст. 243—244.

Статьи 224—225

Субъектом преступления здесь может быть лицо любого исповедания. С субъективной стороны квалифицирующее значение имеет только умысел; цель (религиозная или личная), мотивы действий виновного могут быть разные. К числу охраняемых в данной главе Уложения священнослужителей относятся

только священники христианских церквей, имеющие право совершать богослужения и таинства.

Статья 226

В отличие от предыдущих статей, здесь существенное значение имеет не только наличие умысла, но и цели преступника: *произвести соблазны* или оказать *неуважение к святыне господней*. Объяснение понятия *соблазн* дано в примечании к ст. 58 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «Под соблазнами разумеется всякое действие при христианине, противное его вере, и в особенности хула и насмешки над правилами церкви и над теми, кто оным следует».

Под святыней господней Уложение понимает священные предметы, перечисленные в ст. 243, и саму церковь.

Статья 227

С объективной стороны для состава преступления здесь, как будто бы, требуется остановка богослужения. Практика, однако, истолковала статью шире. По делу Сергеевой Сенат нашел состав данного преступления, несмотря на то что оскорбления со стороны виновной не прервали богослужения[94].

94 УКДС, 1869, № 101.

Статья 228

Столь мягкое по сравнению с предыдущими наказание объясняется, видимо, тем, что законодатель счел, что в действиях виновного в данном случае практически отсутствует посягательство на религиозный объект. Это преступление не является неосторожным, но умысел виновного здесь направлен не на священника или священный предмет, а на человека или вещь вообще. Субъект данного преступления не отдает себе отчет в том, что его действия направлены против не светского, а духовного лица или святыни.

Статья 229

Субъектом этого преступления могли быть лица любого исповедания, кроме православного. Раскольники и сектанты за те же действия подвергались более суровому наказанию по ст. 206.

Статья 230

Субъектом преступления здесь могло быть лицо любого исповедания, в том числе раскольники и сектанты, но лишь при наличии цели оказать *неуважение к вере*. Преступление должно быть совершено только в публичном месте (см. комментарий к ст. 182). Те же действия, совершенные в частных домах, например, были ненаказуемы. Не предусмотрена ответственность и за надругательство над предметами, перечисленными в этой статье, хотя бы и в публичном месте.

Статья 231

Здесь, так же как и в ст. 228, мы имеем дело, по существу, не с религиозным преступлением, а с мелким хулиганством в цер-

кви. После издания Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, где за аналогичные действия устанавливалась ответственность по ст. 35, данная статья была отменена.

Статья 232

Корпорация служителей культа разделяется на две основные группы — священнослужителей и церковнослужителей. Первые совершают богослужения и таинства, руководят религиозно-нравственной жизнью мирян. Вторые оказывают помощь первым. Причетник — младший церковнослужитель, на которого, в частности, возлагалась обязанность поддержания порядка в церкви. При рассмотрении дел о нарушениях порядка, совершенных церковно- и священнослужителями, следовало руководствоваться нормами церковного права.

Статьи 233—236

Статьи были отменены после издания Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ст. 35 которого включила в свой состав деяния, в них перечисленные.

Алтарь — восточная часть христианского храма, отделенная от остальной части здания алтарной преградой, а в православных церквах — иконостасом. В алтаре находились престол для освященных даров и жертвенник.

Статьи 237—240

Статьи были заменены ст. 36 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Торжественный день — праздничный, нерабочий день.

В православной церкви множество праздников, объединенных в пять групп: 1) великие праздники (их 12), 2) средние первого разряда, 3) средние второго разряда, 4) малые праздники и 5) храмовые праздники. Первые четыре группы составляют табельные праздники, отмечаемые всей православной церковью. Последнюю группу составляют праздники в честь какого-либо события или святого, именем которых назван храм.

Потир — сосуд для освящения вина и принятия причастия в виде чаши на высокой ножке. Как правило, изготавливался из драгоценных металлов и камней.

Дискос — блюдце с поддоном, использовалось во время проскомидии для подношения просфоры (тела господня).

Глава четвертая
Статья 241

Русское право до Свода законов рассматривало святотатство (*святотатьбу*), т. е. церковные кражи, не в качестве религиозного преступления, а как квалифицированный вид кражи. Составители Уложения пошли по пути, предложенному М. М. Сперанским в Своде законов, и включили татьбу из церкви в группу религиозных преступлений. В Западной Европе же в конце XVIII — первой половине XIX века начинался обратный процесс — церковные кражи исключались из числа преступлений против веры. Русские дореволюционные юристы также неоднократно указывали, что святотатство — это искусственный состав преступления, поскольку его объектом являются имущественные, а не религиозные отношения[95].

Церковью в данной статье именуются только христианские

95 См., например: Есипов В. В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894, с. 190.

храмы, и только те из них, в которых могут совершаться все таинства и всякое богослужение. Такие храмы должны были иметь алтарь и престол. Часовня — это культовое здание без алтаря и престола. Ризница — помещение для хранения риз (одежда священников) и церковной утвари.

Отличительные признаки данного вида преступления: 1) похищение из помещений, принадлежащих церкви, 2) похищение церковной собственности. В ст. 211 т. XV Свода законов указывалось прямо, что кража нецерковного имущества или не из церкви «святотатством не почитается». Следовательно, составы ст. ст. 249, 251, 253, 254, 256 данной главы должны рассматриваться как имущественные преступления, а не как святотатство, не преступления против веры. В соответствии с буквальным смыслом ст. 241, *святотатством признается всякое похищение*. Поэтому святотатство в форме мошенничества, хотя и не упоминаемое в данной главе, признавалось судебной практикой.

Статья 242

В статье установлена ответственность за церковный грабеж. Наказание за разбой в церкви определяет ст. 2130. В соответствии с Уложением и разъяснениями Сената, основное отличие разбоя от грабежа с насилием состояло в наличии опасности для жизни и здоровья потерпевших[96]. Разбой не относится к числу святотатственных преступлений, несмотря на то что святотатство могло иметь место и при разбое, о чем прямо говорится в ст. 2130.

Статьи 243—248

Впоследствии в текст Уложения было включено примечание, в котором перечислялись священные, освященные и неосвященные предметы католической, армяно-грегорианской церквей и освященные и неосвященные предметы протестантских церквей (эти церкви не имеют священных предметов).

Похищение со взломом в русском уголовном праве XIX века — фактически всякое тайное похищение чужого имущества из запертого хранилища, которое преступник открыл насильственным способом (например, разбитие дверей, ворот, слом замков, использование отмычек или украденного ключа и т. п.).

Статья 249

Существенными условиями применения этой статьи являются: 1) наличие на кружках образов или крестов, 2) цель, на которую предназначались деньги[97]. Не обязательно, чтобы деньги составляли церковную собственность, нужно только, чтобы они предназначались церкви[98].

Статья 250

Субъектом данного преступления здесь являются не все вообще служители культа, а только лица, на которых непосред-

Дарохранительница (ковчег) — ларец для хранения святых даров (тела и крови господней).

Лжица — ложечка для раздачи святых даров.

Копие — нож в форме копья, употребляемый для разрезания просфоры.

96 УКДС, 1868, № 128; 1871, № 935.

Проскомидия — часть литургии, во время которой идет приготовление святых даров к причащению.

97 УКДС, 1871, № 260.

98 Там же.

ственно лежала обязанность хранения похищенных ценностей[99]. При похищении церковных денег или иного имущества, переданного виновному не для хранения или богослужения, ответственность наступала за растрату чужого имущества (например, в случае присвоения денег, предназначенных для раздачи бедным)[100]. При среднем проценте представителей духовенства в общем числе сосланных в 40-х годах XIX века в 0,78% «процент данного сословия среди сосланных за святотатство... достигал 17,19%, следовательно, превышал среднюю более чем в 22 раза»[101].

Статья 251

Статьей 2159 устанавливается наказание в зависимости от суммы похищенного и личности преступника. Максимальное наказание, установленное за кражу предмета стоимостью более 300 рублей во второй раз, — наказание розгами и отдача в исправительные арестантские роты на срок от 8 до 10 лет. Такое же наказание установлено и по ст. 2192.

Статья 252

Статья подчеркивает, что состав святотатства относится только к христианским церквам. Похищение священных предметов или иного имущества из нехристианских храмов квалифицировалось как преступление против частной собственности.

Статьи 253—255

Похищение из частного дома икон, лампадок и других священных или освященных предметов, принадлежащих не церкви, а частным лицам, наказывалось как простая кража.

Хотя данные статьи и помещены в разделе о святотатстве, но к святотатству не относятся. К деяниям, в них предусмотренным, могли быть применены все постановления закона и кассационной практики, относящиеся к краже. В частности, к ним могла быть применена ст. 2170, по которой наказание уменьшалось, *если кража совершена по крайности или неимению никаких средств к пропитанию и работе*. По делам о святотатстве эта статья не применялась[102].

Статья 256

Разрытие могил не являлось религиозным преступлением в собственном смысле слова. В статье имеется в виду разрытие любых могил, независимо от вероисповедания погребенных.

Могилой считалось любое признаваемое религией усопшего хранилище трупа, сооруженное без нарушений врачебно-полицейских правил погребения, как-то: склеп, усыпальница и т. п.[103].

Разрытие могил для переноса праха усопшего без соответствующего разрешения наказывалось по ст. 108 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Разрытие могил в иных корыстных целях, в частности «для подкрепления ложно-

Антиминс — четырехугольный льняной (позже шелковый) платок, скатерть с изображением Христа, выдавался духовным начальством как свидетельство «освящения церкви» и использовался для покрытия престола.

99 УКДС, 1869, № 528.

100 УКДС, 1878, № 8.

101 Максимов С. Указ. соч., с. 196.

Престол — стол в алтаре, на котором происходит таинство евхаристии (причащения) и хранятся святые дары.

102 УКДС, 1868, № 161.

103 УКДС, 1898, № 1.

Жертвенник — стол, на котором приготавливают вино и хлеб для «превращения» их в святые дары.

го доноса», должно было квалифицироваться, в соответствии с разъяснениями Сената, по ч. III комментируемой статьи[104]. Старинными признавались могилы, память о погребенных в которых не сохранилась.

Примеры суеверия, о которых говорится в ч. II статьи: для прекращения падежа скота необходимо выкопать труп, отрубить ему голову и обойти с ней вокруг селения; рука мертвеца спасает от пули[105].

Статья 257

Действие статьи распространяется также на все могилы и надгробные памятники, склепы и усыпальницы, независимо от вероисповедания покойного. По смыслу статьи, не всякое надругательство над могилой влечет ответственность, а только такое, которое сопровождалось истреблением или повреждением ее.

Глава пятая
Статьи 258—262

По Своду законов, к присяге приводил местный священник в присутствии станового пристава, стряпчего, в необходимых случаях — представителя заинтересованного ведомства, а также двух свидетелей[106]. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, приведение к присяге должно осуществляться духовным лицом одного с присягающим вероисповедания, если же такой возможности не было, это мог сделать председатель суда. От присяги освобождались священнослужители и монахи-христиане, а также лица, исповедовавшие вероучения, отвергающие присягу, но за ложные показания они несли ту же ответственность, что и присягавшие. На практике лжеприсяга совпадала с лжесвидетельством под присягой. Присяга давалась не только на суде и следствии, но и на верность подданства, на верность службы военнослужащими и чиновниками, она могла быть дана и частным лицом, например женой мужу или слугой хозяину. Все эти виды, если клятва была ложной, составляли грех перед церковью, который не смывался с потомков до седьмого колена, но не являлись преступлением. Глава имеет в виду только присягу, данную с соблюдением процессуальных норм в судебном заседании или на предварительном следствии.

Раздел третий
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ

Раздел посвящен государственным преступлениям. Он заменил собой раздел третий т. XV, кн. 1 Свода законов Российской империи «О преступлениях государственных по первым двум пунктам: 1) злоумышление против священной особы императорского величества и членов императорского дома и поношение императорского величества злыми и вредительными словами; 2) бунт и измена противу государя и государства». Составители Уложения основывались на указанном разделе Свода,

104
УКДС, 1879, № 61.

105
См.: Максимов С. Указ. соч., с. 191.

Купель — большой сосуд (ванночка) для совершения обряда крещения в православной церкви.

106
См.: Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. М., 1858, ч. II, с. 34.

Налой (аналой) — в православной церкви столик, на который во время службы кладут священные книги.

Риза — одежда священнослужителей для богослужения.

Кадило — сосуд для курения фимиама (смолосодержащих веществ, сжигаемых при богослужении).

Паникадило — большая люстра в церкви.

но попытались учесть и опыт организации репрессивных мер против деятелей дворянских революционных организаций (декабристов, участников национально-освободительного движения), опыт политических процессов, прошедших в последовавшие за восстанием декабристов годы, в том числе и в Сибири, где были рассмотрены дела о революционно-просветительской деятельности ссыльных декабристов, дела, связанные с побегами и нарушением режима ссылки, с организацией вооруженных выступлений с целью освобождения политических ссыльных[107], другие формы революционной борьбы, характерные для первой половины XIX века, в том числе связанные с распространением революционных идей в западных губерниях России, близких к Польше, деятельностью А. И. Герцена, использованием демократической и революционной мыслью печати.

Отчеты Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии свидетельствуют, что наибольшую угрозу правительство видело в активизации деятельности передовых журналов, в возрастании студенческого и национально-освободительного движения[108]. Хотя, по мнению Третьего отделения, эти действия затрагивали лишь незначительные слои общества. Такая оценка в целом совпадает с реальной общественно-политической ситуацией в России первой половины XIX века. «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства, это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных, без поддержки народа»[109], — отмечал В. И. Ленин.

Составители Уложения отказались от архаичных формулировок Свода законов и попытались более современно сформулировать основные составы государственных преступлений, представлявшие действия (или бездействие), направленные как непосредственно против императора — главы государства, так и против государства — на ниспровержение или подрыв существовавшего политического строя. И тем не менее в формулировках Уложения весьма заметно влияние предшествующего законодательства, и не только Свода, но и Соборного уложения 1649 года, Артикула воинского и др.[110].

Составители Уложения попытались объединить все составы государственных преступлений в один раздел. Но в полной мере им это не удалось. Некоторые из составов государственных преступлений содержались в разделе четвертом, например ст. 333 (об ответственности за истребление и повреждение пограничных знаков для передачи земли иностранному государству) и ст. 347 (об ответственности основателей и руководителей тайных обществ); в разделе пятом — ст. 455, предусматривающая ответственность за намеренное открытие государственных тайн иностранным правительствам; в восьмом — ст. 1147, предусматривающая ответственность за создание «сообщества для преступлений государственных», ст. 1158 — за распространение слухов с умыслом, имеющим «политически зловредную цель или же явно оскорбительным для верховного правитель-

107 См.: Кодан С. В. Ссыльные дворянские революционеры в сибирских политических процессах. — В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX век — февраль 1917 года). Вып. VIII. Иркутск, 1983.

108 См.: Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982, с. 54, 55.

109 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 397—398.

110 См. для сравнения ст. 271 Уложения 1845 г. «О восстании скопом и заговором» и ст. 223 Свода законов (т. XV). См. также ст. ст. 19, 20 гл. II Соборного уложения 1649 года, ст. 268 Уложения 1845 года и арт. 20 Артикула воинского.

ства», ст. 1243 — за изготовление или хранение в большом количестве оружия в целях, противных государственной безопасности, ст. 1791 — за случаи явного неповиновения фабричных и заводских людей артельно или толпой, приравниваемые к восстанию против властей. Все эти статьи приравнивали лиц, совершивших указанные преступления, к государственным преступникам и требовали наказания со ссылкой на статьи третьего раздела Уложения.

Отсутствие четкой квалификации некоторых составов преступлений как государственных мешало царскому правительству и его репрессивному аппарату в полной мере использовать весь арсенал судебных и полицейско-административных мер, применить особый порядок судопроизводства, предусмотренный для так называемой политической преступности. Это стало особенно заметно в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 года, четко определившей подсудность дел и порядок следствия и судопроизводства по делам о государственных преступлениях.

В последующих редакциях Уложения (особенно 1885 года) раздел третий был пополнен новыми статьями, а затем заменен главами нового Уголовного уложения 1903 года, более полно объединившего в них составы государственных преступлений.

В качестве наказания за государственные преступления Уложение 1845 года применяло в основном самые тяжкие меры — лишение всех прав состояния и смертную казнь, лишение всех прав состояния и каторжные работы на разные сроки или ссылку в отдаленнейшие места Сибири, а для лиц, не изъятых от наказаний телесных, — наказание плетьми с наложением клейм. Последние из указанных мер наказания были связаны с последующим (после окончания срока) правопоражением. Восстановление сословных прав и снятие полицейского надзора было возможно лишь исключительно по воле императора. Статья 277 разрешала применять в качестве дополнительного наказания конфискацию всего имущества, родового и благоприобретенного[111].

111 По законодательству России того времени (Свод законов, т. X, ст. 243), имуществом родовым считалось полученное по праву законного наследования, полученное по завещанию, но родственником, имевшим право законного наследника, купленное у родственников, получивших имущество по наследству. Благоприобретенным (ст. 241) считалось выслуженное или пожалованное имущество, полученное в результате купли, дарения и т. п.

Глава первая

Глава определяет ответственность за умышленные деяния, объект посягательства которых — жизнь, здоровье, честь императора, его положение главы государства, его прерогативы неограниченного монарха. Речь идет и об обнаружении умысла свергнуть императора с престола, лишить его свободы, власти или ограничить последнюю либо совершить над ним *какое-либо насилие*.

Статья 263

Формулировка статьи напоминает арт. 19 Артикула воинского, но содержит и новые весьма существенные дополнения о *лишении власти верховной* или ограничении ее. Состав преступления определен крайне нечетко, недостаточно четко обозначен

объект посягательства. Как представляется, причина скрыта не в низком уровне законодательной техники, а в стремлении обеспечить в случае необходимости широту и свободу судебно-административных репрессий.

Статья 264

Статья устанавливает наказание не только за оконченное преступление, но и за все более ранние стадии совершения указанного предыдущей статьей преступного деяния. Статья дает основание полагать, что ответственность устанавливается и за так называемый голый умысел, характерный для прежнего законодательства и оставшийся в Уложении, но в более замаскированной форме.

Статьи 265—266

Статья 265 наказывает равно с главными виновными всех соучастников совершения государственного преступления и прикосновенных лиц (недоносителей), а ст. 266 к тому же наказанию требует приговаривать тех же лиц и за деяния (предусмотренные ст. 263), совершенные относительно наследника престола, супруги государя и других членов императорского дома[112].

112 Положение, известное и прежнему законодательству. См.: Артикул воинский, арт. 20, толкование. — Российское законодательство X — XX веков, т. 4, с. 331.

Статья 267

Статья определяет ответственность за новый состав государственного преступления — составление и распространение печатных сочинений или изображений с умыслом возбудить неуважение к императору как главе государства или к его личным качествам, возбудить недовольство системой управления в стране. Закон предусматривает ответственность не только за оконченное преступление, но и за приготовление к нему. Все соучастники наказывались одинаково — лишением всех прав состояния и каторгой. Виновные только в составлении сочинений или изображений либо только в хранении их наказывались значительно мягче (вплоть до применения к ним ареста от семи дней до трех месяцев и последующего полицейского надзора).

Статьи 268—269

Статьи рассматривают как государственное преступление словесное оскорбление императора. Этот состав был известен и ранее, например в арт. 20 Артикула воинского. Есть и новый состав — повреждение портретов и других изображений императора. Ответственности подлежат и прикосновенные лица — попустители и недоносители. Пьяное состояние преступника (если он действовал без умысла) являлось обстоятельством, смягчающим наказание.

Статья 270

Статья наказывает за те же деяния, что и ст. 267, но совершенные против наследника престола, супруги императора и членов императорского дома.

Глава вторая
Статьи 271—272

Статья 271 чрезвычайно схожа со ст. ст. 19, 20 главы II Соборного уложения, арт. 19, 137 Артикула воинского. Она предусматривает ответственность за многие деяния, рассматриваемые законодателем как тяжкие государственные преступления, — восстание против государя, заговор, намерение свергнуть его с престола, изменить образ правления, установленный порядок передачи престола по наследству. Так же как и Свод законов (ст. 223 тома XV), под бунтом против власти Уложение понимает восстание скопом (т. е. выступление многих людей, подданных государства), подготовленное тайно, заговорщически и сопряженное с насильственными действиями. Виновными признавались как те, кто стоял во главе организации заговора, так и принявшие в нем участие, оказавшие помощь заговорщикам в любой форме, не донесшие о заговоре. Но при общем сходстве с предшествовавшим законодательством статья имеет и существенные особенности: она указывает на такие преступные действия, как намерение изменить форму правления или изменить порядок передачи престола по наследству. Статья была отредактирована с учетом событий в России в декабре 1825 года и закона, принятого в июле 1826 года[113].

Статья 272 определяет смягчающие обстоятельства преступлений, предусмотренных предыдущей статьей.

Статья 273

Статья имеет сходство со ст. 267. Но объект посягательства здесь иной — политический строй. Виновные в подготовке и распространении печатных или письменных материалов, возбуждавших к бунту, неповиновению государственной власти, наказывались лишением прав состояния и каторгой (для лиц, не изъятых от наказаний телесных, дополнительно назначались плети и клеймение). Закон требует наказания и за приготовление и покушение к возбуждению бунта. Для всех соучастников устанавливается равное наказание.

Статья (ч. II) содержит чрезвычайно важное новое положение: устанавливается равная ответственность за письменную и устную антиправительственную пропаганду.

Состав преступления определен здесь более современно по сравнению со ст. 267 и с учетом развивающегося революционного движения в России. Печатным изданиям царское правительство в это время уделяло много внимания. Начиная с 1828 года была введена цензура Третьего отделения над всеми издаваемыми в России газетами, журналами и другими печатными изданиями[114]. Речь шла и о борьбе с распространением демократической печати, издаваемой русскими эмигрантами на Западе, с распространением сочинений, прокламаций, подготовленных в тайных кружках. Статья 273, так же как и ст. 267, устанавливает дифференцированно наказания в зависимости от различных конкретных обстоятельств дела.

113 См. Именной указ «О государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям» с приложением доклада Верховного уголовного суда (ПСЗ 2-е, т. I, № 464).

114 См.: Оржеховский И. В. Указ. соч., с. 53.

Статья 274

В отличие от предыдущей статьи здесь пропаганда не содержит призыва к восстанию, а ограничивается лишь критикой существующего строя.

Статьи 275—282

Статьи 275, 276, 278—282 рассматривают государственную измену и преступления против государственного суверенитета России (именуемого народным правом)[115].

Ответственность за измену была известна предшествовавшему законодательству. Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский понимали под изменой, главным образом, действия, выражавшиеся в оказании помощи неприятелю (в условиях военных действий), и разглашение военной тайны.

Свод законов (т. XV) в ст. 226 определял государственную измену значительно подробнее, но тоже как изменнические действия, совершенные во время войны. Так, ответственность устанавливалась за обнаружение умысла: предать государство или передать часть его внешнему неприятелю, спровоцировать войну, сообщить неприятелю сведения о состоянии армии, внутреннем положении государства, вести тайную переписку с неприятелем, сотрудничать с неприятельскими шпионами, сдать город, крепость, порт, корабли и т. п. неприятелю, перейти на сторону неприятеля, распространять манифесты и объявления неприятеля. При этом Свод законов делал ссылки на Соборное уложение, Артикул воинский, Полевое уложение 1812 года[116] и некоторые другие акты.

Уложение 1845 года следует в основном этому же направлению и предусматривает ответственность за различные случаи содействия неприятелю. Так, значительная часть важнейшей ст. 275 посвящена изменническим действиям, совершенным в условиях войны. Но в отличие от предшествующего законодательства ответственность устанавливается теперь и за действия, совершенные в мирное время (ст. 275, пп. 1, 2, 4, 5; ст. 278; ст. ст. 281, 282). Ответственность за шпионаж предусматривается только в условиях войны[117].

Статья 276 является продолжением ст. 275 и устанавливает наивысшую меру наказания за государственную измену — лишение всех прав состояния и смертную казнь. Ее дополняет ст. 277, относящаяся ко многим составам государственных преступлений, дававшая право дополнительно применять к лицам, виновным в совершении государственной измены, конфискацию родового и благоприобретенного имущества.

Статья 278 определяет (в отличие от ст. 275, п. 3) ответственность за передачу государственной тайны иностранным государствам не в условиях войны.

Статьи 279, 280 говорят об ответственности за тайную переписку с правительствами иностранных государств и с подданными государств, не состоящих в военных действиях с Россией, но находящихся в неприязненных с ней отношениях. Речь идет об ответственности за действия, совершенные без цели причи-

115 В соответствии с «теорией официальной народности».

116 ПСЗ, т. XXXII, № 24975.

117 Только в 1892 году была установлена ответственность за шпионаж в мирное время.

нить вред государству и его интересам, при этом ст. 280 допускает неосторожную вину.

Статьи 281, 282 предусматривают (впервые в истории российского законодательства) ответственность за действия, которые могли привести к разрыву отношений с дружественным государством или осложнению дипломатических отношений с ним.

Следует отметить, что в Уложении государственные преступления, в том числе объединенные в комментируемых статьях, не получили достаточно четкого юридического определения. Установленные тяжкие наказания не всегда соответствовали тяжести содеянного и мере участия отдельных лиц в совершении преступления.

Раздел четвертый
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Свод законов не очень четко формулировал преступления против порядка управления. Система их расположения в законе не соответствовала тяжести и значимости преступлений. Так, на первом месте стояли «поношение присутственных мест и должностных лиц», «препятствия в обнародовании законов». Затем устанавливались наказания за сочинение и распубликование подложных указов, распространение вредных слухов, пасквилей и подметных писем. И только после указанных шли наиболее опасные — непослушание и сопротивление властям, запрещенные сходбища, незаконные и тайные общества, незаконное оставление отечества, взлом тюрем, незаконное освобождение преступников и возмущение против законом установленных властей. Уложение о наказаниях усовершенствовало систему преступлений против порядка управления, однако и здесь она не свободна от недостатков.

Раздел четвертый Уложения объединяет самые разные по значимости и опасности составы преступлений. В него включены деяния, противные порядку управления вообще, неповиновение власти, сопротивление распоряжениям правительства, создание противозаконных обществ, неповиновение законным постановлениям, распоряжениям и требованиям властей, самовольный захват власти и проявление к ней неуважения и многое другое. В этом же разделе содержатся преступные деяния, препятствующие осуществлению правосудия и деятельности полицейских властей. Преступные деяния, направленные против порядка управления, но совершенные должностными лицами, чиновниками, входят в другой раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной. Система расположения материала лишена достаточной четкости». Важная с точки зрения законодательства глава об ответственности за создание противоправительственных обществ дана не в начале раздела, а после главы о похищении документов и прочего из присутственных мест[118].

118 Исследователи законодательства и судебной практики отмечали казуальность, сложность и запутанность этого раздела, противоречивость его норм, несоразмерность санкций тяжести содеянного. — См.: Очерк существенных отличий нового уголовного Уложения от действующего Уложения о наказаниях. В кн.: Новое уголовное Уложение, 1903. М., 1903, с. XLI.

Глава первая

Статьи 283—290

Статьи определяют наказания за массовые беспорядки. Закон требовал самого жестокого наказания для главных виновных (в преступлениях, совершенных без предварительного сговора) и для зачинщиков и подстрекателей заранее подготовленных выступлений. Ответственность устанавливается и за восстание с намерением воспрепятствовать обнародованию постановлений и распоряжений правительства, или не допустить исполнение этих постановлений, или принудить власти к совершению незаконных действий.

Закон предусматривает умышленную форму вины. Наказание для главных виновных, зачинщиков и подстрекателей — лишение всех прав состояния и каторга (для лиц, не изъятых от телесных наказаний, — плети без определения числа ударов). Для других участников наказания несколько мягче (например, лишение всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь, с заключением от 2 до 3 лет, с применением телесных наказаний; заключение в смирительном доме от шести месяцев до одного года и некоторые другие). Разница в наказаниях довольно существенна. Казуальность, нечеткость формулировок закона давала судебно-административным органам широкие возможности выбора той или иной репрессии.

Статья 288 приравнивает к восстанию против властей и всякое выступление крепостных крестьян против помещиков, а государственных крестьян — против органов сельского управления. В случае (ст. 289), если восстание против властей имело своим последствием причинение смерти или поджог, виновные подвергались самому тяжкому после смертной казни наказанию — лишению всех прав состояния и бессрочной каторге, а для лиц, не изъятых от наказаний телесных, — еще и наказанию плетьми и клеймению.

Статья 290 освобождала от ответственности участников противодействия властям, подчинившихся требованию властей прекратить выступление. Это положение не распространялось на зачинщиков и подстрекателей — они наказывались, но слабее по сравнению со ст. ст. 284—286.

Статьи 291—293

Статьи наказывают за противодействие исполнению постановлений государственных органов и должностным лицам. В зависимости от конкретных обстоятельств совершения этих действий (оказано ли сопротивление с оружием, было ли применено насилие или была лишь реальная угроза насилия в отношении чиновника) закон устанавливает различные по тяжести наказания — от лишения всех прав состояния и каторги до заключения в тюрьме от трех месяцев до двух лет.

Статьи 294—295

Статья 294 устанавливает наказание за преступление, которое должно бы находиться в разделе «О преступлениях и проступ-

ках против постановлений о повинностях государственных и земских», так как предполагает уклонение от выполнения повинностей (государственных или общественных). Но статья говорит и об отказе исполнять распоряжение властей, т. е. о составе преступления против порядка управления. Состав преступления, предусмотренный ст. 295, отличается только особенностями субъекта.

Статьи 296—300

Статьи 296, 297 устанавливают наказание за подстрекательство к противодействию и сопротивлению властям. В ст. 297 фактически речь идет о наказуемом приготовлении к совершению преступления и о хранении писем, сочинений, содержащих призыв к сопротивлению. С учетом реальных последствий преступных действий закон устанавливал наказание — от лишения всех прав состояния и каторги (с наказанием плетьми для лиц, не изъятых от наказаний телесных) до кратковременного ареста от трех дней до трех недель и даже просто выговора в присутствии суда. Две следующие статьи предусматривают конкретные случаи сопротивления властям, а ст. 300 — самоуправство. Последняя интересна тем, что говорит об установлении наказания по совокупности.

Глава вторая

Глава содержит нормы, свидетельствующие о значительно возросшей по сравнению с предшествующим законодательством уголовно-правовой охране бюрократического и полицейского аппарата России. Ранее законодательству были известны лишь некоторые составы, включенные в комментируемый раздел, — подделка печатей письменных актов, срывание, порча, уничтожение правительственных указов и распоряжений[119].

Артикул воинский и Соборное уложение 1649 года рассматривали и фальшивомонетчество как преступление против порядка управления. В Уложении 1845 года ответственность за указанный состав преступления содержится в разд. VII — О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны. Ранее в раздел о преступлениях против порядка управления входили и преступления против суда — лжесвидетельство и лжеприсяга[120]. Но Уложение перенесло указанные составы в разд. II — О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений. Это объяснялось тем, что законодатель видел в них прежде всего преступления против религии, подрывающие веру в бога.

Значительное расширение числа составов преступлений против различных представителей административно-полицейского аппарата связано и с его ростом, и с усилением его влияния, значимости. Царизм видел в неповиновении требованиям чиновников, полицейских проявление антиправительственных настроений. Видимо, в связи с этим настоящая глава была включена в раздел о преступлениях против порядка управления. Но в главе содержатся преступления очень разные по тяжести и значимости их.

119 См.: Артикул воинский, гл. XXII. — Российское законодательство X — XX веков, т. 4, с. 364. Еще меньше подобных составов было в Соборном уложении 1649 г. — ст. ст. 1—4, гл. IV. — Российское законодательство X — XX веков, т. 3, с. 91.

120 См.: Артикул воинский, гл. XXII, ст. ст. 196—198. — Российское законодательство X — XX веков, т. 4, с. 363.

Статьи 301—304

Статья 301 формулирует хорошо известный законодательству России состав преступления — порчу, уничтожение, искажение правительственных указов. Наказание устанавливалось в зависимости от того, совершены ли действия умышленно или без умысла (*в пьянстве, по невежеству*). Как тяжкое преступление против порядка управления рассматривалось повреждение гербов и официальных надписей, памятников (ст. ст. 302, 303). Особый состав преступления (наказываемый значительно мягче по сравнению с вышеуказанными) — срыв и истребление объявлений местного начальства и полиции (ст. 304).

Статьи 305—307

Статьи наказывают составителей и распространителей писем, сочинений, содержащих оскорбительные суждения относительно действий чиновников различных рангов, недозволенные (но, видимо, не содержащие критики, оскорбительных суждений) суждения о постановлениях и действиях правительства.

Статья 308

Статья наказывает за своеобразное соучастие (точнее, прикосновенность) во всех отмеченных выше преступлениях, но очень мягко.

Статьи 309—316

Статьи устанавливают ответственность за различные формы оскорблений, нанесенных чиновникам или правительственным учреждениям. Эти оскорбительные действия могли выражаться в неуважении к правительственному учреждению, высказанному письменно или устно, в оскорблении словом или действием.

Статья 311 рассматривает как неуважение к государственному органу подачу жалобы на судебное или иное решение во второй или третий раз (в случае признания безосновательности первого или второго обжалования).

Статья 314 устанавливает наказуемость (видя в этом выражение неуважительного отношения к правительственным местам) оскорбления в официальном месте не чиновника, а находившегося там частного лица.

Глава третья
Статьи 317—318

Статьи говорят о присвоении власти. Отмечается, что совершенное присвоившим власть действие не должно содержать состава другого преступления, — в противном случае наказание устанавливалось по правилам о совокупности. Субъектами данного преступления являются частные лица, не чиновники.

Статьи 319—322

Статьи устанавливают ответственность за составление подложных указов императора или подчистку, изменение содержания этих указов и использование их в преступных целях. Наказание — самое суровое после смертной казни: лишение всех

прав состояния и бессрочная каторга (дополнительно — наказание плетьми и наложение клейм для лиц, не изъятых от наказаний телесных). Даже в случае неиспользования подложно составленного или измененного указа и явки с повинной виновный наказывался почти так же жестоко (с заменой каторги ссылкой на поселение в Сибирь). Несколько меньшие наказания устанавливались в случаях совершения тех же действий, но относительно указов Сената, официальных бумаг министерств и главных управлений, губернских правлений, других правительственных и судебных учреждений. Статьи составлены казуально. Тяжесть наказания зависела от предмета преступления, большей или меньшей значимости подделанного или исправленного документа.

В качестве субъекта преступления закон указывает частных лиц, а не чиновников, не должностных лиц государства. Последние за подделку документов (подлог) отвечали по статьям, включенным в раздел V — «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

Статьи 323—326

Статьи 323—325 говорят об ответственности частных лиц за подделку печатей и штемпелей правительственных учреждений. В зависимости от предмета преступления (государственная печать, печать учреждения и т. п.), его значимости наказание могло быть меньшим или большим. Фактически и в этих статьях речь идет о подделке (подлоге) документов. Статья 325 рассматривает изготовление фальшивой печати и как приготовление к совершению преступления (если мастеру была известна цель изготовления), и как самостоятельный состав преступления. Согласно ст. 326, если в случае подделки указа, внесения в официальные бумаги изменений невиновное лицо было привлечено к ответственности и понесло уголовное наказание, виновный в подлоге нес тяжкое наказание — лишение всех прав состояния и каторга (дополнительно — телесные наказания для лиц, не изъятых от наказаний телесных). Суровость наказания свидетельствует о том, что тяжесть содеянного законодатель видел не в причинении ущерба отдельному лицу, а в нарушении порядка. Статья 325 содержит ссылку на том II Свода законов — «Общее учреждение губернское».

Статья 327

Статья рассматривает подлог как средство для совершения другого преступления. В этом случае действовал принцип определения наказаний по совокупности преступлений.

Статья 328

Статья устанавливает наказание за подделку значительно менее важных документов — справок о болезни, о бедности, хорошем поведении (необходимых для получения вспомоществования, льгот по уплате податей и т. п.).

Подделка документов, подлог рассматриваются крайне казу-

ально, помимо разд. IV, во многих других разделах Уложения: в разд. V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», в разд. VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны», в разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»; в разд. IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях»; в разд. XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц».

Статья 329

Статья отличается от предшествующих совершенно особым составом преступления — разглашение служебной тайны. В случае особо негативных последствий ответственность наступала по ст. 1311[121] разд. VIII.

Глава четвертая

Глава определяла очень разные по составу преступления, причем ее статьи сформулированы крайне казуально.

Статья 330

Статья устанавливает наказание за похищение или истребление официальных бумаг или вещественных доказательств, произведенные с целью затруднить проведение следствия. Если документы, вещественные доказательства относились к преступлению, за которое закон устанавливал наиболее тяжкое наказание (лишение всех прав состояния), то содеянное должно было рассматриваться как соучастие, пособничество совершению этого преступления, а не как самостоятельный состав преступления. Соответственно увеличивалось и наказание. Состав преступления по ст. 330 с бóльшим основанием можно отнести к преступлениям против правосудия.

Статьи 331—332

Статьи содержат иной состав преступления — истребление или повреждение печатей, поставленных по распоряжению правительственных или судебных учреждений. Цель указанных действий не пояснена. Похищение вещей, сопутствовавшее указанным действиям, рассматривалось как другой состав преступления — воровство-кража[122] со взломом.

Статья 333

Статья говорит о разных по тяжести составах преступления. В первой ее части речь идет об истреблении и повреждении межевых и пограничных знаков. Цель преступных действий не обозначена. Вторая часть статьи определяет совершенно иной состав — государственную измену, совершенную путем истребления или повреждения пограничных знаков с целью передачи части территории иностранному государству. Статья содержит отсылку к ст. 276 — о государственной измене.

121 Статья 1311 предусматривает ответственность за публикацию без дозволения цензуры сочинения, изображения, принадлежащих к числу тех, о которых упомянуто в ст. ст. 267, 273, 274, 296, 305—307, т. е. в статьях, устанавливающих наказания за государственные преступления и преступления против порядка управления.

122 Кроме воровства-кражи Уложение 1845 года знало воровство-мошенничество (ст. 2128), сохраняя терминологию, принятую в законодательстве XVIII века.

Статья 334

Статья содержит составы преступлений, в большей мере относящиеся к разделу «О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения»[123]. Формулирование составов очень нечеткое. Вина предусмотрена умышленная, но возможные мотивы преступных действий в первой части статьи непонятны. Если же эти мотивы были связаны с целью подвергнуть разрушению, потоплению какое-либо имущество, то наказание должно было быть определено именно как за покушение на повреждение чужой собственности. Кроме того, закон требовал и возмещения убытков.

123 Статья 1642 входила именно в этот раздел.

Глава пятая
Статьи 335—340

Статьи трактуют о различных случаях незаконного освобождения или побега заключенных.

Статья 341

Статья, по существу, близка к предыдущей, только здесь речь идет не о ссылке, а высылке за границу. Наказание поэтому не слишком большое.

Статьи 342—343

Статьи предусматривают наказания за нарушение административного режима, установленного для лиц, состоявших под надзором полиции.

Статьи 344—346

Статьи рассматривают разные случаи помощи беглым преступникам — от активного воспрепятствования властям в поимке беглого до простого укрывательства. Укрывательство осужденного наказывалось по-разному, в зависимости от тяжести наложенного на него наказания.

Глава шестая
Статьи 347—353

Статьи посвящены ответственности за создание и участие в разного рода тайных обществах. Наказывались и основатели обществ, и члены их, а также лица, знавшие и не сообщавшие о них правительству.

Статья 347 квалифицирует деяния основателей и членов обществ, созданных с целью подрыва политического строя, как государственные преступления и устанавливает наказания со ссылками на ст. ст. 264, 271, 272. Помещение данной статьи в раздел преступлений против порядка управления не позволяло царскому правительству в полной мере применять по указанным в ней составам особый порядок судопроизводства, предусмотренный для дел о государственных преступлениях. Необходимость усиления борьбы с тайными обществами привела к принятию в марте 1867 года нового закона о тайных обществах[124], который, с одной стороны, более четко, а с другой — более широко сформулировал ответственность за создание обществ, имевших

124 ПСЗ 2-е, т. XLII, отд. 1-е, № 44402.

не только политический, но и социальный, нигилистический, атеистический характер. Была также установлена ответственность для обществ, дозволенных правительством, но уклонившихся от обозначенной в разрешении цели. Репрессиям подлежали все, как говорилось в законе, преследующие вредную для государственного благоустройства и общественной нравственности цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и т. п. В Уложении 1903 года ответственность за создание тайных обществ, имеющих политический характер, предусмотрена в гл. 3 «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома» и в гл. 5 «О смуте».

Статьи 349, 350 устанавливают ответственность за организацию тайных обществ, не преследовавших целей, обозначенных в ст. 347, т. е. подрыва политического строя, но тем не менее воспрещенных правительством. Наказанию подвергалось и недонесение об этих обществах.

Предоставление помещения (ст. 351), в случае если цели тайного общества были известны предоставившему, наказывалось как участие в тайном обществе (по ст. ст. 347—349), если же нет — то наказание было значительно меньшим.

Статья 353 устанавливает наказания за нарушение существовавшего разрешительного порядка образования любого общества, правительством не воспрещенного и не имевшего цели, противной порядку, спокойствию и нравственности.

Глава седьмая
Статьи 354—357

Глава определяет наказания за нарушение установленного в России разрешительного порядка выезда за границу. Право поступления на службу в иностранном государстве, дарованное российскому дворянству еще Жалованной грамотой дворянству 1785 года, вошедшей без изменений в том IX Свода законов, могло быть реализовано лишь с разрешения правительственных властей. Вопросы въезда и выезда решались Третьим отделением Собственной его императорского величества канцелярии и Министерством внутренних дел. Устав о паспортах (ст. ст. 436, 466 т. XIV Свода законов) устанавливал сроки заграничных паспортов от 5 до 7 лет.

Статья 354 квалифицирует недозволенное оставление отечества с поступлением на службу к иностранному правительству или с переходом в иностранное подданство как тяжкое преступление, наказывавшееся лишением всех прав состояния и вечным изгнанием из пределов России. Наказанию подлежали также лица (ст. ст. 355, 356), не вернувшиеся в Россию по вызову правительства, нарушившие сроки разрешенного пребывания за границей. Статья 357 карала подстрекательство к переселению за границу. Подстрекательство, обращенное к военнослужащим или отдаваемым в рекруты, каралось более строго — лишением прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение, а для лиц, не изъятых от наказаний телесных, — наказанием плетьми.

Раздел пятый

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРОСТУПКАХ ПО СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ

Настоящий раздел устанавливает ответственность за должностные преступления и проступки. Общим объектом посягательства такого рода правонарушений в советской уголовно-правовой науке признается нормальная деятельность государственного аппарата[125]. У русских дореволюционных криминалистов не было единства взглядов по этому вопросу. В первой половине XIX века большинство юристов, как русских, так и западноевропейских, в качестве объекта должностных преступлений усматривали служебный долг. Видимо, и составители Уложения стояли на тех же позициях. Об этом, в частности, свидетельствует объединение в одном разделе должностных преступлений и дисциплинарных проступков. В конце XIX — начале XX века в русской юридической науке начинает преобладать доктрина, отрицающая наличие единого объекта у всех преступлений по службе. Так, по мнению В. В. Есипова, «фактическое значение объекта преступления при превышении и бездействии власти настолько обширно и разнообразно, что обнимает собою все возможные блага»[126]. М. А. Лозина-Лозинский заявлял, что ему «не приходит в голову ни одно должностное преступление, которое принципиально по своему объекту отличалось бы от общих преступлений»[127]. Редакционная комиссия по составлению Уголовного уложения 1903 года также склонялась к этой точке зрения, выдвигая в качестве отличительных признаков должностных преступлений, наряду с особым субъектом, не объект, а способ совершения преступления, т. е. его объективную сторону. В. Н. Ширяев, признавая, что «значительно большая часть должностных преступлений заключает посягательства на блага общие, доступные для всех, но учиняемые с помощью особого способа, вытекающего из занимаемого виновным особого положения», приходит к выводу: «Объектом должностных преступлений, следовательно, будут те правовые блага, распоряжаться которыми должностное лицо может в силу предоставленной ему законом компетенции»[128].

Несмотря на расхождения во взглядах на объект посягательства должностных преступлений, русские дореволюционные юристы были едины в оценке их особой общественной опасности: «Так как должностные лица являются органами власти, действуют от лица государства, то правонарушения, ими совершаемые, получают особое значение. Они больше, чем правонарушения частных лиц, подрывают авторитет закона, колеблют прочность юридического порядка: они более непосредственно отзываются на интересах всего государства. Вместе с тем полномочия власти, которыми наделены должностные лица, дают им возможность с большей легкостью совершать правонарушения, делают их более опасными, ставят частных лиц в более беззащитное в отношении к ним положение. Наконец, пользуясь своей властью, должностные лица могут совершать и такого рода

125 Курс советского уголовного права, т. VI. М., 1971, с. 13.

126 Есипов Вл. Превышение и бездействие власти по русскому праву. СПб., 1892, с. 52.

127 Лозина-Лозинский М. А. Служебные провинности и дисциплинарные взыскания. — Право, 1900, с. 947.

128 Ширяев В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916, с. 178.

правонарушения, которые совершенно невозможны для частных лиц»[129].

На необходимость беспристрастного и строгого преследования служебных преступлений и проступков указывала Государственная канцелярия, комментируя проект нового уголовного судопроизводства: «Когда те самые органы государственной власти, которые установлены для охранения силы законов и общественного порядка, подают пример беззакония и непорядка, тогда возникает неуважение к властям и нравственная распущенность, при которой государство колеблется в самых его основаниях»[130]. Не менее интересны, и в данном случае справедливы, высказывания на этот счет известного реакционного судебного деятеля, в конце XIX — начале XX века министра юстиции, Н. В. Муравьева: «Почти безошибочно можно сказать, что всякое преступление по должности, независимо от своих ближайших конкретных последствий, производит и в общей сфере государственных, общественных и индивидуальных интересов некоторые разрушительные результаты: в известном размере, до известной степени оно всегда подрывает доверие к представителям власти, дискредитирует их в общественном мнении, умаляет уважение, которым они должны пользоваться и без которого немыслима успешная служебная деятельность, а главное — способствует образованию и поддержанию в обществе взгляда на закон, применяемый и охраняемый должностными лицами, как нечто такое, что очень строго и требовательно по принципу, но очень свободно и легко обходится и нарушается в действительности»[131]. Столь же красноречив в этом вопросе и В. Н. Ширяев, предостерегавший: «Если массовое проявление общей преступности способно вызвать и породить общественную тревогу, то развитие и умножение должностных преступлений может быть рассматриваемо как общественное бедствие»[132].

Однако пусть эти гневные обличения должностных преступлений не создадут впечатления, будто самодержавие вело с ними решительную борьбу. Напротив, именно в России они расцвели ядовитым цветом, ибо самодержавие как никакая другая власть предполагает бесправие народа и всевластие полиции и чиновничества. Впрочем, как указывал К. Маркс, личные грехи чиновников — мелочь по сравнению с грехами самой государственной организации, иерархию которой подрывают должностные преступления: «Иерархия карает чиновника, поскольку он грешит против иерархии или поскольку он совершает такой грех, который иерархии не нужен, но она берет его под свою защиту всякий раз, когда сама иерархия совершает грех в его лице»[133]. Классической формой такой «защиты» являлась система административной гарантии, господствовавшая в Российской империи в период действия Уложения о наказаниях. Она была закреплена в Своде законов 1832 года, а впоследствии воспринята и творцами Судебных уставов 1864 года. В соответствии с этой доктриной, на возбуждение уголовного преследования против должностного лица необходимо согласие его начальства, оно же, а не органы суда и прокуратуры, после окончания следствия решало вопрос о предании обвиняемого суду или прекращении

129 Коркунов Н. М. Русское государственное право, т. II. СПб., 1892, с. 552.

130 Соображения Государственной канцелярии об основных началах уголовного судопроизводства. — Журнал Государственного совета, 1862, № 65, с. 24.

131 Муравьев Н. В. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе. — Юридический вестник, 1879, кн. 2, с. 576.

132 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 1.

133 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 278.

уголовного дела; кроме того, по делам о должностных преступлениях существовала привилегированная подсудность.

Несмотря на то что в русской юридической литературе неоднократно приводились убедительные доводы в пользу отмены каких бы то ни было поблажек и преимуществ для преступников по должности, они сохранялись в России до 1917 года. Интересно, что Н. В. Муравьев, изучив западноевропейский опыт, в одной из своих научных работ сделал вывод: «Административная гарантия единогласно признается на Западе несправедливою и ненужною. Она несправедлива потому, что деятельность закона и правосудие суда обеспечиваются только равенством их для всех, а следовательно, и для лиц, облеченных должностной властью. Она не нужна потому, что чиновника преступного его начальство не может и не должно укрывать даже во имя своей административной независимости и своих административных интересов, а невинного сумеет отличить, без постороннего вмешательства, сам суд, снабженный для этого всеми средствами человеческого ведения и разумения»[134]. Став же министром юстиции и генерал-прокурором, он не только не воспользовался своим правом законодательной инициативы для подготовки и принятия соответствующего закона об отмене административной гарантии, но нередко и сам вынужден был закрывать глаза на должностные злоупотребления во имя ведомственных и правительственных интересов. Статьи, обличающие несправедливость и незаконность административной гарантии, появлялись в печати и позже, например ряд статей К. Д. Анциферова[135], однако они отнюдь не препятствовали росту должностной преступности, а вместе с ней — практике «иерархической защиты» и даже судебной защиты провинившихся чиновников, выражавшейся в большом числе оправдательных приговоров и применении минимальных мер наказания по делам о должностных преступлениях. Тот же Н. В. Муравьев констатировал, что строгие наказания, установленные во многих статьях раздела V Уложения о наказаниях, на практике применялись крайне редко. Так, «из общего количества приговоренных за служебные преступления приговаривается к уголовным наказаниям только 0,3%»[136]. По подсчетам Муравьева, в 1872—1876 гг. по этой категории дел было вынесено 60% оправдательных приговоров, т. е. примерно в два раза больше, чем по общим преступлениям. Причем, «по важнейшим из таких дел, т. е. по тем из них, которые рассматривались с участием присяжных заседателей, процент оправдательных приговоров достигает также высокой цифры — около 57,5%»[137]. Эта тенденция сохранялась и в начале XX века. А. Ф. Кони отмечал, что «с 1906 по 1911 год репрессия все слабела, а служебные преступления все умножались. Они увеличились в некоторых округах в четыре раза, в других в пять, в третьих в шесть раз»[138]. О фактической безответственности чиновников за преступления по службе писал в 1917 году И. И. Евстихеев: «Можно сказать, что «легче верблюду пройти через игольное ушко», чем обвинить должностное лицо и заставить его понести заслуженное возмездие за совершение им преступления по службе»[139]. Он так характеризовал бюрократию самодержавного режима: «Все дозволялось этой разнузданной

134 Муравьев Н. В. Указ. соч., с. 821.

135 См.: Анциферов К. Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб., 1898.

136 Муравьев Н. В. Указ. соч., с. 580.

137 Там же.

138 Кони А. Ф. Должностные преступления и суд присяжных заседателей. — Вестник права, 1916, № 49.

139 Евстихеев И. И. Ответственность должностных лиц. М., 1917, с. 19.

опричнине, ее преступления, проступки и нарушения имущественных интересов граждан защищались всем порядком, всем строем, который создавался самодержавным правлением в течение долгих лет тяжелого рабства народа»[140].

То, что субъектом преступлений и проступков, предусмотренных в разделе V Уложения о наказаниях, является должностное лицо, не вызывало, по существу, сомнений ни в теории уголовного права, ни в практике его применения, однако определения самого понятия *должностное лицо* в Уложении не было. Более того, как указывали еще дореволюционные юристы, оно не имело даже определенного термина и «пользуется наименованиями самыми разнообразными для определения виновников должностных преступлений; число этих наименований достигает нескольких десятков»[141]. Наряду с термином *должностное лицо* использовались такие, как *виновный, чиновник, лицо, состоящее на службе государственной или общественной,* и другие.

В судебной практике и юридической литературе должностными признавались лица, обозначенные в таком качестве в законодательстве или приравненные к ним «в силу характера отправляемых ими обязанностей»[142]. Не имело значения, состояло ли данное лицо на службе в государственном аппарате или в органах сословного, а впоследствии земского или городского самоуправления. К числу должностных лиц относились как штатные, так и внештатные сотрудники, как получавшие, так и не получавшие вознаграждение за служебную деятельность, как чиновники, так и канцелярские служители (писцы, сторожа, курьеры и т. п.), занимающие должности как по назначению, так и по найму, как русские подданные, так и иностранцы, исполняющие свои обязанности как постоянно, так и временно.

В Уложении отсутствовали также нормы об ответственности за соучастие в должностных преступлениях частных лиц. Судебная практика по этому вопросу отличалась неопределенностью и противоречивостью, и он был решен законодателем только в 1873 году. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета по делу Янковского и др. гласило, что должностные преступления могут, в принципе, совершаться только должностными лицами. «Посему в общем правиле участие частного лица в преступлении по службе не может иметь места. Но это правило не есть правило безусловное, а допускает исключения, вызываемые самим предметом служебных преступлений или родом тех прав и обязанностей, которые они нарушают»[143]. Все должностные преступления были разделены на две группы. В первую вошли (довольно условно) только те преступления и проступки, которые составляли лишь служебные нарушения и не влекли уголовного наказания, а карались взысканиями, предусмотренными ст. 67 Уложения. Вторую группу составили те преступления и проступки, которые являлись одновременно и общим преступлением «с той лишь разницей, что оно совершается не частным, а должностным лицом»[144]. Частные лица могли привлекаться в качестве соучастников только по второй группе преступлений и проступков. Причем, по мнению Государственного совета, в таких случаях они должны были нести ответственность не за должностное, а за общее преступление, соответ-

140 Евстихеев И. И. Указ. соч., с. 23.

141 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 211.

142 Там же, с. 219.

143 Цит. по: Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 238.

144 Там же, с. 239.

ствующее тому, которое совершило должностное лицо. Например, согласно последующему разъяснению Сената, частное лицо несло ответственность за участие в должностном подлоге лишь в случае, когда в его действиях усматривался общий подлог, предусмотренный в разделе XII Уложения[145]; неслужилые пособники и укрыватели служебной растраты наказывались за соучастие в простой растрате[146].

В юридической литературе высказывались и возражения в адрес господствовавшей доктрины соучастия в должностных преступлениях. Некоторые ученые и судебные деятели полагали, что Уложение о наказаниях позволяет «квалифицировать деятельность соучастников по деятельности главных виновников»[147].

Глава первая
Статья 358

Раздел V открывает статья, устанавливающая ответственность должностных лиц за неисполнение распоряжений императорской власти независимо от того, какой характер — законодательный, исполнительно-распорядительный или судебный, общий или частный — они носили. Под выражением *неприведение в исполнение* следует понимать действие или, как правило, бездействие должностных лиц, выражавшееся в волоките, а также в прямом или косвенном отказе от исполнения. Субъективной стороной данного преступления мог быть не только умысел, но и неосторожность, вероятнее всего в форме преступной самонадеянности. Для определения наказания имело значение наличие не только умысла, но и цели преступления. Часть II статьи могла применяться только в случае совершения преступления из корыстных или *иных видов*. Под *иными видами*, так же как и под *иными личными видами*, упомянутыми в других статьях Уложения, следует понимать личные интересы виновного, противоречащие интересам службы, например месть, ревность, протекционизм.

Статьи 359—361

Сходный сюжет мы видим еще в указе Петра I «О должности Сената» от 27 апреля 1722 г. Этим актом за недоношение об исполнении сенатских указов устанавливались штрафы: за первый просроченный месяц — 100 рублей, за второй — 200, за третий — 300, за четвертый — 400 и за пятый — *лишение всего и вечная работа на галерах*[148]. Обязанность исполнять сенатские указы и докладывать об этом Сенату в установленные сроки была закреплена в Наказе губернаторам и воеводам 1728 года[149]. Высочайше утвержденным сенатским докладом «О штрафовании присутственных мест за нерапортование и за неисполнение по посланным указам на сроки» 1766 года ответственность распространялась на все государственные учреждения не только за неисполнение, но и за несвоевременное извещение об этом не только Сената, но и других вышестоящих органов. Пункт 5 доклада обязывал присутственные места рапортовать о выполнении указов или причинах, которые препятствуют их выполне-

145 УКДС, 1873, № 936; 1885, № 28.

146 УКДС, 1884, № 13.

147 См.: Ширяев В. Н. Указ соч., с. 242—254.

148 Российское законодательство X — XX веков, т. 4, с. 192.

149 ПСЗ, т. VIII, № 5333, п. 3—5.

нию, не позднее трех недель после получения. Правда, по истечении этого срока Сенат или иной вышестоящий орган должен был направить еще два подтвердительных указа, и лишь после того, как истекут сроки их исполнения, виновные подвергались штрафу: в первый раз — 10 рублей, второй — 20, третий — 30, и только на четвертый раз следовало отрешение от должности без права восстановления. Как видим, со временем санкции за это правонарушение значительно смягчались.

Подтвердительного указа мог потребовать и тот государственный орган или должностное лицо, которому поручалось исполнение, если он полагал, что распоряжение вышестоящего органа противоречит закону или интересам императорской власти. В таком случае исполнитель, направив запрос о подтвердительном указе, должен был ждать ответа, не приступая к реализации первоначального указа, а орган, издавший первый указ, — издать и подтвердительный, который подлежал уже беспрекословному исполнению.

Статьи 359—360 устанавливают ответственность за деяния, совершенные по неосторожности (легкомыслие, небрежность, преступная самонадеянность) и при условии, что они не повлекли за собой тяжких последствий. В последнем случае, а также при совершении тех же деяний умышленно применялись санкции, установленные в ст. 361.

В отличие от предыдущих, ст. 360 с объективной стороны включает в состав неисполнение не только указов, но и предписаний, предложений начальства, независимо от того, в устной или письменной форме они были сделаны. Статья 360 не применялась, если на запрос не был получен подтвердительный указ, кроме случаев исполнения судебного решения высшей судебной инстанции низшим судом. Так, неисполнение судьей посланного ему апелляционной инстанцией указа о постановлении нового приговора по уголовному делу составляло проступок, предусмотренный ст. 360.

Статьи 362—363

Данные статьи, как и предыдущие, призваны обеспечить своевременное исполнение указов правительства и распоряжений начальства, а не доведение точного смысла законов и распоряжений до широких слоев населения и повышение правовой культуры народа. Следует иметь в виду, что в период издания Уложения о наказаниях обнародованию подлежали далеко не все законы и подзаконные акты, что, как правило, оговаривалось в самом тексте закона. С 1773 года печатанием и рассылкой законодательства ведал Сенат, причем публикация и рассылка актов осуществлялась только для служебного пользования. У частных лиц возможность приобретать отдельные экземпляры законов появилась лишь в 1838 году. И только с 1863 года при Сенате стало издаваться официальное «Собрание узаконений и распоряжений правительства», которое рассылалось во все присутственные места и на которое могли подписаться все желающие.

В губерниях обнародование законов и указов Сената производилось губернским правлением, обязанным снабжать нижестоя-

щие органы печатными экземплярами новых актов. А указы и манифесты, изданные со словами «Объявляется всенародно», по распоряжению губернского правления должны были зачитываться после службы в церквах, а также на площадях в городах и на мирских сходах. Кроме того, они публиковались в губернских ведомостях.

Статья 364

В отличие от административных присутственных мест, нижестоящий суд не имел права требовать у суда высшей инстанции подтвердительного указа, о котором говорится в ст. ст. 359—360[150].

Статьи 365—366

К ответственности за данные правонарушения должностные лица могли быть привлечены при непредставлении справок или иных сведений по делам, находящимся в их ведении и производстве, но не в связи с их личными дисциплинарными проступками и упущениями по службе. Во всех остальных случаях законными основаниями для востребования соответствующих справок и объяснений считались не только прямо указанные в законе, но и те, которые закону не противоречили. Например, нотариус, как должностное лицо, непосредственно подчиненное окружному суду, за отказ представить требуемые судом сведения, хотя бы и не установленные нотариальным положением и наказом окружного суда, нес ответственность по ч. 1 ст. 365[151].

Статья 366, по существу, говорит о частном случае проступка, предусмотренного ст. 435 Уложения, устанавливавшей в общем виде ответственность начальников *за слабый по нерадению надзор за подчиненными.*

Глава вторая
Статья 367

Понятие *превышение власти* в России было впервые сформулировано только в Своде законов 1832 года, хотя частные случаи установления уголовной ответственности за превышение власти можно встретить еще в судебниках. В Соборном уложении 1649 года (ст. 150 главы X) предусматривалось наказание за такое превышение власти со стороны воевод, дьяков и приказных людей, которое влекло для потерпевших *продажи и убытки*. Более широкий перечень случаев превышения и злоупотребления властью содержался в главе пятидесятой Генерального регламента коллегий. В январе 1724 года Петр I утвердил новую редакцию этой главы, устанавливавшей меры взыскания и поощрения за службу. В ее второй части перечислялись наиболее опасные должностные преступления, а в третьей — остальные должностные преступления, независимо от того, совершены они *оплошкою или вымыслом*. Закон устанавливал за их совершение срочную ссылку на галеры с конфискацией имения или лишением чина и *тяжким штрафом*[152].

Ответственность непосредственно за превышение власти впервые была установлена для министров в § 279 Общего учрежде-

150 УКДС, 1887, № 13.

151 УКДС, 1882, № 10.

152 Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М., 1945, с. 513.

ния министерств 1811 года. Превышением власти считались случаи, «когда министр, превысив пределы своей власти, постановит что-либо в отмену существующих законов, уставов или учреждений или же собственным своим действием и миновав порядок, для сего установленный, предпишет к исполнению такую меру, которая требует нового закона или постановления». Об ответственности губернаторов за превышение власти впервые специально упоминалось в Учреждении для управления сибирских губерний 1822 года.

В ст. 278 Свода законов 1832 года определение превышения власти заимствовано из Общего учреждения министерств, но распространено на всех должностных лиц. По сути, содержит его и настоящая статья. Но, как отмечали составители Уложения о наказаниях, сверх того для удобства «определение превышения власти дополнено означением и тех случаев, когда чиновник учинит что-либо в отмену не только существующих узаконений, но и данных ему наставлений, не испросив на то, надлежащим образом, разрешения высшего начальства»[153].

153 Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1871, с. 125.

С объективной стороны состав превышения власти характеризовался либо необоснованным расширением прав, принадлежащих должностному лицу по закону, либо присвоением таких прав, которые ему вообще законом предоставлены быть не могли, либо совершением действий, хотя и законных, но без надлежащего разрешения начальства, т. е. предполагал совершение активных действий (бездействие власти составляло самостоятельный состав преступления, обозначенный в следующей статье Уложения). Эти действия могли заключаться как в физической деятельности должностного лица, так и в издании им противоправных приказов или распоряжений, в устной или письменной форме. Превышением власти считалось совершение действий, как выходящих за пределы компетенции должностного лица, так и таких, которые формально соответствуют служебной компетенции виновного, но по существу противоречат интересам государства, интересам службы, поскольку совершены без достаточных к тому оснований. Таким образом, состав, определенный настоящей статьей, включал в себя и превышение власти, и злоупотребление властью в нашем сегодняшнем понимании.

Превышение власти только тогда представляло собой самостоятельный состав преступления, когда оно не было соединено с другим, строже наказуемым деянием, как должностным, так и общим, например взяточничеством или изнасилованием. Общее указание на эту норму содержится в ст. 371, а уточнение применительно к нанесению телесных повреждений, оскорблений и другим преступлениям — в ст. ст. 375—377.

Субъектом превышения власти могло быть только то должностное лицо, которое таковой властью обладало. Следовательно, не могли быть привлечены к ответственности за это преступление канцелярские служащие, например писцы или курьеры.

Наибольшую сложность представляет характеристика субъективной стороны превышения власти. Психическое отношение к содеянному выступает здесь в форме смешанной вины[154], т. е. следует различать отношение субъекта преступления к нарушению своих служебных полномочий и к наступившим последстви-

154 См.: Курс советского уголовного права, т. II, с. 333.

ям. В русской дореволюционной науке и судебной практике такое разграничение не проводилось, не было поэтому и единства взглядов по вопросу о форме вины, многие авторы усматривали противоречия в разъяснениях Сената.

При характеристике субъективной стороны этого преступления нередко приходится сталкиваться с понятием «правовая неосторожность»[155], т. е. совершением виновным таких действий, противоправность которых он не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть. Я. Г. Северский утверждал, что превышение власти можно рассматривать только как умышленное преступление[156]. Напротив, В. В. Есипов считал, что «основною чертою превышения и бездействия власти является отсутствие умысла совершить, пользуясь властью как средством, одно из общих или должностных преступлений»[157]. Различие во взглядах в данном случае объясняется тем, что Северский имел в виду отношение к нарушению своих обязанностей, а Есипов — к последствиям, от этого происходящим. Но, следует заметить, у дореволюционных криминалистов не было единства даже тогда, когда они одинаково решали вопрос о том, какое именно отношение следует рассматривать в качестве основного для определения субъективной стороны преступления. Например, П. Д. Калмыков, так же как и В. В. Есипов, имея в виду вину как психическое отношение к последствиям превышения власти, в отличие от последнего утверждал, что она может выступать и в форме умысла, и в форме неосторожности[158].

Нередко вопрос о виновности за превышение власти подменялся вопросом о мотивах преступления. Так, профессор Будзинский, а вслед за ним и В. В. Есипов считали, что превышение власти может заключаться только в действиях, совершенных в ложно понимаемых интересах службы, а если те же действия совершались из корыстных или иных личных мотивов, то они должны были составлять иное преступление[159]. Но подобное толкование прямо противоречит ст. 371 Уложения, которая предусматривает, что превышение и бездействие власти может сопровождаться совершением и другого преступления: правда, в таком случае наказание назначается за второе преступление, но, как уточняет ст. 371, по максимуму. С. Будзинский утверждал, что корыстные мотивы всегда придают превышению власти свойства взяточничества, но вряд ли с ним можно согласиться. Например, случай использования государственного имущества в личных целях, несмотря на корыстные мотивы, никак нельзя отнести к числу преступлений взяточничества; напротив, это типичный пример превышения власти.

Сенат в своих разъяснениях по вопросу о субъективной стороне превышения власти исходил из того, что квалифицирующим признаком этого преступления является отношение субъекта к нарушению своих служебных обязанностей, а не к их последствиям. Однако единообразный подход не мешал ему выносить противоположные решения по отдельным делам. Так, в разъяснениях по делу Свечина и по делу Надеждина Сенат счел, что «говоря о превышении власти, закон имеет в виду только деяние, совершенное умышленно. Превышение же власти, совершенное по неосторожности и невнимательности, может быть на-

155 См.: Курс советского уголовного права, т. II, с. 301.

156 См.: Северский Я. Г. Особенная часть русского уголовного права. СПб., 1892, с. 160.

157 Есипов В. Указ. соч., с. 56.

158 См.: Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1866, с. 530—531.

159 См.: Будзинский С. О преступлениях в особенности. М., 1887, с. 394.

казываемо только по ст. 410 Уложения (ст. 441 в редакции 1845 года о наказании за медлительность и нерадение в отправлении должности. — *Авт.*). Превышение власти, происшедшее вследствие неправильного понимания закона, должно быть рассматриваемо как деяние неосторожное, а не как умышленное»[160]. В решениях по делу Гроховского[161], по делу Штакельберга[162], по делу Аристова[163] логика рассуждений иная: «Если ... никто не может отговариваться незнанием закона, то тем более такое знание обязательно для лиц, несущих обязанности по государственной службе, самые свойства, цели и значение коей для правильного движения каждой из отраслей управления обязывают вступающего в нее и пользующегося даваемыми ею преимуществами определительно ознакомиться с принадлежащими ему по должности правами и связанными с ними обязанностями... причем по силе ст. 715 устава о службе по определению от правительства всякий служащий должен поставить себе в непременную обязанность ведать все уставы и законы государственные и содержать их в несокрушимой сохранности... Поэтому должностное лицо... ни при каких условиях не может быть признаваемо не ответственным за превышение власти, содеянное по незнанию им прав и обязанностей, возлагаемых на него законом по принятой им на себя установленным порядком должности. Сообразно сему требование, чтобы со стороны превысившего власть было умышленное нарушение закона, не разрешающего ему тех или других действий или полагающего известный предел его правам, представляется несогласным ни с внутренним содержанием ст. 338 (ст. 367 в редакции 1845 года. — *Авт.*), прямо устанавливающей, вовсе не упоминая об умысле, внешние признаки нарушения», ни с установленным Сенатом порядком рассмотрения дел о преступлениях превышения власти с участием присяжных заседателей[164]. Согласно этому порядку, присяжные не должны были решать вопрос о том, имел или не имел подсудимый право на совершение тех или иных действий. Этот вопрос решал суд, основываясь на законодательстве, а не на субъективных воззрениях обвиняемого на свои права и не на степени его знакомства со своими служебными обязанностями.

В научной литературе такая концепция нашла отражение в работах Н. С. Таганцева[165] и Н. А. Неклюдова[166].

Статья 368

На преступление бездействия власти указывал еще Генеральный регламент Петра I. В нем устанавливалось наказание тем, «кто по дружбе или по вражде или из взятков или других намерений что пренебрежет, которое ему чинить надлежало»[167]. Общее учреждение министерств 1811 года ввело ответственность за бездействие власти для министров: «когда министр, оставив власть, ему данную, без действия, небрежением своим попустит важное злоупотребление или государственный ущерб»[168]. В ст. 278 тома XV Свода законов сохранялась в принципе та же формулировка, только вместо слова *министр* появилось слово *чиновник*, тем самым понятие бездействия власти распространялось на большую часть должностных лиц империи. Склонность

160 Решения общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената (далее ОС), 1868, № 347; УКДС, 1881, № 110.

161 УКДС, 1879, № 90.

162 Приговоры уголовного кассационного департамента Сената. СПб., (далее УКДС пригов.). СПб., 1891, № 22.

163 УКДС пригов., 1892, № 24.

164 УКДС пригов., 1891, № 22.

165 Таганцев Н. С. Лекции ... Вып. II, с. 544.

166 Неклюдов Н. А. Руководство особенной части русского уголовного права. СПб., 1887, с. 86.

167 Цит. по: Воскресенский Н. А. Указ. соч., с. 513.

168 См. настоящий том, с. 122.

к казуистике, присущая составителям Уложения о наказаниях, проявилась и в стремлении уточнить и расширить определение бездействия власти. Следует иметь в виду, что помимо данной статьи, устанавливавшей наказание за бездействие власти, в пятом разделе Уложения содержится глава десятая, специально посвященная вопросам ответственности за медлительность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отправлении должности.

Как следует из текста комментируемой статьи, с объективной стороны преступление бездействия власти состояло не вообще в невыполнении или ненадлежащем выполнении каких-либо служебных обязанностей, а только одной из них, а именно обязанности пресекать злоупотребления и беспорядки, производимые другими частными или должностными лицами. В этом смысле преступление бездействия власти ближе не к халатности, а к злоупотреблению властью.

Бездействие власти было наказуемо лишь в том случае, когда оно привело к злоупотреблениям, беспорядкам, причинению имущественного или иного ущерба. Причем, несмотря на то что от размеров причиненного ущерба зависело наказание, ни в законе, ни в разъяснениях Сената не определялись размеры ущерба, имевшие квалифицирующее значение.

Противозаконность бездействия, по мнению Сената, имела место не только тогда, когда должностное лицо «не сделало того, что было прямо предписано ему законом или законным постановлением или распоряжением его начальства, но и в случаях неупотребления им всех тех мер, необходимость принятия которых, не противореча закону или законным распоряжениям начальства, вытекала из самого свойства служебных обязанностей должностного лица или из возложенного на него поручения по службе»[169]. Однако в том же решении Сенат отмечал, что привлечение к ответственности по этой статье возможно только в случае нарушения круга своих должностных обязанностей служащими, которые возлагались на них уставом о службе.

169 УКДС, 1888, № 35.

Субъективная сторона бездействия власти характеризуется, как и превышение власти, смешанной виной. У виновного может отсутствовать умысел в отношении неблагоприятных последствий, которые могло повлечь или повлекло его бездействие. Само же бездействие, в отличие от превышения власти, судебной практикой всегда толковалось как умышленное преступление[170]. Умышленному бездействию власти противопоставлялось неосторожное и невнимательное отношение к своим обязанностям. Сенат разъяснял, что существенным признаком, отличающим бездействие власти от нерадения и небрежности по службе, наказуемых по ст. ст. 441—442 Уложения, является «непринятие или неупотребление всех тех указанных в законе или законом дозволенных мер или средств, которые могли и должны были быть им приняты или употреблены в надлежащее время и при известных обстоятельствах»[171], при условии, что «бездействие обвиняемого не объясняется, по обстоятельствам дела, исключительно проявленною им при сем небрежностью, нераспорядительностью или ненаходчивостью»[172]. В тех же случаях, когда должностное лицо имело умысел своим бездей-

170 ОС, 1909, № 17.

171 УКДС, 1882, № 12.

172 УКДС, 1888, № 35.

ствием способствовать злоупотреблениям, беспорядкам, причинению ущерба, его действия должны квалифицироваться по ст. 371. Когда преступление или иные злоупотребления, которым способствовало бездействие власти, не влекли наказания уголовного, ответственность могла наступать и по ст. 16 Уложения — за попустительство.

Статья 369

Статья дополняет и уточняет определение превышения власти, содержащееся в ст. 367. Впервые аналогичная норма появилась в §§ 280—281 Общего учреждения министерств применительно к министрам. Свод законов распространил эту норму на всех чиновников. Оттуда она была заимствована составителями Уложения о наказаниях.

В п. 1 статьи наряду с министрами упоминаются и *другие государственные сановники*. В их число должностные лица включались независимо от занимаемого поста, чина или звания. Существенным условием в данном случае являлось выполнение поручения или распоряжения императора.

Из толкования Сената следует, что должностное лицо освобождалось от ответственности по п. 2 статьи за принятие мер, на которые оно не было уполномочено, в случаях, не терпящих отлагательства, и лишь при условии невозможности использовать указанные в законе средства[173].

173 УКДС пригов., 1876, № 76.

Статья 370

В отличие от Свода законов, где наказание за превышение и бездействие власти устанавливалось только в одной статье, Уложение пошло по пути дифференциации наказания в зависимости от *важности дела и сопровождавших оное обстоятельств*. Появились превышения и бездействия власти *важные, особо важные* и *неважные* (соответственно ч. I ст. 370, ч. II ст. 370 и ст. 372). Определение же степени важности целиком предоставлялось на усмотрение суда.

Виновные в превышении и бездействии власти даже *в случаях особо важных* подвергались наказаниям не уголовным, а исправительным, или взысканиям, установленным ст. 67 Уложения. Легкость наказания за эти преступления имела и теоретическое обоснование. Так, известный криминалист А. Лохвицкий, оправдывая снисходительность законодателя, писал: «Чиновник стоит на законной почве, но в жару отправления должности он перешел предел; часто он не в состоянии измерить степени уклонения своих действий от закона. Притом же слишком строгое наказание за превышение власти, в особенности чиновников исполнительной части, может совершенно подавить в них энергию и произвести другое зло — бездействие власти. А так как бездействие власти наказывается одинаково с превышением, то при строгих наказаниях нельзя было бы найти лиц для занятия известных должностей»[174]. Подобное «либеральное» отношение к отнюдь не либеральным чиновникам было характерно и для судебной практики, и для самодержавия в целом. Эти нормы права еще раз подтверждают правоту ленинских строк: «Самодер-

174 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 435.

жавие есть ... самовластье чиновников и полиции и бесправие народа»[175].

Ни теория, ни практика не выработали за долгие годы действия Уложения о наказаниях объективных критериев, позволяющих квалифицировать превышение или бездействие власти по ч. II ст. 370 как случаи особой важности. Случаи применения ч. II были крайне редки. Примеров же снисходительного отношения суда к виновным в превышении и бездействии власти можно привести немало. Один из них — дело барона Штакельберга. Будучи гекенрихтером (полицейским приставом), он привлек к незаконному освидетельствованию, «сопровождаемому обнажением скрытых частей и сопряженному с определением их половой невинности», 14 девушек по делу об убийстве найденного в лесу ребенка. Основанием к такому превышению власти явилось лишь его подозрение, что «девушки деревни Рома почти поголовно ведут безнравственную жизнь». Судебная палата, рассматривавшая дело, квалифицировала его действия по ч. I ст. 341 (ст. 370 в редакции 1845 года), а кроме того, «в виду крайней его добросовестности в отправлении служебных обязанностей» ходатайствовала в порядке, установленном ст. 145 Устава уголовного судопроизводства, о смягчении наказания. В приговоре Сената по апелляционной жалобе подтверждалось, что такое освидетельствование «не должно быть признаваемо превышением власти, не могущим иметь, по своему нравственному и бытовому значению, важных для подвергшихся оному последствий»[176]. Таким образом, и Сенат не счел его действия *особо важными*.

В тех случаях, когда должностное лицо совершало действия, наказуемые не только по ст. 370, но и по другим статьям главы второй за специальные виды превышения власти, то эти последние не поглощали в себе другие, подходящие лишь под общее понятие превышения власти, даже если «все преступные в этом смысле действия обвиняемого были направлены к одной и той же цели»[177]. Такие действия квалифицировались по совокупности преступлений.

Статья 371

В статье устанавливается санкция за наиболее опасный вид превышения или бездействия власти. В данном случае умысел виновного направлен именно на то, чтобы, используя свое служебное положение, совершить какое-либо уголовное преступление или способствовать его совершению. Согласно разъяснению Сената, ответственность по этой статье наступала только в случае совершения преступления, за которое установлено наказание уголовное, то есть соединенное с лишением всех прав состояния и указанное в ст. 19 Уложения о наказаниях[178].

Статья 372

В русской юридической литературе не раз обращалось внимание на то, что «система наказаний за превышение и за бездействие власти представляется в нашем Уложении крайне неудовлетворительною»[179]. В частности, ни в законодательстве, ни в разъ-

175 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 252.

176 Юридическая летопись, 1892, № 6, с. 555.

177 УКДС, 1896, № 44.

178 УКДС, 1888, № 9.

179 Есипов В. Указ. соч., с. 71. См. также: Проект Уголовного уложения редакционной комиссии и объяснения к нему, т. VIII. СПб., 1897, с. 180—181.

яснениях Сената не проводилось четкой границы между важными и неважными последствиями превышения власти. По толкованию Сената, различие в применении ст. 370 или ст. 372 заключалось в том, насколько превышение и бездействие власти представляется суду важным само по себе и по тем обстоятельствам и последствиям, которыми оно сопровождалось[180]. Но условием применения ст. 372 является не только то, чтобы последствия превышения или бездействия власти не были важны, но чтобы они и не могли быть таковыми. Практика применения этой статьи свидетельствует, что она являлась гарантией безопасности для полиции и чиновников, проявлявших излишнюю служебную ревность в преследовании «злоупотреблений и беспорядков». Вместе с тем наказанию по ст. 372 был подвергнут мировой судья за то, что при разборе уголовного дела он сделал замечание полицейскому приставу по поводу неправильно составленного протокола. Судья заметил, что пристав «не настолько юн, чтобы не знать порядка составления протокола»[181].

180 Разъяснения Правительствующего сената по Высшему дисциплинарному присутствию, дело № 1 от 6 марта 1895 г. — Журнал министерства юстиции, 1907, кн. 1.

181 УКДС пригов., 1889, 31 января.

Статья 373

В данной статье идет речь о сопротивлении одного должностного лица другому с использованием своего служебного положения вопреки интересам службы. Сопротивление его в качестве частного лица ответственности по ст. 373 не влекло, так же как и препятствие со стороны одного должностного лица другому, когда они оба действовали в пределах предоставленных им законом полномочий.

Высшей мерой наказания по ч. III данной статьи, указанной в ст. 291, была каторга от 4 до 6 лет. Термином *оружие* здесь обозначается холодное или огнестрельное оружие в собственном смысле слова, а не любой другой предмет, используемый в таком качестве.

Статья 374

Вплоть до середины XVIII века, пока пытка находила широкое применение в деятельности не только судебных, но и административных органов, истязания и жестокости при отправлении должности в пределах компетенции не считались противоправными и не могли быть наказуемы. Однако недостатки процесса, при котором приговор суда зависел от выносливости обвиняемого, заставили законодателя сначала регламентировать пытку (в Воинском уставе Петра I и в утвержденном Елизаветой Петровной «Обряде како обвиняемый пытается»), а затем постепенно проводить ее ограничение. Определенный перелом в этом направлении произошел в период правления Екатерины II. Указ о порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству от 10 февраля 1763 г. хотя и рассматривал пытку как одну из важных форм следственных действий, но ограничивал ее применение по кругу лиц[182]. Вскоре последовал еще один указ, ограничивший применение пытки на местах: прибегать к ней могли только провинциальные и губернские канцелярии, но и им предписывалось «обратить преступников к чистому признанию больше милосердием и увеще-

182 ПСЗ, т. XVI, № 11 750.

ванием, а особливо изысканием по происшедшим в разные времена околичностям, нежели строгостью и истязанием»[183]. И, наконец, 27 сентября 1801 г. последовал указ Александра I «Об уничтожении пытки», который потребовал, «чтоб нигде ни под каким видом ни в высших, ни в нижних правительствах и судах никто не дерзал ни делать, ни допущать, ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания»[184].

В Своде законов (т. XV, ст. 903) также содержалось запрещение «чинить пристрастные допросы, истязания и жестокости», но не устанавливалось наказание за подобное превышение власти. Впервые оно появляется в Уложении о наказаниях.

Среди различных случаев превышения власти в Уложении особо выделены те, которые сопровождаются посягательством на телесную неприкосновенность частных лиц. Деяния, предусмотренные как первой, так и второй частью ст. 374, в отличие от ст. 375, не требуют дополнительной квалификации по совокупности со статьями главы о преступлениях против здоровья частных лиц.

В Уложении отсутствовало определение понятия *истязание*, но на основании неоднократных разъяснений Сената[185] можно установить, что истязанием признавалось нанесение телесных повреждений неоднократно и в течение более или менее продолжительного времени либо же сопровождавшееся проявлением особой жестокости. При этом «мучения и жестокость должны представлять высшую и более продолжительную степень страдания, нежели при обыкновенном насилии и побоях, хотя бы и тяжких»[186]. Истязание, таким образом, считалось категорией юридической, а не медицинской. Установление в действиях подсудимого признаков истязания было задачей суда, а не судебно-медицинской экспертизы. Наиболее распространенной формой истязания являлось сечение жертвы розгами или кнутом.

По ст. 374 должны были квалифицироваться и насильственные действия должностных лиц, выразившиеся в причинении потерпевшему тяжких побоев, если они не сопровождались нанесением ран или увечьем[187].

С субъективной стороны данное преступление характеризуется умыслом, направленным и на нарушение своих должностных обязанностей, и на посягательство на телесную неприкосновенность личности. Для квалификации действий виновного цель преступления (корысть или ложно понимаемые интересы службы) значения не имеет. Более того, как разъяснил Сенат, это преступление в отличие от того, которое определено в ст. 375, не могло быть оправдано состоянием крайней необходимости, потому «что никакая необходимость не может вызвать совершения таких насильственных действий, которые имеют характер произвольной, караемой законом, жестокости или мучения»[188].

Статья 375

Нанесение ран или иных телесных повреждений, в том числе таких, которые повлекли смерть потерпевшего, квалифицировалось по совокупности ст. 375 и соответствующих статей главы III раздела десятого Уложения. Определение *явной необходи-*

183 ПСЗ, т. XVI, № 11 759.

184 ПСЗ, т. XXVI № 20 022.

185 УКДС, 1870, № 1413; 1871, № 491; 1875, № 606; 1876, № 25 и др.

186 УКДС, 1870, № 1413; 1872, № 491; 1883, № 25.

187 УКДС, 1899, № 17.

188 УКДС, 1891, № 14.

мости отсутствовало как в законодательстве, так и в разъяснениях Сената. Примером применения данной статьи на практике может служить казус, рассмотренный В. И. Лениным в работе «Случайные заметки», — избиение чинами полиции крестьянина Т. В. Воздухова, в результате которого он на другой день умер в больнице. Подсудимые полицейские обвинялись по ст. 346 и ч. 2 ст. 1490 Уложения о наказаниях 1885 года (соответственно ст. 375 и ч. 2 ст. 1961 в Уложении 1845 года). «Первая из этих статей гласит, что чиновник, причинивший раны или увечье при отправлении своей должности, подлежит высшей мере наказания, «за сие преступление определенного». А ст. 1490-я ч. 2-ая определяет за истязание, когда последствием его была смерть, каторгу от 8 до 10 лет. Вместо *высшей меры* суд сословных представителей и коронных судей *понижает* наказание *на две степени* (6 степень: каторга 8—10 лет; 7 степень — от 4 до 6 лет), т. е. устанавливает максимальное понижение, допустимое законом в случае смягчающих вину обстоятельств, и кроме того назначает *низшую* меру наказания в этой низшей степени. Одним словом, — заключает В. И. Ленин, — суд сделал все, что только мог, для смягчения участи подсудимых, и даже больше, чем мог, так как закон о «высшей мере наказания» был обойден»[189]. И далее — вывод: «Нельзя не отметить прехарактерной тенденции суда коронных судей и сословных представителей: когда они судят чинов полиции, они готовы оказывать им всякое снисхождение; когда они судят за проступки против полиции, они проявляют, как известно, непреклонную суровость»[190].

189 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 403.

190 Там же.

Статья 376

Нанесение оскорбления должностным лицом при исполнении служебных обязанностей признавалось тяжким видом оскорбления еще в Манифесте о поединках (1785)[191]. Впоследствии оно было отмечено еще в нескольких законодательных актах, в частности в Положении о биржевых маклерах 1831 года[192], и, наконец, закреплено в Своде законов, откуда и было заимствовано составителями Уложения о наказаниях. Часть вторая этой статьи является новеллой.

191 ПСЗ, т. XXII, № 16 535, ст. ст. 15, 16.

192 ПСЗ 2-е, т. VI, № 4255, § 167.

В отличие от ранее принятых норм и предыдущих статей, ст. 376 не считает данное преступление тягчайшим видом обиды и устанавливает ответственность за него на тех же основаниях, что и для частных лиц. Но, поскольку оскорбление, нанесенное должностным лицом, являлось должностным преступлением, на него распространялся особый порядок судопроизводства[193]. Поэтому дела, возбужденные по ст. 376, не прекращались примирением[194]. Кроме того, взыскание, наложенное за данный проступок на должностное лицо его начальством, не отменяло право потерпевшего привлекать виновного к ответственности по суду на общих основаниях[195]. Наказание за обиды устанавливалось в статьях 309, 310, 312—314, 2009—2024 Уложения о наказаниях, а впоследствии и статьями 131—135 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

193 УКДС, 1866, № 87.

194 УКДС, 1870, № 771.

195 УКДС, 1872, № 376.

К числу действий, *противных правилам пристойности*, преду-

смотренных в ч. 2 ст. 376, наряду с употреблением непристойных слов и выражений, пусть и не содержавших прямого оскорбления, относилось также появление на службе в нетрезвом состоянии[196], отказ секретаря мирового съезда подать руку в знак приветствия мировому судье[197] и др.

Статья 377

О противоправности и недопустимости незаконных арестов говорилось еще в сенатском докладе от 31 июля 1766 г.[198], а затем и в Наказе Екатерины II. Теоретические положения наказа были закреплены в сенатском Указе о порядке производства дел, бывших прежде в ведомстве тайной экспедиции Сената, от 23 апреля 1801 г.[199], нашедшем впоследствии отражение в Своде законов.

Пример преступления, предусмотренного ч. 1 этой статьи, — взятие подозреваемого под стражу судебным следователем без составления постановления об аресте, если у следователя были к этому законные основания. Причем не имело существенного значения место, где содержался арестованный, — это могла быть тюрьма, но могло быть, например, и волостное правление[200]. По второй части этой статьи квалифицировались арест должностным лицом, которое не имело к этому никаких оснований, и арест должностным лицом, которое вообще не имело права на взятие кого-либо под стражу.

С субъективной стороны незаконный арест характеризовался только прямым умыслом и не мог быть оправдан незнанием, непониманием либо произвольным толкованием закона. Цели и мотивы преступления (корыстные или неправильно понимаемые интересы службы) для квалификации значения не имели[201]. Часть 2 статьи не применялась, в соответствии со ст. 105 Уложения, только если деяние было совершено в результате случайной ошибки или обмана по факту преступления.

196 УКДС пригов., 1883, № 129.

197 УКДС, 1888, № 19.

198 ПСЗ, т. XVII, № 12 710.

199 ПСЗ, т. XXVI, № 19 847.

200 УКДС, 1871, № 752.

201 УКДС пригов., 1892, № 22.

Статья 378

Ответственность чиновников за незаконный обыск была установлена еще указом 19 июля 1774 г. о запрещении производства алкогольных напитков и носила ярко выраженный сословный характер. Должностные лица, проводившие незаконный обыск, «хотя за крестьянский дом и ничего не ответствуют, но дворянским принуждены будут платить следуемое им по закону бесчестие без суда»[202]. Еще строже наказывался незаконный обыск уставами о соли и о вине 1781 года. Судьи, которые «осмотр чинили, буде ясных доказательств и свидетельств не имели», обязаны были заплатить за бесчестье потерпевшему независимо от его сословной принадлежности[203]. Аналогичные нормы вошли в Свод законов.

202 ПСЗ, т. XIX, № 14 172, ст. 13.

203 ПСЗ, т. XXI, № 15 174, ст. 88; № 15 231, ст. 111.

Статья 379

Свод законов, как и предшествующее законодательство, не устанавливал ответственности должностных лиц за распечатание корреспонденции. Уложение о наказаниях вводит ее впервые.

Наряду с общей ответственностью должностных лиц по данной статье, почтовые служащие несли наказание по ст. 1530 за распечатание писем *хотя бы из одного только любопытства*. Досмотр почтовой корреспонденции, согласно положениям почтового устава, разрешался только по требованию судебных органов; кроме того, полиция имела право на вскрытие писем и иных бумаг лиц, состоящих под ее гласным надзором. Широко развита была и негласная перлюстрация писем органами политической полиции.

Глава третья
Статьи 380—381

С субъективной стороны эти преступления характеризуются неосторожностью в форме небрежности или самонадеянности. Не влекли ответственности случаи похищения денег или иного имущества из специальных хранилищ или иных помещений, если должностное лицо не предполагало и не могло предполагать возможности хищения. Особые случаи ответственности за небрежное хранение вверенного имущества предусматривались и другими статьями Уложения. Так, почтовые чиновники за утрату по неосторожности пакетов с деньгами наказывались не по ст. 380, а по ст. 1529[204]. Отдельными статьями определялась ответственность за небрежное хранение имущества приказчиками, хранение имущества, спасенного от кораблекрушения, и т. д. Характерно, что в Своде законов статья, в которой бы устанавливалось наказание за небрежное хранение, вообще отсутствовала. Статья 316 Свода законов уголовных (в редакции 1842 года), предусматривавшая ответственность за эти действия, содержала в себе только ссылку на особые уставы, включенные в Свод, которыми следовало руководствоваться для назначения наказания.

204 УКДС, 1873, № 676.

Статья 382

В отличие от предыдущих статей, ст. 382 предполагает только умышленное преступление. Ни в Своде законов, ни в более раннем законодательстве не содержалось аналогичных норм. Наказание за истребление чужого имущества было установлено в Уложении довольно суровое. Максимальное наказание — 20 лет каторжных работ в рудниках.

Статья 383

Ответственность за присвоение и растрату вверенного имущества была установлена в Воинских артикулах Петра I (арт. 193, 194). Независимо от субъекта преступления и причиненного ущерба виновные подвергались смертной казни за единственным исключением, предусмотренным в арт. 65: офицер за присвоение излишнего жалования или провианта подлежал, *яко вор*, либо смертной казни, либо ссылке на галеры. Те же наказания определяла за это преступление ст. 130 книги V Морского устава. Наказания чиновникам были заметно мяг-

че. Так, инструкция земским комиссарам 1719 года предписывала им «не дерзать ничего из наличных денег никакими мерами тратить» под угрозой «двойного штрафа и фискального за то взыскания»[205]. Аналогичная ответственность устанавливалась инструкцией для земских казначеев[206].

Во второй половине XVIII века отмечается тенденция к облегчению наказания, но вместе с тем само понятие растраты и присвоения расширяется и уточняется. Так, Правила провиантского правления 1758 года относили к числу наказуемых деяний не только растрату казенных денег на собственные нужды, но и предоставление их кому-либо взаймы. За нарушение этой нормы виновные обязаны были «издержанное вдвое возвратить», кроме того, на них налагался штраф в размере месячного жалования[207]. Аналогичное правило было установлено в Регламенте об управлении адмиралтейств и флотов 1765 года[208]. В сенатском указе от 27 октября 1772 г. губернаторам предписывалось в случае обнаружения недостачи, независимо от намерений виновного и суммы ущерба, «воевод, их товарищей и секретарей тотчас отрешая от должности... казенные деньги взыскивать по указам без малейшего промедления»[209]. В сенатском указе от 29 июля 1774 г. приводился приговор Сената с резолюцией Екатерины II о наказании члена Главного магистрата, асессора В. Шишкова за растрату и присвоение казенных денег. Сенат, основываясь на Воинских артикулах и Морском уставе, приговорил его к смертной казни. Но императрица заменила наказание ссылкой в Сибирь[210]. В уставах о соли и о вине присвоение казенного имущества именовалось «вящим воровством» и «изменой личной», но о мере наказания за это преступление ничего не говорилось.

В 1799 году было установлено различие в наказаниях за воровство в зависимости от вида посягательства. Тягчайшее наказание — каторжные работы — определялось только за грабеж. Суды, и в том числе Сенат, а впоследствии и Государственный совет, основываясь на этом указе и на уставах о соли и о вине, стали толковать закон в том смысле, что присвоение и растрата не только соли и вина, но и любого другого имущества не являются грабежом и потому наказание за него должно назначаться как за простое воровство (лишение чинов и дворянства и разжалование в солдаты либо ссылка в Сибирь на поселение). Это правило закрепило Полевое уголовное уложение для Большой действующей армии 1812 года: в § 54 главы VI этого уложения предусматривалось за растрату армейских сумм разжалование в солдаты сроком на 10 лет[211]. В начале николаевского царствования Сенат было решил ужесточить карательную практику, приговаривая осужденных не только к ссылке, но и к каторжным работам. Это вызвало протест со стороны Государственного совета, который, ссылаясь на вышеназванные акты и судебную практику первой четверти XIX века, полагал, что «по точной силе законов, ныне существующих... нельзя похищения казенной собственности считать преступлением, смертной казни или каторге подлежащим»[212]. Бо-

205 ПСЗ, т. V, № 3295.

206 ПСЗ, т. V, № 3304.

207 ПСЗ, т. XV, № 10 778.

208 ПСЗ, т. XVII, № 12 459.

209 ПСЗ, т. XIX, № 13 896.

210 ПСЗ, т. XIX, № 14 171.

211 ПСЗ, т. XXXII, № 24 975.

212 ПСЗ 2-е, т. III, № 2420.

лее того, по предложению Государственного совета, утвержденному императором 31 октября 1828 г., на расхитителей было распространено действие Манифеста об амнистии 1826 года.

В 1831 году разъяснениями по отдельным делам этого рода, принятыми Государственным советом и утвержденными царем, было установлено расхитителей казенной собственности, имевших офицерские ранги и дворянское достоинство, как попадающих под действие Манифеста об амнистии не лишать чинов и дворянства и освобождать от ареста и суда, «но как людей, оглашенных в пороках и в службе нетерпимых, впредь в оную не определять и к выборам дворянским не допускать, не ослабляя при том строгого взыскания с них похищенной казенной собственности»[213].

213 ПСЗ 2-е. т. VI, № 4254.

В Своде законов устанавливалась ответственность как за пользование казенным имуществом, так и за похищение казенных денег и вещей (в том числе и в форме растраты и присвоения). Наказание за хищение устанавливалось такое же, как за кражу, с отсылкой к разделу десятому, главе третьей. За первое преступление (пользование казенным имуществом) виновный отрешался от должности и «сверх того подлежал наказанию по мере злоупотребления». В любом случае ущерб подлежал возмещению в двойном размере.

С объективной стороны преступление, предусмотренное настоящей статьей, заключалось либо в самовольном обращении в собственность вверенного имущества (присвоение), либо в самовольном издержании или отчуждении такого имущества (растрата)[214]. Вверенным имуществом считалось такое имущество, в отношении которого данному должностному лицу были предоставлены определенные полномочия, связанные с его хранением, пользованием и распоряжением, и возложена материальная ответственность за его сохранность.

214 ОС. 1900, № 16.

Присвоение и растрата считались совершенными не с того момента, когда имущество было вверено, а лишь когда оно было растрачено или, «не будучи употреблено по назначению, удержано самовольно в свою пользу»[215]. Квалификация преступных действий должностного лица не зависела от того, кому принадлежало растраченное имущество — государству или частному лицу, если оно находилось в его распоряжении в связи с занимаемой им должностью.

215 УКДС, 1873, № 370; 1875, № 1613; 1876, № 38.

Субъектом данного преступления, как указано в статье, могли быть не только чиновники, но и другие служащие, в том числе курьеры, писари и даже священнослужители, к которым имущество поступило от начальства в качестве разового поручения, даже если само поручение было сделано с превышением власти[216].

216 УКДС, 1882, № 50.

С субъективной стороны для этого преступления характерно непременное наличие умысла. Причем, как разъяснял Сенат, ст. 383 могла применяться независимо от того, какими мотивами руководствовался виновный[217]. Следовательно, корысть не считалась обязательным признаком растраты или присвоения.

217 УКДС, 1875, № 29.

Частные лица, будучи пособниками или укрывателями должностной растраты, несли ответственность за соучастие в простой растрате — по ст. 2192 комментируемого Уложения[218].

Наказание за растрату и присвоение устанавливалось сравнительно легкое (максимум — ссылка в Томскую или Тобольскую губернии), в то время как за похищение из церкви даже несвященных предметов виновный подвергался каторжным работам от 4 до 6 лет. Характерно, что наказание за растрату зависело не от размера причиненного ущерба, а от времени его возмещения и обнаружения. В соответствии с разъяснением Сената, часть 1 статьи могла применяться лишь при условии возврата всей истраченной суммы, частичное покрытие растраты на квалификацию преступления не влияло[219]. Для применения части 2 также требовалось возвратить всю сумму до вынесения приговора[220]. Моментом открытия злоупотребления считалось не возбуждение уголовного дела, а момент обнаружения недостачи, например ревизия или явка с повинной.

218 УКДС, 1884, № 13.

219 УКДС, 1869, № 603.

220 УКДС, 1869, № 560; 1872, № 1183.

Статья 384

Статья предусматривает ответственность за частный случай растраты или присвоения. Отменена за ненадобностью в 1884 году[221].

221 ПСЗ 3-е, т. VI, № 2322.

Статья 385

Статья предусматривает ответственность за противозаконное промедление в отсылке таких вверенных по службе денег или иного имущества, которые подлежали приему, хранению и расходованию в указанном законом порядке, например должны были записываться в приходно-расходную книгу, при условии, что это входило в служебные обязанности виновного лица[222]. Если же деньги были не только несвоевременно оприходованы или отправлены, но и получены незаконно, то такие действия подлежали квалификации по статьям о превышении власти[223].

Срок промедления в оформлении полученных или отправленных денег не являлся существенным признаком преступления, но должен был учитываться судом[224].

Преступление, предусмотренное данной статьей, всегда умышленное. Те же действия, совершенные по неосторожности, подлежали наказанию по ст. 503. Но мотивы преступления значения не имели.

222 УКДС, 1886, № 5.

223 УКДС пригов., 1874, № 63.

224 УКДС, 1871, № 391.

Статья 386

Норма является новой. В отличие от предусмотренного в ст. 383, это преступление — неосторожное. Должностное лицо несло ответственность за недостачу вверенных ему ценностей, если оно могло и должно было предвидеть возможность хищения или иное причинение ущерба казенному имуществу. Только случай (казус) или предусмотренная законом естественная убыль освобождала от всякого взыскания.

Статья 387

Впервые ответственность за неправильные записи в приходно-расходных книгах была установлена еще в Регламенте об управлении адмиралтейством 1722 года[225], а позже распространена на другие сферы управления Правилами провиантского правления 1758 года. Нарушения в записях по этим правилам карались вычетом полугодового жалования, если были совершены по лености и без умысла. «Когда же оное с умыслом учинено будет, и сверх того в черных книгах некоторые расходы без расписок найдутся, или хотя и расписки будут, да сомнительны: оных судить военным судом и поступать с ними по воинским артикулам»[226]. Наказание предусматривалось также за вырезание из этих книг листов, за неуказанные в книгах расходы и фальшивые расписки. Помимо возмещения двойной суммы причиненного ущерба, виновные подвергались уголовным наказаниям по Воинскому артикулу. Правило о двойном возмещении ущерба сохранилось и в Своде законов, который, кроме того, установил уголовное наказание — ссылку в Сибирь.

225 ПСЗ, т. VI, № 3937, гл. XIV, п. 9.

226 ПСЗ, т. XV, № 10 778.

По существу, преступление, предусмотренное данной статьей, — разновидность растраты или присвоения. Сенат усматривал разницу между ними только в том, что в настоящей статье речь шла не о присвоении вверенного должностному лицу имущества, а о незаконном и тайном похищении тех ценностей, которые лишь могли поступить в число вверенных его хранению[227]. С субъективной стороны это преступление всегда умышленное. За те же действия, совершенные по небрежности или нерадению, наказание назначалось по ст. 386 либо ст. 503.

227 УКДС, 1898, № 11.

Статья 388

Служебная растрата или присвоение и побег или подлог документов с целью сокрытия причиненного ущерба хотя и тесно связаны, но представляют собой два различных преступления[228]. Поэтому в подобных случаях действия виновного квалифицировались по совокупности преступлений. Согласно толкованию Сената, к числу подложных документов, упоминаемых в данной статье, относились расписки, квитанции и т. п. акты, подтверждающие использование вверенного имущества. За подделку же приходно-расходных книг виновный подлежал ответственности по ст. 391 — за подлог[229].

228 УКДС, 1882, № 50.

229 УКДС, 1882, № 50.

Следует заметить, что наказание за побег, связанный с растратой, объясняется не только сравнительной распространенностью этого деяния, но и отсутствием в Уложении общего наказания за побег подследственного. Даже побег арестанта, находящегося под следствием, не являлся преступлением, караемым уголовным наказанием. По Уставу о содержании под стражей, беглец в случае поимки подвергался лишь более строгой мере пресечения. Поэтому в данном случае не имело значения, идет ли речь о побеге до возбуждения уголовного дела или после этого.

Статья 389

Норма данной статьи была одним из отступлений от общего правила о возмещении причиненного ущерба — она распространяла ответственность не только на виновного, но и на его начальника или на общество, избравшее его на должность. Таким образом, будучи законом специальным, статья не подлежала расширительному толкованию и могла применяться только при осуждении должностных лиц за растрату или присвоение, но не за небрежное хранение вверенного имущества[230].

Под *непосредственным надзором* здесь следовало понимать надзор непосредственного начальника виновного, но не прокурорский надзор. Начальник нес материальную ответственность за действия подчиненного лишь в случае недостаточного за ним надзора, если таковой возлагался на него законом или основанным на законе распоряжением. В отличие от начальников, общества, избравшие виновных на соответствующую должность, обязаны были возместить ущерб в любом случае[231].

Глава четвертая
Статья 390

Под подлогом в теории русского уголовного права понималось «заведомо ложное удостоверение какого-либо юридического действия, отношения или права посредством фальшивого документа»[232]. Кроме этого, так называемого материального, подлога русские юристы выделяли еще и подлог интеллектуальный, т. е. «сокрытие фактов в официальной бумаге, долженствующей служить удостоверением действительности сих фактов»[233]. Уложение подразделяет интеллектуальный подлог на общий, упомянутый в ст. 391, и особенный — выдача заведомо ложных свидетельств (ст. 392) и заведомо лживое изложение законов и других правовых актов (ст. 390).

Русское законодательство давно знакомо с этим преступлением. Еще в Соборном уложении 1649 года ст. 2 главы четвертой гласила: «Будет кто учнет какие письма воровством наряжати и приказные письма переправляти мимо государева указа, и того казнити смертию»[234]. Не менее строгое наказание было установлено Петром I в Генеральном регламенте коллегиям 1720 года тем, «кто под каким-нибудь предлогом неправдиво учинит рапорт (или доношение) ... или кто протоколы или другие документы переправит фальшиво и прочее в таких причинах подобное учинит»[235]. В дальнейшем, в XVIII — первой половине XIX века, имела место тенденция к облегчению наказания за подлог. В ряде сенатских указов 40—80-х годов XVIII века по конкретным делам о подлогах чиновников, опубликованных в Полном собрании законов, мы встречаем новые наказания: шельмование, исключение из службы, разжалование в солдаты, ссылка в Сибирь, каторга. Но ни в одном из них смертная казнь уже не присутствует[236].

Свод законов установил ответственность уже не только за

230 ОС, 1900, № 16.

231 См.: Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 99.

232 Там же.

233 Там же.

234 Российское законодательство X — XX веков, т. 3, с. 91.

235 ПСЗ, т. VI, № 3534.

236 ПСЗ, т. XII, № 9388; т. XVII, № 12 714; т. XIX, № 14 033; т. XXI, № 15 336.

подчистки и исправления, но и за хищение документов и искажения в отчетности. В качестве меры наказания как за материальный, так и за интеллектуальный подлог использовались ссылка и разжалование в солдаты.

Статья 390, по сути, дублирует нормы ст. ст. 319—322 раздела IV Уложения, лишь устанавливая повышенную ответственность за такие преступления для должностных лиц.

Статья 391

Сенат полагал, что данная статья включает в свой состав деяния трех видов: 1) такие, уголовный характер которых не зависел от целей и мотивов субъекта преступления; 2) такие, которые приобретали свойства должностного подлога только при условии противоправных намерений субъекта; 3) такие, которые признавались преступлением подлога только при наличии корыстных или иных личных побуждений виновного[237]. К первой группе Сенат относил те случаи, когда должностное лицо подделывало подписи, свидетельские показания, составляло фальшивые акты или оформляло их задним числом, включало в них вымышленные обстоятельства или заведомо ложные сведения, выдавало мнимую копию с несуществующего акта или неверную копию с подлинного акта, подделывало акты, отданные ему на сохранение. Вторую группу составляли действия, связанные с заведомым искажением фактов или их сокрытием в докладах, рапортах, протоколах, журналах и других официальных документах, а также подчистки и исправления в таких актах, носящие злонамеренный характер. К третьей группе принадлежали нарушения правил делопроизводства и оформления официальных актов.

237 УКДС, 1887, № 32.

В случаях, когда должностное лицо по небрежности или самонадеянности включало те или иные неверные сведения в доклады, рапорты и прочие служебные документы, оно несло ответственность по ст. 448 Уложения. Не подлежали наказанию по статьям о подлоге подчистки и переправки в официальных документах в тех случаях, когда не были установлены противоправные намерения виновного. Нарушения правил оформления официальных документов, если они не были совершены из корыстных или иных личных побуждений, подлежали наказанию по ст. ст. 441—442 или по статьям о нарушениях особо предусмотренных специальных обязанностей.

В соответствии с разъяснениями Сената, хотя в настоящей статье говорится о похищении документов, под ее действие подпадали только те случаи, когда хищение было направлено на достижение цели подлога, а не те, когда оно совершалось с целью присвоения похищенных документов. В последнем случае виновный нес наказание по ст. 330 Уложения[238]. По данной статье могло быть квалифицировано лишь хищение документов, вверенных виновному в подлоге должностному лицу[239]. Вместе с тем не требовалось, чтобы должностное лицо совер-

238 УКДС, 1893, № 48.

239 ОС, 1900, № 18.

шило подлог лишь в пределах его прямых служебных обязанностей. Статья применялась и в случае превышения виновным пределов предоставленной ему власти.

Частное лицо, замешанное в служебном подлоге, привлекалось к ответственности, только если в его действиях был состав общего, а не должностного преступления, т. е. по ст. ст. 2202—2209 Уложения.

Должностной подлог считался совершенным с момента внесения виновным в документ заведомо ложных данных независимо от того, сумел он воспользоваться этим документом или нет[240].

240 УКДС, 1904, № 7.

Статья 392

Статьей предусмотрено наказание за выдачу подложного свидетельства, не предоставляющего непосредственно каких-либо имущественных и иных личных благ или прав, а подлежащего представлению в государственные или общественные учреждения, которые после проверки и оценки этого свидетельства могут оказать помощь или предоставить льготы его обладателю[241].

241 УКДС, 1891, № 31.

Статья 393

Данная норма была впервые установлена Уложением о наказаниях 1845 года и отменена в 1889 году[242].

242 ПСЗ 3-е, т. IV, № 5730.

Глава пятая
Статья 394

Неправосудие — первое из должностных преступлений, возникшее в русском праве. Ответственность за него устанавливалась еще судебниками. Большое внимание уделило ему Соборное уложение 1649 года. Там же, в ст. 1 главы X, мы находим определение понятия неправосудия: «...судом судити и росправа делати по государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавливати, ни убавливати, и ни в чем другу не дружити, недруги не мстити и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящего от руки неправеднаго»[243]. В статьях 5 и 6 той же главы предусмотрено наказание за умышленное неправосудие (лишение чести для думных чинов и торговая казнь и отрешение от службы для остальных), а в ст. 10 — за неосторожное неправосудие («что государь укажет»). Специальным указом от 5 февраля 1724 г. Петр I усилил наказание за неправосудие, установив смертную или политическую казнь с конфискацией имущества[244].

243 Российское законодательство X — XX веков, т. 3, с. 102.

244 ПСЗ, т. VII, № 4460.

Наряду с ужесточением наказания законодатель в борьбе с неправосудием стремился использовать и страстные призывы о необходимости строго придерживаться рамок закона. Вот почему в XVIII веке нередки указы в подтверждение ранее принятых законов, например от 8 декабря 1733 г. «О подтверждении, чтобы чиновники высших и низших судебных и присут-

ственных мест поступали, при отправлении должности своей, по Генеральному регламенту и дополнительным к оному указам»[245], от 24 апреля 1738 г. «О подтверждении обер-секретарям и секретарям, чтобы должность свою в точности исправляли по прежним указам»[246]. Наиболее выразительным примером в этом отношении может служить манифест от 23 октября 1740 г., в котором торжественно провозглашалось: «... все те прежние, в народе опубликованные указы и манифесты о правосудии чрез сие наикрепчайше подтверждаем и всемилостивейше повелеваем иметь суд повсюду равный и правый без богоненавистного лицемерия и злобы и противных истине проклятых корыстий, несмотря на лицо сильных и избавляя обидимых от рук неправды»[247].

245 ПСЗ, т. IX, № 6514.

246 ПСЗ, т. X, № 7567.

247 ПСЗ, т. XI, № 8262.

Свод законов установил за умышленное неправосудие лишение всех прав состояния и отдачу в солдаты, либо ссылку, либо каторгу. Причем специально оговаривалось, что мотивы преступления значения не имеют. Неосторожное неправосудие влекло наказание только по делам межевым.

Объектом неправосудия являлись, с одной стороны, правомерная деятельность судебных органов, а с другой — права физических и юридических лиц. С объективной стороны преступление неправосудия состояло в неправильном, незаконном разрешении гражданского или уголовного дела, в нарушении норм материального или процессуального права. В то же время не признавалось неправосудием и не могло быть квалифицировано по настоящей статье нарушение процессуальных норм в ходе судебного разбирательства, если был вынесен справедливый приговор. Сенат обращал внимание, что «самое преступление это может быть учинено только в главнейший момент отправления правосудия, а именно: в постановке решения и приговоров»[248]. Той же точки зрения придерживалась и наука уголовного права. Н. А. Неклюдов, в частности, утверждал, что если нет ущерба от неправосудия, то нет и преступления. В качестве примера он приводил «заведомо неправосудный отказ судьею, решающим дело, в допросе свидетелей обвиняемого, если приговор судьи был все-таки оправдательный»[249].

248 УКДС, 1874, № 72.

249 Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 95.

Теория уголовного права выделяла два вида неправосудия — фактическое и юридическое. Первое состояло в признании или непризнании событий и фактов, т. е. вопросов, решавшихся судьями по внутреннему убеждению. Признаки второго — юридического — неправосудия, как отмечал Сенат, «определить возможно и они ясно выражены в ст. 366 (ст. 394 в редакции Уложения 1845 года) Уложения, признающей несправедливым то решение, которое поставлено в явное нарушение закона и положительного его смысла. Что же касается до обязанности судьи, при исполнении которой закон предоставляет ему руководствоваться убеждением совести, то определить нарушение оной фактическими признаками не представляется никакой возможности, так как убеждение судьи никакому контролю подлежать не может и допустить проверку это-

го убеждения в уголовном порядке значило бы сделать невозможным исполнение судебных обязанностей. Поэтому закон не может преследовать судью, если решение его явно не противоречит положительному смыслу закона, и если судья, постановивший такое решение, действовал не по убеждению совести, а из корыстной цели, то он может подлежать преследованию как лихоимец, а не за неправосудие»[250].

Неоднозначно в теории и практике решался вопрос о субъекте неправосудия. Так, Н. А. Неклюдов не сомневался, что в данной статье он должен пониматься в широком смысле: «Слово «кто», несомненно, удостоверяет, что виновником может быть не только судья, но и всякое должностное лицо, коему вверено решение данного дела (казенные административные управления, полиция и т. п.)»[251]. Для Сената же, напротив, «не подлежит сомнению, что ... по смыслу всех статей главы V неправосудие составляет преступление, свойственное лишь должностным лицам, имеющим собственно судебную власть в строгом смысле этого выражения»[252].

В связи с вопросом о субъекте неправосудия встал вопрос об ответственности за него присяжных заседателей. В теории уголовного права была высказана мысль, что содержание данной статьи предполагает возможность применения ее и к присяжным заседателям[253]. Но сомнение вызывало то, что присяжные выносили вердикт по внутреннему убеждению, а в статье, в соответствии с вышеприведенным разъяснением Сената, говорилось о фактических признаках лишь юридического неправосудия. Кроме того, вердикт еще не приговор, в отличие от приговора вердикт не подписывался присяжными, и официально не было и не должно было быть известно, кто из присяжных голосовал «за», а кто «против».

В XIX веке в судебной практике не встречалось дел о привлечении присяжных заседателей к ответственности за неправосудие. Редакционная комиссия по составлению Уголовного уложения, решая этот вопрос, пришла к выводу, что возбуждение уголовных дел о неправосудии присяжных заседателей было бы крайне затруднительно, так как исследование подобного преступления связано с обнаружением тайны совещаний присяжных заседателей, нарушение коей подорвало бы незыблемость приговоров и доверие к суду присяжных. Поэтому комиссия сочла возможным ограничить ответственность присяжных заседателей случаями взяточничества. Мнение комиссии не разделяли ее председатель Э. В. Фриш и министр юстиции Н. В. Муравьев. В представлении Особому совещанию при Государственном совете они настаивали на том, что по буквальному смыслу проектируемой статьи (ст. 548) под нее должны быть подводимы и случаи неправосудия присяжных заседателей и что трудность доказать какое-либо деяние не дает права оставить его безнаказанным. Доводы в пользу этой точки зрения нашли поддержку Особого совещания, и в Уголовном уложении присяжные заседатели оказались в числе субъектов неправосудия[254].

250 УКДС, 1874, № 72.

251 Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 95.

252 УКДС, 1874, № 72.

253 См.: Лохвицкий А. Указ. соч., с. 422; Неклюдов Н. А. Указ. соч., с. 95.

254 Проект Уголовного уложения Редакционной комиссии и объяснения к нему, т. VIII. СПб., 1897, с. 259.

По тому же пути пошла в XX веке и судебная практика в применении комментируемой статьи (ст. 366 в редакции Уложения 1885 года). В 1911 году Общее собрание Сената пришло к выводу, что все постановления действующего Уложения о наказаниях относительно неправосудия судей в обширном смысле слова должны быть распространяемы и на присяжных заседателей, когда они, «забыв веление совести, свою обязанность судить по точному разуму законов и в пределах, сими законами им предоставленных, введут произвол в свое решение и неправильно воспользуются предоставленною им для сего властью, и не только по какому-либо корыстному, или по какому-либо личному побуждению, но и по неправильному толкованию законом определенных им прав»[255]. Это решение Сената противоречило его же предыдущим разъяснениям не только по вопросу о субъекте, но и о субъективной стороне данного преступления. В решениях 1874 и 1903 годов отмечалось, что неправосудие должно характеризоваться не только умыслом, но и корыстными или иными личными видами[256].

255 ОС, 1911, № 10.

256 УКДС, 1874, № 72; ОС, 1911, № 10.

Статьи 395—396

Эти нормы — новые для уголовного закона. Они предусматривали некоторые особые случаи неправосудия, прямо нарушавшие порядок назначения наказания, определенный в главе II раздела I Уложения.

В объяснениях Редакционной комиссии к проекту Уголовного уложения отмечалось, что «с неправосудием в роде наказания не следует смешивать злоупотребление при выборе того или другого наказания из числа определенных в законе за данные преступления»[257]. Другими словами, комиссия предполагала, что суд обладает бесконтрольным правом на признание смягчающих вину обстоятельств и в связи с этим — на выбор между несколькими наказаниями, установленными за преступление. «Конечно, — говорилось в объяснениях, — судья может злоупотребить этим правом, руководствуясь при выборе наказания не интересами правосудия, а побуждениями, не совместимыми с долгом службы, но подобное злоупотребление не поддается регламентации закона»[258]. Но поскольку, по Уложению, суду запрещалось назначать максимальную меру наказания при наличии смягчающих обстоятельств или при объявлении преступника заслуживающим снисхождения, то злоумышленное нарушение этой нормы должно было рассматриваться как неправосудие и влечь ответственность по ст. 395.

257 Проект Уголовного уложения, с. 294.

258 Там же.

В силу того, что в данных статьях речь шла только об окончательных приговорах, они не могли применяться в отношении судей, приговоры которых подлежали обжалованию. По Своду законов, обжалованию подлежали приговоры лишь по тем уголовным делам, которые могли возбуждаться только по жалобам потерпевших. По Уставу уголовного судопроизводства, окончательные приговоры выносили: мировые судьи — по делам, когда наказание не могло превысить трех дней ареста,

съезд мировых судей — на остальные приговоры мировой юстиции, окружной суд с присяжными заседателями, судебные палаты. Приговоры мировых судей и окружных судов без присяжных заседателей становились окончательными, если не обжаловались в установленный срок.

Статьи 397—398

Обе статьи предусматривают наказание за неумышленное неправосудие, которое явилось результатом судебной ошибки или неправильного толкования закона. Таким образом, от предыдущих статей этой главы они отличаются по субъективной стороне, а между собой — по объективной стороне преступления. Статья 398 является общей, а ст. 397 определяет наказание только за наиболее тяжкий вид неумышленного неправосудия — вынесение окончательного приговора при условии, что мера наказания, назначенная судом, не соответствует точному смыслу закона. В соответствии с разъяснением Сената, для применения ст. 397 необходимо, чтобы приговор вступил в законную силу[259], в противном случае должна была применяться ст. 398.

259 ОС, 1887, № 6.

Статья 399

Статья специально перечисляет тех лиц, помимо судей, которые могли привлекаться к ответственности за неправосудие, причем не только в качестве соучастников, но и в качестве единственного субъекта преступления. Норма это новая. До Уложения о наказаниях норм об уголовной ответственности за неправосудие лиц прокурорского надзора не существовало, чего нельзя сказать о секретарях суда и предшествовавших им подъячих и других приказных людях. Секретарь суда не случайно оказался в перечне чиновников, вершащих правосудие. В дореформенном процессе, как гражданском, так и, в особенности, в уголовном, ему отводилась важная роль: он составлял доклад, он должен был заботиться о наличии в приговоре ссылок на ту или иную статью закона, он имел право и даже должен был указать суду на противоправность принимаемых решений и мог свое заявление занести в протокол заседания. Но и после введения судебных уставов секретарь суда мог способствовать, а в некоторых случаях и предопределить несправедливый приговор или решение суда (например, путем уничтожения вещественных доказательств по делу).

Прокурор мог привлекаться к ответственности за неправосудие в случае, когда он умышленно отказывался от протеста на неправосудный приговор или решение либо от поддержания обвинения в судебном заседании без достаточных к тому оснований, если это привело к незаконному оправдательному приговору. Правда, случаев привлечения прокуроров к ответственности по статьям главы V практически не известно.

Перечень данной статьи не был ограничительным, но иные должностные лица судебного ведомства, а также адвокаты ни в

теории, ни в судебной практике в качестве субъектов преступления неправосудия не фигурировали. Преступлениям и проступкам чиновников при производстве предварительного и судебного следствия посвящено отделение первое главы XI Уложения. (О привлечении к ответственности за неправосудие присяжных заседателей см. комментарий к ст. 394.)

Статья 400

Дореформенный суд был лишь отчасти отделен от администрации. Он находился в зависимом от генерал-губернатора и губернатора положении. Начальникам губернии принадлежало право надзора за судебными местами и приостановления исполнения судебных решений, если они признавали такие решения несправедливыми. На утверждение к генерал-губернаторам поступали все приговоры о придании подсудимых смертной казни или о лишении чести.

Хотя данная статья практического значения не имела и носила символический характер, все же знаменательно, что в отличие, скажем, от прокуроров губернаторы несли ответственность только за неосторожное неправосудие, вернее — за бескорыстное неправосудие.

В связи с принятием судебных уставов и отделением суда от администрации губернаторы были лишены судебных функций, и статья была исключена из Уложения о наказаниях 1866 года.

Глава шестая
Статьи 401—402

Оценка взяточничества как вредного, а впоследствии и общественно опасного деяния стала складываться в русском законодательстве еще в период феодальной раздробленности. Так, уже в Новгородской и Псковской судных грамотах запрещалось князю и посаднику принимать «тайные посулы». В период образования русского централизованного государства появляется запрет сулить, просить и принимать посулы (ст. ст. 1, 33, 67 Судебника 1497 года). И хотя уголовное наказание за эти действия установлено не было, но, учитывая, видимо, новизну и значимость этой нормы, Судебник предписывал ее «прокликать по торгам» во всех городах и волостях. Впервые наказание за взятки упоминается в Судебнике 1550 года (ст. ст. 3—5, 8—11, 32, 33, 39, 42, 53, 74). В условиях господства системы кормлений преступлением признавалось главным образом получение «посулов» при отправлении правосудия и взимание «лишка», т. е. превышение норм, установленных для кормленщика центральной властью.

Соборное уложение 1649 года карает взяточничество в основном в области правосудия (гл. X, ст. ст. 5—7; гл. XII, ст. 2). Ему уже известно и посредничество во взятке, пока еще не наказуемое. Связанные со взяточничеством должностной подлог и волокита влекли за собой ответственность, так же как

и незаконное взыскание судебных и иных пошлин. Наказание за взяточничество зависело от социального положения виновного. И если боярин отделывался штрафом, то подъячему грозила торговая казнь, а в случае подлога — отсечение руки.

Термин и понятие «лихоимство» появились в русском законодательстве при Петре I. В. Н. Ширяев полагал, что они были заимствованы из церковно-нравоучительной литературы: «Максим Грек был обличителем «судейского сребролюбия и лихоимства» слуг благоверного царя. Иван IV становится на защиту народа от «неправедного лихоимства и сребролюбия»[260]. Указом от 24 декабря 1714 г. лихоимство объявлялось преступным, независимо от того, повлекло оно за собой иные правонарушения или нет[261]. Лихоимством признавалось получение любого рода посулов (взяток), а также незаконные поборы населения. В указе провозглашалось, что чиновники не должны иметь иного вознаграждения за свой труд, кроме жалования. Указ ужесточил наказание за взятки, вплоть до политической и даже смертной казни. Меры наказания не зависели от должностного положения виновного. Это еще раз было подтверждено в указе от 5 февраля 1724 г.[262] и в Генеральном регламенте коллегий.

Однако взяточников не останавливали суровые наказания. Ряды их даже росли при Петре I, а после его смерти они практически оказались у власти. В 1726 году последовал указ, в соответствии с которым велено было «приказным людям» жалования не давать, «а довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что дает по своей воле»[263]. С этим приказом понятие лихоимства изменилось. Оно стало означать лишь вымогательство «излишних» взяток. Таким образом, самодержавие вновь возвращалось к системе кормления от должности.

Указом от 18 июля 1762 г. Екатерина II установила жалованние всем чиновникам, а взяточникам угрожала смертной казнью. «Тем не менее, — заметил В. Н. Ширяев, — суровые угрозы тяжкими последствиями, по-видимому, оставались только на бумаге, в действительности же участь виновных всегда существенно смягчалась и смертной казни взяточники не подвергались»[264]. Юридическим основанием для смягчения наказания взяточникам служил указ от 22 сентября 1762 г. Он предписывал у лихоимцев «отнять чины и, оставя их без наказания, ни к каким впредь делам не определять, а не из дворян и безчиновных сослать без наказания в дальние места на поселение»[265]. Но ни репрессии Петра I, ни снисходительность Екатерины II не уменьшили лихоимства в России. Александр I в указе от 18 ноября 1802 г. вынужден был констатировать, что «пагубное лихоимство и взятки в империи нашей не токмо существуют, но даже распространяются между теми самыми, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их долженствовали»[266]. Царь поручил Сенату усовершенствовать законы, направленные на борьбу с этим злом, но дальше обсуждения вопроса дело не пошло.

260 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 104.

261 ПСЗ, т. V, № 2871.

262 ПСЗ, т. VII, № 4460.

263 ПСЗ, т. VII, № 4889.

264 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 109.

265 ПСЗ, т. XVI, № 12 781.

266 ПСЗ, т. XXVII, № 20 516.

Законодательство о взяточничестве получило некоторое развитие в Своде законов. Ему посвящена гл. VI раздела V. Здесь под общим понятием лихоимства объединены: 1) незаконные поборы (под видом государственных податей), 2) вымогательство и 3) взятки, под которыми подразумевались «всякого рода подарки, делаемые чиновниками для ослабления силы закона». Наказание за это преступление — либо лишение всех прав состояния и отдача в солдаты, либо ссылка, либо каторга.

Несмотря на то что данная глава названа «О мздоимстве и лихоимстве», определение этих понятий в законе отсутствует. Поэтому приходилось устанавливать их путем толкования. В науке уголовного права и в судебной практике под лихоимством понималось принятие должностным лицом подарка за совершение таких действий или за бездействие, которые являлись нарушением его служебных обязанностей. Если же должностное лицо за взятку совершало действия или бездействовало в пределах круга своих полномочий, то такое преступление считалось мздоимством[267]. Кроме того, термин *лихоимство* использовался и в широком смысле — для обозначения взяточничества в различных его проявлениях, и, напротив, в более узком, чем в ст. 402, смысле — как взимание недолжных налогов или иных сборов с населения, то есть излишка, *лиха*.

В ст. 401 мздоимство предстает в двух видах: в ч. I — как подкуп и в ч. II — как вознаграждение. Последнее ранее в русском уголовном праве не преследовалось. Относительно того, должно ли преследоваться лихоимство в форме вознаграждения, в литературе были высказаны разные мнения. В. Н. Ширяев полагал, что для лихоимства не имело значения не только время получения подарка (что предусмотрено ч. II ст. 405), но и время обещания подарка, так как «лицо, учиняя или допуская что-либо противное обязанностям службы, ожидает, что оно будет вознаграждено так или иначе, лично или посредственно. Такое ожидание награды в будущем, особенно основанное на прошлом опыте, представляет явление заурядное при взяточничестве-вознаграждении»[268]. Другие авторы предлагали, ввиду отсутствия в комментируемой статье прямого указания на взятку-вознаграждение при нарушении служебных обязанностей, подводить такое деяние под ч. II ст. 401[269]. На этом примере хорошо видно, что казуистичность, присущая Уложению о наказаниях, приводила не только к излишним повторам, дублированию и мелочной детализации, но и к существенным пробелам в законе (в данном случае закон, карая лихоимство-подкуп и мздоимство-вознаграждение, оставлял безнаказанным лихоимство-вознаграждение).

Существенным признаком объективной стороны взяточничества в любой его форме являлось совершение только такого действия или бездействие, которое имело прямое отношение к обязанностям должностного лица по службе и которое оно обязано было выполнять безвозмездно в соответствии со своими служебными функциями. На этот факт Сенат обращал вни-

267 УКДС, 1889, № 36.

268 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 432.

269 См., например: Эстрин Я. Взяточничество в доктрине и законодательстве. — Труды кружка уголовного права при С.-Петербургском университете. СПб., 1913, с. 181; Рабинович Н. В. О наказуемости взяточничества и лиходательства. — Право, 1916, № 11, с. 671.

мание судов неоднократно[270], разъясняя, что он не делает никакого различия между тем, имел ли обвиняемый непосредственное влияние на решение того дела, по которому он получил взятку, или мог оказать воздействие на лицо, решающее это дело. Но практика Сената по вопросу, как толковать выражение *действия, касающиеся до его обязанностей по службе*, претерпевала изменения. В 70-е годы дважды Сенат возлагал ответственность на взяточников за совершение действий, не входящих в круг их прямых обязанностей. В 1882 году он встал на более узкую точку зрения, разъяснив, что для состава преступления, предусмотренного ст. ст. 401—402, «существенным признаком является отношение, в котором должностное лицо, получившее в дар деньги или другое имущество, находится к самому служебному действию, за совершение которого оно получило такой дар, или к присутственному месту, где такое должно быть совершено. Следовательно, только то обстоятельство, что принявший дар состоит на государственной службе, само по себе, при отсутствии указанного условия, не имеет еще никакого значения»[271]. В решении Сената 1912 года уточнялось, что взяточничество будет иметь место не только в случае, когда речь идет о действии, определенном служебными обязанностями, но и вообще по делу, производящемуся в том учреждении, где служит виновный, и «относящемуся в большей или меньшей степени непосредственно к его прямым обязанностям»[272]. Принятие должностным лицом денег или подарка за совершение действий, не имеющих отношения к его служебным обязанностям, если в нем отсутствует состав какого-либо другого преступления, например мошенничества, признавалось ненаказуемым[273]. Так, «принятие волостным писарем подарка за содействие отсрочке исполнения приговора волостного суда не составляет должностного преступления, так как на волостного писаря никаких обязанностей по исполнению решений волостного суда законом не возлагается»[274].

С субъективной стороны как мздоимство, так и лихоимство всегда преступления умышленные: виновный сознает, что между подарком и его деяниями по службе существует причинная связь. Если же деньги были получены должностным лицом по ошибке, без какого бы то ни было корыстного умысла, то состав преступления взяточничества отсутствует[275].

Оригинально дополнительное наказание, установленное в статье. Оно не тождественно конфискации имущества или вознаграждению за причиненный ущерб — передаче в приказ общественного призрения подлежало только имущество, полученное в виде взятки, дары виновному, а не их стоимость в денежном выражении или равноценные предметы. Деньги подлежали передаче в размере полученной взяточником суммы. Это имущество не было и штрафом, поэтому к нему не могло применяться правило о замене арестом в случае несостоятельности обвиняемого[276].

270 УКДС, 1869, № 274; 1879, № 314; 1882, № 38; 1889, № 36; 1890, № 30.

271 УКДС, 1882, № 38.

272 ОС, 1912, № 2.

273 УКДС, 1868, № 711; 1867, № 448; 1895, № 36.

274 Тимофеевский В. И., Кузнецов С. П. Систематический сборник решений Правительствующего сената по вопросам ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления должности. СПб., 1896, с. 875.

275 ОС, 1875, № 46.

276 УКДС, 1898, № 14; 1914, № 10.

Статья 403

Статья является новеллой Уложения о наказаниях. Она раздвигает границы состава лихоимства, включая в него даже те случаи, когда взятки, подарка как такового не было или во всяком случае он не доказан, но какое-то третье лицо в результате противоправных действий обвиняемого получает незаконную прибыль. По мнению Редакционной комиссии по составлению Уголовного уложения, в Уложении о наказаниях «не существует более тяжелой статьи для совести судьи и обвинителя», чем эта, поскольку обусловленность учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы *иными противозаконными видами* делало состав деяния совершенно неопределенным. Если руководствоваться этим признаком, то, поскольку всякое умышленное должностное правонарушение всегда обусловлено какими-либо противозаконными видами, под данную статью можно подвести чуть ли не каждый проступок, совершенный должностным лицом. Поэтому, как считала Редакционная комиссия, она применялась крайне редко, была мертвой буквой закона[277]. Правда, имелось специальное решение Сената, в соответствии с которым для применения этой статьи требовалось доказать: «во-первых, что должностным лицом сделано или допущено что-либо противное обязанностям службы, и, во-вторых, что это нарушение было сделано из корыстных или иных личных видов»[278]. Но, как справедливо заметил В. Н. Ширяев, оно «мало способствует уяснению ее смысла и, главное, отграничению области ее применения от других статей»[279].

277 Проект Уголовного уложения, с. 481.

278 УКДС, 1874, № 707.

279 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 440.

Статья 404

В соответствии со ст. 156, на которую дана ссылка в настоящей статье, к взяточничеству, как и любому другому преступлению, применяется правило о совокупности преступлений. Тягчайшему наказанию и в высшей мере виновный должен был быть подвергнут и в том случае, когда наказание за сопутствующее взяточничеству должностное преступление было менее строгим, чем за взятку, но уже по статьям гл. VI.

В соответствии с указом от 3 февраля 1892 г. в текст статьи были внесены изменения: после слов *виновные в сем* следовало *подвергаются ответственности на основании правил о совокупности преступлений*[280].

280 ПСЗ 3-е, т. VII, № 8300.

Статья 405

В данной статье содержится перечень признаков объективной стороны мздоимства и лихоимства. В частности, здесь определен момент совершения этих преступлений — обещание подарка и согласие на его принятие. Таким образом, взяточничество имело формальный состав и не предполагало покушения, за исключением случаев вымогательства.

Статьи 406—407

Согласно толкованию Сената, вымогательством данная статья именует «физическое или нравственное насилие», применяемое должностным лицом с использованием своего служебного положения для незаконного получения денег или иного имущества от потерпевших[281]. В отличие от видов взяточничества, предусмотренных в ст. ст. 401 и 402, при вымогательстве отсутствует добровольное согласие взяткодателя[282]. Под действие данной статьи Сенат подводил и случаи, когда требование денег сопровождалось обманом со стороны должностного лица для получения незаконной прибыли, например если деньги были потребованы под вымышленным предлогом внесения их в казну[283].

По мнению Сената, для применения ст. 407 было «безусловно необходимо, чтобы суд именно признал, что подсудимый под угрозою притеснения или самим притеснением выманил себе подарок»[284].

Под выражением *требование подарков* в ст. 406 должно было подразумеваться только такое воздействие со стороны вымогателя, которое по своему характеру и сопровождавшим его обстоятельствам могло принудить вымогаемого к выдаче имущества из опасения и страха за свое благосостояние. Требование, не имевшее таких признаков, приравнивалось к изъявлению желания, о котором говорилось в п. 3 ст. 405.

Физическое или нравственное насилие должно было применяться непосредственно к лицу, от которого виновный рассчитывал получить взятку. Превышение власти с насилием за взятку не являлось вымогательством и должно было квалифицироваться по совокупности за лихоимство и превышение власти.

281 УКДС, 1871, № 892; 1875, № 496; 1889, № 4.

282 УКДС, 1869, № 449.

283 УКДС, 1874, № 654.

284 УКДС, 1873, № 968.

Статья 408

Данное преступление занимает промежуточное положение между лихоимством и посредничеством во взятке. Субъектами его были только должностные лица сельского самоуправления. Чиновники и другие служащие, получавшие подарки от сельских обществ, привлекались к ответственности на общих основаниях в зависимости от обстоятельств за мздоимство, лихоимство или вымогательство. Незаконные сборы денег субъектами данного преступления на иные, помимо указанных в статье, цели также подлежали наказанию по другим статьям гл. VI.

Статьи 409—413

В статьях устанавливается ответственность взяткодателей и посредников, а также соучастников. В отличие от других статей пятого раздела, здесь в качестве субъектов преступления признаются не только должностные, но и частные лица. Свод законов наряду с должностными лицами признавал соучастниками в лихоимстве и «тех, которые в учинении незаконных поборов и повинностей и принятии взяток им вспомогали», и

«тех, которые ведали, но не известили». В Уложении 1845 года была установлена ответственность и для взяткодателей (ст. ст. 411—413). Однако уже в редакции 1866 года, на основании утвержденного императором мнения Государственного совета от 27 декабря 1865 г., постановления о лиходателях в ст. ст. 411 и 412 были исключены, главным образом, ввиду невозможности изобличить самих взяточников.

В связи с нечеткостью формулировок ст. 409 встал вопрос, можно ли посредников и иных соучастников взяточничества, упомянутых в ней, рассматривать только как должностных лиц или следует ответственность за подобные действия распространить и на частных лиц. Сенат в своих решениях придерживался расширительного толкования[285]. Иной взгляд по поводу субъектов преступления ст. 409 изложен В. Н. Ширяевым. Он считал, что толкование Сената «идет вразрез с установившейся практикой по вопросам об участии частных лиц в должностных преступлениях». Такой подход, по его мнению, свидетельствовал бы о явных противоречиях и несправедливости закона: «лиходатели — инициаторы подкупа остаются безнаказанными, а их помощники — посредники объявляются наказуемыми; следовательно, лицо, вручившее чиновнику взятку от себя лично, не наказуемо, а передавшее ту же взятку за счет другого подлежит ответственности»[286].

Сенат разъяснил, что выражение *хотя и в меньшей степени*, относящееся к наказанию соучастников, не может быть понимаемо буквально, ибо в статье сказано *на основании постановлений ст. 125 сего Уложения*, в которой говорится, что сообщники подлежат наказанию по мере содействия, и обязательное его смягчение на одну степень допускается лишь в случаях, установленных в этой статье[287].

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 410, состояло в присвоении вверенного имущества, предназначавшегося для склонения должностного лица на взяточничество или для вручения его вследствие уже изъявленного на то согласия. Таким образом, виновный мог получить взятку в качестве посредника-подстрекателя или в качестве передатчика. При этом не имело значения, предполагал присвоивший взятку в момент получения передать ее по назначению или же намеревался обмануть взяткодателя[288].

Лиходательство после 1866 года являлось преступным только по ст. 413 и лишь при условиях, в ней упомянутых. Перечень их был исчерпывающим[289].

285 УКДС, 1882, № 14; 1902, № 19 и др.

286 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 445, 446.

287 УКДС, 1902, № 19.

288 УКДС, 1875, № 422.

289 УКДС, 1871, № 570; 1871, № 1525.

Глава седьмая
Статья 414

В соответствии со ст. 404 Устава о службе по определению от правительства, вошедшего в Свод законов, каждый чиновник при вступлении в должность обязан был принести присягу на верность службе. Но за нарушение этого обряда никакой ответственности Свод законов не устанавливал. Впервые она

определяется в данной статье. Пренебрежение порядком принятия присяги составители Уложения отнесли к числу должностных преступлений и проступков, поскольку моментом вступления в должность считалось назначение, а не принесение присяги. Следовательно, деяние, предусмотренное данной статьей, совершалось уже во всяком случае не частным, а должностным лицом. Если же виновный в несвоевременном принятии присяги нарушал в этот период и другие законы, то должен был нести ответственность опять же как должностное лицо.

Статья 415

Свод законов установил правило, согласно которому чиновникам запрещалось прекращать исполнение своих служебных обязанностей до оформления увольнения от должности надлежащим порядком. Поэтому данная статья устанавливает ответственность за самовольное и окончательное оставление своего служебного места. Но ее действие не распространялось на случаи прогулов или опоздания из отпуска, как бы продолжительны они ни были[290].

290
ОС, 1889, № 23.

Статьи 416—418

Статьи посвящены нарушениям порядка оставления должности. Субъектами таких правонарушений могли быть только чиновники, но, вероятно, они несли ответственность по данным статьям и в случае исключения из службы навсегда. Об этом, в частности, свидетельствует ч. II ст. 417. С субъективной стороны эти правонарушения характеризовались как умыслом, так и неосторожностью, цели и мотивы для квалификации значения не имели. *Формальным извещением*, о котором говорится в ст. ст. 417 и 418, считалось сообщение начальства или иной официальный источник. Слухи или чье-либо частное сообщение об увольнении не могли рассматриваться в таком качестве.

Глава восьмая
Статья 419

Перечень лиц, которых запрещалось принимать на государственную службу, содержался в ст. ст. 4, 6—8 Устава о службе по определению от правительства. Свод законов устанавливал ответственность за нарушение только одного из этих запретов (принимать лиц, исключенных из духовного ведомства). Статья расширяет границы ответственности на все случаи нарушения правил приема на службу.

Статья 420

Норма, запрещавшая губернаторам принимать к себе чиновниками по особым поручениям своих родственников в одно присутственное место, была установлена еще Учреждениями для управления губерний и подтверждена в Уставе о службе

по определению от правительства. В соответствии с разъяснением Сената, данная статья не подлежала расширительному толкованию. Любая другая служба родственников, находящихся в непосредственном подчинении, наказанию не подлежала[291]. Часть вторая статьи с изданием судебных уставов 1864 года, сохранив обязательный характер для административных и сословных присутственных мест, утратила всеобщее значение. Общие и мировые суды стали руководствоваться в этом вопросе ст. 148 Учреждения судебных установлений, которая запрещала не совместную службу близких родственников и свойственников в одном и том же учреждении, а только одновременное их присутствие в одном заседании[292].

291 УКДС, 1883, № 25.

292 УКДС, 1883, № 25.

Статьи 421—422

Статьями устанавливаются взыскания за нарушение правил о назначении и увольнении от должности. Субъектами этих правонарушений могли быть только должностные лица, обладавшие правом назначения и увольнения от должности. С субъективной стороны первое из названных правонарушений могло быть только умышленным, второе могло характеризоваться как умыслом, так и неосторожностью.

Статья 422 была практически чуть ли не единственной гарантией для подчиненного от произвола начальника. Ибо, в соответствии с Уставом о службе, для увольнения чиновника в принципе было достаточно убеждения начальства в его неспособности или неблагонадежности. Не требовалось даже никаких доказательств его вины. Единственное «ограничение» состояло в том, что для увольнения за какой-либо должностной проступок необходимо было получить объяснение виновного. Форма таких объяснений (хотя бы — устная или письменная) не устанавливалась.

Глава девятая
Статьи 423—428

В царской России не было специального дисциплинарного устава гражданской службы. Его отсутствие в известной мере была призвана восполнить гл. IX раздела V Уложения.

Вопрос о разграничении должностных преступлений и дисциплинарных проступков серьезно встал лишь в период подготовки проекта Уголовного уложения, поскольку Редакционная комиссия предполагала ограничить его содержание преступными деяниями, влекущими уголовную ответственность. В связи с этим был подготовлен и проект Устава о служебных провинностях, которому так и не суждено было стать законом[293]. Уложение же о наказаниях никакого различия между преступлениями и проступками не проводило.

293 Устав о служебных провинностях. Проект и объяснения Редакционной комиссии. СПб., 1898; см. также: Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 146—160.

В Уставе о службе в числе прочих обязанностей должностных лиц отмечалось уважительное отношение и точное исполнение всех распоряжений начальства. «Всякое неуважение к начальству, изъявленное в делах службы письменно или слове-

сно, взыскивается строго по законам». В соответствии с этими положениями Устава о службе в гл. IX и устанавливались взыскания за дисциплинарные провинности.

По мнению Сената, взыскания, указанные в первом отделении главы IX, должны назначаться только за нарушения порядка подчиненности, совершенные одним должностным лицом в отношении другого, если они находятся в иерархическом подчинении. Следовательно, эти постановления не распространялись на отношения между бывшими начальниками и подчиненными[294]. Но действие ст. ст. 425—427 не ограничивалось отношениями между служащими при исполнении ими должностных обязанностей, а охватывало все возможные оскорбления подчиненным начальника независимо от их причин и мотивов[295]. Начальниками, на основании Устава о службе и по толкованию Сената, признавались «те, поставленные над служащими старшие лица, которым первые обязаны оказывать уважение и от которых обязаны принимать приказания по службе и исполнять их в точности»[296]. Подчиненные несли ответственность по статьям главы IX за неповиновение и оскорбление как непосредственного начальника, так и вышестоящих начальников того же учреждения и ведомства.

В соответствии с толкованием Сената, подчиненными начальника учебного заведения являлись не только служащие, но и учащиеся. Например, нанесение оскорбления студентом ректору университета составляло преступление, предусмотренное ст. 425 или ст. 426[297]. Но под действие этих статей не подводилось оскорбление арестантом начальника тюрьмы[298].

Для законодательства царской России характерно примечание к ст. 425, появившееся в тексте Уложения о наказаниях в связи со ст. ст. 15 и 154 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г.:

«*Примечание.* Определенным в сей и следующих статьях взысканиям и наказаниям подвергаются и временно обязанные крестьяне, виновные в оскорблении помещика, на земле которого водворены, или члена его семейства»[299].

Эта норма, противоречащая здравому смыслу и даже содержанию раздела V Уложения, была тем не менее отменена только в 1912 году. Более того, Сенат неоднократно уточнял ее содержание, подчеркивая, что она распространяется на все виды оскорблений, в том числе на грубое и неприличное обхождение, о котором говорилось в ст. 425[300].

Статьи 429—434

Обилие статей об ответственности начальников за нарушение прав подчиненных не должно создать иллюзию, что они имели сколько-нибудь широкое применение. В кассационной практике Сената за пятьдесят лет не было ни одного дела по статьям второго отделения главы IX раздела V Уложения о наказаниях. Не вызывали они интереса и в уголовно-правовой

294 УКДС, 1886, № 28.

295 ОС, 1869, № 1; УКДС, 1872, № 1121; 1875, № 566.

296 УКДС, 1902, № 8.

297 УКДС, 1882, № 52.

298 УКДС, 1902, № 8.

299 ПСЗ 2-е, т. XXXVI, отд. I, № 36 657.

300 УКДС, 1874, № 316.

науке, так как оставались мертвой буквой закона. Причиной этого была полная беззащитность подчиненного перед начальством, которое могло его уволить даже без указания какого-либо основания. Причем Устав о службе запрещал даже обжалование куда бы то ни было такого увольнения. На фактическое бесправие подчиненных перед начальниками неоднократно обращали внимание русские ученые. Так, В. Гессен писал: «Всякое, хотя бы и незаконное, распоряжение начальства будет пассивно исполнено чиновником, участь которого находится в его руках»[301]. В. Н. Ширяев следующим образом характеризовал положение должностного лица в России в плане ответственности за свою деятельность: «Полная беззащитность от начальственного усмотрения и полная же уверенность в недосягаемости со всякой другой стороны. Какие отсюда вытекают последствия для выработки служилой этики, служилой чести — понятно всякому»[302].

301 Гессен В. Вопросы местного управления. СПб., 1904, с. 23.

302 Ширяев В. Н. Указ. соч., с. 132.

Статьи 435—440

Большая часть этих статей заимствована из Свода законов. Две статьи (436 и 437) — новые, но ни те ни другие, за исключением ст. 438, практического значения не имели. По толкованию Сената, субъектами преступления, предусмотренного ст. 438, являлись не только лица, систематически проводившие ревизии в установленные сроки, но и те служащие, которым проведение ревизии было поручено в качестве разового поручения, если они не приняли мер для устранения обнаруженных во время ревизии нарушений.

Глава десятая
Статьи 441—442

В статьях установлена ответственность за халатность. Но следует иметь в виду, что наказания за эти правонарушения были определены также применительно к отдельным отраслям управления или отдельным категориям должностных лиц и в других статьях Уложения — 438, 439, 456, 472, 494, 495, 1025. Список можно продолжить.

Под *нерадением* здесь следует понимать упущения или ошибки, происходящие от недостатка внимания должностного лица при исполнении обязанностей службы или от небрежности[303]. Причем нерадение не предполагало какого-то ряда упущений и постоянного невнимания к своим обязанностям, достаточно было однократного нарушения служебной дисциплины[304]. Вместе с тем излишние и неуместные действия, не нарушавшие служебных обязанностей должностного лица, не считались нерадением и не могли влечь взыскания по ст. 441[305].

303 УКДС, 1881, № 103.

304 УКДС, 1880, № 97.

305 УКДС, 1878, № 15.

С субъективной стороны данное преступление характеризовалось небрежностью или самонадеянностью, но если какая-либо ошибка в делах или иного рода ущерб произошли в результате несчастного случая либо были вызваны переутомлением

виновного, то они не влекли ответственности по этим статьям[306].

С точки зрения Сената, «важность служебного нерадения обусловливается главным образом свойством тех служебных действий, в которых выразилось нерадение, а не зависит исключительно от его последствий»[307]. Поэтому в его разъяснениях не было даже примерного перечня тех *важных со стороны чиновника упущений*, когда ответственность наступала не по ст. 441, а по ст. 442. Не менее трудно провести разграничение между нерадением и бездействием власти[308]. Но на основании сенатских решений по отдельным делам можно прийти к выводу, что ст. 442 должна была применяться в тех случаях, когда халатность должностного лица приводила к человеческим жертвам, незаконному аресту и другим тяжким последствиям.

306 УКДС, 1881, № 103.

307 ОС, 1907, № 35.

308 См.: Есипов В. В. Указ. соч., с. 7.

Статьи 443—446

Положения данных статей устанавливают ответственность только за прогул без уважительных причин для всех должностных лиц независимо от их служебного положения. Согласно Уставу о службе и толкованию Сената, причинами, которые могли быть приняты в оправдание прогула, являлись: болезнь, арест, препятствия неприятеля, лишение ума, пожар или наводнение, смерть родителей или управляющего имением, другие причины, если их сочтет таковыми начальство. Причем Сенат в 1878 году указал, что если опоздание из отпуска по болезни и не подтверждалось справками, но сомнений не вызывало, то оно не должно было влечь ответственность по ст. 446[309].

309 ОС, 1878, № 27.

Ответственность по данным статьям наступала в тех случаях, когда прогул виновного не мог *вредно отозваться на общем ходе дел ведомства, к коему неявившийся принадлежит*. Если же неявка на службу вела к серьезным упущениям в делах или *видимым беспорядкам*, она квалифицировалась по ст. 442. Поэтому меры взыскания, установленные в статьях 443—445, зависели прежде всего от продолжительности прогула (статьи подразумевают неявку в течение всего рабочего дня, так как взыскания за опоздание или самовольный уход со службы определялись в ст. 447).

В 1887 году Уложение о наказаниях было дополнено ст. 414[1] (в редакции Уложения 1845 года это была бы ст. 445[1]):

Присяжный заседатель, не явившийся в суд по вызову в третий раз и не представивший законных причин неявки, подвергается за сие: денежному взысканию от 10 до 200 рублей и, сверх того, лишению права участвовать в выборах и быть избираемым на должности, требующие общественного доверия[310].

310 ПСЗ 3-е, т. II, № 4396.

Этому наказанию присяжный заседатель подвергался только после того, как за неявку в первый и во второй раз на него

были наложены взыскания в соответствии со ст. 651 Устава уголовного судопроизводства. Время объявления взысканий значения не имело: они могли быть объявлены в течение одной сессии или трех разных[311].

Статья 447

Пожалуй, данную статью можно назвать апогеем казуистичности в Уложении о наказаниях. Она содержит перечень нарушений служебной дисциплины из десяти пунктов. Но почему не 20, не 100? Объяснить трудно. Отчасти это результат того, что составители Уложения о наказаниях в своей работе заботились не только о кодификации, но и об инкорпорации законодательства.

311 ОС, 1890, № 27.

Статья 448

Статья предусматривает только случаи сообщения недостоверной информации в рапортах и донесениях и не подлежит расширительному толкованию. В частности, она не распространяется на судебные ошибки и сообщение непроверенных сведений в отчетах или справках[312]. Сенат отмечал, что участие частных лиц в этом служебном правонарушении «немыслимо»[313].

312 ОС, 1870, № 13; УКДС, 1891, № 18; 1890, № 4.

313 УКДС, 1892, № 43.

Статьи 449—452

Эта группа статей устанавливает ответственность за разглашение служебной тайны. Статья 450 предусматривает наказание не за клевету с использованием своего служебного положения, а проступок, состоящий в нарушении служебной тайны, последствием чего стала компрометация потерпевшего[314]. Деяние, предусмотренное ст. 451, применительно к гражданским делам после введения судебных уставов 1864 года потеряло всякий преступный характер, так как уставы предусматривали гласность гражданского судопроизводства, и в частности обязанность сообщать противной стороне о всех документах, представленных другой стороной.

314 УКДС, 1871, № 846.

Статья 452 установила ответственность за злонамеренное разглашение материалов суда и следствия *обвиненному в преступлении*, т. е., по толкованию Сената, обвиняемому[315]. Наказание по данной статье не зависело от того, сумел воспользоваться полученными сведениями обвиняемый или нет.

315 УКДС, 1895, № 5.

Статьи 453—455

Секретность той или иной бумаги по Своду законов и Уложению о наказаниях определялась только надписью «секретно», которую следовало учинить на самой бумаге и на конверте. Таким образом, секретность устанавливалась целиком по усмотрению должностных лиц, готовивших и подписывавших документы. Лишь в XX веке, и то только в военном ведомстве, этот порядок был изменен. Положением о письмоводстве и делопроизводстве 1911 года устанавливался особый порядок

секретной переписки, к которой относились: 1) все бумаги, ведомости и пр., касающиеся мобилизации, и 2) бумаги, секретность которых устанавливалась подписывающим их лицом. Подобная переписка могла вестись и по телеграфу. В таком случае секретными признавались все шифрованные телеграммы[316]. По истечении определенного срока хранения либо по распоряжению начальства секретность тех или иных документов могла быть аннулирована.

В связи с совершенствованием законодательства об охране государственной тайны ее намеренное открытие иностранному правительству стало квалифицироваться только как государственное преступление. Было уточнено в законе и само понятие государственной тайны, характеристика объективной и субъективной стороны этого преступления:

«Должностное лицо, допустившее, вследствие небрежности или неисполнения установленных правил, похищение, уничтожение или утрату: 1) долженствующих сохраняться в тайне документа или предмета, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны; 2) плана, чертежа, рисунка либо иного изображения или описания российского укрепленного места, установленных района либо эспланады оного, военного судна либо иного сооружения, предназначенного для военной обороны страны, или документа, касающегося мобилизации и вообще распоряжений на случай войны, — приговаривается: к заключению в крепости на время от двух лет и восьми месяцев до четырех лет, или от одного года и четырех месяцев до двух лет и восьми месяцев, с лишением некоторых, на основании ст. 50, особенных прав и преимуществ.

Тому же наказанию подвергается и должностное лицо, обнаружившее по неосторожности означенную в первой части сей статьи государственную тайну»[317].

316 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н. С. Таганцевым. Пг., 1915, с. 525.

317 Уложение о наказаниях, с. 525—526.

Глава одиннадцатая

Почти все преступления и проступки, предусмотренные в настоящей главе, являются разновидностью тех, которые в более общем виде сформулированы или могли быть сформулированы в предыдущих главах раздела. Характерно, что санкции 38 из 77 статей главы отсылают к общим наказаниям за взятки, подлоги и т. д.

На этот недостаток Уложения обращали внимание еще русские дореволюционные юристы. Так, А. Лохвицкий писал: «Эти постановления (главы XI. — *Авт.*) не заключают в себе ничего замечательного ни в теоретическом, ни в практическом отношениях. Большую часть из них составляют нарушения неважные разных форм, наказуемые дисциплинарными взысканиями; другие составляют общие преступления, изложенные в разных частях Уложения, как-то: подлог, вымогательство, обиду, противозаконное лишение свободы, мошенничество. Так, например, 436 статья (А. Лохвицкий приводит нумерацию

статей в редакции Уложения 1866 года. — *Авт.*) говорит, что землемеры наказываются за требование подарков, на основании 347 и 378 статей, как за вымогательство, в чем не было сомнений и без этой статьи»[318].

318 Лохвицкий А. Указ. соч., с. 438—439.

Статьи 456—464

Статьи устанавливают ответственность за правонарушения чиновников судебного ведомства по некоторым категориям дел. В соответствии со Сводом законов, а впоследствии — с Учреждением судебных установлений, должностные лица судебного ведомства привлекались к ответственности или в порядке дисциплинарного производства, или по приговорам уголовного суда. Правила дисциплинарного производства излагались в разделе VIII Учреждения судебных установлений. Особый порядок судопроизводства по уголовным делам должностных лиц судебного ведомства был определен в разделе III книги III Устава уголовного судопроизводства.

Субъектами преступлений и проступков, предусмотренных данными статьями, являлись главным образом судебные следователи, но в тех случаях, когда предварительное следствие производилось иными должностными лицами, например по делам о государственных преступлениях — членами судебной палаты, они также могли привлекаться к ответственности по этим статьям. По толкованию высшего дисциплинарного присутствия Сената, действие данных статей распространялось не только на должностных лиц, проводивших предварительное следствие, но и на собственно судебное следствие, на действия судей в процессе его производства. Так, по ст. 456 были квалифицированы проступки председателя и членов окружного суда: они вынесли обвинительный приговор сознавшемуся подсудимому без судебного следствия, вопреки требованию прокурора, чем нарушили ст. 682 Устава уголовного судопроизводства.

Статьи 465—474

Наличие в главе XI отделения, посвященного проступкам и преступлениям должностных лиц межевой части, не случайно. В царской России, где основным богатством и средством производства была земля, чиновники-землемеры играли значительную роль. Она не ограничивалась измерениями с помощью веревки и сажени. Чиновники межевых дел являлись, по сути, судьями по делам о земельной собственности, особенно во второй половине XVIII — первой половине XIX века, когда в России проводилось генеральное межевание, состоявшее в систематическом хозяйственно-географическом описании в межевых книгах и планах всей территории страны, установлении и юридическом оформлении границ всех земельных владений. В 30—50-х годах XIX века проводилось также размежевание совместных владений — так называемое полюбовное межевание. Эпизодически совершалось так называемое коштное меже-

вание, проводившееся по желанию помещиков и за их счет уездными землемерами. Межевым делом в стране руководила межевая экспедиция, а затем межевой департамент Сената. В Москве межевыми делами ведала межевая канцелярия, созданная еще в 1765 году. В губерниях создавались межевые конторы и комиссии, которые руководили «землемерными партиями». Эти партии возглавляли землемеры, для производства генерального размежевания им придавались даже военно-рабочие роты[319].

Законодательство о межевании было кодифицировано в Своде межевых законов, составившем вторую часть тома X Свода законов Российской империи. Но наряду с ним существовало еще немало законов и инструкций по разным вопросам межевания и устройства межевой части[320]. Взыскания за нарушение некоторых важнейших положений этого сравнительно обширного законодательства и составили основу второго отделения главы XI.

Статьи 475—488

Статьи посвящены преступлениям и проступкам чиновников полиции. Роль, которую играла полиция в царской России, хорошо известна. Она была раскрыта В. И. Лениным, который неоднократно подчеркивал, что «царское самодержавие есть самодержавие полиции»[321], что «царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции»[322]. Положением полиции в государственном аппарате, в политической системе общества определялись и принципы привлечения к ответственности ее сотрудников. В. И. Ленин указывал, что в России господствовало «полицейское бесчинство, от которого почти совершенно беззащитны те, кто имеет несчастье попадать в полицейские лапы (а несчастье это случается регулярно и постоянно с сотнями тысяч «простого» народа), — но суд думает только о применении статьи такой-то, а вовсе не об этой беззащитности»[323]. И это несмотря на обилие законов, скорее даже благодаря такому обилию, когда на все есть закон. Казалось бы, о каком самовластии или тем более зверствах полиции в царской России могла идти речь, если по ст. 482 насилие в отношении содержавшихся под стражей было запрещено под угрозой отрешения от должности даже для предупреждения побегов, а по ст. 478 такое же наказание грозило полицейскому за непредставление начальству бумаг, поданных арестантом. Но, как известно, ни обилие, ни строгость законов не являются гарантией законности. Доказательство тому — статьи Уложения, посвященные ответственности полицейских чиновников.

Внимания ученых-криминалистов комментируемые статьи не привлекали, кассационная практика по ним минимальна. Лишь в связи с подготовкой Уголовного уложения внимание Редакционной комиссии привлекла ст. 475 (в Уложении о наказаниях 1885 года — ст. 446). Она заинтересовала комиссию в связи

319 См.: Герман И. Е. История русского межевания. М., 1914, с. 228—237.

320 См. подробнее: Рудин С. Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг., 1915.

321 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

322 Там же.

323 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 415.

с проблемой разграничения общего и служебного попустительства. В рассуждениях комиссии отмечалось, что нельзя противопоставлять попустительство по умыслу попустительству по нерадению, что имело место в ст. 475. «Неосторожного попустительства, подобно тому как и соучастия, нет и быть не может, ибо что-нибудь одно: или подсудимый сознавал, что наступил момент исполнения его обязанностей, или он не сознавал этого, хотя бы и по недостатку внимания к делу службы. В первом случае он может и должен нести ответственность как попуститель, в последнем — он может быть точно так же привлечен к ответственности, но не за попустительство по нерадению, а за то, что, зазевавшись или заболтавшись с другими, не видел, благодаря этому, совершающегося на его глазах преступления, то есть за нерадивое отношение к своим обязанностям»[324].

324 Проект Уголовного уложения, с. 189—191.

В третьем отделении главы XI несколько особняком стоят статьи 486—487, которые предусматривают ответственность за смягчение или, наоборот, усиление наказания вопреки приговору суда. Они свидетельствуют о зависимости исполнения судебного приговора от усмотрения полицейского чиновника. В наибольшей мере это относилось к телесным наказаниям.

Статьи 489—498

Стачка — *зд.* сговор

Статьи устанавливают ответственность за преступления и проступки чиновников крепостных дел и нотариусов. Чиновники крепостных дел (крепостные надсмотрщики и писцы) выполняли функции, которые после судебной реформы 1864 года полностью перешли к нотариусам. В связи с этим ст. 489 в 1867 году была дополнена примечанием, которое относилось и к другим статьям четвертого отделения и говорило об упразднении этих должностей и возложении их обязанностей на нотариусов или замещающих их лиц.

Эти статьи были направлены главным образом на борьбу с подлогами при заключении гражданско-правовых сделок, в них конкретизировались некоторые варианты подлогов и наказания за них и устанавливались взыскания за некоторые неумышленные действия противоправного характера.

Особый, так называемый крепостной, порядок оформления сделок и других актов был установлен еще Петром I, и с изменениями он просуществовал до судебной реформы 1864 года. Крепостные отделения состояли при палатах гражданского суда и при уездных судах. Порядок прохождения дела был таков: сначала акт вносился в докладную книгу, затем в таком виде он обсуждался присутствием соответствующего суда и после его одобрения возвращался к надсмотрщику, который записывал его дословно в крепостную книгу. По Своду законов, крепостной порядок регистрации актов был обязательным только для сделок об отчуждении недвижимой собственности и крепостных крестьян. По другим делам акты могли быть за-

свидетельствованы также и «публичными нотариусами» или биржевыми нотариусами и маклерами[325].

В связи с судебной реформой 14 апреля 1864 г. было принято Положение о нотариальной части. В соответствии с ним «крепостные отделения» были ликвидированы, а роль нотариата возросла. Функции нотариуса сводились к следующему: 1) юридическое оформление актов. Оно состояло в проверке личности и правоспособности субъекта, желающего зарегистрировать акт, в установлении законности акта, которое, по толкованию Сената, не должно было ограничиваться только внешними признаками, но состоять и в анализе внутреннего смысла сделки[326]. Нотариус должен был убедиться, что она не направлена в обход закона и что контрагенты заключают ее по доброй воле; 2) выдача копий с актов; 3) засвидетельствование верности копий с документов, подписей и т. п.; 4) принятие документов на хранение. При совершении должностных действий нотариус взимал, кроме казенных (гербовых и крепостных) пошлин и городских сборов, плату за свой труд по установленной законом таксе.

325 См. подробнее: Ляпидевский Н. История нотариата, т. 2. М., 1876.

326 УКДС, 1887, № 27.

Статьи 499—513

Статьи предусматривают ответственность казначеев и других чиновников не за хищение казенной собственности или ее небрежное хранение, результатом которого явилась ее гибель или утрата, а за проступки, связанные с нарушением правил счетоводства и хранения денежных и иных ценностей. За преступления подлога и присвоения или растраты казенного имущества, в соответствии со ст. ст. 510, 511 и 513, казначеи и другие должностные лица с аналогичной компетенцией несли ответственность на общих основаниях по статьям главы III и главы IV раздела пятого.

Казначеями здесь (и вообще в законодательстве) именуются руководители губернского или уездного казначейства, подчиняющиеся казенной палате. Кроме того, до 1863 года свои казначейства имели все министерства. Функции казначейств состояли в сборе средств общих и сословных организаций, продаже гербовой бумаги, марок и т. п. Казначейства не имели права расходовать хранившиеся у них средства и выдавали деньги только по требованию казенных палат или других распорядителей кредитов.

Статьи 514—533

Отсутствие в названии шестого отделения главы XI, в отличие от пяти предыдущих, слова *преступление* может создать впечатление, что в последних статьях раздела о должностных преступлениях и проступках были установлены взыскания за наиболее невинные прегрешения чиновников. В действительности все обстояло иначе — за скромными формулировками этих статей нередко скрывались многотысячные и даже многомиллионные мошенничества и хищения государственного имуще-

ства. Тесная связь продажного русского бюрократа и буржуазии, их взаимозависимость и взаимопомощь наглядно проявлялись в делах о казенных подрядах. Неоднократно, характеризуя классовую сущность самодержавия, В. И. Ленин обращался к примерам из деятельности «виртуозов казнокрадства». Продавались русские чиновники не только своим доморощенным капиталистам, но завоевали на этом поприще международную известность. В статье «Французско-русские обычаи «подмазывать»!» В. И. Ленин приводил пример «сотрудничества» французского фабриканта и русского высокопоставленного чиновника из министерства, который за посредничество при получении заказа на поставку локомотивов получил два процента от покупной суммы — около 25 тыс. рублей. «И в Европе повсюду проделываются такие вещи, но нигде не проделываются они так бесстыдно, как в России, нигде нет такой «политической безопасности» (безопасность от обнаружения) для продажности, как в самодержавной России»[327], — отмечал В. И. Ленин.

327 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 33.

Что же касается названия шестого отделения, то оно не совсем точно отражает содержание статей, которые предусматривают наказания и за подлоги, и за взятки, и за вымогательство при заключении подрядов и выполнении других служебных действий. Но большое число статей, предусматривающих самые разные преступления и проступки от наиболее тяжких до сравнительно безобидных, не способствовало укреплению начал законности в деятельности чиновников, связанных с подрядами и поставками. Здесь действовал общий принцип привлечения к уголовной ответственности вообще, и в особенности за должностные преступления: «Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на житье в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги (банковые воры в Западной Сибири) и откуда легко удрать и за границу (жандармский полковник Меранвиль де сен-Клэр)»[328].

328 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 403.

Субъектами правонарушений, предусмотренных настоящими статьями, могли быть только должностные лица, «служащие в тех местах, где происходят торги и совершаются обязательства по предприятиям казны, или же принимающие, по обязанностям их должности, участие в заключении этих обязательств и в делах тех мест, где они совершаются»[329].

329 УКДС, 1878, № 16.

БИБЛИОГРАФИЯ

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч., т. 1.

Ленин В. И. Случайные заметки. — Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Каторжные правила и каторжный приговор. — Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. — Полн. собр. соч., т. 7.

Ленин В. И. Французско-русские обычаи «подмазывать»! — Полн. собр. соч., т. 10.

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1845.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анашкин Г. З. Смертная казнь в капиталистических государствах. М., 1971.

Андреева М. В. О некоторых кодификационных проектах начала XIX века. — Вестник ЛГУ, серия «Экономика, философия, право», вып. 2, 1982, № 11.

Балыбин А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России 1861—1881 гг. — Правоведение, 1977, № 3.

Бернер А., Неклюдов Н. Учебник уголовного права. СПб., 1865.

Бонч-Бруевич В. Д. О религии, религиозном сектантстве и церкви. — Избр. соч., т. 1. М., 1959.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 1—5. М., 1960—1963.

Гернет М. Н. Смертная казнь в России. М., 1913.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1881.

Евстихеев И. И. Ответственность должностных лиц. М., 1917.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

Есипов В. В. Уголовное право. Преступления против государства и общества. СПб., 1902.

Калягин В. А. Политические взгляды Сперанского. Саратов, 1973.

Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.

Кодан С. В. Лишение прав состояния в системе карательных мер самодержавия (конец XVIII — первая половина XIX века). — В кн.: Правовые проблемы истории государственных учреждений. Свердловск, 1983.

Кодан С. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. — В кн.: Источниковедение истории государства и права до-

революционной России. Иркутск, 1983.

Кони А. Ф. Должностные преступления и суд присяжных заседателей. — Вестник права, 1916, № 49.

Коркунов Н. М. Русское государственное право, т. II. СПб., 1892.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII — XIX ст.). СПб., 1909.

Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.

Максимов С. Сибирь и каторга. СПб., 1891.

Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1907.

Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979.

Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., 1887.

Оршанский И. Г. Русское законодательство об евреях. СПб., 1877.

Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.

Сергеевский Н. Д. Уголовное право. Общая часть. СПб., 1910.

Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961.

Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863.

Струмилин С. Г. Бог и свобода. М., 1961.

Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. I — IV. СПб., 1887—1892.

Тарновский Е. Н. Религиозные преступления в России. — Вестник права, 1899, № 4.

Троцкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 годы. М., 1978.

Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913.

Шаргородский М. Д. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1957.

Шебанов А. Ф. Полное собрание законов Российской империи (из истории систематизации законодательства в России). — Труды ВЮЗИ, т. XIV. М., 1970.

Ширяев В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.

Эстрин Я. Взяточничество в доктрине и законодательстве. — Труды кружка уголовного права при С.-Петербургском университете. СПб., 1913.

Юшков С. В. История государства и права СССР. Часть I. М., 1961.

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОС — Решения общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
Свод — Свод законов Российской империи
УКДС — Решения уголовного кассационного департамента Сената

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

П

Р

С

Т

У

Ф

СОДЕРЖАНИЕ

Российское законодательство X — XX веков.
Р 76 Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. — М.: Юрид. лит., 1988. — 432 с.
ISBN 5—7260—0154—0 [Т. 6]
ISBN 5—7260—0009—9

Том содержит законодательство периода разложения феодально-крепостнического строя, характеризующее попытки царизма спасти абсолютистские порядки. Это законодательство о крестьянах, о государственном механизме и крупнейший уголовный закон — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Для научных работников, студентов, аспирантов, преподавателей юридических и исторических вузов, всех, кто интересуется историей.

Р $\frac{1203010000\text{-}009}{012(01)\text{-}88}$ **подписное** 67.3

«Российское законодательство X—XX веков». В девяти томах т. 6
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Редактор
Н. В. Струнникова
Художник
В. И. Примаков
Художественный редактор
Э. П. Батаева
Технический редактор
О. П. Соловова
Корректор
А. В. Ванькова
Оператор
Р. В. Голосная

ИБ № 1612

Сдано в набор 15.06.87.
Подписано в печать 16.08.88.
Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1
Гарнитура академическая.
Печать офсетная.
Объем: усл.печ.л.27;
усл.кр.-отт.90,5;
учет.-изд.л. 31,61.
Тираж 25 420 экз. Заказ № 4443.
Цена 5 руб.
Программное обеспечение
для верстки издания разработано
С. С. Ксенофонтовой
Издание подготовлено к печати
на ЭВМ и фотонаборном
оборудовании в ордена
«Знак Почета» издательстве
«Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.
Московская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21.

